www.devec.ru

Развитие и экономика

сентябрь 2013

Россия –
не «плавильный
котел»,
а генератор
смыслов

миллениум банк зао

Приближаем к цели.

www.kbmil.ru

СОДЕРЖАНИЕ

сентябрь 2013 | №7

редакционная колонка

4 Д.А. Андреев
Россия и мир: точки соприкосновения и потенциал развития

саммит G20

8 А.Г. Рар
Россия ставит на G20

12 В.В. Трухачёв
G20: а те ли туда входят?

18 В.В. Панова
Председательство России в «двадцатке»: ожидания и перспективы

политика развития

28 А.А. Громыко
Малая Европа – Россия – США: стратегии геополитического выживания

32 М.В. Демурин
Вперед, к Данилевскому и Страхову! Об основополагающем изъяне современной внешней политики России

42 А.В. Фоменко
Русский взгляд на Поднебесную

54 В.И. Немыченков
Далеко на Востоке. Российско-японские отношения в прошлом и настоящем

74 А.А. Нагорный
«России надо маневрировать между Соединенными Штатами и Китаем, но при этом держаться ближе к последнему»
Интервью заместителя главного редактора газеты «Завтра» и исполнительного секретаря Изборского клуба альманаху «Развитие и экономика»

Развитие и экономика

Научный и общественно-политический альманах

Учредители:
М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин

Издатель: М.Ю. Байдаков

Главный редактор: **Сергей Белкин**
Первый заместитель главного редактора: **Дмитрий Андреев**
Заместитель главного редактора: **Вадим Прозоров**
Арт-директор: **Олег Фирсов**
Секретарь редакции: **Екатерина Певзнер**

Адрес:
129010, г. Москва, Протопоповский переулок, дом 19, стр. 10.
Тел.: +7 (495) 788-98-68
Факс : +7 (495) 788-98-69
www.devec.ru
info@devec.ru

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-44936 от 4 мая 2011 г.

ISSN 2304-3962

Печать: «Немецкая фабрика печати»
Тираж: 2500 экз.
Дата выхода в свет: 2 сентября 2013

© М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин
Перепечатка материалов возможна только с разрешения редакции.
При использовании материалов альманаха «Развитие и экономика» в любой форме ссылка на альманах «Развитие и экономика» обязательна.

Распространяется почтовой рассылкой по собственной базе данных, а также на форумах, конференциях, круглых столах и т.п. Заявку на включение в список рассылки направлять в редакцию. Оформить заявку можно на сайте www.devec.ru

Партнер: Международный общественный форум «Диалог цивилизаций»

теория развития

82 М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин
Россия в міре и мир в России

92 А.А. Акаев
Экономика XXI века – это нооэкономика, или экономика справедливости и разума

102 С.Г. Кара-Мурза
Наука как корень России

112 А.И. Неклесса
Геоэкономическая формула мироустройства

124 С.Н. Белкин
Как формируются цели и ценности

128 Н.П. Шмелёв
«Я не верю в развал ни Евросоюза, ни еврозоны»
Интервью академика РАН, директора Института Европы РАН альманаху «Развитие и экономика»

планета развития

134 Чэнь Цзявэй
Тайваньская идентичность: локальная, национальная, глобальная?

142 А.А. Храмчихин
Война в Сирии: действующие и потенциальные участники, сценарии и прогнозы

156 Маджид бен Абдель Азиз ат-Турки
Аравийский полуостров и зона Персидского залива: центры силы и конфликтные очаги – актуальная повестка дня

162 А.П. Люсый
Оборона, девственность, революция. «Турецкая весна» для глобального среднего класса

170 С.В. Лурье
Сирия, Китай, Корея… далее – везде. Интересы России и Америки не противоречат друг другу, но Россия полезна миру только как самостоятельный полюс силы

184 Джованни Савино
Итальянская политика между экономическим кризисом и социальной нестабильностью

культура и развитие

188 А.С. Соколов
«Развитие общества всегда соотносилось с развитием музыкального мира и языка»
Интервью ректора Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского альманаху «Развитие и экономика»

annotated table of contents

204 **Аннотированное оглавление на английском языке**

анонс

208 **Итоги и перспективы**

Дмитрий Александрович Андреев –
первый заместитель главного редактора
альманаха «Развитие и экономика»

Россия и мир:
точки соприкосновения и потенциал развития

Настоящий номер альманаха посвящен международной тематике – во многом из-за того, что выходит накануне саммита «Большой двадцатки» в Санкт-Петербурге. Вместе с тем мы уже давно предполагали подготовить выпуск, материалы которого были бы объединены общей темой «Россия в мире» и затрагивали бы наиболее значимые и актуальные для нашей страны международные проблемы. Так что в данном случае редакционные планы просто удачно совпали с этим событием мирового масштаба, что, безусловно, окажется лишь на пользу нашему изданию. По традиции представлю следующие далее публикации.

Александр Глебович Рар считает складывающуюся международную конъюнктуру благоприятной для России. И не только потому что наша страна в этом году председательствует в «двадцатке», которая, кстати, по утверждению автора, безальтернативна «в качестве неофициального мирового правительства». Эксперт подводит читателей к мысли, что уже сам факт образования G20 оказывается на руку Москве. В настоящее время, считает он, разворачивается конкуренция за модель нового миропорядка между «западной концепцией глобализма» и проектом, предлагаемым Россией, а также странами БРИКС. И российский проект оказывается более гибким, не отягощенным стереотипами XX века. Любопытен и содержащийся в материале прогноз, что конфликты в будущем станут происходить «не по параллелям, а по меридианам». И вследствие этого опять-таки именно наша страна оказывается более мобильной в выстраивании новых альянсов, которые усиливают многополярость.

Вадим Вадимович Трухачёв своей статьей отвечает на вопрос, который задают очень многие после образования «Большой двадцатки»: кто еще мог бы войти в этот или подобный клуб, но по каким-то причинам оказался обойденным. Автор оценивает «весовые категории» стран в разных частях света, сопоставляет их с аналогичными показателями членов G20 и по ходу изложения очерчивает возможные конфигурации подобных «двадцатке» региональных международных образований. Любопытна приводимая в материале подборка критических суждений о «двадцатке» как официальных лиц, так и лидеров общественного мнения. Обращает на себя внимание и предлагаемая экспертом инициатива, которая могла бы быть предложена Россией как председательницей G20 и явиться ответом на недовольство стран, не представленных в этом клубе. В результате, как считает автор, выиграла бы как «двадцатка», так и выступившая с подобной инициативой Россия.

Разумеется, в номере, тематика которого приурочена к саммиту «двадцатки», должна быть статья о новом клубе ведущих держав и успешно развивающихся стран. Об этом материал Виктории Владимировны Пановой. В нем рассматривается предыстория клуба, проводится его соотнесение с «семеркой»/«восьмеркой». Автор объясняет, чем было обусловлено именно такое число участников нового международного образования, и прослеживает основные вехи его существования. Особое внимание уделяется механизмам функционирования «двадцатки», повесткам ее последних саммитов, а также тем приоритетам, которые стоят перед Россией как страной-председательницей. Эксперт приводит собственный прогноз о вероятном будущем G20, которое сегодня трудно предугадать. Структура, созданная для преодоления кризиса, может оказаться ненужной после его завершения. Но вместе с тем многие из ее участников вряд ли захотят терять обретенный статус, считает исследовательница.

Исходной посылкой статьи Алексея Анатольевича Громыко является констатация неустойчивости нынешней Малой Европы – Евросоюза. Отталкиваясь от этой посылки, автор рассматривает разные комбинации интеграции Малой Европы в те или иные новые геополитические объединения, однако все они содержат в себе больше минусов, нежели плюсов – прежде всего для самого Евросоюза. Модель, которая представляется исследователю оптимальной, – это треугольник, вершинами которого являются Малая Европа, Россия и США. Но эксперт вынужден признать, что оптимальность такого треугольника умозрительная. К тому, чтобы стать одной из его вершин, прежде всего не готовы Соединенные Штаты, отягощенные комплексом монополярности. Определенное умаление своего веса, несомненно, усмотрит в такой конструкции и Евросоюз. Между тем несоответствие модели нынешним настроениям внутри Запада вовсе не исключает того, что она окажется крайне востребованной в будущем.

Критический разбор действующей Концепции внешней политики России представлен в статье Михаила Васильевича Демурина. Главный упрек автора, профессионального дипломата, к этому документу – это его беззубость, невнятность в тех вопросах, в которых должна быть абсолютная ясность и четкость, – вопросах приоритетного обеспечения собственных национальных интересов. Эксперт принципиально не согласен с имеющимся в Концепции утверждением о недопустимости «реидеологизации» международных отношений – хотя бы уже потому, что вся внешнеполитическая практика великих держав по-прежнему диктуется их национальными интересами и обеспечивающими эти интересы идеологическими системами. В качестве примера должного восприятия национальных интересов нашей страны в мире и их обоснования автор приводит высказывания русских мыслителей XIX века Данилевского и Страхова.

В статье Александра Владимировича Фоменко о современном Китае говорится не только и даже не столько о его фантастических успехах, сколько о подоплеке многих из них, а также о проблемах, с которыми сталкивается этот гигант в последнее время. В частности, автор вспоминает факты из истории «особых отношений» Вашингтона и Пекина с начала прошлого века. Естественно, важная страница «особых отношений» – это Генри Киссинджер и различные военно-технические проекты, осуществлявшиеся Китаем с помощью США и Израиля. Основной проблемой сегодняшнего Китая автор считает замедление темпов роста экономики после начала кризиса, что для «разогнавшейся» державы может иметь серьезные деструктивные последствия, способные спровоцировать ее на неадекватные внешнеполитические демарши. На таком фоне, по мнению эксперта, России следует и дальше налаживать со своим восточным соседом стратегическое – но при этом аккуратное и взвешенное – взаимодействие.

Большой материал Владимира Ивановича Немыченкова посвящен непростой истории взаимоотношений России и Японии. Эта история прослеживается начиная с самых первых контактов наших стран и вплоть до сегодняшнего дня. Автор подробно рассказывает об истоках территориальных претензий Японии к России, убедительно доказывает их неправомерность с точки зрения действующего международного права. Значительное внимание в статье уделяется вынашиваемым японской стороной планам по возврату «северных территорий» под юрисдикцию Токио. Эксперт систематизирует предпринятые властями Японии шаги в этом направлении, среди которых массированная обработка как японского, так и российского общественного мнения, различные гуманитарные акции. В публикации допускается возможность и попытки Японии вернуть «северные территории» силой и оцениваются наши возможности отражения подобной агрессии.

О новом витке конкуренции ведущих мировых держав рассказывает в интервью Александр Алексеевич Нагорный. Заместитель главного редактора газеты «Завтра» обращает внимание не только на такие сферы глобального противостояния, как обороноспособность, экономика и массовая культура. Аналитик концентрируется преимущественно на борьбе за первенство в информационных и естественнонаучных исследованиях. Эксперт считает, что основные инновационные разработки, ведущиеся в американских научных центрах, имеют четкую цель: с одной стороны, продление человеческой жизни, с другой – совершенствование способов управления большими человеческими массами. Однако несмотря на то, что Америка пока сохраняет свое лидирующее положение в мире, очень скоро она столкнется с сильным соперником в лице Китая. По мнению политолога, России в этом раскладе надо будет маневрировать между обоими центрами силы, все-таки ориентируясь на Китай.

Михаил Юрьевич Байдаков и Сергей Николаевич Белкин подходят к главной теме, которой посвящен альманах, – теме развития – на этот раз с точки зрения существования России в мировом контексте. Такая оптика неизбежно вынуждает авторов говорить о развитии языком практической глобалистики. Точнее, характерный для рассуждений о развитии философский дискурс приобретает в материале издателя и главного редактора альманаха совершенно несвойственную ему практическую политическую заостренность. Характерный тому пример – подробное прописывание в статье понятия «ценностная безопасность», параметров подобной безопасности и практических механизмов по ее обеспечению. Сохраняющаяся самость России видится авторам надежным индикатором того, в верном ли направлении мы развиваемся – и развиваемся ли вообще. Эта самость требует к себе глубоко личного отношения – немыслимого в категориях предельно рационализированного общества интересов.

В статье Аскара Акаевича Акаева высказываются мысли, которые, конечно, далеки от повестки дня сегодняшнего, однако как повестка дня завтрашнего они, безусловно, заслуживают самого пристального внимания – во всяком случае, как футурологический прогноз. По сути, автор излагает цельную концепцию мироустройства, основанного на нооэкономике, под которой в статье понимается «экономика справедливости и разума». Нооэкономику организует и управляет ею мировое правительство, о котором также подробно говорится в материале. Сегодняшним прототипом такого правительства эксперт считает ООН и другие международные организации. В определенном смысле серьезной основой для формирования подобного органа является и «Большая двадцатка». Появление такого правительства должно, по мысли ученого, стать надежной защитой от мировых кризисов и – главное – способствовать эволюции цивилизации в направлении ноосферного сообщества.

Положение России в мире, возможности нашей страны в тех или иных международных клубах, способность отстаивать национальные интересы в продолжающем стремительно усложняться мире, быть конкурентоспособной, динамично развиваться напрямую зависят от качества ее науки. А значит – во многом от профессионализма тех, которые управляют наукой. Об этом размышляет в своей статье Сергей Георгиевич Кара-Мурза. Эксперт сначала подробно рассматривает роль отечественной науки применительно к государственному строительству, главным образом в минувшем веке. Затем внимание уделяется тем проблемам, которые сегодня стоят перед человечеством и на которые российская наука в состоянии эффективно отреагировать – вопреки расхожему мнению о ее безнадежной отсталости от науки западной. Завершается статья формулированием тех принципов, на которых, по мнению ученого, должна проводиться академическая реформа.

Международная тематика номера преломляется в статье Александра Ивановича Неклессы в геоэкономическом аспекте. В отличие от предыдущих публикаций исследователя в альманахе, настоящий материал выглядит более наукообразным, что вполне объяснимо. По сути, текст представляет собой лаконичный компендиум, в котором дается краткая история этой научной дисциплины, перечисляются ее наиболее заметные исследователи, изложена современная российская ситуация в геоэкономических разработках и, наконец, раскрывается собственно авторский подход к данной сфере знаний. Здесь эксперт вновь обращается к присущей его стилю метафоричной образности, знакомой читателям альманаха по предыдущим публикациям. Геоэкономическая картина мира объясняется с помощью «китайского шара» – сферической конструкции матрешечного типа, позволяющей наглядно представить анализируемые в статье «высокие геоэкономические технологии».

Небольшая заметка Сергея Николаевича Белкина может рассматриваться продолжением той сквозной темы о целях и ценностях, на которую главный редактор альманаха выступает в каждом его номере. В данном случае автор разбирает довольно частный – хотя при этом и чрезвычайно значимый – вопрос: как выглядит «алгоритм формирования целей и ценностей»? Казалось бы, подсознательно мы всегда готовы дать ответ на данный вопрос – во всяком случае, применительно к личной «кухне» выработки персональной телеологии и собственной аксиологии. Вместе с тем проговаривание очевидных и даже где-то хрестоматийных вещей порой позволяет прояснить то, что является ясным – но на практике оказывается достаточно кривым отражением действительности. Подобное суждение в полной мере относится к заметке главного редактора. Предлагаемый им алгоритм можно использовать в качестве эффективного компаса в реалиях сегодняшней политической повседневности.

Николай Петрович Шмелёв касается в интервью разных проблем текущей международной жизни – как связанных с темой «двадцатки» и ее предстоящей встречи, так и затрагивающих совершенно другие вопросы. Обращают на себя внимание острые и подчас неожиданные суждения академика РАН. В частности, о соответствии количества стран нового мирового клуба реальной, а не надуманной повестке дня глобального экономического развития. Или о том, что лишь 10 процентов мировой экономики – это нечто подлинное, а остальные 90 процентов – воздух. Директор Института Европы РАН обращается к сюжету, который мы собираемся рассмотреть в следующем номере альманаха, а именно – к иступленному навязыванию российскому обществу «толерантного» отношения к пропаганде нетрадиционной сексуальной ориентации. Высказывания интервьюируемого по этому вопросу анонсируют обращение к нему «Развития и экономики» в семейно-демографическом аспекте.

Исследовательница из Тайваня Чэнь Цзявэй пишет о китайской цивилизации с другой стороны, нежели автор упомянутой выше статьи «Русский взгляд на Поднебесную» А.В. Фоменко. Если в последней говорится преимущественно о КНР, то докторантка Тамканского университета сосредотачивает свое внимание на значимой части так называемого Большого Китая – Тайване. В центре внимания исследовательницы непростая проблема тайваньской идентичности, которая, несмотря на сложные политические перипетии китайской истории XX века, все же, похоже, стала данностью, которую приходится учитывать. В статье наглядно показывается, как феномен национальной идентичности способен стать значимым фактором практической политики, насколько адекватно демократические институты могут учитывать этот фактор. Приводимый материал дает пищу для размышлений о перспективах противостояния обеих сторон Тайваньского пролива.

Предполагая собрать номер, в котором бы освещались наиболее злободневные темы текущей мировой политики, мы никак не могли обойти ситуацию вокруг Сирии. Об этом – статья Александра Анатольевича Храмчихина. Военный эксперт подробно оценивает военные потенциалы и возможности как Сирии, так и ее вероятных противников и союзника – Ирана – в случае развертывания полномасштабной войны на Ближнем Востоке. При этом автор не ограничивается сопоставлением возможностей вооруженных сил всех потенциальных участников такой войны, а выводит свой анализ на более высокий – геополитический – уровень. Благодаря этому ему удается предложить свои оригинальные ответы на интересующие всех вопросы. Например, почему США явно дали задний ход в сирийском вопросе. Или в чем заключаются слабые стороны ведущих натовских армий. Наконец, правильно ли ведет себя Россия, последовательно поддерживая официальный Дамаск, и какие выводы ей следует извлечь из этого кризиса.

Политолог из Саудовской Аравии Маджид бен Абдель Азиз ат-Турки предлагает взгляд на сегодняшнюю ситуацию на Аравийском полуострове и в зоне Персидского залива из крупнейшего ближневосточного государства. У нас по умолчанию считается, что королевство является проводником американских интересов в регионе. Из статьи же явственно следует, что это – очень упрощенный взгляд. Эксперт излагает претензии его государства к США, среди которых не только неожиданная готовность Вашингтона к компромиссам по сирийскому вопросу, но и безграмотная политика в Ираке. Отдельно и весьма обстоятельно автор критикует Америку и за то, что она фактически санкционировала порядок, при котором погоду в регионе вершит «четверка» государств: США и их союзник Израиль, с одной стороны, а также Россия и ее союзник Иран, с другой стороны. Интересы же арабских стран оказываются, таким образом, выведенными за скобки, что вынуждает королевство выстраивать новые коалиции.

Недавние массовые протестные выступления в Турции разбираются в статье Александра Павловича Люсого. Автор подчеркивает принципиальное отличие этих акций от «арабской весны». Если в Северной Африке эта самая «весна» привела к власти исламистов, то представители турецкого среднего класса, как показано в материале, выступили как раз против ползучей исламизации, проводимой премьером Эрдоганом, требуя возврата к курсу, провозглашенному основателем нынешней турецкой государственности Ататюрком. Интересны приводимые в тексте сопоставления турецких и российских протестных выступлений. Эксперт наперекор мнению, активно пропагандируемому симпатизирующими нашим «рассерженным горожанам» и их кумирам СМИ, демонстрирует – а особенно это заметно на фоне приводимых им сводок о фактически настоящих уличных боях на улицах обеих турецких столиц – во многом игровой характер оппозиционных действ в центре Москвы, в том числе и самых последних по времени.

В материале Светланы Владимировны Лурье анализируется ситуация в российско-американских отношениях на момент до отказа Барака Обамы от встречи с Владимиром Путиным на саммите «двадцатки» (статья написана раньше). Вместе с тем такой отказ вряд ли принципиально что-то изменит в том раскладе интересов, который представлен в работе. Автор доказывает близость интересов обеих держав по всем острым проблемам современной мировой политики – от Сирии и до Северной Кореи. Такая объективная близость – инструмент, которым России надо грамотно воспользоваться. В частности, нам следует проводить более гибкую политику на Дальнем Востоке, играя на усиливающихся противоречиях Вашингтона и Пекина, возможно, с вовлечением в эту игру Японии. Отдельная тема статьи – политика США в арабском мире. Эксперт считает, что главной мишенью Америки там становится Саудовская Аравия, что перекликается с изложенными выше наблюдениями автора из этого королевства.

Автор из Италии Джованни Савино анализирует внутриполитическую борьбу в своей стране за период после ухода Берлускони. По прочтении статьи возникает впечатление, что отставка Кавальере стала рубежным событием, после которого итальянский политический ландшафт начал претерпевать качественные перемены. Во-первых, на формирование текущей повестки дня заметно возросло влияние внешних «евродиректив». Во-вторых, налицо симптомы кризиса «премьерской республики»: патриарх итальянской политики президент Наполитано стал явочным порядком заметно расширять свои полномочия. В-третьих, очевидна явная стилистическая перемена официальной публичной политики – она стремительно теряет харизматичность. И наконец, в-четвертых, наблюдается активное встраивание в политику новой генерации – своеобразных «протестных евроскептиков», тонко чувствующих настроения итальянского общества в ситуации продолжающегося кризиса.

В беседе главного редактора альманаха с Александром Сергеевичем Соколовым поднимаются самые разные проблемы, относящиеся к теме развития, но с несколько непривычной стороны. Ректор Московской консерватории размышляет о том, как музыка влияет на развитие общества и существует ли обратное воздействие – социальной динамики на появление музыкальных инноваций. Подробно разбирается весьма деликатная тема, которую условно можно было бы назвать морфологией гениальности. Собеседник главного редактора предлагает собственное оригинальное объяснение взаимосвязи развития музыки и появления ее гениальных творцов. Наконец, заслуживает внимания прогноз ректора о приближении качественно нового этапа в развитии культуры вообще и музыки в частности. Беседа завершается обсуждением текущей жизни главного музыкального высшего учебного заведения страны в преддверии ожидаемого в 2016 году его полуторавекового юбилея.

Завершается номер традиционным анонсом следующего выпуска альманаха, тема которого представляется чрезвычайно актуальной для нашего общества.

Александр Глебович Рар – почетный профессор МГИМО (У) МИД России и НИУ ВШЭ, член Консультативного совета Валдайского клуба, научный директор Немецко-российского форума

Россия ставит на G20

С момента завершения биполярного мира глобализация набирает обороты. Признаками возникновения нового мирового порядка являются утрата значения издавна сложившихся национальных границ, ослабление национального государственного суверенитета, возникновение мощных экономических региональных блоков, появление международного режима санкций, создание международных судов, провозглашение приоритета либеральных ценностей – верховенства закона и демократии как всеобщих прав человека – над законами и установлениями национальных государств. Не все культурные нации следуют этой идее нового мирового порядка. Граница конфликта между новой цивилизацией Постмодерна и цивилизацией традиционной пролегает через исламский мир и Евразию. На Западе, откуда исходит импульс для нового миропорядка, граница конфликта не видится как фронт столкновения цивилизаций. Запад, убежденный в универсальной силе своей миссии распространения демократии, свободы и прав человека, называет это борьбой современного просвещенного человечества с коррумпированными, авторитарными диктаторами или тоталитарными идеологиями. Он верит в мировую революцию нового глобального среднего класса (современной буржуазии) почти так же, как 100 лет назад, после Октябрьской революции, в угаре мировой войны большевики верили в то, что им удастся повести за собой пролетариат всего мира к победе мировой коммунистической революции. Разумеется, идеалы современной свободы, верховенства закона и прав человека морально несопоставимы с попытками столетней давности смести старый миропорядок путем революции мирового интернационала рабочих и крестьян. Однако нынешний мир становится свидетелем революций, прогрессивной идеи современной свободы, которая может воспламенять народы. Передовые идеи свободы всегда были движущей силой глобальных перемен человеческой истории. Но тогда возникает другой вопрос – вопрос о власти и лидерстве в деле воплощения передовых идей в жизнь.

Вопрос о том, кто сегодня является архитектором нового миропорядка, пока остается открытым. В то время как для одних очертания будущего мироустройства видятся в вестернизации, другим мнится, что мир погружается в хаос. Нет всеобъемлющего мирового управления, потому что нет согласия относительно общих правил будущего миропорядка.

С формальной точки зрения Совет Безопасности ООН представляет собой своего рода мировое правительство с 1945 года, заменив Лигу Наций. Но он недееспособен, потому что зачастую интересы обладающих правом вето держав вступают в противоречие. Россия и Китай не являются сторонниками идеи нового либерального мирового порядка. Они призывают к укреплению традиционных форм государственности.

По окончании холодной войны создание G8 выглядело как учреждение нового мирового порядка – под руководством США и при участии второй в мире ядерной державы – России – в роли младшего партнера Запада. Этот институт сыграл немаловажную роль при стабилизации Европы после развала биполярности, но на сегодняшний день изжил себя, потому что представляет только Запад.

С начала нового тысячелетия, особенно с тех пор как западный мир экономически и политически поражен финансовым кризисом, G20 постепенно превращается в новый глобальный орган консультаций по принятию наиважнейших решений. В G20 за одним столом заседают крупнейшие развивающиеся экономики и будущие мировые державы, такие как Китай, Индия, Бразилия, то есть страны БРИКС. G20 впредь может развивать альтернативную или единую глобальную экономическую повестку дня. Пока «двадцатка» не занимается вопросами безопасности, подобно тому как это делает «восьмерка» в случае с Сирией. Но перемещение центра тяжести мировой экономики и мировой политики из Европы в Азию заставит G20 обратиться и к вопросам глобальной безопасности.

В рамках G20 Россия является важным субъектом формирования нового многополярного миропорядка, а наряду с ЕС, Китаем, Индией та же Россия составляет равноправный с США политический полюс. Россия в качестве председателя в G20 будет проводить саммит в Санкт-Петербурге, на котором могут возникнуть предложения по реформе ВТО, реструктуризации мировой финансовой системы, а также инициатива по лучшему регулированию отношений между богатыми и бедными странами и по вопросам энергообеспечения.

Россия также хотела бы затронуть на саммите «двадцатке» идеологическую сторону

G8 сыграла немаловажную роль при стабилизации Европы после развала биполярности, но на сегодняшний день этот институт изжил себя, потому что представляет только Запад.

будущего мироустройства. Неслучайно Владимир Путин готов обсудить в рамках следующей сессии авторитетного Валдайского клуба тему формирования идентичности государств в XXI веке. Речь идет о том, в какой мере государственный суверенитет дальше имеет право на существование в современном мире и в какой степени государства стремятся к некой «общей идентичности» на базе «общих ценностей». Можно ли себе представить мир, состоящий не из государств, а из региональных блоков по модели ЕС? И если да, то кем такой мир будет управляться?

Некоторые лидеры ЕС видят свою перспективную цель, равно как и оптимальное будущее для Европы, в создании Соединенных Штатов Европы. И в таком контексте понятна позиция России, которая ни в какие Соединенные Штаты не войдет, а будет развивать собственное представление о второй «Большой Европе» – Евразийском союзе – для государств, которым не удастся или которые не захотят попасть в будущую Европу западного образца.

Эксперты на Западе часто называют Россию отсталой страной, неспособной конкурировать в условиях современной мировой экономики и, следовательно, обладающей незначительным политическим весом. Однако в России целый ряд представителей научного и экспертно-аналитического сообществ отстаивают теорию, которая противоречит основам экономически ориентированного понимания конкурентоспособности в современном политическом контексте. Сторонником этого направления является, например, президент ОАО «РЖД» Владимир Якунин, входящий в круг ближайших советников президента России. Якунин считает, что конкурентоспособность страны зависит от ее способности к успешному и гармоничному развитию в долгосрочной перспективе при сложившихся внешних условиях. Для этого имеет первостепенное значение размер государства, независимая внешняя политика и доступ к ресурсам. Суверенный характер государства остается приоритетной задачей – по контрасту с глобалистским устремлением форсированными темпами ликвидировать исторически сложившиеся национальные государства.

По какой схеме будет разработан новый мировой порядок – в соответствии с западной концепцией глобализма или по многополярной модели России и стран БРИКС?

Россия утверждает (и тем отличается от Запада), что линии противостояния мировой политики в XXI веке более не совпадают с разделительным барьером, свойственным XX веку и пролегавшим между либеральными и тоталитарными политическими режимами. Наибольшее беспокойство вызывает ситуация с энергообеспечением на нашей планете. В ближайшие 40 лет население мира ожидает беспрецедентный демографический взрыв – с шести до девяти миллиардов человек. Между тем мировую политику по-прежнему определяют государства, обладающие ядерным оружием. Вполне вероятно, что конфигурация сил в мире в XXI веке станет зависеть от других критериев. С учетом все более ощутимого сырьевого кризиса мировая экономика может оказаться под более жестким контролем стран, которые владеют необходимыми полезными ископаемыми. Возможность диктовать цены и контролировать мировые транспортные пути предоставит этим странам огромное влияние.

Серьезный конфликтный потенциал этих вопросов уже сегодня наглядно демонстрируют отношения в области энергетики между ЕС и Россией. ЕС боится слишком большой зависимости от российского энергоснабжения и делает все, чтобы диверсифицировать или даже сократить поставки энергии из России в Европу. Такие страны, как Германия, вообще хотят создать у себя экономику, существующую на 80 процентов на альтернативных энергоисточниках. Россия же со своей стороны изо всех сил консервирует такую зависимость соседних стран от экспорта ее энергии. Если бы не было этого противостояния, энергетический альянс России и ЕС мог бы стать успешным совместным проектом и привести к долгосрочному объединению континентальной Европы.

Глобальное потепление способно спровоцировать войны за продовольствие, сельскохозяйственные угодья, воду и сырье. Аналитики в России задаются вопросом, не стоит ли Москве в связи с нарастанием угрозы всемирной борьбы за перераспределение ресурсов сосредоточиться на укреплении военной защиты богатой ресурсами сибирской территории? Ведь почти 80 процентов товарооборота России с внешним миром составляют сырье и энергоносители. Кремль внимательно изучает концепции, которые разрабатывают западные аналитические центры, предлагающие поставить все стратегически важные сырьевые области мира под международный контроль. В мире, где государственные границы потеряют значение, не так уж утопично представить себе, как ООН санкционирует войну против государства, которое нарушает, например, правила международной защиты климата и допускает массовое загрязнение окружающей среды.

Но не будем забегать так далеко вперед. Мы не знаем, какие политические системы способны адекватно ответить на подобные угрозы завтрашнего дня, какие политические режимы в будущем смогут прокормить и удовлетворить растущее население. Мы не представляем, иссякнут ли экономические ресурсы западных демократий или наоборот либеральные идеи окажутся самыми надежными проводниками человеческого прогресса. Мы также не знаем, смогут ли государственно-капиталистические модели будущего функционировать лучше, чем современная свободная социально-рыночная экономика. Западу и странам БРИКС еще не поздно договориться об общих правилах будущего мирового порядка.

Россия занимается строительством нескольких новых многосторонних организаций, которые совместно – хотя пока им еще далеко до полного внутреннего единства, – безусловно, способны выступать в качестве противовеса западным институтам. Крупнейшей организацией является ШОС, которая будет играть стабилизирующую роль на границе Евразии, вплоть до Большого Ближнего Востока, после вывода натовских войск из Афганистана. На постсоветском пространстве Евразийский союз развивается успешно как новая региональная организация. Организация Договора о коллективной безопасности является существенным военным фактором для Центральной Азии. Кроме того, Россия инициировала создание газовой ОПЕК, представляющей собой пока беззубого тигра, но обладающей несомненным потенциалом для развития в грядущих энергетических и политических конфликтах. Призыв Путина на последней встрече газовой ОПЕК в Москве создать общий рычаг воздействия производителей газа на его потребителей в Европе, которые в свою очередь пытаются демонополизировать такие компании, как «Газпром», – попытка демонстрации силы этой организации.

Для поддержки идеи многополярного мироустройства Россия нуждается в Китае – и наоборот. Только вместе они могут обеспечить трансформацию G8 в G20 и изменить действующий Вашингтонский консенсус либеральной мировой торговли, ввести альтернативные доллару США валюты в мировой торговле и реформировать ВТО. Россия и Китай сами по себе слишком слабы для выполнения этой задачи. Но институтионализация форума стран БРИКС, ВВП которых составляет 40 процентов мировой экономики, придает организации дополнительный вес.

Для поддержки идеи многополярного мироустройства Россия нуждается в Китае – и наоборот. Только вместе они могут обеспечить трансформацию G8 в G20 и изменить действующий Вашингтонский консенсус либеральной мировой торговли, ввести альтернативные доллару США валюты в мировой торговле и реформировать ВТО.

Как будет выглядеть единая система экономики и безопасности в Азии, сейчас неясно. Ее контуры зависят от роста Китая. Но Азия ориентируется не на G8, а на G20.

Запад и Россия сегодня конфликтуют из-за разных ценностей. Но в будущем вопрос, будет ли Россия управляться демократически или централистически, станет ли она следовать идее рыночной экономики или государственного капитализма, ныне уже не имеет принципиального значения перед лицом тех опасностей, которые угрожают миру завтрашнего дня. Конфликты будущего разразятся не по параллелям, а по меридианам – между не Востоком и Западом, а Севером и Югом. Однако из-за возвращения России к более авторитарному стилю правления при Путине Запад отказывается иметь союз с Москвой. Отказ Запада вынуждает Россию выстраивать иные альянсы – уже в Азии. И подобные альянсы способствуют формированию многополярного миропорядка. У значительной части населения России, как представляется, имеется четкое убеждение, что Россия должна развиваться автономно.

Никто добровольно не отказывается от власти и влияния, и Запад остается по-прежнему убежденным в устойчивости собственной глобальной значимости, поскольку обладает самым мощным военным потенциалом. Но как долго это будет продолжаться?

Каков будет вес G20? Для некоторых европейцев потенциал «двадцатки» – это кошмар. Однако у G20 в качестве неофициального мирового правительства нет альтернативы. За исключением разве что того случая, когда Совет Безопасности ООН по собственной воле будет реформирован и не только западные страны, Россия и Китай, но и другие державы, которые будут реально контролировать мировую экономику и глобальную безопасность, обретут в нем полноправное членство. Но проблема блокирования решений налагаемыми отдельными членами такого клуба вето никуда не денется, поэтому идея мирового правительства представляется утопичной.

Авторизованный перевод с немецкого

Вадим Вадимович Трухачёв –
кандидат исторических наук,
журналист-международник,
специалист по истории стран
Центральной Европы
и проблемам Евросоюза

G20: а те ли туда входят?

5-6 сентября в Петербурге состоится одно из крупнейших событий политической и экономической жизни 2013 г. – встреча глав государств и правительств стран «Большой двадцатки». Лидерам G20 предстоит продвинуться по пути преодоления продолжающегося кризиса. Но перед ними стоит еще одна важная задача – придать G20 свое особое лицо. Кроме того, есть вопросы относительно того, что не все страны и регионы должным образом представлены в «двадцатке».

Будучи председателем «двадцатки», Россия подготовила весьма впечатляющую повестку дня предстоящего форума. Мировым политикам первого ряда предстоит обсудить вопросы, связанные с реформой международной финансовой системы, развитием энергетических рынков и торговли, противодействием коррупции, борьбой с безработицей и обеспечением долгосрочного экономического роста.

Россия подошла к своему председательству более чем ответственно. Так, с начала 2013 г. в Москву неоднократно приезжали министры финансов G20. По итогам переговоров 19-20 июля они рекомендовали одобрить план по противодействию уходу от налогов транснациональными компаниями, из-за чего казны многих государств теряют миллиарды, если не триллионы, долларов. Воплощение подобного плана в жизнь позволит повысить прозрачность компаний – тем самым будет решена крайне важная для современного мира проблема.

В то же время перед участниками саммита все последние годы стоит один и тот же вопрос: что такое «Большая двадцатка» и зачем она нужна? Темы на форумах такого рода поднимаются более чем актуальные, а вот собственное лицо организация в глазах многих пока не обрела. И у России как у председателя G20 задача найти для нее такой формат, чтобы он заставил говорить о «двадцатке» как о новой, ключевой для современного мира силе.

Малозаметная «расширенная восьмерка»

Идея создания G20 возникла в конце 1990-х гг., когда на дворе бушевал предыдущий крупный экономический кризис. Среди его жертв тогда оказалась и Россия (приснопамятный дефолт 1998 г.). Кроме того, сильный удар пришлось пережить Индонезии и Аргентине. Экономики более развитых государств устояли, но многим из них (к примеру, Японии) тоже пришлось несладко.

К тому моменту роль «вершителя экономических судеб мира» закрепилась за «Большой восьмеркой». В нее входили США, Канада, Япония, Великобритания, Франция, Германия, Италия и Россия. Однако мир был к тому моменту уже сложнее. Росли Китай и Индия, постепенно набирали вес Бразилия и Южная Африка. Южная Корея превратилась в технологического гиганта. Стало понятно, что в одиночку G8 с проблемами современного мира не справится.

Автором идеи G20 чаще других называют бывшего премьер-министра Канады Пола Мартина. В то же время учредительная конференция состоялась в декабре 1999 г. в Берлине. Министры финансов «семерки» (без России) объявили, что новый клуб станет площадкой для диалога с развивающимися странами по главным вопросам мировой экономической политики.

Кто же вошел в новый клуб? Разумеется, страны «Большой восьмерки», а также будущие партнеры России по БРИКС – Китай, Индия, Бразилия, ЮАР. Кроме того, организацию пополнили региональные державы – Южная Корея, Индонезия, Саудовская Аравия, Турция, Аргентина, Мексика, Австралия. Список венчал Евросоюз, который вошел в организацию на правах единого образования. В целом на эти страны приходилось 90 процентов мирового ВНП, 80 процентов мировой торговли, почти 70 процентов населения.

Кризис 1998–2001 гг. сменился «тучными нулевыми». Цена на нефть резко пошла вверх, США и их партнеры по западному сообществу могли говорить, что все нормально. G20 еще несколько лет оставалась узким профессиональным клубом, куда входили исключительно министры финансов и главы центробанков. Ее было практически не видно и не слышно. Изменил подобное положение вещей только кризис, начавшийся в 2008 г. и не преодоленный до сих пор.

Глава МИД Норвегии Йонас Гар Стере (на фото) ярко сформулировал претензии к «двадцатке»: «“Двадцатка” – один из крупнейших откатов назад со времен Второй мировой войны». Норвегия остается крупнейшим независимым экспортером нефти. Это единственная развитая страна Западной Европы, живущая за счет природных ресурсов. А с учетом освоения богатств Арктики роль Норвегии в мире только увеличится.

Из тени на высший уровень

С началом кризиса G20 превратилась в клуб, куда входят два десятка глав государств и правительств плюс примкнувшие к ним руководители ООН, МВФ, Всемирного банка, а также президенты и премьеры специально приглашенных стран. Первая встреча такого формата состоялась в ноябре 2008 г. в Вашингтоне. К тому времени уже случился ипотечный кризис в США, а Венгрия и Исландия первыми оказались на краю финансового краха.

Инициаторами форума выступили премьер Великобритании Гордон Браун и президент Франции Николя Саркози. Однако атмосфера была не слишком располагающей к переговорам. Хозяином саммита был «хромой селезень» Джордж Буш-младший, политика администрации которого и способствовала возникновению кризиса. Только что отгремела война в Южной Осетии, так что отношения России и Запада были более чем прохладными. Протесты на Западе против Олимпиады в Пекине не лучшим образом влияли на отношения Европы и Северной Америки с Китаем.

Атмосферу удалось улучшить ко второму саммиту, который прошел весной 2009 г. в Лондоне. Далее форумы проходили в Питтсбурге, Торонто, Сеуле, Каннах. Соответственно менялись и страны-председатели. Лидеры из раза в раз обсужда-

ли возможности предотвращения глобальной рецессии, укрепления финансового сектора, борьбы с протекционизмом. Впоследствии перешли к сокращению выплат топ-менеджерам крупнейших корпораций, сокращению дефицитов бюджетов, усилению контроля за банками.

В 2012 г. главы государств встречались в мексиканском Лос-Кабосе. Главной темой стал долговой кризис в еврозоне. По итогам саммита договорились об увеличении резервов МВФ. Все сошлись на том, что пути развития экономики каждое государство определяет самостоятельно, однако все обязаны следить за тем, чтобы не нанести ущерб как другим участникам «двадцатки», так и прочим государствам вообще.

Организация без своего лица

Но постоянно действующей организации из G20 не получилось. У нее нет секретариата, нет штаб-квартиры (даже «кочующей» с места на место). Панацеей от главных экономических бед планеты форумы не стали, обязательства договаривающихся сторон были весьма общими и расплывчатыми. Вдобавок возникали вопросы такого рода: а кто собственно уполномочил именно эти страны вершить судьбы мира? В чем смысл «двадцатки»? До начала председательства России ни один из предшественников нашей страны не мог дать на них вразумительные ответы. Ярче других претензии к «двадцатке» сформулировал в 2010 г. глава МИД Норвегии Йонас Гар Стере. В интервью немецкому журналу *Der Spiegel* он произнес: «“Двадцатка” – один из крупнейших откатов назад со времен Второй мировой войны». Он добавил, что его страна никого не уполномочивала решать за нее, как себя вести. Стере особо подчеркнул, что времена, когда великие державы решали, какой быть карте мира, должны остаться в XIX веке. Практические плоды деятельности «двадцатки» страны, не входящие в нее, также особо и не ощутили. Скажем, найти в чешском, словацком или австрийском Интернете крупную аналитическую статью, посвященную не отдельным государствам или проблемам, а G20 в целом, практически невозможно. А ведь те же Чехия, Словакия и Австрия через Евросоюз в «двадцатке», вроде бы, опосредованно представлены. Да и в странах-участницах G20 больше пишут не о самой организации, а об обсуждаемых проблемах и точках зрения на нее отдельных государств.

Некоторое исключение из правила составил чешский политологический интернет-журнал *Neviditelný pes*, где появилась статья местного политолога Мирослава Замечника. Оценка, данная им G20 в июле прошлого года, просто уничтожающая: «Нет никакого смысла разбирать состав G20, почему тот или другой принадлежит к числу избранных, а иной – нет. Равно как и ее легитимность с точки зрения международного права». Автор отмечал, что ВВП тех же Мексики или Аргентины всего вдвое превышают чешский, да и к Евросоюзу как, вроде бы, выразителю чешских интересов есть претензии.

Претензии, прозвучавшие к «двадцатке» из Норвегии и Чехии, можно свести к следующему: почему за нас кто-то решает? Почему в G20 одни представлены, а другие – нет? И подобное недовольство может прозвучать из очень многих государств с самых разных концов света. И если «двадцатка» претендует на особое положение в мире – с подобного рода замечаниями придется как-то считаться.

В основе G20, вроде бы, лежат два принципа – экономический и географический. С одной стороны, в нее входят наиболее крупные и богатые государства. С другой – региональные лидеры, определяющие состояние дел в каждой отдельной части света. И все же остается впечатление, что отнюдь не все «достойные» допущены в клуб тех, которые имеют право определять основные направления развития мировой экономики.

Косвенно наличие подобной проблемы в «двадцатке» уже признали. Так, из раза в раз в числе специально приглашенных находится премьер Испании. В прошлом году кампанию Испании составили Чили, Колумбия, Камбоджа, Бенин и Эфиопия. Ранее приезжали руководители Малави, Вьетнама, ОАЭ, представители АСЕАН и Африканского союза. Так что работа по устранению означенного выше недостатка идет.

Если взять такой показатель, как номинальный ВВП, то к моменту вывода G20 на высший государственный уровень полное право претендовать на членство в ней имели Испания, Голландия и Швейцария. В 2013 г. 17-е место по размеру ВВП в мире занимает Иран. Недалеко расположились Тайвань, Таиланд, Швейцария, Швеция, Норвегия, Польша. Каждый случай присутствия или отсутствия той или иной державы в элитарном клубе заслуживает отдельного рассмотрения.

Обделенные гиганты исламского мира и Африки

Начнем с Ирана. Причины отсутствия его представителей на форумах «двадцатки» лежат на поверхности. Для США Исламская Республика – едва ли не главное государство «оси зла», с которым говорить не о чем. С иранцами на Западе могут обсуждать только тему их ядерной программы. Иран мог бы сыграть огромную роль в таких вопросах, как будущее Сирии, Ирака и Афганистана, но его американцы и их союзники в упор не хотят замечать.

Точно такое же пренебрежение к Ирану существует и в области экономики. Между тем страна занимает второе место в ОПЕК по экспорту нефти, располагает 16 процентами разведанных мировых запасов газа. Ее ВВП больше, чем у Саудовской Аравии. Численность населения Ирана – 80 миллионов (сравнимо с Германией), он выходит сразу и к Персидскому заливу, и к Каспию. Иранцы влияют на многие процессы на Ближнем и Среднем Востоке, в Средней Азии и Закавказье. Так что их игнорирование делает «двадцатку» не совсем полноценной.

К востоку от Ирана лежат Пакистан и Бангладеш. Население первого – порядка 190 миллионов, вторая из означенных стран уже опередила по данному показателю Россию. Они, безусловно, куда беднее и Ирана, и ЮАР, и Мексики. Однако в Пакистане есть ядерное оружие. Помимо всего, пакистанцы крайне нервно относятся к тому, когда куда-то зовут Индию, но не зовут их. Бангладеш же то и дело страдает от голода, наводнений и других капризов природы и человека. И если сильные обсуждают, как помочь слабым, то почему это надо делать за спиной самого большого из таких слабых?

Крупнейшей арабской страной остается отнюдь не Саудовская Аравия, а Египет. Несмотря на политическую нестабильность, 85-миллионное государство по-прежнему является очень важным игроком на Ближнем Востоке и в Африке. И если саудовцы могут считать себя представителями теократической части арабского мира, то египтяне – более-менее светской части. Последнее право может оспорить у них, к примеру, Марокко, но и это королевство не представлено никак.

Отчасти к мусульманским странам можно отнести и крупнейшую по населению страну Африки – 160-миллионную Нигерию, в последнее время раздираемую конфликтом между мусульманами и христианами, число которых в ней примерно одинаково. Помимо прочего, Нигерия принадлежит к числу крупных экспортеров нефти. Она могла бы занять нишу представителя собственно Черной Африки – ведь куда более развитая ЮАР на эту роль подходит с огромной натяжкой.

В этой части света существуют такие крупные организации, как Африканский союз, Лига арабских государств (ЛАГ), Организация исламская конференция (ОИК). Как и в Совете Безопасности ООН, их интересы могли бы попеременно представлять разные государства, входящие в них, или же действующие председатели. Однако к принятию решений не допущены целые группы государств с населением в два миллиарда человек.

Президент Ирана Хасан Рухани

Иран мог бы сыграть огромную роль в таких вопросах, как будущее Сирии, Ирака и Афганистана. Страна занимает второе место в ОПЕК по экспорту нефти, располагает 16 процентами разведанных мировых запасов газа, ее ВВП больше, чем у Саудовской Аравии, а численность населения Ирана сравнима с Германией и составляет 80 миллионов человек.

Кого не позвали из Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и Океании?

Свои обделенные есть и в других частях света. Занимающий очень высокое место по объему ВВП Тайвань не может быть представлен по той причине, что на появление его лидеров на подобных форумах никогда не согласится КНР. Есть в Юго-Восточной Азии Вьетнам и Филиппины, чье население или перевалило за 100 миллионов, или приближается к ним. Страны эти развиваются, их экономики растут. И они явно будут не в восторге, если за них все станут решать США или Китай. Почти 70-миллионный Таиланд более чем втрое меньше по населению, нежели Индонезия, однако уровень его развития существенно выше. В стране есть немалые запасы природного газа. Наконец, Таиланд – крупнейшая буддийская страна (Япония – страна не чисто буддийская). Получается, что исповедующие эту религию государства охвачены плохо. Выходом здесь могло бы стать пригла-

Тайбэй

Занимающий очень высокое место по объему ВВП Тайвань не может быть представлен по той причине, что на появление его лидеров на подобных форумах никогда не согласится КНР.

шение АСЕАН (Ассоциации государств Юго-Восточной Азии), чего на постоянной основе пока не случилось.

Латинская Америка, вроде бы, представлена тремя государствами, однако и тут есть свои «но». Так, 46-миллионная Колумбия по населению превосходит Аргентину, а 30-миллионная Венесуэла входит в число крупнейших экспортеров нефти. Да, есть Мексика, которая также экспортирует нефть и имеет трудности с наркомафией, но лежит она далеко. Бразилия и Аргентина устроены иначе, да и по составу населения «метисно-мулатские» Колумбия и Венесуэла и «белая» Аргентина разные.

А ведь есть в Латинской Америке Чили, Уругвай и Коста-Рика, которые хотя и меньше Бразилии, Мексики и Аргентины, но по уровню жизни их превосходят. Кто станет говорить от их имени? А куда делись многочисленные государства Карибского моря? Почему за Ямайку должны решать что-то США, Британия или Канада? В этих странах тоже есть природные ресурсы, у них также существуют свои интересы. Кто их будет отстаивать?

И здесь отчетливо просматриваются если не двойные стандарты, то явная недооценка организаций, существующих за пределами евро-атлантического пространства. В Западном полушарии строится свой аналог Евросоюза – УНАСУР, куда входят и Венесуэла, и Чили, и Уругвай. А интересы малых государств Карибского моря могла бы представлять Организация американских государств (ОАГ), которую в «двадцатку» не позвали.

Наконец, Океания. Многочисленным островам Тихого океана всерьез грозит уход под воду вследствие экономической деятельности великих держав. Может ли развитая 22-миллионная Австралия представлять их? Вряд ли. Она может говорить единым голосом разве что с близкородственной Новой Зеландией, да и то здесь имеются некоторые детали. У двух государств особые отношения, но Австралия представлена как Австралия, а не как представитель такого союза. Опять не очень справедливо.

СНГ и Европа: тоже неполный охват

Перенесемся в Европу. Вряд ли случайно, что недовольство «двадцаткой» высказала Норвегия. Страна не входит в Евросоюз, а значит, ее не представляет никто. Между тем она (наряду с Россией и Мексикой) остается крупнейшим независимым экспортером нефти. Кроме того, это единственная развитая страна Западной Европы, живущая за счет природных ресурсов. А с учетом освоения богатств Арктики роль Норвегии в мире только увеличится. Добавим также, что она весьма успешно сочетает развитие сырьевых и высокотехнологичных отраслей.

Примерно те же претензии способна предъявить и Швейцария, занимающая 19-е место по размеру номинального ВВП. Ее валюта является одной из резервных, ее банки как были «всемирной кладовой», так и остаются. Швейцария – четвертая в мире страна по экспорту капитала. Кстати говоря, кризис страна переживает достаточно успешно (как, впрочем, и Норвегия). Можно ли не учитывать опыт двух государств вне ЕС, чьи доходы существенно выше средних по Евросоюзу?

Да и в самом Евросоюзе не все так гладко. Наглядный пример тому – приглашение премьера Испании на каждый форум «двадцатки» без права голоса. Испания – 14-я экономика в мире. Совсем недалеко отстают от нее Голландия и Швеция – развитые высокотехнологичные государства. И если Нидерланды – одни из столпов ЕС, то шведы стоят несколько обособленно, даже евро не вводят. Их что – англичане или немцы должны представлять?

А как быть с бывшими соцстранами Европы? Они, может, и не очень развиты, но своего представителя не имеют. По этому поводу довольно сильно комплексует 37-миллионная Польша. Впрочем, право представлять данный регион запросто может оспорить у нее более развитая Чехия, чей бывший президент Вацлав Клаус проводил весьма независимую от главных центров силы политику. А что с Балканами? Их куда девать? А Грецию с Кипром? А Португалию?

И опять есть выходы. Существует, например, «Вышеградская группа» в составе Венгрии, Польши, Словакии и Чехии. Есть Северный совет, где есть как входящие, так и не входящие в ЕС государства Северной Европы. Подобные организации напрямую или через страны-председатели могут в гораздо большей степени представлять определенные части Европы, нежели ставший весьма неповоротливым Евросоюз.

Взглянем теперь на СНГ. Россия – безусловный лидер Содружества, однако ее интересы выходят далеко за его рамки. Украина же объективно занимает важнейшее положение в более узком черноморском регионе, а Казахстан – в Центральной Азии. Их экономики связаны с Россией, но структурно от нашей все же отличаются. Почему то же СНГ не может быть представлено еще кем-то, помимо России, основываясь на том же принципе ротации? Даже во времена существования СССР Украина и Белоруссия входили в ООН.

Шанс исправить положение

Объективно «двадцатка» крайне необходима миру, ведь она представляет собой уникальную площадку, где крупнейшие мировые игроки на самом высоком уровне пытаются договориться об общих правилах игры, координировать усилия по борьбе с затянувшейся экономической лихорадкой. Однако пока своего лица у G20 нет, а ее нынешняя форма устраивает отнюдь не всех.

И у России существует отличный шанс исправить такое положение вещей. Наша страна никогда не говорила, что «двадцатка» – это своего рода закрытый клуб. Работа на постоянной основе с региональными организациями, специально приглашаемыми государствами непременно превратит G20 в очень мощную силу. Если же России удастся возглавить данный процесс, наш авторитет на мировой арене существенно возрастет.

Берн

Швейцария занимает 19-е место по размеру номинального ВВП. Ее валюта является одной из резервных, ее банки как были «всемирной кладовой», так и остаются. Швейцария – четвертая в мире страна по экспорту капитала. Она достаточно успешно переживает кризис (как, впрочем, и Норвегия).

Виктория Владимировна Панова –
доцент кафедры международных отношений
и внешней политики России МГИМО
(Университета) МИД России

Председательство России в «двадцатке»: ожидания и перспективы

Второе десятилетие XXI века стало для нашей страны чрезвычайно богатым на международные события глобального масштаба. С 2012 года фактически начался марафон международно-значимых мероприятий, где Россия выступает в качестве хозяйки. В прошлом году Владивосток стал свидетелем слета крупнейших азиатско-тихоокеанских стран в рамках форума АТЭС. Затем с 1 декабря минувшего и в течение всего текущего года Россия председательствует в «Группе двадцати», следующий год она будет принимать у себя лидеров «Группы восьми», в 2015 году нашу страну посетят лидеры стран БРИКС. И это уже не говоря о таких международных мероприятиях культурного и спортивного плана, как Олимпийские игры 2014 года в Сочи, чемпионат мира по футболу 2018 года и т.п. Впрочем, в задачи данной статьи не входит выяснение ни степени изменения глобальной роли РФ, ни воздействия такой международной активности на социально-экономическое и политическое развитие страны, ни параметров определения изменения международной среды и ее ключевых характеристик, в рамках которых происходит взаимодействие России с остальным миром. Здесь мы лишь рассмотрим истоки и параметры эволюции «двадцатки», важность этого клуба как для стабилизации мирового геоэкономического пространства, так и для продвижения национальных интересов РФ, постараемся определить конкретные параметры и степень влияния России в «Группе двадцати», а также ожидания от председательства Москвы в этом клубе и перспективы дальнейшего развития самой группы.

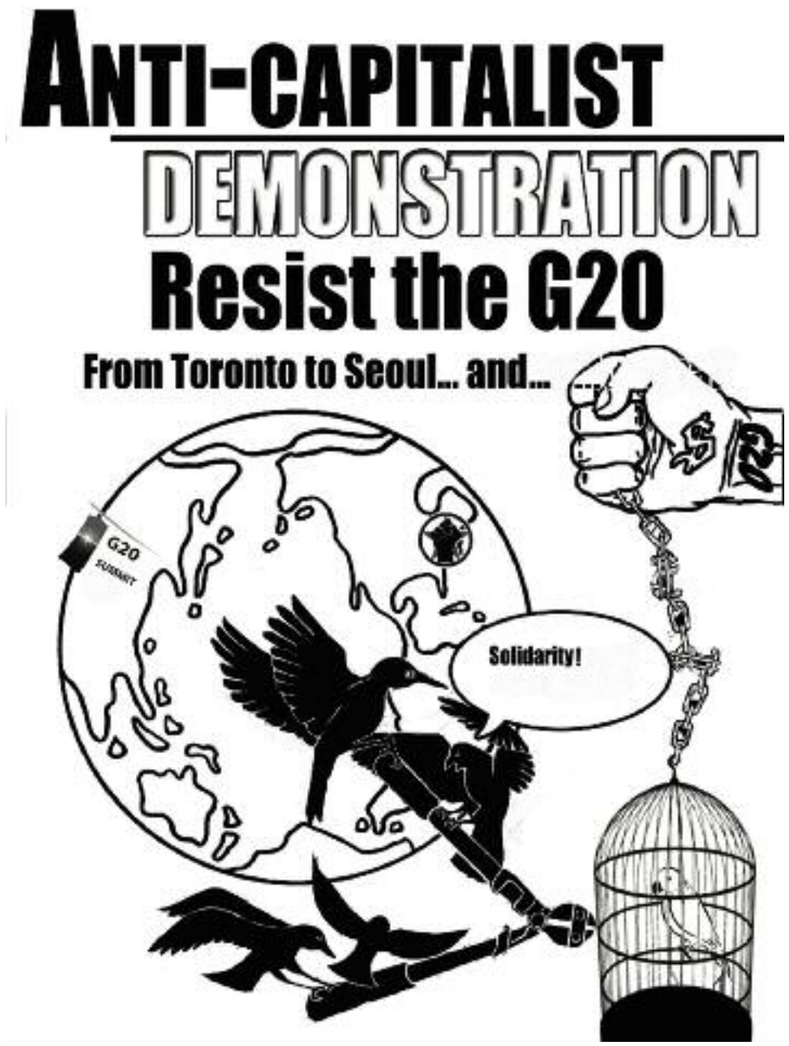
Создание и эволюция «Группы двадцати»

Несмотря на то, что всеобщее внимание встречи данного клуба стали привлекать лишь с 2008 года, создан он был на целое десятилетие раньше, хотя и на другом уровне. В 1999 году по итогам азиатского финансового кризиса 1997 года и дефолта и кризиса в России в 1998 году страны «Группы восьми» приняли решение создать регулярный консультационный механизм, состоящий из министров финансов и глав центральных банков 19 стран и ЕС, в который бы входили все системно важные развивающиеся страны. Причем интересно, что возникавшие ранее по инициативе США произвольные группировки не менее системно значимых стран – «Группа 22», «Группа 33» и т.п. – так и не прижились. Вернее, они исчезали, исполнив непосредственно порученные им задачи, а «Группа двадцати», архитекторами которой выступили все члены «семерки», фактически на сегодняшний день приобрела положение глобального экономического директората.

Возникновение «двадцатки» в 2008 году стало де-факто признанием того, что «семерка» (в данном контексте «восьмерка» с Россией в ней скорее играла вспомогательную роль) более не способна единолично решать проблемы мирового экономического развития и финансовой стабильности. Сразу же с появлением «двадцатки» на министерском уровне стали раздаваться голоса за переведение форума на лидерский уровень.

Самый громкий голос звучал со стороны как официальных лиц, так и академического сообщества Канады, что в данном случае не столько свидетельствовало о прозорливости представителей этой страны относительно грядущего глобального финансово-экономического кризиса, грянувшего в конце первого десятилетия XXI века, сколько разумно обосновывало возможность повышения роли собственного государства в рамках глобальных структур. Возможно, это звучит достаточно цинично и отчасти парадоксально. Ведь и без того небольшой удельный вес Канады должен еще более размыться и снизиться в рамках более широкой структуры из 20 участников. Тем не менее политические инициативы, на которые всегда делали ставку в Оттаве (например, выдвижение проблемы апартеида на повестку дня встречи «семерки» в год председательства Канады, продвижение вопроса о запрещении противопехотных мин и т.п. – каждая из названных проблем действительно достойная поддержки, но кроме того она еще и выполняет роль политического рычага, поднимающего страну-инициатора на ступень выше ее реальных возможностей), должны были сыграть в ее пользу и на этот раз. Ведь благодаря своей позиции Канада становилась навечно страной, активнее других поддерживавшей и добивавшейся создания лидерского форума двадцати, а также потенциально большим другом и меньшим «Западом» в глазах развивающихся стран-членов «двадцатки». Неслучайно также в кругах исследователей клубных механизмов бытует шутка о том, что если бы «семерки» не было, Канаде следовало бы ее придумать самой.

Интересно, что как только появилась «Группа двадцати», она мгновенно перехватила пальму первенства как главное мировое зло в глазах антиглобалистов и иных протестных кругов. Существовавшая с се-



Как только появилась «Группа двадцати», она мгновенно перехватила пальму первенства как главное мировое зло в глазах антиглобалистов и иных протестных кругов.

редины 1970-х годов «Группа семи/восьми» фактически оказалась в тени «двадцатки» и перестала в прежней степени привлекать внимание СМИ и общественности. Тут же появились и недовольные из других стран, обиженные отсутствием их самих в рядах нового элитного клуба.

В пик кризиса саммиты «Группы двадцати» проходили по два раза в год, но уже с 2011-го, когда лидеры признали его относительное затухание, количество ежегодных встреч сократилось до одной.

«Группа двадцати» относится к категории клубных механизмов, или неформальной дипломатии. Их объединяет ряд общих характеристик и принципов. Прежде всего это неформальная структура, созданная не на основе межгосударственного соглашения, в которой отсутствуют устав и административные управляющие органы. Тем не менее в рамках таких клубов существуют устоявшиеся принципы деятельности, которые с некоторыми модификациями, связанными в первую очередь с количеством и разнообразием участников, сохранились и в рамках этого форума. «Двадцатка» действует на уровне лидеров, основным событием каждого года является саммит, повестку дня которого активно готовят личные помощники глав государств, или шерпы, су-шерпы со стороны министерств иностранных дел и финансов, а также соответствующие аппараты госструктур. С целью облегчения процесса и обеспечения его минимальной преемственности и упорядоченности в «Группе двадцати» была также создана «тройка» из предыдущего, текущего и будущего председателей. Также обязательным принципом стал принцип ротации председателей из развитой и развивающейся страны или страны с переходной экономикой. На сегодняшний день в состав «тройки» помимо России входит председательствовавшая в 2012 году Мексика и Австралия.

Как и в остальных клубных механизмах, в «двадцатке» действует принцип консенсуса принимаемых решений при отсутствии их юридического закрепления, то есть все итоговые документы являются лишь политическими. Отсюда же вытекает и проблема исполнения принятых на себя обязательств. По идее наличие консенсуса предполагает согласие всех участников следовать принятым решениям, но отсутствие механизма контроля и принуждения и широкая трактовка того, как каждый из участников будет выполнять принятые обязательства, зачастую ставят под вопрос эффективность деятельности такого рода механизмов. Яркими примерами подобного отношения участников к своим же решениям в рамках «двадцатки» можно считать, во-первых, поддержку ими реформы квот в МВФ в 2010 году (а как мы знаем, воз и ныне там), а во-вторых, решение «Группы двадцати» о невведении протекционистских мер (опять же и в этом вопросе 17 из 19 стран нарушили собственные же обязательства). Впрочем, именно поэтому так остро встал вопрос о необходимости введения элементов самоконтроля и отчетности в группе, что и стало одной из задач, объявленных российской стороной в качестве приоритетных.

Почему именно «Группа двадцати»

Признание семью ведущими странами невозможности управлять и стабилизировать мировые экономические процессы самостоятельно привело к формированию клуба 19 системно важных мировых экономик и Европейского союза. Не секрет, что все вместе эти страны производят до 90 процентов мирового ВВП, на них приходится порядка 80 процентов мировой торговли и более 60 процентов населения мира (причем до двух третей беднейшего населения также проживает в этих странах). Таково соотношение этих стран с остальным миром. Не менее важным фактором является и перебалансировка мощи и потенциала внутри самой группы и постепенный переход экономических и финансовых возможностей от постиндустриальных стран к нарождающимся экономикам. Так, в соответствии с последними данными МВФ, с 1998 по 2012 год глобальный валовый продукт вырос почти в 2,5 раза – с 30,2 до 71,7 триллиона долларов США. Но при этом параллельно наблюдалась следующая тенденция: доля нарождающихся и других развивающихся экономик выросла с 23 до 41 процента, в то время как доля ведущих стран снизилась с 77 до 59 процентов.

Только эти сухие цифры (без учета дополнительных факторов, не только позитивных, но и негативных, таких как доля в загрязнении окружающей среды, которая составляет до 84 процентов соответствующего мирового показателя) уже обосновывают не только право, но и обязанность стран «Группы двадцати» взять на себя ответственность за глобальное управление экономикой и реформу международной валютно-финансовой и экономической систем в интересах всего мира.

Все приведенные показатели дают массовый эффект, но одновременно влияют на результативность решений. Причем влияют негативно. Вспомним, что когда была создана «Группа семи» из стран исключительно близких друг другу по духу, идеологии, экономическим принципам, даже тогда эти семь стран и европейские сообщества не всегда действовали в унисон и не всегда могли договориться по всем вопросам. Еще меньше вероятность полноценного консенсуса, если в группу входит не только в 2,5 раза больше участников, но они также очень сильно отличаются друг от друга с точки зрения политических режимов и идеологии, подходов к осуществлению экономической, торговой и финансовой политики и т.п. Также различные национальные интересы в разных сферах и отсутствие блоковой дисциплины (или страха перед внешним противником, как было в рамках «семерки» в годы холодной войны) ведут к формированию внутренних коалиций. Именно поэтому чаще всего, говоря о переговорах в «двадцатке», имеют в виду переговоры между странами БРИКС и костяком «семерки», особенно когда это касается ключевого вопроса встреч двадцати лидеров – а именно, реформы международной валютно-финансовой архитектуры. Тем не менее ситуация оказывается еще сложнее, чем «устойчивая биполярность», так как интересы в рамках этих блоков совпадают не по всему спектру проблем, которыми занимается «двадцатка». Это касается, например, вопроса изменения климата. Хотя формально основные переговоры ведутся в соответствии с Рамочной конвенцией ООН об изменении климата и в рамках Форума ведущих экономик, связанные с климатом вопросы поднимаются и в «Группе двадцати». И вот здесь отдельную группу формируют четыре страны – Бразилия, Индия, ЮАР и Китай (так называемая группа BASIC), в то время как российская позиция находится ближе к позиции развитых стран. Похожая ситуация складывается и вокруг проблем защиты интеллектуальной собственности, так как в данном случае уже российские производители оказываются заложниками деятельности китайских компаний. А например, когда на встрече «двадцатки» в Каннах шли переговоры об одобрении вступления России в ВТО, попытка выбить уступки под занавес наблюдалась именно со стороны партнера по БРИКС – Бразилии. Список проблем можно продолжать и далее. Отсюда – сложная конфигурация изменяющихся тематических коалиций в рамках «двадцатки» и неопределенность с точки зрения возможностей ее функционирования в меняющейся международной среде.

Мировая экономика и страны «двадцатки»

Ситуация в мировой экономике в целом и в отдельных стра-

В пик кризиса саммиты «Группы двадцати» проходили по два раза в год, но уже с 2011-го, когда лидеры признали его относительное затухание, количество ежегодных встреч сократилось до одной.

нах продолжает оставаться непростой. Причем это касается и развитых, и развивающихся стран. Несмотря на определенные успехи в рамках антикризисных мер, многие проблемы остались, а некоторые наоборот обострились. Здесь можно упомянуть и кризис еврозоны, и сохраняющуюся чрезмерную долговую нагрузку, и высокую ликвидность в одних секторах мировой экономики с одновременной дефицитностью в других. В Японии продолжают сохраняться неприемлемые уровни – порядка 238 процентов – долга к ВВП. В странах ЕС в среднем долг превышает 85 процентов, причем особенно серьезная ситуация в Греции, где долг достигает 160 процентов. В США он составляет порядка 106,5 процента. Но долг растет и в ранее благополучных странах, в том числе в России. Хотя по оценкам Министерства финансов государственный долг страны не должен выйти на опасный уровень (учитывая тот факт, что в странах с переходной экономикой уровень возможного долга гораздо ниже, чем это допустимо в развитых странах) и сохранится в пределах 12,8 процента в ближайшие три года. Эти и другие проблемы, как считают многие экономисты, грозят системными перебоями.

Еще свежо в памяти, что текущий валютно-финансовый и экономический кризис возник именно в Соединенных Штатах, а сегодня валютно-финансовая и экономическая политика этой страны продолжает оказывать значительное влияние на действия и ожидания других мировых акторов – как государственных, так и негосударственных. Неслучайно недавнее заявление главы ФРС США Бена Бернанке о прекращении в 2014 году стимулирующих ежемесячных выплат вызвало такую бурю эмоций, в первую очередь со стороны экономик с формирующимися рынками. Если ранее шли споры относительно последствий агрессивных национальных действий по валютному стимулированию, то на последнем отдельном заседании министров финансов «двадцатки» речь шла как раз об опасностях резкого прекращения такого стимулирования, способного привести к кризису ликвидности и резкому оттоку капитала из развивающихся стран. Дополнительный акцент на такой позиции был сделан в ходе встречи на полях «двадцатки» – министров финансов стран БРИКС, – обеспокоенных тем, что в условиях стагнирующей мировой экономики резкое сворачивание программ «количественного смягчения» способно оказать негативный эффект на финансовые рынки развивающихся стран. Соответственно предложенные решения соответствуют и одному из приоритетов российского председательства – а именно, необходимости повышения прозрачности и предсказуемости экономического регулирования, в частности, валютной политики развитых государств.

Одной из важнейших проблем, которая, впрочем, вряд ли будет продвигаться российским председателем именно в таком ракурсе, но которая одновременно входит в расширенный список приоритетов, а также в значительной мере волнует все страны группы и активно муссируется СМИ и представителями стран «семерки», является проблема китайской экономики. Тут возникают две основные проблемы. Первая – замедление темпов экономического роста Поднебесной, вторая – размеры теневого банковского сектора Китая и соответственно неучтенного долга и потенциального долгового кризиса. Все эти вопросы особо интересовали участников группы накануне прошедшей в июле встречи министров финансов клуба.

Действительно, за минувшее десятилетие наблюдался значительный рост китайской экономики, составлявший в среднем 10,5 процента, что в свою очередь сделало КНР второй экономикой в мире и позволило увеличить золотовалютные резервы страны в 11,6 раза (до 3,33 триллиона долларов США на конец 2012 года). Но на сегодняшний день рост этой страны значительно затормозился. Если официальный прогноз ВВП на этот год составляет порядка 7,5 процента, то с учетом всех обстоятельств велика вероятность еще более низкого показателя. Министерство финансов КНР уже заявило о приемлемости показателя роста в 7 процентов, но с учетом стадии развития китайской экономики считается, что уровень ниже обозначенного уже может грозить социальными рисками. При этом принимаемые китайским правительством меры по увеличению внутреннего спроса неспособны компенсировать стагнацию экспорта, вызванного конкуренцией со стороны стран Юго-Восточной Азии с более дешевой рабочей силой или со стороны США с более дешевой энергией – на фоне сланцевой революции.

Не менее серьезная проблема, грозящая выплеснуться вовне и затронуть слабую мировую финансовую систему, состоит в наличии обширного теневого банковского сектора в Китае, превышающего, по оценкам *Fitch*, два триллиона долларов США (около 16 процентов всех депозитов в стране). Чаще всего теневым банкингом занимаются мелкие банки, создаваемые региональными властями при слабом контроле со стороны центрального правительства. Причем инвестиции со стороны таких банков осуществляются в неокупаемые, но дорогостоящие проекты, чаще всего в недвижимость или инфраструктуру (собственно на которые и пошла бóльшая часть стимулирующего пакета в 600 миллиардов долларов США в 2009 году). В итоге на сегодняшний день, по оценкам различных экспертов, объем «токсичных» долгов в Китае может составлять порядка 10 процентов ВВП.

Другая проблема – правда, меньшего масштаба – действия Банка Японии по усилению монетарного стимулирования, способного привести к ослаблению иены и очередному витку валютных войн.

В таких условиях сохраняются повышенные риски и для российской экономики. Несмотря на постепенную переориентацию на внутренние стимулы по сравнению с внешними (преимущественную опору на внутренний спрос по сравнению с экспортно-ориентированным развитием) и развитие обрабатывающих отраслей, в отечественной экономике сохраняется высокая зависимость от внешних источников денежного предложения. В частности, от внешних займов (сейчас нарастает задолженность на уровне как государственных компаний и банков, так и крупных частных предприятий) и углеводородного экспорта (если в 2008 году федеральный бюджет на 50 процентов зависел от нефтегазовых доходов, то в 2012 году эта зависимость выросла до 54,5 процента). Проблематичным остается и отсутствие так называемых длинных денег в экономике.

Итак, страны «Группы двадцати» являются одновременно и ядром мировой экономики, и причиной возникших глобальных структурных дисбалансов и проблем. В первую очередь это касается «тяжеловесов» «двадцатки» – США, Китая и ЕС. При этом объективный вес стран-членов группы в мире позволяет ей наилучшим образом подходить к решению мировых валютно-финансовых и экономических проблем.

Приоритеты российского председателя

Приоритеты российской стороны стоит рассмотреть подробнее, так как в них сочетаются глобальная ответственность нашей страны и стремление решить ряд национальных задач через многосторонние механизмы.

По устоявшейся в клубах традиции, председатель должен избрать три приоритета. Аналогичная ситуация была и в 2006 году, когда Россия принимала у себя саммит «восьмерки». Если тогда в качестве ключевых были объявлены

темы международной энергетической безопасности, образования и борьбы с инфекционными заболеваниями, то сегодня, с учетом иного характера «двадцатки», на повестке дня стоят исключительно экономические проблемы:

- инвестиции для роста экономики и обеспечения занятости;
- доверие и прозрачность для роста экономики;
- эффективное регулирование для роста экономики.

Впрочем, намеренно широкий охват проблем оставляет значительные возможности для стран-участниц все равно включать практически любые вопросы в повестку дня: в результате в рамках трех широких приоритетов станут рассматриваться восемь основных тематических направлений, которые в свою очередь также будут включать еще более мелкое дробление. Например, под эгидой третьего приоритета нашли свое место и традиционные для России вопросы энергетики. Созданная в рамках «двадцатки» Рабочая группа по устойчивой энергетике занимается четырьмя основными направлениями – волатильностью энергорынка, проблемами энергоэффективности зеленого роста, развитием и регулированием энергетической инфраструктуры, а также защитой морской окружающей среды (последнее направление оказалось на повестке дня «Группы двадцати» еще в 2010 году в Торонто по инициативе России вслед за разливом нефти в Мексиканском заливе по вине «Бритиш петролеум»). Россия предложила, вроде бы, совершенно другие темы по сравнению с 2006 годом, но все равно не отказалась от продвижения в рамках новых тем тех инициатив, которые не нашли выражение или были недостаточно развиты по итогам «восьмерки».

Первый приоритет России – а именно, проблема увеличения инвестиций для обеспечения роста экономики и занятости – представляет собой значительные возможности с точки зрения как международного сотрудничества и преодоления последствий кризиса (или скорее мог бы способствовать началу выхода из него), так и более эффективной российской внутренней политики. Несмотря на то, что кризис длится уже более пяти лет, уровень безработицы остается высоким. Причем проблемы в промышленно развитых и развивающихся странах различаются. Так, в странах ОЭСР можно говорить об официальной безработице. Там, по данным этой организации, в 2013 году 48 миллионов человек были безработными, что на 16 миллионов человек больше, чем аналогичные данные 2008 года. При этом в таких странах, как Греция и Испания, уровень безработицы превышает 25 процентов, а молодежной безработицы – еще выше. В России показатель один из самых низких – 5,5 процента, но российской проблемой – как, впрочем, и других стран БРИКС – является наличие неполной занятости. Также значительным фактором во многих развивающихся странах является преобладание наиболее уязвимых слоев населения в неформальном секторе экономики, что в свою очередь делает эти слои еще более незащищенными с точки зрения отсутствия социального обеспечения и стабильности заработка.

Между тем проблема занятости также не является чем-то новым для «двадцатки», еще в 2011 году было решено создать Рабочую группу по занятости, которая должна была стать своего рода форумом для обмена передовым опытом. Можно похвалить российского председателя за определенные новаторские подходы – а именно, проведение первой объединенной встречи министров финансов и труда. Представители предыдущей страны-председателя – Мексики – считают возможным, что именно этот процесс позволит вписать имя нашей страны в историю «двадцатки» как успешного новатора. В ходе такой совместной встречи была отмечена неразрывная связь между экономическим ростом, макроэкономической и социальной политикой, а по итогам принята совместная декларация. Среди прочего была отмечена важность проведения интегрированной политики в сфере занятости, инвестирования в стимулирование создания рабочих мест – в частности, с целью борьбы с молодежной безработицей, – формирования инвестиционного климата в странах-участницах, доступности финансирования для предпринимателей, а также освещены многие другие близкие темы.

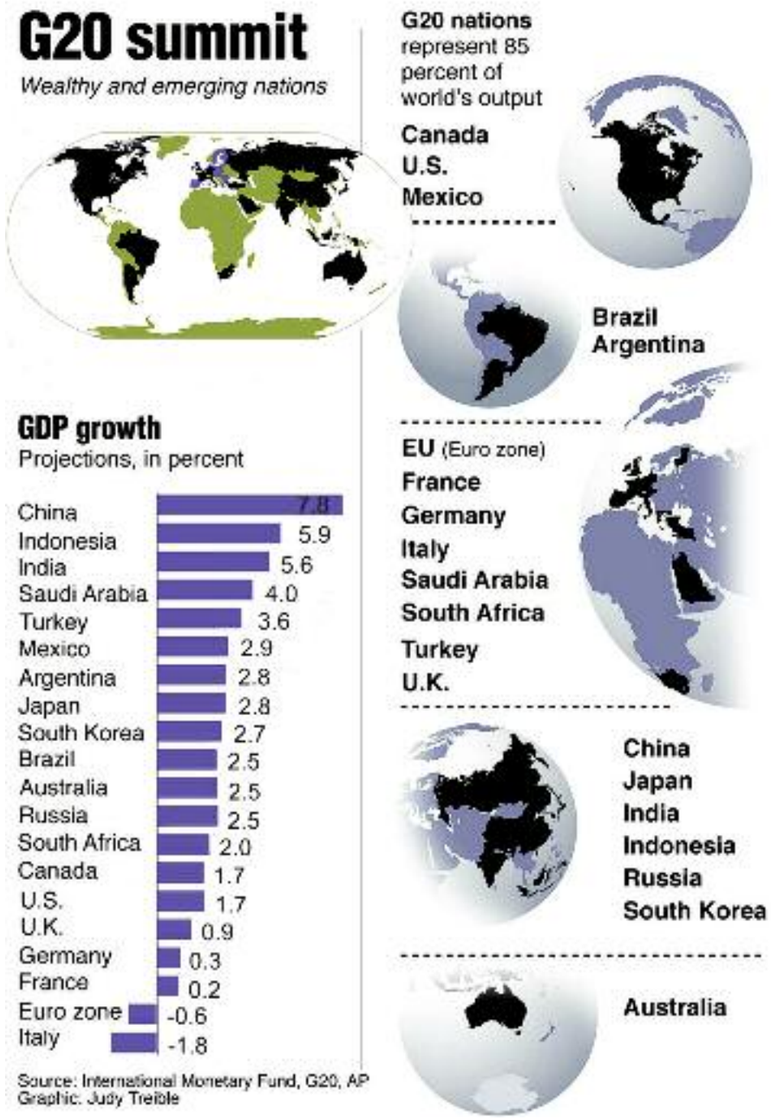
С одной стороны, каких-то прорывных решений принято не было. Но с другой, учитывая препятствия для реализации решений, независимо от уровня их принятия возникающие в результате межведомственной конкуренции, такие противоречия имеют шанс быть преодоленными уже на этапе выработки решений. Разносторонний подход к проблеме и устранение горизонтальной конкуренции между бюрократиями позволят эффективно решать проблему как на страновом, так и на международном уровнях.

Хотя если говорить не о международном, а о внутрироссийском контексте, пока кроме заявления о стремлении создать 25 миллионов новых инновационных рабочих мест в стране ряд реальных политических шагов может скорее привести к снижению возможностей использования человеческого капитала. В частности, можно отметить непродуктивные изменения в сфере обеспечения социальной политики. Так, если сейчас расходы на здравоохранение в России составляют порядка 3,5 процента ВВП (что почти в два раза ниже среднего уровня расходов по ОЭСР), то к 2016 году ожидается дальнейшее их снижение до 2,2 процента ВВП. Расходы на образование, отмеченные в совместной декларации министров как важный аспект формирования качественного рынка труда, в российском бюджете также будут сокращаться с 5,1 до 3,9 процента за тот же период времени.

Как видно из декларации, одним из важных факторов создания новых рабочих мест является финансирование для инвестиций. Именно эта тема стала еще одним направлением дискуссий в рамках российского председательства – в первую очередь с точки зрения роли государства, в частности, в сфере формирования государственно-частных партнерств, нетрадиционных источников долгосрочного финансирования, прямых зарубежных инвестиций и т.п., а также с точки зрения реформы финансовых регуляторов.

Планируется также проанализировать и пересмотреть ряд конкретных страновых параметров и целей, а также определить стратегии их развития в контексте принятого еще в Питтсбурге Рамочного соглашения об устойчивом, уверенном и сбалансированном росте.

Важнейшим направлением дебатов, причем с самого начала работы «двадцатки» на уровне министров финансов, является реформа международных финансовых институтов. Как мы знаем, одним из наиболее ожидаемых и значимых решений сеульского самита «Группы двадцати» как раз стало решение о реформе Международного валютного фонда, в том числе и с точки зрения пересмотра квот развитых и развивающихся стран. Интересно, что проблема реформирования международных финансовых институтов была поставлена на повестку дня отнюдь не по итогам текущего финансово-экономического кризиса, а гораздо раньше. Еще в середине 1990-х, по итогам кризиса с мексиканским песо, встал вопрос об эффективности МВФ как института, способного пред-



Не секрет, что все вместе эти страны производят до 90 процентов мирового ВВП, на них приходится порядка 80 процентов мировой торговли и более 60 процентов населения мира (причем до двух третей беднейшего населения также проживает в этих странах).

В этом году у России уже есть наработки и опыт, а также значительная помощь ввиду налаженного процесса «тройки». Поэтому с организационной точки зрения обеспокоенности перспективами саммита не возникает. Пожалуй, единственным моментом может стать осложнение ситуации вокруг решения России предоставить временное политическое убежище бывшему агенту ЦРУ Сноудену.

отвращать международные валютно-финансовые кризисы и отвечать за стабильность системы. США добились спасения своего южного соседа, но вопрос об укреплении международной финансовой системы (МФС) оказался на повестке дня международных институтов, в частности, на повестке дня саммита «семерки» 1995 года в Галифаксе (Канада). В 1998 году была образована «Группа 22», включившая в свой состав, по оценке США, системно важные для мировой финансовой системы страны, в которых работа осуществлялась по аналогичным сегодняшнему дню направлениям: повышение транспарентности и ответственности, укрепление национальных финансовых систем, распределение бремени между частным и государственным секторами и преодоление кризиса. Сегодня работа «двадцатки» по этой теме является стратегически важной с точки зрения формирования соответствующего консенсуса, но лишь дополняющей. Все заявленные цели, а именно, завершение реформ квот и управления МВФ от 2010 года, новый пересмотр формулы квот 2014 года, реализация плана действий по развитию местных валютных рынков и т.п., в первую очередь осуществляются в рамках соответствующих финансовых институтов. Более того, если говорить именно о российском председательстве, то с учетом невысоких перспектив ратификации данного соглашения Соединенными Штатами до конца этого года Москва, к сожалению, не сможет записать себе в актив благополучное разрешение данной проблемы.

Аналогично в рамках приоритета повышения доверия и транспарентности мировой финансовой системы в этом году будут обсуждаться дальнейшие меры по укреплению финансового регулирования. В частности, Россия предполагает преобразование Совета по финансовой стабильности (СФС) в полноценную международную организацию с четко определенными полномочиями и правилами функционирования. Несомненно, в той или иной форме возникнут названная выше проблема теневого банкинга КНР, дальнейшее сокращение уязвимости мировых экономик от оценок кредитных рейтинговых агентств и многие другие вопросы, уже не первый год стоящие на повестки дня «Группы двадцати». Среди тем по этому направлению на официальном сайте российского председательства обозначен также мониторинг реализации правил по банковскому надзору – Базель III. Интересно, что на этом фоне в России было принято решение отложить внедрение новых стандартов еще на три месяца, до 1 января 2014 года, синхронизировав их вступление в силу с США и ЕС, в то время как наши партнеры по БРИКС (кроме Бразилии, обязавшейся ввести эти требования до конца года) ужесточили требования к своим банкам еще в начале текущего года.

Среди других тем повестки дня можно отметить проблемы развития. Начиная с Сеульского консенсуса эта проблематика встала наряду с реформой международной валютной системы и ее стабилизацией на повестку дня «двадцатки». Более того, она в значительной мере пересекает все перечисленные направления – проблемы и качества рабочей силы и занятости, и финансовой грамотности и доступа к финансовым услугам со стороны уязвимых слоев населения, и инфраструктуры с возможностями ее долгосрочного финансирования. Также вслед за событиями прошлого года, в частности, за саммитом ООН Рио+20 и его достаточно неоднозначными результатами, существует необходимость продолжать работу по разработке целей устойчивого развития после 2015 года.

Тема борьбы с коррупцией также стоит на повестке дня российского председательства, хотя это и вызывает не вполне адекватные комментарии и реакцию со стороны представителей страны, где и была создана специальная Антикоррупционная рабочая группа «двадцатки». Такие аналитики вслед за своими национальными лидерами, обозначившими встречу «восьмерки» в Лох Эрне как встречу «7+1», продолжают максимально принижать возможности нашей страны и переворачивать любые ее намерения. Впрочем, вместо борьбы с коррупцией такие аналитики предлагают проблемы Интернета и борьбы с киберпреступностью, хотя и в этой области продолжают приписывать России все возможные и невозможные грехи.

Ожидания от саммита «двадцатки» в Санкт-Петербурге

Сложно не согласиться со многими экспертами, сосредотачивающими свое внимание на работе «Группы двадцати», в том, что Россия действительно придает большое значение успешному проведению данного мероприятия. Хотя и по другим причинам, нежели необходимость реабилитироваться и что-то доказать всему миру.

У нашей страны уже был достаточно успешный опыт председательствования в другом клубе – в «Группе восьми» в 2006 году. Хотя на тот момент Россия была абсолютным новичком в такого рода мероприятиях, она смогла предложить партнерам достойные организацию и содержание. Именно в России тогда впервые с таким размахом прошел процесс взаимодействия клуба с гражданским обществом (что, впрочем, потом не было воспринято следующими принимающими странами, и процесс в значительной степени затух).

В этом году у России уже есть наработки и опыт, а также значительная помощь ввиду налаженного процесса «тройки». Поэтому с организационной точки зрения обеспокоенности перспективами саммита не возникает. Пожалуй, единственным моментом может стать осложнение ситуации вокруг решения России предоставить временное политическое убежище бывшему агенту ЦРУ Сноудену. Но даже отказ Барака Обамы от запланированной встречи с Владимиром Путиным из-за Сноудена не повлек за собой отказа президента США и от участия в саммите «двадцатки». Тем более что в 2003 году уже возникала похожая ситуация с учетом вторжения США в Ирак. Тогда американский президент, поссорившись в первую очередь со своими французским и немецким коллегами, рассматривал различные варианты своего участия в саммите «восьмерки» в Эвиане. В частности, обсуждались варианты, что он будет лишь приезжать на встречи клуба, а ночевать – по другую сторону Женевского озера в Швейцарии. Впрочем, на сам саммит в его содержательной части это никак не повлияло.

Основной же акцент в содержании, по замыслу председателя, делается не только и не столько на новых темах или их интерпретациях, сколько на отчетности и завершении уже начатого. В целом преобладает добротный подход «отличника-зубрилы», достигающего успеха не столько благодаря таланту или яркому нестандартному ви́дению, сколько ввиду исключительного усердия и исполнения всех «домашних заданий». Но с одной оговоркой. Когда речь идет о решениях клубов, основная критика в их адрес сводится к тому, чтобы страны-участницы действительно выполняли то, о чем они пообещали. Поэтому если в этом году России удастся добиться воплощения ранее принятых решений, то это уже будет большая победа. Определенный успех грядущей встрече можно предсказать уже в силу того, что ситуация в мировой экономике продолжает оставаться нестабильной. А это ведет к большей склонности лидеров идти на договоренности и успокаивать мировую общественность и бизнес.

Что касается деятельности «двадцатки» в целом, а не именно в связи с российским председательством в ней, то до сих пор сохраняется неясность относительно ее существования в будущем – после окончательного выхода из кризиса и возобновления нормального функционирования мировой экономики. Тем более что ее решения далеко не всегда выполняются и в условиях кризиса. Поэтому насколько она останется реальным мировым экономическим директоратом в новых условиях – вопрос открытый. То, что участие в «двадцатке» – это вопрос глобального статуса (особенно для стран, не входящих ни в Совет Безопасности ООН, ни в «восьмерку»), который они не захотят потерять независимо от международной экономической конъюнктуры, это тоже факт. Поэтому исчезновение этому механизму также не грозит. Остается важный, но, к сожалению, не первостепенный вопрос эффективности «двадцатки».

Алексей Анатольевич Громыко –
доктор политических наук, заместитель директора Института Европы РАН

Малая Европа – Россия – США: стратегии геополитического выживания

Какие варианты стратегического развития существуют для Малой Европы (государств-членов Европейского союза) в ближайшие десятилетия? Логичным представляется продолжение его становления в качестве автономного центра влияния в XXI столетии. И здесь есть два пути приращения этого влияния: либо инерционный – с помощью уже выработанных методов «силы примера» – привлекательности модели развития, «мягкой силы», либо модернизационный – с помощью дальнейшей федерализации, в том числе шагов по построению единой внешней политики.

Первый путь более легкий, не требующий новых серьезных институциональных изменений, но менее вероятный на фоне глубокого кризиса европейской модели развития. Модернизация или смерть – именно такая дилемма, считают многие, стоит перед ЕС. Кроме того, когда еврозона сталкивается с возможностью распада, отдельные ее члены – фактически банкроты, безработица бьет рекорды, а одна из ведущих стран ЕС раздумывает над возможностью выхода из него, трудно убеждать соседние страны в том, что твоя модель развития самая лучшая и привлекательная.

Второй путь – качественные изменения в ЕС – более трудный, с менее предсказуемыми последствиями и риском чрезмерного разгона ЕС по пути «многоскоростной Европы», в которой центробежные силы могут взять верх. Но, по крайней мере, он давал бы надежду на то, что если проект качественно изменится, то его гравитационное поле восстановит свою мощь. В конце концов, даже в своем нынешнем ослабленном виде на Малую Европу приходится половина всех мировых расходов по статье «международное развитие», что является мощной проекцией ее «мягкой силы». Большинство входящих в ЕС стран – мировые лидеры в стандартах жизни, что также не может не привлекать, – на них приходится более половины всех мировых социальных расходов. Но для этого пути «мягкой силы» будет уже недостаточно. Геополитический вес в XXI веке, как убедительно считает Джозеф Най, станет определяться «умной силой», комбинирующей различные стратегии, представляющие то или иное сочетание сил «мягкой» и «жесткой». Представляется, что наиболее активная часть политического класса ЕС выбрала именно этот путь.

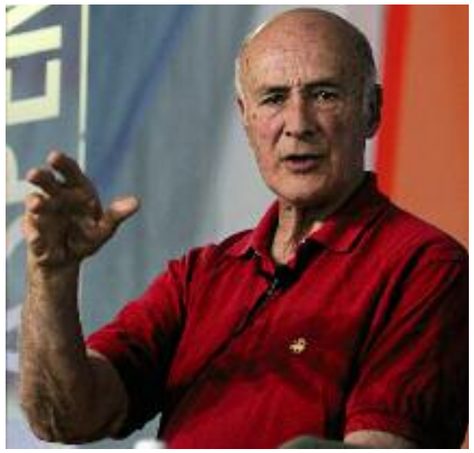
В то же время точка зрения о необходимости приращения геополитической роли Малой Европы имеет немало критиков, считающих, что уже в своем нынешнем виде она страдает от стратегического перенапряжения. Одно из главных препятствий как для внутреннего, так и внешнего единства Евросоюза – его разношерстность, которая достигла своего пика после мегарасширения 2004 и 2007 гг. Постоянно возрастающая неравномерность социально-экономического развития – ахиллесова пята ЕС. Однако обращает на себя внимание то, что в последние годы основными проблемными странами стали даже не младоевропейцы, а страны периферии, к которой принадлежат не только вступившие в ЕС в 1973 г. Ирландия, в 1981 г. – Греция и в 1986 г. – Испания и Португалия, но и одно из государств-основателей – Италия. Таким образом, проблемы интеграционного проекта, обнаженные мировым экономическим кризисом, имеют намного более глубокие корни, чем волны расширения в начале XXI столетия.

К настоящему времени внутреннее строение ЕС базируется не столько на принципе многосторонности, сколько на мини-многополярности, где различные внутрирегиональные центры силы в виде отдельных государств или их группировок не только сотрудничают, но и регулярно вступают в противоречия. К этому внутреннему стратегическому перенапряжению добавляется и внешнее, когда зона влияния Малой Европы, как бы она ни называлась, охватывает уже и значительную часть постсоветского пространства, и Ближний Восток, и Средиземноморье.

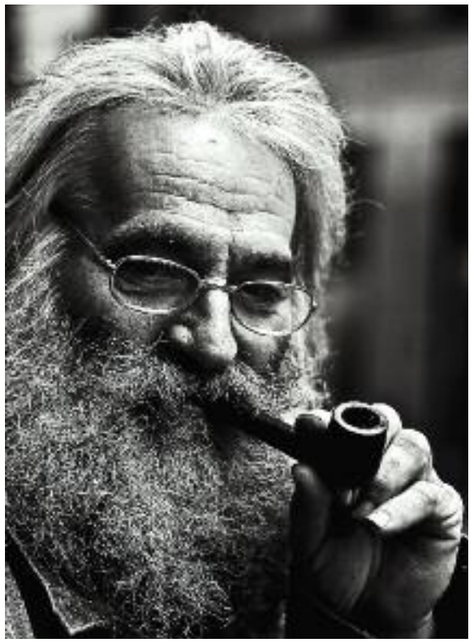
Иной вариант стратегического развития необходим в том случае, если считать Малую Европу затухающим центром силы вне зависимости от того, будет ли она продвигаться по инерционному пути или по пути «больше Европы», то есть через глубокое реформирование и федерирование. В этом случае встает вопрос о том, с помощью каких внешних факторов ЕС решать проблему своей постепенной стратегической маргинализации, другими словами – посредством приобретения каких союзников прекратить снижение своего геополитического веса. Действительно, каких бы успехов ни добился Евросоюз в ближайшем будущем, на него попрежнему будут оказывать разъедающее влияние три фундаментальных фактора. Один из них – демографический. В 1900 г. население Европы составляло четверть от мирового, в 2060 г. этот показатель может упасть до 6 процентов, из которых треть – люди старше 65 лет. Второй – постепенное снижение конкурентоспособности экономики ЕС. Третий, связанный с первыми двумя, – постепенное снижение его доли в мировом ВВП.

Как отдельные государства, становясь членами Евросоюза, получали от интеграционного проекта «прибавочную стоимость» и дополнительные рычаги по защите своих национальных интересов и внутри ЕС, и вне него, так теперь он сам может воспользоваться тем же – вступить в интеграционные проекты более высокого уровня с наиболее близкими ему мировыми центрами влияния. Для последних такая интеграция, предложенная на равных условиях, безусловно, будет привлекательной. Малая Европа – глобальный игрок в международной торговле, инновационных отраслях, в науке, образовании, социальных и технических стандартах, в международном развитии и постконфликтном регулировании и восстановлении.

В то же время ЕС в силу своих проблем не находится в привилегированном положении того центра влияния, за внимание которого соперничают другие серьезные игроки. Надо сказать, что в Большой Европе не менее остро вопрос о геополитических партнерах стоит и перед Россией. Для обоих этих центров трансрегионального влияния существует опасность вытеснения на вторые и третьи роли в случае, если доминирующее положение в мире займут геополитические комбинации без их уча-



Геополитический вес в XXI веке, как убедительно считает Джозеф Най (на фото), станет определяться «умной силой», комбинирующей различные стратегии, представляющие то или иное сочетание сил «мягкой» и «жесткой». Представляется, что наиболее активная часть политического класса ЕС выбрала именно этот путь.



возможно, показатель не слабости ЕС, а его здравомыслия. Ясно, что в ближайшие 10 лет его главная задача – разобраться с проблемами в собственном доме, а не импортировать новые. Не надо забывать, что решение о придании Турции статуса страны-кандидата в 1999 г. и начало переговоров о вступлении в 2005 г. пришлись на период европейского «головокружения от успехов» и ретроспективно выглядят преждевременными. Однако в будущем нельзя исключать, что при неблагоприятном стечении обстоятельств, когда другие альтернативы будут отсутствовать, членство Турции в ЕС может превратиться в его единственный геополитический козырь. Тем более что Анкара располагает бессменной поддержкой в этом вопросе Лондона, ряда крупных политических фигур, включая бывшего министра иностранных дел Германии Йошку Фишера.

Возвратимся к первому варианту – проекту Большой Европы. Для ЕС он проблемный по целому ряду причин. Среди них, например, значительные антироссийские настроения, особенно в некоторых странах Восточной Европы и Прибалтики, различия в экономических и социально-политических структурах, по крайней мере, между Россией и наиболее развитыми государствами ЕС, несовпадения по ряду стратегических целей и задач, амбиции дальнейшего роста – если не за счет увеличения числа государств-членов ЕС, то за счет увеличения сферы его влияния. Но, безусловно, и плюсов не меньше с учетом российских территорий, людских и природных ресурсов, передовых позиций в отдельных стратегических областях (атомной, космической, военной, энергетической, потенциально – инфраструктурной). По ряду фундаментальных экономических параметров – рост ВВП, высокая занятость, мизерный бюджетный дефицит или профицит, низкий государственный долг, пятые в мире золотовалютные резервы, невысокая доля государства в экономике, низкие налоговые ставки – Россия привлекательна. И при всех доморощенных проблемах потенциал ее развития велик. Кроме того, союз с ней был бы союзом равных.

Второй вариант союзничества – новая трансатлантическая сделка с США – испробованный и понятный. Проект по созданию трансатлантической зоны свободной торговли (ТЗСТ) – движение в этом направлении. Однако этот вариант означает крест на общей политике безопасности и обороны (ОПБО), а также роль младшего партнера, отказ от собственных внешнеполитических и геополитических амбиций, добровольную зависимость от «большого брата», поведение которого не всегда предсказуемо. ЕС должен будет разделить с США бремя «жесткой силы», в первую очередь в рамках бюджета НАТО, как того давно добивается Вашингтон. Но в реальных ценах оборонные расходы ЕС снизились в 1988–2005 гг. на 9 процентов. Эта тенденция лишь ускорилась с приходом мирового экономического кризиса. США тратят на военные расходы в два раза больше, чем 27 стран ЕС вместе взятые. Но главное – такой проект будет направлен на спасение Вашингтонского консенсуса, который скорее мертв, чем жив, и то благодаря аппарату искусственного дыхания под названием «неограниченная эмиссия американского доллара». Что касается ТЗСТ, то выгоды от нее далеко не очевидны, учитывая сельскохозяйственную политику Евросоюза, его неприятие генномодифицированной продукции и многое другое. Запущенные переговоры обещают быть долгими и трудными. Не успев начаться, они уже дали повод в июне 2013 г. для словесной перепалки между Еврокомиссией и Францией, которая стоит на страже среди прочего своей индустрии культуры. Вслед за этим, благодаря откровениям Эдварда Сноудена, разгорелся скандал, связанный с незаконной прослушкой американскими спецслужбами зарубежных лидеров, в том числе европейских, представительства ЕС и других европейских организаций в США. Если даже переговорам будет сопутствовать удача, речь идет о снижении торговых барьеров на считанные проценты, что немало, учитывая масштабы рынков, но вряд ли может претендовать на стратегический прорыв.

Считается, что компенсацией добровольного ухода Малой Европы на вторые роли станет возможность влиять на политику Вашингтона изнутри. В реальности этот путь уже не раз доказывал свою несостоятельность и тупиковость, в последний раз – на примере ближайшего союзника США в Европе – Великобритании, погубив в результате иракской эпопеи политическую карьеру Тони Блэра. И все же возвращение интегрированной Европы в лоно Америки всерьез обсуждается в западноевропейских экспертных кругах. Но проблем с антиамериканизмом в Европе не намного меньше, чем с антироссийскими настроениями. Репутация Соединенных Штатов получила оглушительный удар из-за их роли закоперщика мирового экономического кризиса. Привлекательность американской модели развития померкла. Страна как никогда разделена на два противостоящих политических лагеря. Но важнее даже другое: если США находятся в фазе спада, то не станут ли они той самой соломинкой, за которую хочет ухватиться Европа?

Действительно, доля и США, и ЕС-27, как и его ведущих экономик, в мировом ВВП снижается и, судя по прогнозам, будет снижаться, в то время как доля большинства экономик БРИКС и дальше продолжит увеличиваться. Россия на сегодняшний день здесь является, к сожалению, слабым звеном. При нынешней структуре ее экономики и даже в случае продолжения умеренного экономического роста в 3–4 процента доля страны в мировом ВВП будет либо сохраняться на имеющимся уровне, либо уменьшаться.

Теоретически существует и третий вариант – «концерт держав» XXI века в треугольнике Россия – Малая Европа – США. Эта конфигурация избавила бы Евросоюз от необходимости сближаться либо с США, либо с Россией, объединила бы все мегапространство европейской цивилизации, гарантировала бы ему ключевую роль в мировой политике на десятилетия вперед. Союз такой «большой тройки» не имел бы себе равных ни в экономическом, ни в военном, ни в политическом смысле. Причем проблемы в их внутреннем развитии, как и неблагоприятная для США, Малой Европы и в меньшей степени для России динамика в изменении баланса сил в мире, не дают им оснований рассчитывать на успех с опорой на консервацию имеющихся геополитических позиций. Нужны новые решения, новые большие идеи.

Но вероятность такого проекта еще меньше, чем обоих предыдущих. Во-первых, Соединенные Штаты, судя по всему, еще долго будут оставаться в плену «однополюсных» иллюзий, насколько дискредитированными к настоящему времени они ни были бы, а следовательно, не согласятся даже с ролью первого среди равных в обозначенном треугольнике. Во-вторых, в силу малозаметного присутствия ЕС как субъекта мировой геополитики (за исключением фасада такой субъектности в виде Европейской службы внешних действий) ясно, что в обозримом будущем в лице ЕС Россия и США в реальности имели бы дело в основном с ведущими национальными столицами Евросоюза, а не с его наднациональными органами. Такое положение вещей могло бы только консервировать нынешнюю стагнацию в развитии коммунитарной сферы внешней политики, безопасности и обороны ЕС, маргинализировать те страны-члены, которые по геополитическим параметрам входят во второй или третий эшелон.

Потенциал у такого геополитического треугольника, возможно, и есть, но до него должны были бы дозреть и Малая Европа, и США.

На Евросоюз по-прежнему будут оказывать разъедающее влияние три фундаментальных фактора. Один из них – демографический. В 2060 г. население Европы может составлять лишь 6 процентов от мирового, из которых треть – люди старше 65 лет. Второй – постепенное снижение конкурентоспособности экономики ЕС. Третий – постепенное снижение его доли в мировом ВВП.

стия, такие как Чаймерика или триумвират США–Китай–Индия (вариант триполярного мира).

Очевидно, что таких союзников, интеграция с которыми может решить проблемы снижения роли Малой Европы в мире, только два – Россия и США. Более влиятельных партнеров в ареале европейской цивилизации у ЕС нет. Включение в его ряды Турции умозрительно можно рассматривать как придание интеграционному проекту свежего дыхания (увеличение общей численности населения более чем на 70 миллионов человек, обретение проектом мультицивилизационного характера, геополитическое вклинивание ЕС в Азию), но вероятность этого мала. И это,

Перед Большой Европой и Россией остро стоит вопрос о геополитических партнерах. Для них существует опасность вытеснения на вторые и третьи роли в случае, если доминирующее положение в мире займут геополитические комбинации без их участия, такие как Чаймерика или триумвират США–Китай–Индия.

Михаил Васильевич Демурин –
публицист, чрезвычайный и полномочный посланник II класса

Вперед, к Данилевскому и Страхову!

Об основополагающем изъяне современной внешней политики России

Действующей Концепции внешней политики нашей страны о ее участии в деятельности «Группы двадцати», как и «Группы восьми» и других международных многосторонних объединений подобного рода (БРИКС, ШОС, РИК), сказано коротко: оно мотивируется заинтересованностью в обеспечении устойчивой управляемости мирового развития, которая требует коллективного лидерства ведущих государств мира. Это лидерство, говорится далее, должно быть представительным в географическом и цивилизационном отношениях и осуществляться при полном уважении центральной и координирующей роли ООН. Констатация емкая, но ей вопрос о содержании деятельности России в «Группе двадцати» в силу ее географического охвата и обсуждаемого на ее встречах круга проблем, связанных с поиском ответов на самый широкий спектр вызовов современности, конечно же, не исчерпывается. Так или иначе к нему имеют отношение все разделы Концепции, но мы сосредоточимся преимущественно на первых двух – тех, в которых изложены политико-философские, мировоззренческие основания международной деятельности России в качестве одной из стран, реально влияющих на ситуацию в мире и будущее человечества. И вот почему.

Сотрудникам МИДа России присуща известная способность, и рассматриваемый документ тому еще одно подтверждение, четко и правильно прописывать в бумагах подобного рода, что и как наша страна должна делать для защиты своих интересов на конкретных географических и проблемно-тематических направлениях. Загвоздка, однако, в том, что в определенных ситуациях эти правильные слова где-то растворяются, а конкретные внешнеполитические действия руководства России вызывают, как минимум, непонимание. Так было и остается в случае с Прибалтикой – оселком для проверки способности современного руководства России адекватно реагировать на комплекс вызовов в Европе и на пространстве бывшего СССР, где мы не можем остановить надругательство над нашей исторической памятью, ликвидировать военно-политические и экономические угрозы и добиться реального решения многочисленных проблем соотечественников. Так было в случае с Ливией, где мы попустительствовали ликвидации дружественного режима и одной из опор, препятствовавших скатыванию североафриканского и ближневосточного регионов в хаос. Так остается в случае с Украиной и, к сожалению, в целом ряде других важных для обеспечения безопасности нашей страны ситуаций. Значит, проблема не в том, *как* внешнеполитические подходы и установки *прописаны* на бумаге, а в том, *на основе каких принципов действуют* те, которые принимают решения в конкретных случаях, какова их шкала ценностей. Ну и, конечно, дело в мировоззренческих установках самих работников внешнеполитической сферы.

Разговор о политико-философских основаниях международной деятельности России в привязке к формату многосторонних институтов стоит начать с того, что в Концепции внешней политики РФ в редакции 1997 года участие в «восьмерке» (тогда «двадцатки», как известно, еще не существовало) трактовалось как «одно из существенных средств отстаивания и продвижения внешнеполитических интересов» нашей страны. На самом же деле ситуация имела, скорее, противоположный характер: плюсы, которые Россия, будучи принятой в «восьмерку», получала от «прибавки в статусе», в значительной мере перекрывались немалой политической ценой, которую руководство России 1990-х годов вынуждено было платить, чтобы сохранять себя в этом «клубе избранных».

В 2000-х годах ельцинско-козыревский взгляд на место и роль России в международных делах с его погоней за признанием в качестве части так называемого цивилизованного мира и надеждой на усиление за этот счет внешнеполитических позиций страны начал постепенно изживать себя. Подтверждением этого стала, в частности, активная роль России в формировании «Группы двадцати» и других упомянутых выше многосторонних объединений. Процесс высвобождения из плена западоцентричного взгляда на мировую политику, однако, идет медленно и мучительно, и многое, в том числе и текст «обновленной» внешнеполитической Концепции, говорит о том, что обретение нашей страной самостоятельной внешнеполитической субъектности потребует еще многих и серьезных усилий. На заседании Совета безопасности 15 февраля сего года, где шел разговор о Концепции, президент Путин в первых же словах своего выступления отметил, что основными принципами современной внешней политики России остаются «открытость, предсказуемость, прагматизм» и лишь после них – «нацеленность на отстаивание национальных интересов». Более того, глава государства специально подчеркнул, что отстаивать свои национальные интересы наша страна будет, «безусловно, без всякой конфронтации». Из этих трех «столпов» два первых – открытость и предсказуемость – имеют, по крайней мере, какие-то положительные стороны и, главное, боль-

Президент Путин назвал основными принципами современной внешней политики России «открытость, предсказуемость, прагматизм» и лишь после них – «нацеленность на отстаивание национальных интересов». Более того, глава государства специально подчеркнул, что отстаивать свои национальные интересы наша страна будет, «безусловно, без всякой конфронтации».

шинством политиков и экспертов расцениваются скорее как дань современному словоблудливому международному жаргону, чем как собственно содержательные понятия. Другое дело – концепт прагматизма: он не просто однозначно вредоносен, но и глубоко укоренился в современной российской политической и экспертной среде. Поэтому следует обратить на него особое внимание.

По толковому словарю русского языка Ожегова–Шведовой, прагматизм – это: «1. Направление в философии, отрицающее необходимость познания объективных законов действительности и признающее истиной лишь то, что дает практически полезные результаты. 2. В исторической науке: направление, ограничивающееся описанием событий в их внешней связи и последовательности без раскрытия закономерностей их развития». Что же касается современной русской политологии и журналистики, то в них слово «прагматизм» чаще всего поверхностно трактуется в духе времени как «достаточно адекватная идеологическая установка» или как «идеологическая установка на реализацию наличных социально-политических ценностей, на практический успех, на положительный результат». Вчитаемся, однако, в соответствующую статью словаря «Политология» Валерия Коновалова 2010 года, и мы вынуждены будем согласиться с констатацией «ограниченности прагматизма» и заложенного в нем «противоречия между частным и общим результатом действий», вследствие которого «сиюминутный успех зачастую приводит к противоположным последствиям в общем политическом процессе».

Действительно, вряд ли кто-то – во всяком случае, в публичной дискуссии – будет спорить с тем, что положительное решение проблем, которые встают перед страной в непрерывно меняющемся мире, должно приносить объективное благо или, как минимум, объективную пользу, то есть благо и пользу не кому-то в частности, а стране и народу в целом. Но имеется ли в сегодняшней России общее – и для бизнеса, и для государства, и для «общества» (беру это слово в кавычки, поскольку общего в российском социуме сегодня явно недостаточно для того, чтобы он назывался обществом), и для простых людей – понимание блага и пользы? Как мне представляется, его еще предстоит сформировать. Спустимся на ступень ниже, на уровень собственно задач российской внешней политики и российской дипломатии, но и здесь мы не найдем общенационального согласия по их поводу. В этих условиях прагматизм легко превращается в беспринципность или в метод достижения частичной пользы, частной, корпоративной выгоды. Примеров навязывания нам такого подхода в последние годы мы встречали немало, но некоторые из них особенно примечательны. Это в первую очередь февральские 2008 года призывы Алексея Кудрина и Анатолия Чубайса «уточнить» ориентиры внешней политики страны во имя «обеспечения стабильного роста» и, в частности, «не спорить» вокруг нарушавшей суверенитет России деятельности в нашей стране Британского совета, поскольку это нам «не по карману». Их тогда не послушались и ввели присутствие Британского совета в России в подобающие рамки. Хуже наши отношения с Великобританией от этого не стали – скорее, наоборот. Не стала летальной для наших отношений с США и другими натовцами и «непрагматичная» защита Россией ее национальных интересов в конфликте с Грузией в августе 2008 года. Тем не менее – теперь уже в послании Дмитрия Медведева Федеральному Собранию в 2009 году – вновь последовала установка на то, чтобы оценивать внешнюю политику исключительно с точки зрения того, «способствует ли она улучшению жизненных стандартов». Здесь уже было рукой подать до «прагматичной» сдачи Западу Ливии и ее лидера Каддафи в 2011 году и многого другого, чем были отмечены во внешней и внутренней политике России 2008–2012 годы.

Возникает естественный вопрос: зачем нужны разговоры о прагматизме Владимиру Путину? Зачем они нужны ему именно сейчас, когда страна начала, наконец, нащупывать отвечающую ее историческим и культурным корням систему идей, в которых осознавалось бы и оценивалось бы отношение людей к высшим понятиям и ценностям, к действительности, друг к другу, содержались бы одобренные общенациональным консенсусом цели культурной, социальной, экономической, политической и другой общественно полезной деятельности, то есть то, что называется идеологией? Зачем это нужно сейчас, когда растет понимание последствий идеологической агрессии, объектом которой Россия является уже не первое десятилетие и благоприятную среду для которой создает в том числе и навязывание нам концепта прагматизма?

Выступая год тому назад в Краснодаре, президент России подчеркнул: «Как показывает в том числе и наш собственный исторический опыт, культурное самосознание, духовные, нравственные ценности, ценностные коды – это сфера жесткой конкуренции, порой объект открытого информационного противоборства <...> хорошо срежиссированной пропагандистской атаки. <...> Это, как минимум, одна из форм конкурентной борьбы. Попытки влиять на мировоззрение целых народов, стремление подчинить их своей воле, навязать свою систему ценностей и понятий – это абсолютная реальность, так же как борьба за минеральные ресурсы». В качестве «прочного фундамента» для построения здорового общества и благополучной страны Владимир Путин предлагает идеологию патриотизма (хотя слово «идеология» им не произносится). Но разве можно сомневаться, что в условиях международного информационного противоборства и конкурентной борьбы вокруг ценностей и понятий с целью подчинить другие народы своей воле прочный мировоззренческий фундамент должен присутствовать и в сфере политики внешней? Тем более в условиях, когда внешнеполитическая деятельность и США, и Европейского союза, и Китая, и многих других стран из числа «Группы двадцати», а также наших соседей по пространству исторической России дает возрастающее число свидетельств того, что строится она именно на идеологической основе.

К сожалению, в нашем случае – по крайней мере, до последнего времени – в этом не только сомневались, но категорически настаивали на обратном. В январе 2008 года в одном из своих выступлений министр иностранных дел Сергей Лавров определил ситуацию так: «У нас нет во внешней политике никакой идеологии», – предоставив экспертам самим решать, во имя чьих идей Россия несет «возросшую ответственность в мировых делах». Вплоть до настоящего момента никаких корректировок такой позиции на официальном уровне не было сделано.

Поэтому с особым интересом при чтении «обновленной» Концепции внешней политики России глаз цепляется за тезисы о повышении значимости «культурно-цивилизационного измерения конкуренции в мире» и о важности использования во внешнеполитической работе «мягкой силы». Хочется понять, является ли констатация готовности реагировать на циви-

Имеется ли в сегодняшней России общее – и для бизнеса, и для государства, и для «общества», и для простых людей – понимание блага и пользы? Его еще предстоит сформировать. В этих условиях прагматизм легко превращается в беспринципность или в метод достижения частичной пользы, частной, корпоративной выгоды.

лизационный вызов прикрытием намерения оставаться в рамках либерально-западнических политических и мировоззренческих установок или наоборот «политкорректная» внешнеполитическая риторика служит завесой для начавшегося возвращения России к действительной идеологической самостоятельности в концептуальном взгляде на себя и на мир и в практических внутренних и международных делах.

Ясность на этот счет появляется уже при чтении первого раздела Концепции, в котором излагаются основные цели современной внешней политики России. Сформулированы они, правда, довольно непрофессионально для документа такого рода: авторы смешали в одну кучу и цели действительно принципиального значения, и задачи на пути к их достижению, и способы, методы, инструменты решения этих задач.

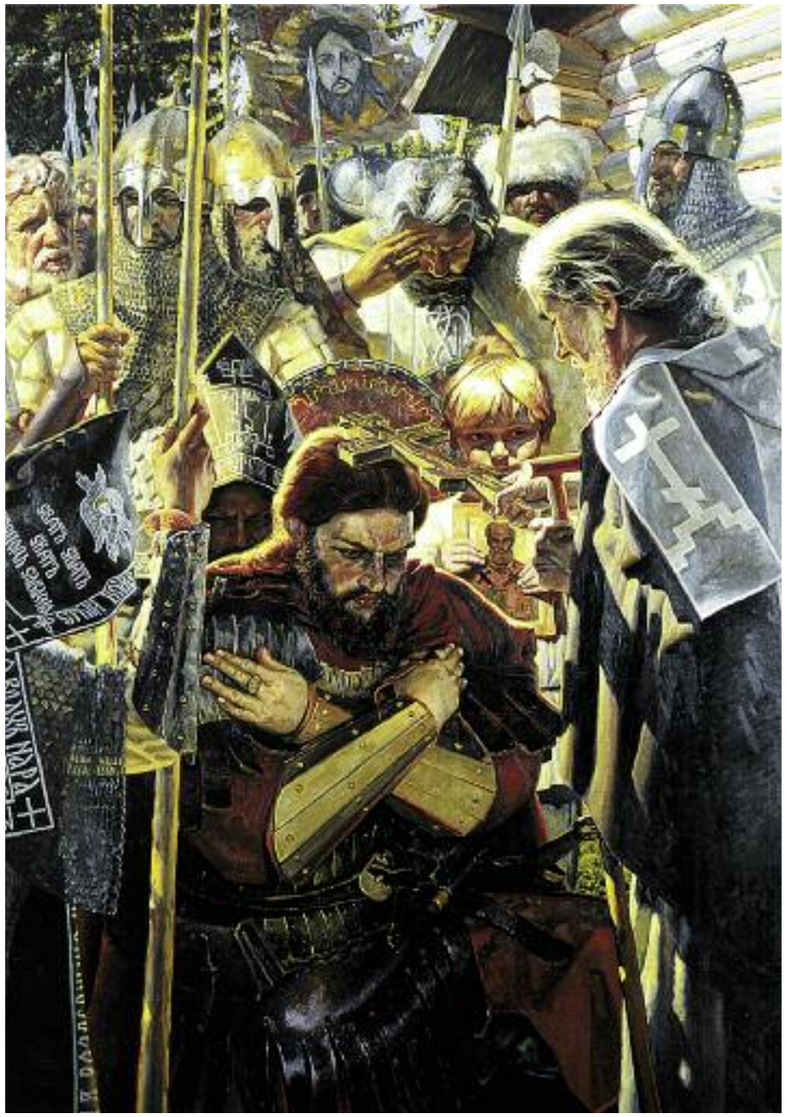
Обеспечение безопасности страны, упрочение ее суверенитета, территориальной целостности и должных позиций в мировом сообществе, создание благоприятных внешних условий для ее развития, укрепление мира, всеобщей безопасности и стабильности, утверждение справедливой международной системы – все это очевидные для внешней политики нашей страны цели, и правомерность их присутствия на приоритетных позициях в изложенном в Концепции перечне сомнений не вызывает. Далее, однако, начинаются вопросы. Да, для обеспечения безопасности России и достойных позиций нашей страны в мире желательными факторами являются верховенство международного права и наличие равноправных и партнерских отношений с иностранными государствами, межгосударственными объединениями, международными организациями и форумами. Но если на деле перечисленное в той или иной мере отсутствует, а это сегодня вынуждены констатировать даже самые благодушные из внешнеполитических экспертов и проявляющих себя на внешнеполитической ниве политиков, то заявленная цель – безопасность страны – должна достигаться не благими пожеланиями, а другими средствами, диктуемыми реальными обстоятельствами. Нужно ли нам, скажем, равноправное партнерство с таким объединением, как ГУАМ? Или с таким государством, как Косово? Реальная жизнь говорит о том, что не все государства достойны признания в качестве равноправного партнера. Не стоит также стратегически ангажироваться, всегда и со всеми проявлять в отношениях, как того требует Концепция, транспарентность, предсказуемость и неконфронтационность. Тем более в отстаивании национальных приоритетов.

Не может являться самоцелью и формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами – хотя бы в силу того, что сами эти государства могут не желать быть нам добрыми соседями. Некоторые из них, кстати говоря, и сегодня если не заявляют такую свою позицию, то осуществляют ее на практике. И реагировать на это надо не констатацией своей нацеленности на добрососедство, а конкретными мерами, способными отбить желание причинять вред нашей стране. То же самое касается и содействия устранению имеющихся и предотвращению возникновения новых очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к Российской Федерации регионах: это лишь способ обеспечения безопасности, но никак не цель политики в принципе.

Далее в этом разделе Концепции мы вновь встречаемся с тем, что явно относится не к целям внешней политики, а лишь к способам их достижения, инструментам, используемым для этого. Я имею в виду «развертывание недискриминационного международного сотрудничества», «содействие становлению гибких внеблоковых сетевых альянсов и участие в них», «недопущение дискриминации российских товаров, услуг и инвестиций, использование для этого возможностей международных и региональных экономических и финансовых организаций», «отстаивание в различных международных форматах российских подходов по теме защиты прав человека». При всем уважении не тянут на уровень целей и такие важные направления внешнеполитической работы, как распространение и укрепление позиций русского языка в мире, «популяризация» культурных достижений народов России, консолидация русской диаспоры за рубежом. Все это – инструменты достижения одной принципиальной цели: обеспечения достойного положения России в современном мире как самобытного культурно-исторического типа, самостоятельной цивилизации.

В то же время именно как дело особой важности, требующее подключения всех необходимых рычагов – политических, экономических и, если потребуется, военных, – должна рассматриваться заявленная в перечне целей защита прав и законных интересов российских граждан и соотечественников, проживающих за рубежом. К сожалению, в рассматриваемом документе она стоит по очередности на несколько ступеней ниже такой банальной задачи, как «дипломатическое сопровождение интересов отечественных экономических операторов». Наверное, это прагматично.

Под углом зрения деятельности России в многосторонних международных институтах, включая «Группу двадцати», отдельного рассмотрения заслуживает то, как в Концепции трактуются основные противоречия современного мира, его ключевой конфликт. Да, сегодня мы, как отмечается в документе, являемся свидетелями «глубинных сдвигов в геополитическом ландшафте», последствий глобального финансово-экономического кризиса, формирования «полицентричной международной системы», «повышения турбулентности экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях», усложнения современных международных отношений. Да, возможности исторического Запада доминировать сокращаются, а мировой потенциал силы и развития смещается на Восток. Да, в международных отношениях нарастает нестабильность. Все это, однако, как и большинство других черт современной международной жизни, описанных в главе «Современный мир и внешняя политика Российской Федерации», – то, что лежит на поверхности и служит производным от более фундаментальных процессов. А там, в основании, мы видим конфликт между структурами мирового управления, стремящимися окончательно подавить национальную самобытность народов и независимость государств, навязать им единую тоталитарную систему «демократического» порядка на общественно-политическом уровне и такой же единый примитивный стандарт потребительского отношения к жизни и окружающему миру на уровне культурно-антропологическом, с одной стороны, и противодействующими им субъектами мирового развития, не потерявшими еще свою историческую память и самосознание и борющимися за сохранение своей суверенности, с другой стороны. Что же касается социаль-



Игорь Сушенок. Не уступим земли Русской! 2001 год

Для обеспечения безопасности России и достойных позиций нашей страны в мире желательными факторами являются верховенство международного права и наличие равноправных и партнерских отношений с иностранными государствами, межгосударственными объединениями, международными организациями и форумами. Но если на деле перечисленное в той или иной мере отсутствует, то заявленная цель – безопасность страны – должна достигаться не благими пожеланиями, а другими средствами, диктуемыми реальными обстоятельствами.

Основным противоречием современного мира является конфликт между структурами мирового управления, стремящимися окончательно подавить национальную самобытность народов и независимость государств, навязать им единую тоталитарную систему «демократического» порядка на общественно-политическом уровне и такой же единый примитивный стандарт потребительского отношения к жизни и окружающему миру на уровне культурно-антропологическом, с одной стороны, и противодействующими им субъектами мирового развития, не потерявшими еще свою историческую память и самосознание и борющимися за сохранение своей суверенности, с другой стороны.

но-экономической стороны этого конфликта, то здесь мы наблюдаем столкновение сил мировой паразитической олигархии и субъектов созидательного, творческого труда, к которым в значительной мере принадлежит национальный производственный капитал. Другими словами, идет борьба между силами разрушения и силами созидания или, по крайней мере, удерживания мира от падения в пропасть. Первые пока преобладают, и они поставили нашу планету на грань экономической, военно-политической и культурной (как в общественном, так и в индивидуальном человеческом смыслах) катастрофы. Рассчитывать в этих условиях, как это делают авторы Концепции, на то, что силы разрушения, выступающие в роли современных каинов, вспомнят об «общем духовно-нравственном знаменателе, который всегда существовал у основных мировых религий», и будут действовать исходя из принципов «стремления к миру и справедливости, достоинства, свободы и ответственности, честности, милосердия и трудолюбия», явно не приходится. Соответственно констатированное в документе «осознание Россией своей особой ответственности за поддержание безопасности в мире как на глобальном, так и на региональном уровне» требует не просто участия в исправлении недостатков существующей системы мировых взаимоотношений, не просто исполнения роли «уравновешивающего фактора в международных делах и в развитии мировой цивилизации», а ясного и последовательного занятия позиции противодействия планам глобализаторов и лидерства в деле возвращения миру культурно-исторического многообразия, которым наделил его Создатель.

Это будет уже в полном смысле слова противоположный либерально-западному образ будущего планеты. Создать и воплотить его мы сможем, только глубоко проникнувшись своей традицией. Но сам труд создания такого образа послужит катализатором возвращения в отчий дом с желанием бережно восстановить разбитое, очистить пыль с забытого, добавить к ним такое новое, по поводу которого мы будем уверены, что, глядя на него, порадуются не только самые достойные из наших предков, но и сам Бог. Традиция же органично положит в основу нашего образа будущего вектор осуществления справедливости, которую так ждут сегодня и народы России, и все те в мире, которые уже прочувствовали угрозу основам своего бытия, исходящую от существующего порядка вещей.

Такое лидерство требует глубокого понимания сложнейшей проблемы диалога и партнерства между цивилизациями. В рассматриваемой Концепции эта тема развита несколько более детально, чем в аналогичном документе пятилетней давности, однако предложенные решения и формулировки все еще далеки от того, чтобы их можно было признать адекватными. Межцивилизационный диалог и сотрудничество – дело важное, но включение их в перечень внешнеполитических целей отвлекает внимание от главного: необходимости обеспечить безопасность и благополучие народа и страны, их культурно-историческую самобытность. Если диалог используется для предотвращения столкновения цивилизаций – это нормально, но главное, что предотвращает втягивание той или иной цивилизации в межцивилизационный конфликт или, во всяком случае, гарантирует, что этот конфликт не будет для нее смертельным, – не диалог, а ее собственная сила и прочность. Соответственно, если космополитично настроенные радетели за такой «диалог» используют его не для взаимного обогащения, а для разрушения нашей культурно-исторической самобытности, как это преимущественно делается в последние десятилетия, то это надо понимать и этому следует противодействовать. Вообще, надо сказать, что понимание того, о чем еще в XIX веке писали Николай Данилевский в книге «Россия и Европа» и Николай Страхов в «Борьбе с Западом» и что полностью сохраняет свою актуальность сегодня, у авторов Концепции если и присутствует, то очень слабо. В документе, например, отмечается возрастание значения фактора цивилизационной самобытности в современном мире (авторы зачем-то называют ее на английский манер идентичностью, хотя первым значением этого слова в русском языке является вовсе не самобытность, а тождественность, одинаковость). Это так, но если те, которые писали и утверждали Концепцию, действительно так считают, то, видимо, в число приоритетных целей внешней политики Российского государства, причем в верхних строках такого списка, должна быть включена защита культурно-исторической самобытности России. В документе, однако, мы читаем, что внешняя политика призвана создавать благоприятные внешние условия для чего угодно, включая технологическую модернизацию, инновационный путь развития и укрепление правового государства, но не для сохранения русской культуры, культур других народов России, их исконной веры, их традиций и Традиции с большой буквы. Судя по всему, разработчиков документа это волнует мало. Напрасно. Ведь стоит с этой позиции немного вдуматься в то, что в нем написано, и ясной как день становится нелепость огульного призыва к «укреплению согласия и взаимообогащения различных культур и религий». Никогда в истории такое «согласие и взаимообогащение» не было и не будет абсолютным благом. Русская культура никогда не будет стремиться к «согласию и взаимообогащению» с панкультурой или культурой эмо. Диалог православия и ислама способствует их взаимообогащению, и в миру православные и мусульмане должны жить в согласии, но с вероисповедной точки зрения пределы согласия между ними очевидны, и разговоры о его «укреплении» звучат, как минимум, формально. И уж совершенно точно ни православие, ни ислам не будут стремиться к согласию с какими-нибудь анимистскими культами или человеконенавистническими религиозными сектами, число которых под разговоры о свободе совести в современном мире множится. Уверен также, что у любого человека русской культуры, пусть даже и не фиксирующего свою религиозную принадлежность, все больше вопросов вызывает сегодня целесообразность установки на «создание единого гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана». С кем его строить – с теми, которые насаждают разрушительный для человеческой цивилизации содомский грех в Европе и «из гуманизма» пытаются навязать его и нашему народу? Авторы Концепции, наверное, неудачно пошутили, заявив, что «глобальная конкуренция впервые в новейшей истории приобретает цивилизационное измерение». Гитлеровская Германия завоевывала нашу страну и уничтожа-

Нацистский плакат: «Одна кровь, один долг, одна честь»

Авторы Концепции, наверное, неудачно пошутили, заявив, что «глобальная конкуренция впервые в новейшей истории приобретает цивилизационное измерение». Гитлеровская Германия завоевывала нашу страну и уничтожала наш народ именно в рамках установки на победу «высшей цивилизации» над «низшей».

ла наш народ именно в рамках установки на победу «высшей цивилизации» над «низшей». Когда России предложили в конце XX века «вернуться в цивилизованный мир», это было нечто из той же оперы, хотя и не столь варварски сформулированное и осуществленное. Надо обладать каким-то окаменелым бесчувствием, чтобы этого не то чтобы не понимать разумом, а не ощущать своим национальным нутром. Но что об этом говорить, когда авторы Концепции, констатируя «культурно-цивилизационное многообразие современного мира» и «стремление народов вернуться к своим цивилизационным корням», одновременно заявляют: «Глобальная конкуренция <...> выражается в соперничестве различных ценностных ориентиров и моделей развития *в рамках универсальных принципов демократии и рыночной экономики* (курсив мой. – *М.Д.*)». Зачем заявлять, что «попытки навязывания другим собственной шкалы ценностей чреваты усилением ксенофобии, нетерпимости и конфликтности в международных делах», говорить о сокращающихся возможностях исторического Запада доминировать и отмечать смещение мирового потенциала силы и развития на Восток, если при этом ты одновременно фактически утверждаешь западоцентричную модель будущего нашей планеты? Получается, что значение «мягкой силы» и информационного воздействия для достижения политических целей в современном мире МИД и руководство нашей страны осознали, но от результатов такой идеологической обработки в последние 20–25 лет избавиться пока не в состоянии.

Кстати, к вопросу о присутствии идеологии (что такое «ценностные ориентиры», как не идеология?) в мировой политике. В Концепции говорится о некой «обозначающейся тенденции реидеологизации международных отношений», которая «негативно влияет на перспективы укрепления глобальной стабильности». Неужели в МИДе России, других ведомствах, задействованных в осуществлении внешней политики нашей страны, есть люди, которые считают, что в некий предыдущий период (10, 20, 25 лет) идеологии в мировой политике не было? Все крупные страны всегда руководствовались, руководствуются и будут руководствоваться в международной деятельности своей системой ценностей – политических, моральных, культурных. Те, которые сильнее, будут стремиться навязывать эту систему другим, а то и всему миру. Те, которые слабее, станут пытаться сохранять свою систему ценностей. Даже такие очевидные сателлиты США и нахлебники Европейского союза, как прибалтийские страны, выступая в мировых делах в фарватере своих патронов, сохраняют и реализуют в своей внешней политике те или иные собственные идеологические установки, порой отличные от американских и западноевропейских. Даже наша страна, даже в ельцинский период так или иначе сохраняла свои «ценностные ориентиры» в силу положительного исторического заряда предыдущих форм русской цивилизации. Сам же по себе тезис о деидеологизации, нашедший свое отражение и в современной Конституции России, сыграл деструктивную роль в обеспечении способности нашей страны занимать самостоятельную позицию по вопросам, от которых зависит ее безопасность в самых разных областях – культурной, информационной, политической, экономической, военной. Сегодня такую же роль может сыграть тезис о вреде «реидеологизации». Задача не в том, чтобы настаивать на возврате к химере деидеологизации, а в том, чтобы *быть готовым вести идеологическую борьбу за национальные интересы России*. Для этого, естественно, надо обладать своей суверенной системой духовных, культурных, политических и нравственных ценностей, опираясь на которую только и можно нести «возрос-

шую ответственность за формирование международной повестки дня и основ международной системы».

Тезис о вреде «реидеологизации» наводит еще на одну мысль. Если в российской внешней политике нет никакой идеологии, то зачем тогда в сугубо профессиональном внешнеполитическом документе присутствуют многократные идеологические заклинания об «универсальности принципов демократии и рыночной экономики», о «единстве правового и гуманитарного пространства европейского континента», о приверженности обеспечению прав и свобод человека, о том, что внешняя политика России призвана «создавать благоприятные условия для реализации исторического выбора народов Российской Федерации в пользу правового государства, демократического общества, социально ориентированной рыночной экономики»? Приведу в связи с этим некоторые цифры. Сегодня важными для страны в целом считают демократию и права человека 12 процентов граждан России, а для себя лично – 9 процентов. Положительно относятся к переходу к рыночной экономике в принципе только 40 процентов граждан России, а к результатам этого перехода в нашей стране – гораздо меньше. Поддерживают идею сближения с Западом, вхождения России в «общеевропейский дом» 7 процентов россиян. Все это меньше, чем число тех, которые в советское время разделяли коммунистические идеалы, поддерживали существовавший социально-экономический и общественный строй и стояли на позициях суверенитета СССР и его ответственности за судьбы мира. А ведь о том, что население СССР было идеологически индоктринированным, сегодня твердит каждый второй из радетелей за «европейский выбор». Так все-таки о чьем историческом выборе и зачем говорится в заключительной фразе Концепции?

Еще в 60-е годы XIX века русский философ Николай Страхов призывал Россию и русских не обманываться относительно возможности быть причисленными к западной «заповедной семье». Важно, писал он, сохранять свое стремление к самобытному развитию, а внешним противникам показать, что с ними «соперничает не азиатское государство, а *другая цивилизация, более крепкая и твердая, наша русская цивилизация* (курсив мой. – *М.Д.*)». К нему тогда не прислушались. К сожалению, и сегодня такая установка не в чести, хотя всем, вроде бы, очевидно: одних лишь заявлений, что мы отказываемся от роли второго плана в глобальном либеральном проекте, недостаточно, как недостаточно просто укреплять экономическую и оборонную мощь и формально понимаемую политическую стабильность, – надо реально иметь свой цивилизационный проект, демонстрировать, что мы действительно самостоятельная нация. Причем в современном мире – и деятельность «Группы двадцати» тому характерное свидетельство – целостная субъектность необходима России не только в отношениях с Западом, который сам эту субъектность в правильном понимании все более теряет, но в возрастающей степени – в отношениях с набирающими мощь Востоком и Югом. И если кто-то рассчитывает, что ему удастся создать такую субъектность без опоры на наше самобытное народное начало, именно на русский дух с его особой устремленностью к самостоятельной жизни, он глубоко ошибается.

Александр Владимирович Фоменко – историк и политолог, депутат Государственной Думы IV созыва, председатель Постоянного комитета Межпарламентского союза по устойчивому развитию, финансам и торговле (2005–2007)

Русский взгляд на Поднебесную

С середины 1990-х годов в московской прессе хорошим тоном стало говорить об особых отношениях России и Китая. Особенно на фоне нараставшей прохлады в официальных отношениях с Вашингтоном и явного утомления Москвы от постоянных и почти семейных (по степени бессмысленности и интенсивности) перепалок с Брюсселем. Впечатление от собственных российских «реформ» было столь гнетущим, ослабление экономических и военных возможностей, а следовательно и геополитического веса, постсоветской РФ по сравнению с СССР было столь очевидным, что хозяйственные успехи китайского госкапитализма не могли не вызывать озадаченного удивления наших сограждан.

Кто к нам пришел?

Экономическая масса Китая достигла к тому времени таких размеров, что пекинские власти стали намеренно приуменьшать официальные статистические данные как о своих оборонных возможностях, так и о своем народном хозяйстве – дабы не дразнить раньше времени всевозможные «большие семерки» и «восьмерки». Если в 1980 году валовой внутренний продукт Китая составлял 64 процента от американского, то в 1987 году он достиг уже 97 процентов ВВП США. В 1997-м соотношение было 1,7 – в пользу Китая.

Подобную скромность, надо сказать, весьма поощряли руководители ведущих стран Запада, не склонные огорчать своих сограждан сообщениями об истинных размерах экономической и военной мощи Красного Китая. Делалось и делается это вполне грамотно – путем применения особых методик оценки китайской экономики, как ранее – при оценке экономики СССР. Например, стоимость предоставляемых государством услуг (образование, медицина и т.д.) занижалась в десятки раз – то есть учитывалась лишь их конечная стоимость для потребителя. Никто не хотел говорить о паритете покупательной стоимости услуг, предоставляемых гражданам тех или иных стран, – по аналогии с паритетом покупательной способности различных валют.

В то же время дезинформация путем завышения тех или иных показателей также имеет место. Китай, например, постоянно преувеличивал действительный уровень иностранных вложений в свою экономику – более чем в полтора раза. Учитывались в отчетах не только реальные инвестиции, но и так называемые опционы – предполагаемые инвестиции. И никто официально не вносил в эти показатели поправку на «репатриацию» незаконно вывезенного из страны капитала.

Таким образом, создавалась иллюзия того, что именно иностранным инвестициям обязан был Китай своим быстрым хозяйственным ростом. Но на самом деле такие инвестиции оборачивались лишь считанными процентами физического объема китайской экономики.

Именно поэтому Пекин относительно безболезненно пережил последствия известного «азиатского кризиса» конца 1990-х, достаточно ясно продемонстрировав западному миру, что вполне способен играть и выигрывать по правилам, писавшимся не им и не для него.

Тогда, в 1997-1998 годах, вследствие ударов международных финансовых спекулянтов по экономикам стран Юго-Восточной Азии, а также Японии (совершенных не без благосклонного понимания некоторых если не правительств, то национальных финансовых институтов) про различных «азиатских тигров», равно как и «драконов», в масс-медиа рассуждать перестали, глобальные же амбиции Страны восходящего солнца явно уменьшились. При этом премьер-министр Малайзии Махатхир Мохаммад (до того – вполне дисциплинированный строитель глобальной экономики) позволил себе не только открыто выступить против валютных спекулянтов вроде Джорджа Сороса и призвать к ограничению валютных торгов объемами, необходимыми для обеспечения импорта, но и публично и жестко отказаться следовать рекомендациям МВФ.

Заручившись негласной поддержкой КНР, он предпочел выводить малайзийскую экономику из кризиса на свой собственный азиатский страх и риск. И выиграл – разумеется, вместе с КНР. Полная «западнизация» окружающего Запад другого мира – как средство контроля над ним – явно забуксовала. И последствия не заставили себя долго ждать: жесткая критика МВФ, еще вчера звучавшая вполне экзотически, вдруг стала признаком хорошего тона в мировом экономическом бомонде.

Окончательное вступление КНР во Всемирную торговую

Китайский зонтик уже простерт над Японией – стратегическим союзником США, – как, впрочем, и над всей новой «великой восточноазиатской сферой совместного процветания»: именно так назывался японский геополитический проект, за который империя безуспешно билась во Второй мировой войне.

организацию в декабре 2001 года не привело к ослаблению жесткого контроля пекинского «красного дракона» над экономикой материкового Китая вообще и над его внешней торговлей в частности. Европейские и российские экономические либералы, фанатики «свободного рынка», могли сколь угодно долго продолжать свои радения во славу знаменитой «невидимой руки», но китайские власти не собирались обращать никакого внимания на благопожелания своих «партнеров» по ВТО.

Хотя в ходе «азиатского кризиса» Нью-Йорк и подтвердил свой мировой экономический статус, но одновременно столкнулся с новой для себя реальностью: оказалось, что китайский зонтик уже простерт над его младшим японским братом – стратегическим союзником США, – как, впрочем, и над всей новой «великой восточноазиатской сферой совместного процветания»: именно так назывался японский геополитический проект, за который империя безуспешно билась во Второй мировой войне. Поднебесная в эпоху после Мао попробовала для той же цели использовать мирные средства – и не без успеха.

Два мира – две системы

Сожаления многих (и не только бывших членов КПСС и нынешних – КПРФ) о прошедшем мимо нас китайском опыте реформирования не учитывают два ключевых фактора, определивших отличие китайских реформ и китайских коммунистических реформаторов от советских/российских реформ и реформаторов.

Во-первых, это фактор времени: Пекин начал свою перестройку гораздо раньше Москвы – всего через тридцать лет после коммунистической революции 1949 года, когда еще во вполне трудоспособном возрасте пребывали люди, помнившие досоциалистические времена. И можно только догадываться о том, какие результаты могли бы быть достигнуты советской перестройкой, если бы она, начавшись через тридцать лет после Октябрьской революции, в конце 1940-х годов, продлилась бы до конца 1970-х. Но известная нам перестройка в СССР началась лишь к концу 1980-х. А к тому времени даже знаменитые советские «цеховики» уже не имели никакого представления о реальной предпринимательской деятельности в условиях конкуренции: без дефицитного спроса, без фиксированных цен на сырье и возможности использовать государственные фонды для своих партикулярных целей.

Во-вторых, важен фактор огромных различий как между двумя нашими культурами и цивилизациями вообще, так и между двумя так называемыми коммунистическими режимами в частности. Сменивший Сталина у кормила власти Хрущев при всей своей природной хитрости и восприимчивости к новому был чистым продуктом Института красной профессуры и не имел должного представления ни о дореволюционной жизни в России, ни о жизни в окружавшем Советский Союз мире. Сталин, в отличие от него, был чрезвычайно широко начитан и успел не раз побывать за границей – в Швеции, Германии, Австрии (включая польский Краков), Великобритании, Франции – еще до революции. Что уж говорить об остальных наследовавших Хрущеву советских лидерах или о советско-антисоветском «узурпаторе» Ельцине. Да и официально антикоммунистические реформаторы уже постсоветской России успели продемонстрировать почти полное непонимание ценности высокой культуры и фундаментального научного знания как такового. Вообще говоря, нет ничего более отличного от тысячелетней китайской традиции уважения к разного рода компетенциям (когда даже карьерный рост чиновников зависел от сдачи ими соответствующих экзаменов – в том числе по литературе), нежели презрение массы наших постсоветских чиновников к элементарной гуманитарной образованности.

ВКП(б) и КПК изначально действовали в условиях чрезвычайно непохожих и даже чуждых друг другу цивилизационно-культурных миров. В результате и с точки зрения религиозно-философской, и с точки зрения собственно государственного строительства, эти по видимости одноименные режимы несут различную ответственность за то, что произошло на протяжении XX века с подвластными им странами и народами, с их исторически сложившимися образами жизни.

После прихода Мао к власти в Китае не было знакомого России прямого столкновения строителей «земного рая», коммунистов, и христиан, алчущих Царствия небесного, – за сравнительной малочисленностью последних. Хотя, например, в 1912 году, после китайской революции, объявившей свободу совести, римско-католический епископ Пекина уже насчитывал в стране более 1 миллиона одних только католиков, но и это составляло лишь 0,25 процента от всего тогдашнего населения Китая.

Для Китая христианство всегда было подозрительным экзотическим иностранным исповеданием. Как известно, именно участники антизападного «боксерского» восстания 1899-1900 годов, а не ЦК КПК, положили начало физическому уничтожению исповедников Христа.

Местным же синкретическим языческим культам предков, как и конфуцианству, даосизму и буддизму, – в силу их известных и противоположных христианству духовных черт – можно было находить точки соприкосновения и с богоборческой традицией коммунизма, и с чисто материальным пониманием жизни, свойственным современному китайскому госкапитализму. Триада традиционного китайского благопожелания «саньдо» начинается именно с пожелания богатства, а лишь затем следуют пожелании долгих лет и пожелание иметь сыновей. А к числу наиболее почитаемых в Китае всегда относились божества Цай-шень – покровители богатства: в любом китайском доме можно встретить их изображения.

Жертвоприношения идолам богатства в начале первого месяца китайского лунного календаря – вещь настолько же естественная для китайцев, насколько непредставима для европейцев. Последние два тысячелетия нас учили молиться не о даровании богатств, но лишь о хлебе насущном. Даже протестанты кальвинистского толка, и сегодня поражающие добрых католиков своей неуемной жаждой обогащения, все-таки воспринимают материальное богатство в качестве символического свидетельства богоугодности своей деятельности, но не как духовно самостоятельную ценность, не как объект для поклонения.

Большевики же, захватив власть в стране с почти тысячелетней христианской традицией, не довольствовалась яростным ленинским антицерковным террором: хотя перед этой попыткой физического уничтожения Православной церкви бледнеют даже ужасы языческого Рима. Разного рода послабления для нашей Церкви стали реальностью лишь в годы Великой Отечественной войны. Большое количество храмов открылось на оккупированной немцами территории (нацисты относились к русской церковности с тем же безразличием, что и монголы в пору ордынского ига), а маршал Сталин и

Местным синкретическим языческим культам предков, как и конфуцианству, даосизму и буддизму, можно было находить точки соприкосновения и с богоборческой традицией коммунизма, и с чисто материальным пониманием жизни, свойственным современному китайскому госкапитализму. К числу наиболее почитаемых в Китае всегда относились божества Цай-шень (на иллюстрации) – покровители богатства.

вовсе пошел на своего рода конкордат с Церковью. Но настоящего «воцерковления» советского режима тогда не случилось. После смерти Сталина КПСС обрушила на чудом пережившее Соловки русское православие еще и новое – хрущевское – гонение (известное среди интеллигентов-шестидесятников как «оттепель»).

С виду одни и те же действия обоих коммунистических режимов – Советского Союза и Китая – различным образом отзывались в исторической памяти подвластных им народов.

Миллионы жертв репрессивной кампании председателя Мао, ознаменовавшей его победу над маршалом Чан Кайши, или кошмары «культурной революции» китайцы могли сравнивать не только с жестокостями самого Чана или других вождей многолетней гражданской войны первой половины XX века, хотя Мао, кажется, превзошел всех своих соперников в степени жестокости и в ее планомерности. Из исторической памяти китайцев не исчезло представление о совершенно традиционной для императорского Китая кровожадной жестокости в подавлении внутренних смут центральной властью. А сама проблематика споров о приемлемости или наоборот неприемлемости смертной казни находится явно вне китайской картины мира.

Нам же, русским, эта проблематика знакома со времен Владимира Мономаха. Известно, что в нашем древнейшем судебнике – «Русской правде» – вообще не предусматривалась смертная казнь. И традиционную государственную власть России можно осуждать за все, что угодно, кроме кровожадности.

Ведь число жертв правления Иоанна IV Грозного (до четырех тысяч) могло искренне возмущать нравственное чувство лишь самих русских, но никак не остальных европейцев. Список, например, жертв его современницы Елизаветы I Английской – в 20 раз длиннее, однако британцев это не особенно беспокоит: ибо это – нормальный для тогдашней Европы уровень кровопусканий! С китайскими же масштабами все это вообще невозможно сравнивать.

Если иметь в виду, что после восстания декабристов и до Первой русской революции (то есть за 80 лет) в благоустроенной империи русских царей в год казнили 2445 человек, то есть примерно по 30 человек (без учета двух польских восстаний 1830 и 1863 годов и самой революции 1905-го, то есть во время гражданского мира – лишь 19 человек в год), то понятно, насколько высока была цена человеческой жизни в исторической России. И как в свете такой национальной исторической памяти русских воспринимался всеми, которые помнили и знали эту Россию, размах коммунистических репрессий 1920–1930-х годов!

В отличие от советских вождей, все видные китайские революционеры были в той или иной степени националистами традиционно имперского толка. Никому из них, например, не приходило в голову делить территорию этнически пестрого Китая вместо провинций на «национальные республики» и одаривать государственностью до того не имевшие ее народности.

Если Сунь Ятсен мечтал об исчезновении этнических различий в общекитайском «плавильном котле» (не путать с созданием безнациональной «новой исторической общности»!), то Чан Кайши отрицал само существование этих различий. Хотя с западной точки зрения, например, тогда вообще нельзя было говорить о Китае как о единой нации, как о политическом монолите, ибо там до коммунистов никогда не было ни настоящей централизации, ни даже какой-либо тесной связи между различными провинциями.

Даже казавшиеся просоветскими китайские коммунисты достаточно вольно относились к понятию диктатуры пролетариата. Сам Мао Цзэдун еще в 1930-е годы любил порассуждать о том, что его правительство «представляет не одних только рабочих и крестьян, но и всю нацию». Последнее неудивительно, если учесть, что Мао с младых ногтей штудировал не только «Манифест коммунистической партии», но и «Систему этики» гегельянца Фридриха Паульсена, а также других известных немецких авторов первой трети XX века. Этому можно найти подтверждение в виде очевидных смысловых перекличек и аллюзий в самых известных сборниках «великого кормчего». Вообще же германские связи маоистского руководства явно не исчерпываются фактом обучения в Геттингене Чжоу Эньлая и Чжу Дэ, именно там, кстати, и познакомившихся друг с другом.

И Мао, и Чан Кайши при всем их жесточайшем взаимном соперничестве каждый по-своему пытались возродить былое величие Поднебесной.

«Западник» маршал Чан, будучи предан своими американскими союзниками (и, можно сказать, даже единоверцами – еще в 1930 году он стал протестантом-методистом), на оставшемся в его руках острове Формоза (Тайвань) отстроил мощное современное государство и одну из финансовых столиц капиталистического мира.

А «национал-коммунист» председатель Мао сумел обвести вокруг пальца не только союзников, но и противников: он создал из материкового Китая политически совершенно самостоятельную (!) мировую державу, заложив тем самым основу для сегодняшнего рывка, если хотите – настоящего «большого скачка». То есть для воссоздания в новых условиях Срединной империи, объединяющей в одно культурно-экономическое (если не политическое) целое и материк, и остров, и многочисленные анклавы китайской диаспоры по всему миру.

Материк и остров, известные под названиями Китайской Народной Республики и Республики Китай (Тайвань), в историческом и геополитическом смыслах находятся в отношениях взаимного дополнения – несмотря на официальную враждебность друг другу. (Между прочим, еще в середине 1990-х один очень опытный государственный деятель Юго-Восточной Азии в беседе с автором рассуждал о наличии у Китая двух столиц: политической – в Пекине, экономической – в Тайбэе.) И надо сказать, что китайская диаспора умело извлекает выгоду из этой двойственности китайского политического лица.

В тех же Штатах после Второй мировой войны протайваньская диаспора получила все возможности для укрепления своих позиций: ведь она представляла важнейшего союзника США в деле «сдерживания коммунизма». А после официального прекращения «борьбы с коммунизмом» в связи с распадом СССР мощнейшая и уже почти официально пропекинская диаспора обеспечивала КНР постоянное продление статуса «наиболее благоприятствуемой нации» в торговле с США. Происходило это, несмотря на очевидные, казалось бы, убытки Вашингтона: за 1990-е годы дефицит США в торговле с континентальным Китаем вырос с 6 миллиардов (1991) до 83 миллиардов долларов (2000), и не в последнюю очередь – из-за официальных китайских ограничений на американский импорт!

Мао и Чан Кайши

Из исторической памяти китайцев не исчезло представление о совершенно традиционной для императорского Китая кровожадной жестокости в подавлении внутренних смут центральной властью. Миллионы жертв репрессивной кампании председателя Мао, ознаменовавшей его победу над маршалом Чан Кайши, или кошмары «культурной революции» китайцы могли сравнивать не только с жестокостями самого Чана.

Исторически китайцы – континентальный народ, и они эмигрировали лишь тогда, когда их страна оказывалась в хаосе. Но при этом китайская эмиграция несет в себе определенные черты колонизации, то есть упорядочения хаоса: порожденные ею диаспоры не растворяются среди местного населения, а лишь внутренне сосредотачиваются со временем.

Поэтому Китай сегодня – это не только материковая часть, хотя бы даже и с Гонконгом. Это еще и Макао, и Сингапур, и Тайвань. И наконец, крепко спаянная родственными, клановыми, земляческими, корпоративными (вплоть до тайных обществ) связями китайская диаспора в Таиланде, Малайзии, Индонезии, на Филиппинах и во всем остальном мире: 50 миллионов зарубежных китайцев-хуацяо (китайцев диаспоры) еще полтора десятка лет назад контролиро-

Владимир Мономах

Проблематика споров о приемлемости или наоборот неприемлемости смертной казни находится явно вне китайской картины мира. Нам же, русским, эта проблематика знакома со времен Владимира Мономаха. И традиционную государственную власть России можно осуждать за все, что угодно, кроме кровожадности.

вали экономику стоимостью 700 миллиардов долларов.

В то же время современная Россия все еще не может определиться со своим отношением к России императорской, дореволюционной, и к России советской, послереволюционной. И следовательно, к русским диаспорам, порожденным русской революцией. Вследствие этого русские эмигранты первой (послереволюционной) и второй (послевоенной) волн до сих пор лишены возможности получать паспорта постсоветской России по праву происхождения от людей, бывших подданными Российской империи до 1917 года либо гражданами Советского Союза до 1941 года.

Срединная империя и Запад

В середине XIX столетия Британской империи, стремившейся навязать ослабевшему Китаю правила свободной торговли, пришлось провести против него целых две войны (в 1839–1842 и в 1856–1860 годах), вошедших в историю под названием «опиумных войн». Британцы тогда очень успешно промышляли индийским опиумом, а китайские власти, столкнувшись с массовой наркоманией, пытались закрыть страну для наркотиков: безуспешно, надо сказать.

В начале XXI века вступивший во ВТО Красный Китай так умело использовал все преимущества этой самой «свободной торговли», что не только британцы диву давались. Наркобароны из числа хуацяо сегодня успешно эксплуатируют опиумный «золотой треугольник» на стыке Бирмы, Таиланда и Лаоса, поставляя товар по всему миру. Чем не ирония истории?

По такой же иронии истории проблемой для лидеров Запада оказалась вовсе не былая социализация, а как раз нынешняя капитализация Красного Китая, его намерение играть по чужим правилам и выигрывать, используя собственные ресурсные преимущества. Из таких преимуществ можно назвать прежде всего дешевый (по американским меркам – почти бесплатный, то есть рабский) труд трудолюбивого и неприхотливого населения.

Нельзя не согласиться с мнением видного экономиста и политика, многолетнего министра финансов Италии Джулио Тремонти, что вступление Китая в ВТО в 2001-м оказалось событием не менее важным, нежели разрушение Берлинской стены в 1989-м и прекращение существования Восточного блока.

Действительно, на наших глазах китайское массовое производство постепенно уничтожает саму возможность существования других индустриальных экономик: глобальная передислокация рабочих мест по своим хозяйственным и политическим последствиям будет посерьезнее танковых клиньев Второй мировой. Ведь знаменитая «китайская цена» квалифицированного труда вкупе с государственным протекционизмом делает глобальную конкуренцию попросту невозможной для развитых стран, не желающих понижать уровень жизни своих рабочих.

В этих условиях западные страны не могут не размышлять о том, как выпутаться из той западни, в которую они попали после вступления Китая в ВТО. Ибо его членство во Всемирной торговой организации резко обострило уже существовавшие, врожденные ее пороки. (О которых еще в 1993 году весьма остроумно и потому прозорливо писал франко-британский финансист и политик Джеймс Голдсмит в книге с говорящим названием «Западня».)

Неслучайно в свое время Ричард Никсон, например, до последнего противился идее преобразования (по сути – рамочного) Генерального соглашения о торговле и тарифах (ГАТТ) в жесткую международную организацию. И только после «Уотергейта», катапультировавшего в Белый дом Джеральда Форда, долго и безуспешно противостоявшие Никсону лоббисты, наконец, добились успеха: с принятием в 1974 году нового Закона о торговле была создана основа для постепенного включения США в глобальную торговую структуру.

При этом, в отличие от развитых стран Западной Европы, Соединенные Штаты все-таки оговорили в 1995 году свое вступление во вновь созданную ВТО возможностью процедурного преследования своих национальных интересов в рамках этого странного сообщества. И потому в оставшееся до прекращения существования (или коренного преобразования) Всемирной торговой организации время Америка может позволить себе роскошь сопротивления китайской экономической экспансии посредством использования соответствующих арбитражных исков.

Впрочем, сопротивление это – дело весьма трудное, ведь Пекин не особенно склонен к устранению противоречий с западными «партнерами». Помнится, когда в конце 2006 года целых шесть членов американского правительства и председатель Федеральной резервной системы Бен Бернанке отправились в Пекин с целью уговорить китайцев не занижать искусственно курс юаня, то переговоры эти ни к чему не привели. Для Вашингтона это было что-то новое, явно не запланированное...

Очевидно, что по правилам фон Хайека и Фридмана в мировой экономической гонке выигрывают Китай и Индия. С одной разницей между ними: в отличие от Срединной империи, «Индийская империя» как политическое целое (если не вспоминать времена Великих Моголов) была создана лишь на время – британцами. И следовательно, сегодняшние экономические успехи Индии совсем не так легко могут быть конвертированы в рост ее геополитического влияния – даже в Азии.

Но вот континентальный Китай всегда осознавал себя империей и всегда таковой являлся. Используемое ныне в западных языках (включая русский) название этой страны – Китайская Народная Республика – не является достаточно точным эквивалентом собственно китайского именования. На самом деле мы имеем дело со «Срединной империей рабочих и крестьян», ибо при написании нынешнего имени этого государства используются те же иероглифы, которые всегда читались как «Срединная империя», лишь с добавлением иероглифических обозначений «рабочего» и «крестьянина».

Сегодня людская масса Китая и физический объем его народного хозяйства стали столь велики, что просто заставляют Пекин становиться действительно великой державой, что означает в том числе и проведение активной внешней политики (чего держава явно избегала в первые годы реформ Дэн Сяопина) и планомерное усиление военной мощи. Огромное беспокойство доставляет Вашингтону внешнеэкономическая экспансия Китая в мире, а особенно в Африке, где пекинские «суверенные фонды» на протяжении последнего десятилетия весьма агрессивно скупали сырьевые и топливные активы. Китайский же современный военно-морской флот в бассейне Тихого океана уже стал главной головной болью американских стратегов.

Надо сказать, что континентальный Китай обладал достаточно мощным ядерным потенциалом второго удара уже к середине 1990-х годов. А его общие военные возможности были достаточно откровенно продемонстрированы американцам и всем другим заинтересованным сторонам в ходе грандиозных маневров в Тайваньском проливе еще в 1996 году: демонстра-

На наших глазах китайское массовое производство постепенно уничтожает саму возможность существования других индустриальных экономик: глобальная передислокация рабочих мест по своим хозяйственным и политическим последствиям будет посерьезнее танковых клиньев Второй мировой.

цию силы китайские стратеги, как известно, всегда предпочитали прямому применению этой силы.

С тех пор китайские военные расходы резко выросли. Причем Пекин приобретает оружие и военные технологии не только на открытых рынках. Например, многие годы продолжалось его достаточно плодотворное военно-техническое сотрудничество с Израилем. По мнению специалистов Стокгольмского института исследования проблем мира, китайцы, покупая в 1990-е годы недорогое русское оружие, затем модернизировали его с помощью современных американских технологий, тайно приобретавшихся ими при посредничестве израильтян. Часто это были сверхсекретные технологии – вроде разведывательного спутника KH-11 или истребителя J-10. (Например, китайский J-10 оказался почти полной копией американо-израильского самолета «Лави», разработка которого стоила американцам под миллиард долларов и была прекращена Рональдом Рейганом в 1987 году именно из-за своей дороговизны.)

Израильтянам и их покровителям в США казалось, видимо, что в результате этого, помимо денег, они смогут получить какое-то влияние на политику Пекина. Но вряд ли на просторах Китая сработают методики, опробованные в других местах. Здесь – все другое. Тысячелетняя традиция управления большими массами людей посредством маленьких коллективов – тайных обществ, – по сравнению с которой, например, европейская традиция масонских лож выглядит детской забавой. Как поговаривали знающие Китай люди, невозможно понять, где кончается «Общество красного дракона» и начинается ЦК КПК. По мнению некоторых исследователей, в Пекине всего два-три десятка людей, включая менее десятка членов узкого руководства, достаточно успешно принимают и осуществляют все важнейшие политические решения.

Вообще в американском внешнеполитическом и финансовом истеблишменте давно сосуществуют два подхода в отношении Китая. Сторонники твердой линии занимаются военным и военно-экономическим планированием, исходя из перспективы жесткого противостояния с Пекином. В то же время Генри Киссинджер и его единомышленники, имевшие в пору холодной войны успешный опыт использования Пекина против Москвы, сегодня вновь пытаются разыграть «китайскую карту», соблазнив Красный Китай бывшей советской ролью «второй сверхдержавы».

Именно сторонники мягкой линии обеспечили в 1990-е годы предоставление Пекину статуса «наиболее благоприятствуемой нации» в торговле с США, хотя при этом американские товары продолжали облагаться серьезными пошлинами. Они же лоббировали и прием Китая во Всемирную торговую организацию в 2001 году.

Известный скандал 1990-х годов с пекинскими и тайваньскими (а также другими азиатскими) взносами в кассу Демократической партии и в избирательную кампанию Клинтона – лишь звено в длинной цепи событий.

Здесь же следует напомнить и о попытке неких американских доброхотов сдать в аренду Китайскую океанскую судоходную компанию (*China Ocean Shipping Company*) – бывшую американскую военно-морскую базу в Калифорнии. Притом что тогда юридическим владельцем этой крупнейшей судоходной компании являлась Народно-освободительная армия Китая (!), в качестве ее официальных лоббистов на Капитолийском холме подвизались бывшие государственные секретари США Генри Киссинджер и Александр Хейг. Интересно, что приостановленная в последний момент эта сделка, согласно заявлению тогдашнего директора ЦРУ (затем – министра обороны) Роберта Гейтса, готовилась без какого бы то ни было предварительного исследования вопроса специалистами по национальной безопасности.

То есть многие из тех, которые принимали важные решения в Вашингтоне, готовы были вступать в далекоидущие сделки с Пекином уже в первой половине 1990-х годов, возможно, надеясь как-нибудь в дальнейшем задушить партнера в объятиях.

Попытки выстраивания «особых отношений» США с Китаем имеют уже столетнюю предысторию, и не только дипломатическую: именно в США в свое время производились сбор средств «на китайскую революцию» 1912 года и вербовка, а также военная подготовка добровольцев для будущей революционной армии Сунь Ятсена. Более того, в должности военного советника вождя китайской революции подвизался амбициозный американский военный теоретик Гомер Ли: ему был даже присвоен чин генерала революционной армии (хотя в американской армии он и не служил). Сто лет назад Гомер Ли грезил единством американо-британской саксонской мировой империи, способной в союзе с восстановленной (революционерами) мощью Китая противостоять германской, русской и японской мировой экспансии. Хотя о чьей бы то ни было экспансии на собственно североамериканскую территорию речь тогда не шла.

Истребитель J-10

Пекин приобретает оружие и военные технологии не только на открытых рынках. Китайцы, покупая в 1990-е годы недорогое русское оружие, затем модернизировали его с помощью современных американских технологий, тайно приобретавшихся ими при посредничестве израильтян.

Еще в 1990-е годы Трехсторонняя комиссия (будучи в то время одной из влиятельных наднациональных политических структур Запада – США, Европы и Японии) стала приглашать представителей Китая и других азиатских стран на свои заседания.

Существует, однако, серьезное препятствие для полюбовного соглашения Запада с Пекином: китайский, так сказать, цивилизационный национализм. Даже во времена «культурной революции» китайские коммунисты в «интернациональную идеологию» в действительности, похоже, не верили. Показательно, что уже в 1972 году, в пору не китайского еще, а японского «экономического чуда», по воспоминаниям очевидцев, Мао вел себя с премьером Японии как с младшим братом, едва ли не как с вассалом великой китайской цивилизации. А теперь, после реформ Дэн Сяопина, – и подавно: вряд ли в Пекине найдется политик, готовый поделиться государственным суверенитетом в пользу АТЭС, ООН или некоего фантома под названием «международное право».

«Китай, который может сказать: “Нет!” Политический и эмоциональный выбор после холодной войны» – так назывался выпущенный в 1996 году сборник статей китайских интеллектуалов, посвященный противостоянию американскому цивилизационному натиску. Ознакомившись с содержанием сборника, многие наблюдатели расценили его появление как предвестие грядущего изменения политики улыбчивой открытости по отношению к западному миру. (Китайские авторы при этом явно следовали японскому примеру 1989 года, когда в Токио вышла книга Акио Мориты, главы корпорации «Сони», и Синтаро Исихары, тогдашнего губернатора Токио, «Япония, которая может сказать: “Нет!”»)

Не все так однозначно

Разумеется, внешнеэкономическая экспансия Китая имеет и оборотную сторону, но наличие у этого гиганта внутренних проблем не может кого-либо радовать, ибо чревато потрясениями для всего мира.

В изданной шесть лет назад книге американского автора Питера Наварро «Грядущие китайские войны. Где они будут вестись и как их можно выиграть?» впечатляет уже само перечисление тяжелейших угроз и опасностей, скрывающихся за фасадом китайского «экономического чуда». Невероятные объемы потребления Китаем нефти, газа и металлов не только обеспечивали в течение многих лет

Попытки выстраивания «особых отношений» США с Китаем имеют столетнюю предысторию: именно в США производились сбор средств «на китайскую революцию» 1912 года и вербовка, а также военная подготовка добровольцев для армии Сунь Ятсена. Военный советник вождя китайской революции американец Гомер Ли (на фото) грезил единством американо-британской саксонской мировой империи, способной в союзе с восстановленной мощью Китая противостоять германской, русской и японской мировой экспансии.

взрывной рост мировых цен на энергоносители, но и усиливали мировое соперничество за доступ к сырью.

Стремление обеспечить растущие потребности в электроэнергии привело к широкомасштабному и слабо контролируемому с экологической точки зрения строительству гигантских плотин и ГЭС, причем китайская гидроэнергетическая гигантомания превосходит советскую.

Запредельный уровень загрязнения среды в стране ныне напрямую угрожает не только непосредственным соседям Китая, в том числе и его старому сопернику – Вьетнаму, но даже заокеанским партнерам Поднебесной. Если с 1950-х до 1970-х годов в пустыню превратилось 1,5 тысячи квадратных километров лесных и сельскохозяйственных угодий, то теперь страна ежегодно теряет 4 тысячи квадратных километров.

Китайское население не только потребляет загрязненные сверх всякой меры продукты питания, но и страдает от нехватки питьевой воды. Некогда существовавшее государственное здравоохранение разрушено, и чрезвычайно возрастает опасность эпидемий. К тому же население страны стремительно стареет – и это при отсутствии сколько-нибудь действенной пенсионной системы. А прирост рабочей силы закончится уже через несколько лет – в связи с последствиями «политики одного ребенка».

Центральная власть в Пекине способна обеспечивать общественный порядок в стране – но и только. Об очевидном невсесилии ее свидетельствует многое. Например, известно, что производство подделок и интеллектуальное пиратство переходят в Китае все мыслимые пределы. И время от времени мы узнаем об очередных попытках центральной власти ужесточить и усилить борьбу с пиратством, но никто при этом не говорит о том, что местные китайские власти просто не могут себе позволить закрывать пиратские производства, от которых кормятся и население, и сами местные власти.

После же того как в начале 2008 года созданные китайским руководством так называемые суверенные фонды, оперируя сотнями миллиардов долларов, весьма агрессивно начали скупать по миру разного рода активы – от минеральных ресурсов до промышленных предприятий, – могло показаться, что Федеральному резерву и Уолл-стрит нечем ответить на стремление Пекина превратить свои триллионы долларов (накопленные за годы интенсивной госкапитализации страны) в нечто осязаемое, в контроль над существенной частью мировой экономики.

Но вовремя подоспевший мировой финансово-экономический кризис нанес ориентированной на экспорт экономике Китая удар невероятной силы: в январе 2009 года китайский экспорт снизился на 17,5 процента, в феврале падение составило 25,7 процента. Весной того же года до 80 процентов предприятий – например, в Гуанчжоу (Кантоне) – было остановлено.

Новый мировой кризис стал, вне всякого сомнения, трудным испытанием для Китая, перед которым стоят, среди прочего, проблемы «плохих долгов» (кредитование госпредприятий производилось здесь с учетом социально-политических факторов), переоцененной недвижимости («пузырь» которой все разрастается) и т.д. Правда, некоторые наблюдатели говорили о неизбежном замедлении поражавшего воображение Запада роста китайской экономики еще до всякого кризиса.

Резкое сокращение хозяйственного роста, связанное не только со сжатием внешних рынков для китайского экспорта, возможно, будет сопровождаться усилением великодержавной риторики Пекина и активизацией его внешней политики по всем направлениям.

Первым звонком, возвестившим об этих переменах, стал неожиданно резкий демарш китайской дипломатии весной кризисного 2009 года, когда Пекин вдруг резко потребовал вернуть ему некогда вывезенные из Поднебесной произведения искусства из частной французской коллекции, выставленной на аукцион. (Владельцы коллекции были добросовестными приобретателями, и не существовало особых объективных причин для подобного демарша.)

Имея в виду этот инцидент, можно предположить, что французские власти, планируя в 2011 году интервенцию в Ливию, вполне учитывали и тот факт, что уничтожение упорядоченного ливийского государства неизбежно приведет в том числе и к ликвидации имущественных прав китайских корпораций на их нефтегазовые активы в этой стране.

Что делать?

Как нас в силу нашей огромности всегда – и, как оказалось, напрасно – опасалась Европа, так и мы можем остерегаться Китая – просто как гигантской военной и экономической массы вблизи наших границ.

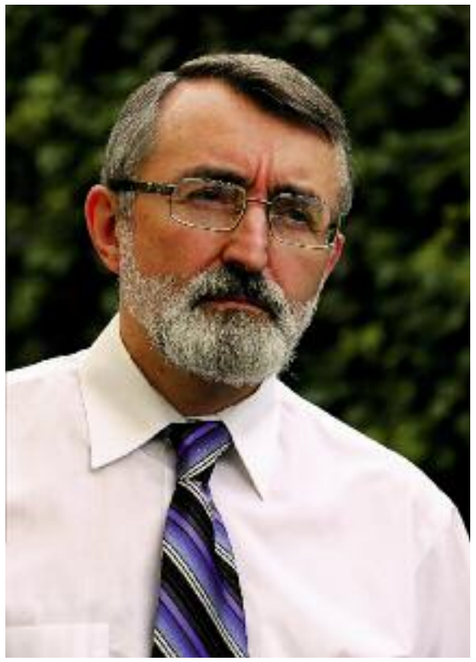
Особенно если помнить ту несвойственную китайцам торопливость, с которой Пекин, никогда не признававший «права наций на самоопределение», объявил о признании независимости прибалтийских республик – уже в сентябре 1991 года, а затем и других республик СССР, одним из первых засвидетельствовав факт прекращения существования СССР.

Но нужно при этом иметь в виду, что наши трения с Китаем, в отличие от трений с Европой, никогда – в силу разных причин – не доходили до уровня полномасштабного военного противостояния. (Участие русских войск, входивших в состав европейского воинского контингента, в подавлении восстания ихэтуаней в 1900-1901 годах, как и короткий пограничный конфликт СССР и КНР в марте 1969 года, не могут идти ни в какое сравнение даже с Крымской войной 1853–1856 годов, в которой Россия противостояла европейско-турецкой коалиции, не то что с нашими Отечественными войнами.)

Москве, безусловно, нужно поддерживать особые отношения с Пекином – понимая при этом, что о дружбе в собственном смысле слова (а тем более о любви) в межгосударственных отношениях речи быть не может. И уж тем более не может ее быть в отношениях с таким государством, как Китай, – с совершенно иным по численности и по ментальности населением, с иной религиозной, культурной, политической, хозяйственной традицией, с совершенно иной историей и – если исходить из библейской перспективы, из христианской эсхатологии – совершенно иным будущим.

Бессмысленно бросаться в объятия к этому более чем миллиардному гиганту. Но попытаться достичь с ним, особенно перед лицом современной политической неуравновешенности НАТО, чего-то вроде стратегического взаимодействия – Москве вполне по силам. Правда, если не принимать во внимание всевозможные европейские предрассудки – особенно относительно способности Запада понять Восток и даже (какая самоуверенность!) ассимилировать его.

Внешнеэкономическая экспансия Китая имеет и оборотную сторону. Китайское население не только потребляет загрязненные сверх всякой меры продукты питания, но и страдает от нехватки питьевой воды. Население страны стремительно стареет – и это при отсутствии сколько-нибудь действенной пенсионной системы. А прирост рабочей силы закончится уже через несколько лет – в связи с последствиями «политики одного ребенка».



Владимир Иванович Немыченков –
главный специалист Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного, публицист, член Союза писателей России

Мы вспоминаем не всю землю,
только клочок земли...
Но за этим,
ширясь,
не зная преград,
встает Родина,
сложенная из этих клочков земли,
встает народ,
составленный
из друзей.

Константин Симонов
«Далеко на Востоке»

Далеко на Востоке

Российско-японские отношения в прошлом и настоящем

В 2010 году в России был возобновлен старый праздник, который, правда, поменял название и дату. Отныне это «День окончания Второй мировой войны (1945)», отмечаемый 2 сентября.

В 2010 году в России был возобновлен старый праздник, который, правда, поменял название и дату. Отныне это «День окончания Второй мировой войны (1945)», отмечаемый 2 сентября.

Именно в этот день 1945 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении 3 сентября 1945 года днем победы над Японией». И до 1947 года он даже был выходным днем. Но при принятии Госдумой Федерального закона № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» (от 13 марта 1995 года) этот праздник был исключен из списка. С тех пор вопрос о восстановлении праздника Госдума рассматривала не менее девяти раз.

Почему же на возвращение нашему народу праздника победы над милитаристской Японией потребовалось пятнадцать лет? Разве этой победы не было в 1945 году? Разве не было Маньчжурской, Южно-Сахалинской и Курильской боевых операций? А ведь 7 сентября 1945 года окончание Второй мировой войны

Подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии на борту американского линкора «Миссури»

на Дальнем Востоке было отмечено в Берлине у Бранденбургских ворот совместным парадом сводных полков от СССР, США, Великобритании и Франции. Сейчас победу над Японией празднуют Китай, обе Кореи, США. В отличие от России, Китай в 2005 году широко отметил 60-летие окончания Второй мировой войны, пригласив большую делегацию российских ветеранов войны, освобождавших страну от японских захватчиков.

А что же мы? До последнего времени наши законодатели застенчиво шаркали ножкой и мямлили, что-де придание статуса памятной даты дню победы над милитаристской Японией может привести к ухудшению отношений со Страной восходящего солнца – хотя к ухудшению отношений с Германией празднование Дня Победы не привело. К усилению националистических и даже милитаристских настроений в нашей стране – а не к упрочению патриотизма и национальной сплоченности. К дополнительным расходам на организацию мероприятий, направленных на увековечение памяти российских воинов, отличившихся в сражениях – на менее значительные вещи деньги легко находятся... Договорились даже до того, что, дескать, Япония вообще не капитулировала перед СССР! Создавалось впечатление, что наше государство стыдится освобождения советскими войсками Кореи и части Китая от японских оккупантов, восстановления исторической справедливости на Сахалине и Курильских островах, уничтожения многолетнего плацдарма для японской агрессии на наших восточных рубежах.

И все это в ситуации, когда Япония не постеснялась еще в 1982 году законодательно включить в национальный календарь и с тех пор ежегодно шумно отмечать «День северных территорий» (7 февраля), который следует понимать не иначе как день ожидаемого реванша – возврата Курильских островов и иных земель к северу от Хоккайдо. И эта догадка тем вернее, что в законодательных актах парламента Японии Южные Курилы именуются «исконными японскими территориями». Еще в 1981 году в Японии был принят закон «О специальных мерах по содействию решению проблемы северных территорий», который постоянно дополняется и актуализируется. Он относит часть территории России к юрисдикции Японии и содержит перечень мер по реализации ее территориальных притязаний. Министр иностранных дел Японии Кацуя Окада вполне ясно и резко назвал Южные Курилы «незаконно оккупированными Россией». И вот теперь у нас памятный день окончания Второй мировой войны, наконец, узаконен, но победа над Японией почему-то не празднуется так же широко, как, скажем, в

Иван Москвитин

В середине XVII века Россия активно расширялась на восток, прирастая Сибирью, Приамурьем, Чукоткой и Камчаткой. Тогда же был осуществлен поход казаков под руководством Ивана Москвитина (1646 год), в ходе которого российские землепроходцы впервые вышли к Тихому океану и узнали о существовании Курильских островов и их обитателях айнах.

Японии отмечается «День северных территорий» – с осмотром премьер-министром Южных Курил на корабле, народными демонстрациями и т.п. Опять же вновь принятая в России памятная дата перестала быть праздником победы над Японией, аналогичной победе над Германией, оказавшись простой календарной констатацией окончания войны – подписания представителями Японии в присутствии союзников (включая и представителя СССР генерал-лейтенанта Кузьмы Деревянко) безоговорочной капитуляции на американском линкоре «Миссури» в Токийском заливе.

Так была ли наша победа над Японией на самом деле или это лишь миф сталинской пропаганды, призванный затмить победу союзников? Может, все решили две атомные бомбы, сброшенные американцами на не имевшие стратегического и военного значения провинциальные города Хиросима и Нагасаки? Может, Япония даже и не агрессор? Есть ведь и такое мнение. Сейчас в Японии издаются исторические труды, в которых утверждается, что, вступив во Вторую мировую войну, Токио нес свободу народам Азии от колониализма Запада.

Справедливо пишет профессор Института японоведения при Академии социальных наук Китая Цзин Сидэ: «В отличие от ситуации в Германии, в Японии правые силы открыто сожалеют о поражении в войне и гордятся милитаристским прошлым. Они выступают против “исторического самоуничижения” и за “возрождение японского духа”».

Для многих сегодняшних граждан России и стран бывшего СССР все сказанное не отвлеченные вопросы, а очень личные. За храбрость и отвагу при разгроме Квантунской армии 308 тысяч воинов были награждены орденами и медалями, 93 человека удостоены звания Героя Советского Союза, медаль «За победу над Японией» получили 1 миллион 800 тысяч советских солдат и офицеров. На площади Славы в Южно-Сахалинске стоят бюсты 14 Героев Советского Союза – его освободителей, а на стеле высечены имена 1943 солдат, матросов и офицеров, сложивших головы на Сахалине и Курильских островах уже после заявления о капитуляции Японии 15 августа 1945 года. Имена многих из них – на карте Сахалинской области.

Миф об исконности «северных территорий»

Россия и Япония узнали о существовании друг друга во времена Петра I, примерно в 1701 году, благодаря встрече русских с одним из потерпевших кораблекрушение японцев по имени Дэмбэй. После этого на государственном уровне организовывались экспедиции по поиску морского пути в Японию. В 1739 году, когда российские корабли подошли к северо-восточному побережью самого крупного острова архипелага Хонсю, Япония узнала о существовании на севере от нее страны «Оросия» (Россия). В 2005 году в Камогава, выросшем на месте прежней деревни Амацумура, был установлен памятный камень с надписью: «Место первой в истории высадки русских на берега Японии».

Эти исторические события стали закономерным следствием встречного движения русских и японцев в истории и пространстве. В середине XVII века Россия активно расширялась на восток, прирастая Сибирью, Приамурьем, Чукоткой и Камчаткой. Тогда же был осуществлен поход казаков под руководством Ивана Москвитина (1646 год), в ходе которого российские землепроходцы впервые вышли к Тихому океану и узнали о существовании Курильских островов и их обитателях айнах. О первых русских поселениях того времени свидетельствуют голландские, германские и скандинавские хроники и карты.

Заметим, что древнейшее автохтонное население всех Японских островов, Курильской гряды и Сахалина – вовсе не японцы, а айны. Европейцы, столкнувшиеся с айнами в XVII веке, были поражены тем, что в отличие от людей монголоидной расы, айны имели европеоидные черты лица, носили огромные бороды и усы. По основным антропологическим показателям айны очень сильно отличаются от японцев, корейцев и всех народов Дальнего Востока и Тихого океана. Предки японцев («раса ямато»), переселившись на Японский архипелаг с материка, со времен государства Ямато (300–710 гг.) в течение столетий медленно продвигались с юга на север, ассимилируя и вытесняя айнов.

Крупнейшие японские историки прошлого указывали, что вплоть до середины XIX века Япония не считала своими владениями Сахалин, Курилы и даже остров Хоккайдо, который не был заселен японцами еще во второй половине позапрошлого столетия. Настоящая японская колонизация Хоккайдо – самого северного из четырех Японских островов – началась лишь после реставрации Мэйдзи (1868 год) – айнов интенсивно ассимилировали, а остров заселяли японцами. В 1903 году население Хоккайдо составляли уже 845 тысяч японцев и 18 тысяч айнов. Начался период самой жестокой японизации хоккайдоских айнов.

Японовед Александр Мещеряков утверждает, что до середины XIX века Сахалин и Курилы «не входили в орбиту интересов ни России, ни Японии. Они никому не были нужны». Но в XIX веке разграничение сфер влияния, наконец, было закреплено двусторонними договорами. По Симодскому торговому договору между Россией и Японией (1855 год) наши владения на Курилах простирались до острова Уруп включительно (японцам отходили Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи), а Сахалин оставался в общем пользовании. Договор был подписан 7 февраля (этот день стал потом в Японии «Днем северных территорий»). По Санкт-Петербургскому договору (1875 год) весь Сахалин становился российским, а все Курильские острова были переданы Японии.

Курильские айны более тяготели к русским, нежели к японцам, поскольку русские порядки были куда мягче японских, а многие из айнов владели русским языком и были православными. Может быть, еще и поэтому всех северокурильских айнов японцы перевезли на южнокурильский остров Шикотан и превратили в бесправных рабов. Разрушение традиционного уклада айнов привело к тому, что к 1941 году, по японским данным, большинство жителей резервации умерли.

Эволюция конфликта

К началу XX века интересы России и Японии на Дальнем Востоке за контроль над Маньчжурией и Кореей пришли в столкновение. Частичные уступки с российской стороны не смогли охладить воинственный пыл Японии. В ночь на 9 февраля 1904 года без официального объявления войны (это станет обычаем для Японии в XX веке) японский флот внезапно напал на русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура. Началась первая русско-японская война, которая закончилась поражением России и подписанием 5 сентября 1905 года Портсмутского мира.

В результате войны Россия утратила свое влияние в Китае и Корее и уступила Японии южную часть Сахалина (уже оккупированную на тот момент японскими войсками). Однако историк Александр Боханов считает, что портсмутские договоренности были успехом русской дипломатии. К тому же материальные потери и потери в живой силе с российской стороны были значительно меньше японских. Но в общественном мнении современников и в культурной памяти русского народа события той войны (военные поражения на суше и на море) запечатлелись как национальная трагедия и унижение.

После революции японская интервенция на российском Дальнем Востоке продолжалась с 1918 по 1922 год (на Северном Сахалине – до 1925 года) и характеризовалась его откровенным экономическим ограблением.

Уже в 1938 году между советскими и японскими войсками у озера Хасан в районе Владивостока произошел новый конфликт, закончившийся победой СССР. А с весны по осень 1939 года Япония фактически вела необъявленную войну против СССР и союзной ему Монголии в районе реки Халхин-Гол. В этой войне японская армия потерпела сокрушительное поражение, которое позже позволило победить в Японии «морской партии», отстаивавшей идею экспансии в сторону Юго-Восточной Азии и островов Тихого океана. На монголо-маньчжурской границе японская армия была разбита в августе, а перемирие стороны

подписали 15 сентября. В 1945 году история повторилась, но с худшими для Японии последствиями. Именно Халхин-Гол стал началом полководческой карьеры Георгия Жукова.

Япония продолжала осуществлять последовательную враждебную СССР политику, заключив первоначально с Германией Антикоминтерновский пакт (1936 год), а затем Тройственный пакт с Германией и Италией (1940 год). Собственные планы по захвату советских дальневосточных территорий вплоть до Байкала и Омска Япония пыталась замаскировать советско-японским пактом о нейтралитете (апрель 1941-го), одновременно пообещав поддержку Гитлеру. В «Секретном дневнике войны» японского генштаба 14 апреля 1941 года была сделана следующая запись: «Данный договор <...> лишь дает дополнительное время для принятия самостоятельного решения о начале войны против Советов».

Ставка высшего командования Японии уже 24 июня 1941 года разработала «Программу национальной политики империи в соответствии с изменением обстановки», которая была утверждена 2 июля императорским совещанием – высшим японским военно-политическим руководством в присутствии императора Хирохито. В этом секретном документе указывалось: «Мы будем скрытно усиливать нашу военную подготовку против Советского Союза, придерживаясь независимой позиции. <...> Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для нашей империи, мы, прибегнув к вооруженной силе, *разрешим северную проблему* (курсив мой. – *В.Н.*) и обеспечим безопасность северных границ». Выступавший обычно на императорских совещаниях от имени японского монарха председатель Тайного совета Хара заявил на совещании 2 июля: «Я с нетерпением жду возможности для нанесения удара по Советскому Союзу. Я прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен».

Согласно разработанному японским генштабом плану войны против СССР «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии») начало японского наступления планировалось на 29 августа 1941 года. Зная об этом, советское командование не ослабляло свою дальневосточную военную группировку. По замыслу японского генштаба, военные действия против СССР должны были начаться при условии сокращения советских дивизий на Дальнем Востоке и в Сибири наполовину (с 30 до 15), а авиации, бронетанковых, артиллерийских и других частей – на две трети. Но в июле 1941 года с Дальнего Востока на Запад было переброшено лишь 17 процентов советских дивизий, а механизированных частей – около одной трети.

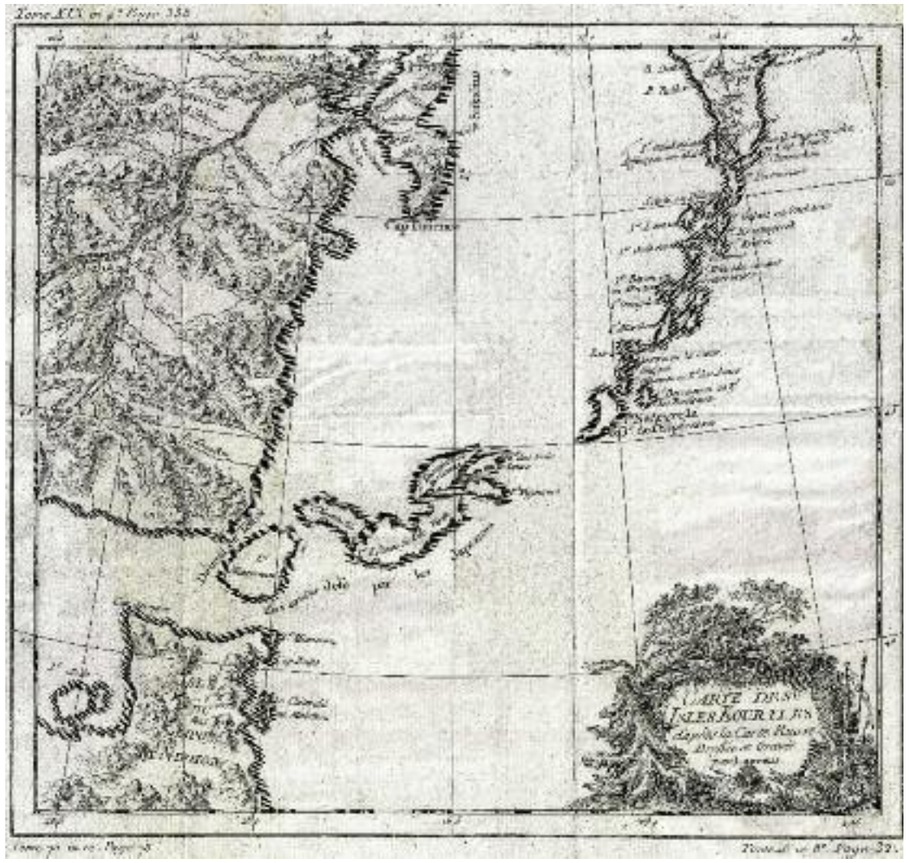
Так и не дождавшись отвода советских войск на Западный фронт, координационный совет правительства и императорской ставки 3 сентября констатировал, что «поскольку Япония не сможет развернуть крупномасштабные операции на севере до февраля, необходимо за это время быстро осуществить операции на юге». Поэтому 6 сентября императорское совещание вынесло решение отложить нападение на СССР до весны 1942 года.

Однако, как стало известно после войны из японских документов, в случае падения Москвы в 1941 году японцы планировали незамедлительно «малой кровью» оккупировать советские Сибирь и Дальний Восток (включая Северный Сахалин и Камчатку). В этом случае допускалось одновременное проведение операций как на юге, так и на севере. Выделенные для войны против СССР японские войска не включались в планы войны на юге и продолжали усиленно готовиться к действиям на севере. Япония держала на советских границах Квантунскую военную группировку численностью 1 миллион человек. В свою очередь это вынуждало нас держать на границах с Маньчжурией значительную часть своих вооруженных сил, которых так не хватало на германском фронте. Но даже формально Япония не соблюдала пакт о нейтралитете: передавала Германии военную информацию о СССР, задерживала, арестовывала и даже топила советские суда и всячески препятствовала нашему судоходству на Дальнем Востоке. Все эти факты были подтверждены в приговоре Международного военного трибунала для Дальнего Востока (Токийский судебный процесс 1946–1948 годов).

Самурай в овечьей шкуре, или Нацизм по-японски

Профессор Цзин Сидэ отмечает: «В последние годы японские официальные лица с новыми силами занимаются приукрашиванием японской агрессии во время Второй мировой войны. Китай и другие страны Азии должны более активно распространять правду об агрессивном прошлом Японии».

Правда эта состоит в том, что по Тройственному пакту между странами «оси» от 1940 года (Германия, Италия, Япония) Япония получила согласие Германии и Италии на превращение в зону своих исключительных интересов всей Евразии восточнее 70 градуса восточной долготы (то есть от



Карта Курильских островов Жака Беллена. Около 1750 года

Урала на севере до Афганистана и Пакистана на юге). В борьбе за ресурсы Восточной Азии Япония объявила ее «сферой сопроцветания» и стала «освобождать» от европейского колониализма, заменяя его японским. Однако, как подчеркивает Александр Мещеряков, японский «новый порядок» обернулся для народов Азии гораздо большими лишениями и горем, чем владычество европейцев.

Еще в 1910 году Япония аннексировала Корею. В 1931-1932 годах Япония оккупировала Маньчжурию, а летом 1937 года вторглась в Центральный Китай. Кроме того, японская армия захватила Филиппины, Индонезию, Малайю, Сингапур, Бирму, Таиланд, Вьетнам, Лаос и Камбоджу, Алеутские острова, переходила границы Монголии и Индии. Японская оккупация по площади территории и численности населения даже превысила размеры гитлеровской оккупации.

В XIX веке разграничение сфер влияния было закреплено двусторонними договорами. По Симодскому торговому договору между Россией и Японией (1855 год) наши владения на Курилах простирались до острова Уруп включительно (японцам отходили Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи), а Сахалин оставался в общем пользовании. Договор был подписан 7 февраля (этот день стал потом в Японии «Днем северных территорий»). По Санкт-Петербургскому договору (1875 год) весь Сахалин становился российским, а все Курильские острова были переданы Японии.

Япония осуществляла свою экспансию исключительно бесчеловечными методами. Так, в Китае после захвата Нанкина (1937 год) в нарушение собственного кодекса воинской чести бусидо японцы за 6 недель вырезали штыками и мечами 300 тысяч пленных и мирных жителей. Во французском Индокитае японцы заставили крестьян сеять джут для своей армии вместо риса. В результате в 1944-1945 годах от голода погибли 2 миллиона человек. Во время строительства железной «дороги смерти» между Таиландом и Бирмой умерли 84 тысячи че-

ловек. Широко известен Батаанский «марш смерти» пленных американских и филиппинских солдат на Филиппинах, во время которого погибли 8 тысяч человек. На оккупированных территориях в армейские бордели были мобилизованы до 200 тысяч сексуальных рабынь, которых заставляли заниматься проституцией за еду с нормой выработки до 40 человек в день. В годы войны на принудительные работы в Японию с материка завезли 667 тысяч корейцев и 50 тысяч китайцев, с которыми японцы обращались особенно жестоко.

Япония была единственной участницей Второй мировой войны, применившей бактериологическое и химическое оружие. Профессор Цзин Сидэ приводит сухую статистику: «С 1931 по 1945 год японцы по крайней мере 16 раз в масштабном порядке применяли бактериологическое оружие. <...> По меньшей мере 270 тысяч человек (не считая китайских военнослужащих) погибли вследствие использования бактериологического оружия японскими фашистами. Нет точных сведений о бесчисленном количестве "косвенных" жертв – людей, погибших вследствие распыления бактерий после непосредственно бактериологической атаки. <...> Химическое оружие применялось японцами на протяжении всей войны в течение 8 лет с 1937 по 1945 год в 18 провинциях Китая. Точно зарегистрировано более 2 тысяч сражений, в ходе которых применялось химическое оружие, вызвавшее гибель более 60 тысяч человек. Реальное количество случаев применения химического оружия и реальное число жертв гораздо больше – по японской статистике, химическое оружие применялось намного чаще». Бесчеловечные опыты на живых людях, разработка и применение бактериологического оружия не оставили равнодушными и честных японцев. О леденящих душу преступлениях зловещего японского «Отряда 731» под Харбином и о его клонах в своей книге «Кухня дьявола» рассказал японский писатель Сэйити Моримура. По китайским оценкам, за годы войны «число погибших китайцев превысило 35 миллионов человек, прямой экономический ущерб составил более 100 миллиардов долларов США, а непрямой – 500 миллиардов долларов США».

Японские военные думали и об атомном оружии. Летом 1941 года Военное министерство санкционировало «создание урановой бомбы». Впоследствии бомбардировки Токио американской авиацией разрушили Институт атомных исследований, в котором велись соответствующие разработки.

В конце войны, когда ресурсы Японии были уже крайне истощены, ее солдаты и военные моряки страшно голодали. В приговоре Международного военного трибунала для Дальнего Востока указан необычный вид преступления: «К концу Тихоокеанской войны японская армия и флот скатились до каннибализма, поедая части тел незаконно убитых ими союзных военнопленных. Эта практика имела место не без ведома и согласия командования японской армии».

Человечество не забывает о преступлениях японских милитаристов. В докладе *Amnesty International 2009* сообщается, что «парламенты Тайваня и Южной Кореи приняли резолюции с требованием восстановить справедливость в отношении жертв системы военного сексуального рабства, существовавшей в Японии в годы Второй мировой войны. Комитет по правам человека порекомендовал Японии принести извинения и взять на себя юридическую ответственность за систему "женщин для удовольствий"».

В 2005 году тогдашний премьер-министр Японии Дзюнъитиро Коидзуми на ежегодном азиатско-африканском саммите в столице Индонезии, на который съехались лидеры 80 стран, обращаясь к делегатам, признал: «В прошлом японское колониальное правление и агрессия привели к огромному ущербу и страданиям народов многих стран, особенно азиатских наций. Япония смотрит в лицо этим историческим фактам со смирением».

Последнее утверждение не что иное, как лицемерие. Подобные признания Япония делает исключительно под жестким давлением Китая и других стран и не только продолжает политику замалчивания и замазывания преступлений против человечности, совершенных японской военщиной во время Второй мировой войны, но и упрекает, например, Китай за рассказ об этом в школьных учебниках.

Если б не мы…

В 1945 году Япония дралась с союзниками (США и Великобританией) с отчаянием обреченного. После уничтожения японского флота в боях 1942–1945 годов и выхода американцев непосредственно к территории Японии (остров Окинава) в стратегическом смысле положение Японии было уже безнадежным, но правящая клика была готова к войне «до последнего вооруженного копьем японца в отрогах гор Хонсю». Летом 1945 года Япония провела тотальную мобилизацию, в результате которой число солдат, матросов и офицеров в метрополии достигло 3,6 миллиона человек, а общая численность только сухопутной японской армии (в метрополии и на материке) составила 4,6 миллиона человек. «Кэцу» – план «решительного сражения на территории Японии» – был составлен в марте 1945 года и предполагал широкое использование смертников для недопущения высадки англо-американского десанта на острова метрополии.

Советские войска в Порт-Артуре

Разгром Квантунской армии перечеркнул последние призрачные шансы Японии на затягивание войны. Кроме того, единый фронт союзников вынуждал отказаться от попыток играть на противоречиях между США и СССР и заключить сепаратный мир вместо безоговорочной капитуляции.

Японский император и главная ставка намеревались тайком укрыться в огромной подземной крепости в Мацусиро, а в случае оккупации метрополии бежать на материк и там продолжать сопротивление силами Квантунской армии и экспедиционных войск, находившихся в Китае.

Решающие операции против Японии в Пентагоне планировали на 1946-1947 годы. Объединенный комитет начальников штабов США предполагал высадку на юге острова Кюсю в ноябре 1945 года (операция «Олимпик»), в марте 1946 года – десант на остров Хонсю (операция «Коронет») и дальнейшее продвижение на север (Хоккайдо). При этом прогнозировались потери в 1 миллион американских и 500 тысяч британских солдат и офицеров.

Руководство Японии рассчитывало путем долгого кровавого сопротивления избежать капитуляции и вынудить США подписать мир. При этом сами острова превращались в выжженную землю вплоть до организации бактериологической атаки против оккупантов – асимметричного японского ответа на атомные бомбардировки. При такой тактике было неизбежно широкомасштабное уничтожение гражданского японского населения (до 10 миллионов человек).

Военный министр США Генри Стимсон в памятной записке президенту Гарри Трумэну от 2 июля 1945 года писал: «Последующие за высадкой десанта операции по овладению Японией могут оказаться длительными и потребуют с нашей стороны больших затрат и упорной борьбы. <...> Начав вторжение, нам придется, по моему мнению, завершать его даже еще более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесем огромные потери и будем вынуждены оставить Японию».

политика развития

Роль СССР в завершении Второй мировой войны на Дальнем Востоке

Не желая бросать крупные контингенты американских войск на материк, президент США Франклин Рузвельт стремился привлечь СССР к войне против Японии. В 1943 году на конференции в Тегеране СССР дал на это принципиальное согласие. Ялтинская конференция в феврале 1945 года официально закрепила обязательство СССР начать войну против Японии через три месяца после победы над Германией. В ходе Потсдамской конференции, несмотря на полученную информацию об успешном испытании в Америке атомной бомбы, Трумэн особо подчеркивал, что «США ожидают помощи от СССР». Сталин заверил, что «Советский Союз будет готов вступить в действие к середине августа».

Еще 5 апреля 1945 года СССР направил японскому правительству ноту, в которой извещал его о денонсации договора, аргументируя свою позицию нарушением Японией духа и отчасти буквы договора о нейтралитете. 8 августа 1945 года СССР объявил войну Японии. В ночь на 9 августа началась Маньчжурская стратегическая наступательная операция. Вся военная кампания длилась 25 дней. В ходе военных действий была окружена и разгромлена Квантунская армия – самая сильная группировка войск Японии, освобождены Маньчжурия, Ляодунский полуостров, Северо-Восточный Китай, северная часть Кореи, южная часть Сахалина и Курильские острова.

Вступление СССР в войну на Дальнем Востоке прервало морские сообщения между Японией и Кореей/Китаем. Наши войска отрезали от Японии экспедиционную армию в Китае, которая являлась основным источником японского экономического благополучия. Континентальные владения Японии (в первую очередь Маньчжурия и Корея) были сырьевой, промышленной и ресурсной базой империи. Их потеря стала наиболее сильным ударом с точки зрения разрушения экономической базы военных действий вообще. Утрата Маньчжурии и Кореи лишила Японию возможности эвакуировать на материк императорский дом и бóльшую часть армии для продолжения сопротивления.

И наконец, стремительное продвижение советских войск к Харбину, где размещалась ставка «Отряда 731», разрушило японские планы организации бактериологической войны. После окончания войны командующий Квантунской армией генерал Отодзо Ямада признал, что «бактериологическое оружие было бы применено против США, Англии и других государств в том случае, если бы Советский Союз не выступил против Японии. Вступление в войну против Японии Советского Союза и стремительное продвижение Красной Армии вглубь Маньчжурии лишило нас возможности применить бактериологическое оружие против СССР и других стран».

Таким образом, разгром Квантунской армии перечеркнул последние призрачные шансы Японии на затягивание войны. Кроме того, единый фронт союзников вынуждал отказаться от попыток играть на противоречиях между США и СССР и заключить сепаратный мир вместо безоговорочной капитуляции.

17 августа японский император обратился к нации, за витиеватым стилем пряча жестокую правду о безоговорочной капитуляции: «Со времени объявления нами войны Англии и Америке прошло 3 года и 8 месяцев. Все это время наши доблестные солдаты и моряки не щадили жизни на полях жестоких сражений и в бушующем океане. Теперь, когда в войну вступила Россия, дальнейшее продолжение войны с точки зрения внутренней и внешней обстановки в нашей стране могло бы привести к потере основ нашей империи. Поэтому я обратился к Америке, Англии и России с предложением заключить мир». Из этих слов видно, что главной причиной, заставившей Японию заявить о желании мира, стали не атомные бомбардировки, о которых император даже не упоминает, а вступление в войну СССР.

«Северными территориями» Япония называет Южные Курильские острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и группу малых островов Хабомаи. В соответствии с решениями Ялтинской конференции все Курилы и Сахалин возвращались «навечно» Советскому Союзу, что было условием его вступления в войну с Японией.

«Августовская буря»: взгляд со стороны

«Августовская буря» – это принятое на Западе наименование Маньчжурской стратегической наступательной операции советских войск на Дальнем Востоке. Вступление СССР в войну в ходе этой операции лишило японцев фактических средств продолжения борьбы и сыграло более решающую роль, чем применение Соединенными Штатами атомного оружия. Эта оценка разделяется и японской стороной. В выступлении заместителя начальника генштаба 6 июня 1945 года открыто говорилось, что «необходимым условием ведения войны с США является поддержание мирных отношений с Советским Союзом». Полковник-штабист Хаттори Такусиро в своей книге заявляет, что «вступление Советского Союза в войну, последовавшее после того как на Хиросиму была сброшена атомная бомба, укрепило решимость императора и руководителей верхушки в правительстве и в стране немедленно принять условия Потсдамской декларации как единственный путь к окончанию войны».

Японский историк Цуёси Хасегава выпустил монографию «Наперегонки с врагом», в которой на рассекреченных советских архивах, а также на японских и американских документах исследуется завершение войны на Тихом океане. Он считает, что «вступление Советского Союза в войну внесло намного больший вклад в капитуляцию Японии, чем атомные бомбы. Оно лишило Японию надежды на выход из войны при посредничестве Москвы». Об эффекте, который произвело молниеносное продвижение советских войск, свидетельствуют слова японского премьер-министра времен войны Кантаро Судзуки, убеждавшего свое правительство капитулировать. Хасегава цитирует его слова: «Если мы упустим сегодня эту возможность, Советский Союз захватит не только Маньчжурию, Корею и Сахалин, но и Хоккайдо. Мы должны закончить войну, пока мы еще можем иметь дело с Соединенными Штатами».

«Имперское командование верило, что Япония сможет сопротивляться вторжению союзников, если сохранит контроль над Маньчжурией и Кореей, снабжавшими Японию ресурсами на ведение войны», – утверждают Хасегава и историк Второй мировой войны из лондонского Имперского военного музея Терри Чарман. «Удар, который нанес СССР, все изменил, – говорит Чарман. – Правительство в Токио осознало, что надежды не осталось, и в этом смысле “Августовская буря” сильнее подтолкнула Японию к капитуляции, чем атомные бомбы».

По словам профессора российской истории из Лондонской школы экономики Доминика Ливена, «антисоветский настрой Запада породил тенденцию к приуменьшению военных достижений Советского Союза».

Спор о «северных территориях»

«Северными территориями» Япония называет Южные Курильские острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и группу малых островов Хабомаи. В соответствии с решениями Ялтинской конференции все Курилы и Сахалин возвращались «навечно» Советскому Союзу, что было условием его вступления в войну с Японией. Это же подтвердила Потсдамская декларация США, Великобритании и Китая, к которой позднее присоединился СССР. В Потсдамской декларации о безоговорочной капитуляции Японии в пункте 8-м сказано: «Японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и менее крупными островами, которые мы укажем». Последние слова иллюстрируют международно-правовые следствия принципа полной и безоговорочной капитуляции, то есть утрату Японией международной правосубъектности и права обсуждать условия послевоенного урегулирования.

Во исполнение этого положения Япония была лишена всех Курильских островов, что было подтверждено в меморандуме главнокомандующего союзных держав американского генерала Дугласа Макартура. В директиве № 677 от 29 января 1946 года, направленной им японскому императорскому правительству, указывалось, что из-под юрисдикции государственной и административной власти Японии исключаются все находящиеся к северу от Хоккайдо острова, в том числе «группа островов Хабомаи (Хапомандзё), включая острова Сусио, Юри, Акиюри, Сибоцу и Тараку, а также остров Шикотан». Отказ Японии от Курильских островов зафиксирован в Сан-Францисском мирном договоре 1951 года. В силу разных политических причин СССР тог-

политика развития

Ни при подписании, ни при ратификации Сан-Францисского мирного договора Япония не сделала никаких оговорок, согласившись тем самым на абсолютный и полный отказ от Курил и Сахалина. Более того, премьер-министр Японии Сигэру Иосида (на фото) 5 сентября 1951 года, выступая на конференции в Сан-Франциско, говорил: «Японская делегация с радостью принимает этот справедливый и великодушный договор».

ко, говорил: «Японская делегация с радостью принимает этот справедливый и великодушный договор».

Однако все послевоенные годы Япония постоянно муссирует проблему «северных территорий» и требует их возврата, ссылаясь на прежние договоры. Руководители России неоднократно высказывались по этой теме и заявляли, что Япония была изгнана с Корейского полуострова, Тайваня, Южного Сахалина, Парасельских, Пескадорских и Курильских островов не на основании каких-то былых договоров, а по условиям подписанной ею безоговорочной капитуляции, в наказание за полувековую агрессию против соседей по Тихоокеанскому региону. Притязания же Японии на Южные Курилы есть попытка поставить под сомнение все границы, проведенные странами-победительницами.

да не подписал этот договор. В результате документ не содержит указания на то, что рассматриваемые территории передаются СССР. Но это не меняет того непреложного факта, что в его статье 2 Япония «отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 года».

Ни при подписании, ни при ратификации Сан-Францисского мирного договора Япония не сделала никаких оговорок, согласившись тем самым на абсолютный и полный отказ от Курил и Сахалина. Более того, премьер-министр Японии Сигэру Иосида 5 сентября 1951 года, выступая на конференции в Сан-Франциско, говорил: «Японская делегация с радостью принимает этот справедливый и великодушный договор».

Точку в курильском вопросе поставил президент России Владимир Путин 27 сентября 2005 года, заявив: «Что касается переговорного процесса с Японией по четырем островам: они находятся под суверенитетом Российской Федерации, это закреплено международным правом, это результаты Второй мировой войны, и <...> в этой части мы ничего не собираемся обсуждать».

Заметим, что кампания по пересмотру роли СССР во Второй мировой войне умело дирижируется одним закулисным «регентом» сразу на двух «клиросах»: и на Западе, и на Востоке. Практически день в день в июле 2009 года японский парламент утвердил законопроект, в котором Южные Курилы именуются «исконными территориями» страны, а Комитет Парламентской ассамблеи ОБСЕ по демократии выступил с резолюцией «Воссоединение разделенной Европы», уравнивающей сталинизм и нацизм. Цель была одна – создать условия для пересмотра итогов войны и перекраивания политической карты мира.

Соединенные Штаты поддерживают «законность» принадлежности островов Японии вопреки международным договорам, которые сами же подписали. Может быть, нам стоило бы предложить японцам вначале потребовать вернуть себе их «южные территории» – Каролинские, Маршалловы и Марианские острова? Эти архипелаги, бывшие колонии Германии, были захвачены Японией в 1914 году. Владычество Японии над этими островами санкционировано Версальским договором 1919 года. После разгрома Японии в 1945 году все эти архипелаги перешли под управление США. Так почему бы Японии не подправить свои границы с США?

Кстати, неразрешенные территориальные проблемы у Японии имеются практически со всеми соседями. Однако спор о них протекает по-разному. Если у России и Южной Кореи Япония требует вернуть ее «исконные территории», то перед Китаем она сама выступает в качестве ответчика. Китай оспаривает право Японии на суверенитет над архипелагом Сенкаку (по-китайски Дяоюйдао). Причем и Южная Корея, и Китай, в отличие от нас, очень жестко реагируют на любые инциденты, связанные со спорными островами. Так, Пекин в самых решительных и ультимативных выражениях потребовал от Японии освобождения капитана китайского рыболовецкого судна, задержанного 7 сентября 2010 года в Восточно-Китайском море при столкновении с кораблями японских морских пограничников возле островов Сенкаку. Китай отменил все официальные контакты выше министерского уровня, многие переговоры – несмотря на то, что с Японией его связывают тесные экономические связи. Кстати, администрация Обамы уже сделала заявления, что союзнические обязательства США по защите Японии не распространяются на спорные с Китаем острова.

Как пишет руководитель Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН Валерий Кистанов, в последние три года территориальный спор между Токио и Пекином по поводу принадлежности этих островов приобрел беспрецедентный накал. Китай постоянно патрулирует окрестные воды архипелага, часто нарушая японские морские границы. Согласно «Белой книге обороны Японии», с марта 2012 по март 2013 года японские истребители более 300 раз поднимались на перехват китайских самолетов. Это в два раза чаще, чем годом ранее. В этом споре сфокусировалось экономическое и военно-политическое соперничество двух стран. Япония встревожена растущей экономической и военной мощью Китая и в деле «сдерживания Китая» стремится заручиться поддержкой различных стран, в том числе и России. При этом, пишет Кистанов, «парадокс ситуации заключается в том, что японские аналитики рассматривают страну, с которой у Японии нет формального мирного договора, в качестве соратника в борьбе с угрозой со стороны государства, с которым она имеет договор о мире и дружбе».

Япония считает, что Россия также озабочена усилением Китая, наращиванием его морской деятельности, в том числе планами по освоению Северного морского пути. Как бы там ни было, но на апрельской встрече этого года в Москве Владимир Путин и премьер-министр Синдзо Абэ договорились о создании новой переговорной структуры с участием министров иностранных дел и обороны двух стран (2+2). Лидеры обоих государств также «выразили решимость, преодолев в рамках переговоров имеющиеся расхождения в позициях сторон, заключить мирный договор путем окончательного решения во взаимоприемлемой форме данного вопроса».

Как пишет Кистанов, японские эксперты надеются на уступки с российской стороны в отношении Южных Курил как условие сближения России с Японией на антикитайской основе. Однако подлинные интересы России заключаются в развитии равнозначно добрососедских отношений как с Японией, так и с Китаем «с учетом всех нюансов взаимодействия между своими важнейшими дальневосточными соседями».

Значение Курил для России

Курильские острова – это цепь вулканических островов между полуостровом Камчатка и островом Хоккайдо (Япония). Острова отделяют Охотское море от Тихого океана. Их протяженность около 1200 километров, площадь – 15,6 тысячи квадратных километров. Они включают в себя двадцать крупных и более тридцати мелких островов и состоят из двух параллельных гряд – Большой Курильской и Малой Курильской.

Для России отторжение Южных Курил будет означать:

- утрату политического лица и повод к дальнейшим территориальным претензиям со стороны как Японии, так и других наших соседей (Китай, Корея и т.д.);
- потерю контроля над богатейшими природными ресурсами (рыба, морские животные, растительность, залежи полезных ископаемых, причем редкоземельных, энергоисточники, минеральное сырье);
- ликвидацию важнейших геополитических и военно-стратегических преимуществ, которые наша страна получила по итогам Второй мировой войны на Дальнем Востоке.

В экономическом отношении Южные Курилы – это огромные запасы сырья. На островах и в прибрежной зоне разведаны промышленные запасы золота, серебра, руд цветных металлов, железа, ртути, серы, природного газа, нефти. На острове Итуруп находится единственное в мире месторождение рения – ценного редкого металла. Оценочная стоимость полезных ископаемых всех островов – 45,8 миллиарда долларов. Наряду с этим в акватории островов Кунашир и Итуруп содержатся уникальные по мировым стандартам запасы бурых и красных водорослей, являющихся ценнейшим сырьем для фармацевтической, парфюмерной, косметической и пищевой промышленности. Суммарный вылов всех ценных рыб и беспозвоночных в районе южной части Курильских островов в последние годы составляет около 1 миллиона тонн, что обеспечивает получение сырья для рыбной промышленности стоимостью более 1 миллиарда долларов ежегодно.

В военном отношении гряда Северных и Южных Курил с Сахалином составляет замкну-

Отторжение Южных Курил от России разобщит силы российского Тихоокеанского флота на две изолированные части, расширит сферу ведения иностранной технической разведки, станет препятствовать развертыванию подводных лодок в районах оперативного базирования, нарушит единое радиолокационное поле на востоке России, снизит устойчивость противодесантной обороны, перекроет выход стратегической авиации в акваторию Тихого океана.

тую инфраструктуру стратегической обороны Дальнего Востока и Тихоокеанского флота. Они ограждают Охотское море и превращают его во внутреннее. Это район развертывания и боевых позиций наших подводных лодок, в том числе стратегических. Контроль над Курилами обеспечивает свободный выход флота – прежде всего подводных лодок – в океан (до 1945 года наш Тихоокеанский флот был заперт в своих базах Приморья, поскольку все межостровные проливы контролировались японцами). На островах много удобных бухт для базирования флота. Расположенные на островах средства обнаружения обеспечивают противовоздушную и противолодочную оборону подступов к островам и проходов между ними.

Отторжение Южных Курил от России разобщит силы российского Тихоокеанского флота на две изолированные части, расширит сферу ведения иностранной технической разведки, станет препятствовать развертыванию подводных лодок в районах оперативного базирования, нарушит единое радиолокационное поле на востоке России, снизит устойчивость противодесантной обороны, перекроет выход стратегической авиации в акваторию Тихого океана. Среди очевидных угроз безопасности страны в случае утраты ею Южных Курил – уязвимость морских и воздушных коммуникаций доставки необходимых ресурсов на Камчатку в ситуации обострения обстановки, установление контроля Японии и США над стратегически важными проливными зонами. Наконец, подобная перекройка политической карты обеспечит свободу действия иностранным вооруженным силам в южной части Охотского моря – вплоть до размещения самолетов истребительной и противолодочной авиации на аэродроме острова Итуруп, а также позволит США перенести на Курилы свои военные базы.

Для Японии восстановление государственного суверенитета над Южными Курилами будет означать существенное повышение международного авторитета страны и огромные экономические и военно-стратегические выгоды, а Вашингтон как военный и политический союзник (и, напомним, оккупант) Японии получит соответствующие преимущества перед Россией в этом важнейшем регионе. Для Америки это особенно актуально ввиду обострения противостояния с Китаем. Понятно почему США так подталкивают Японию к пересмотру итогов Второй мировой войны в свою пользу.

В случае острого социально-политического кризиса в России и резкого ослабления ее обороноспособности нельзя исключать и того, что Япония пойдет на силовые методы решения территориальной проблемы – при получении одобрения на подобный шаг со стороны США.

Следует учитывать, что с конца 1980-х годов по настоящее время все крупные учения японских вооруженных сил и совместные с США учения завершаются отработкой задач по усилению группировки войск на севере Японии и завоеванию господства на направлении Сахалина и Курил. В случае острого социально-политического кризиса в России и резкого ослабления ее обороноспособности нельзя исключать и того, что Япония пойдет на силовые методы решения территориальной проблемы – при получении одобрения на подобный шаг со стороны США. К этому ее может подтолкнуть недостаточная оснащенность дислоцированной на Курилах 18-й пулеметно-артиллерийской дивизии, слабость сил ВВС и ПВО РФ на Сахалине и подавляющее превосходство ВМС Японии над российским Тихоокеанским флотом (особенно в надводных кораблях).

Только на Хоккайдо дислоцирована более чем 50-тысячная японская военная группировка (700 танков, 800 артиллерийских и минометных систем, 90 боевых самолетов, 10 пусковых установок противокорабельных ракет). Построенный между островами Хоккайдо и Хонсю туннель позволяет быстро наращивать эту группировку железнодорожным и автомобильным транспортом (до 5 дивизий в сутки).

Эксперты отмечают, что мероприятия по подготовке Японии и ее вооруженных сил к захвату островов могут проводиться под видом ежегодных учений по усилению группировки войск на севере страны и итоговых учений всех видов вооруженных сил. Захвату островов может предшествовать усиленная обработка международного общественного мнения, в том числе и в ООН, мощная патриотическая кампания и активизация движения за возвращение «северных территорий» в Японии. Так что внезапная высадка японского десанта на одном из островов Южных Курил может оказаться такой же реальной как нападение Грузии на российский миротворческий контингент в Южной Осетии.

Это реально еще и потому, что Япония и США связаны договором о совместной обороне, по которому вооруженные силы США обязаны «защищать территории, находящиеся под юрисдикцией японского правительства». Правда, во время последнего дипломатического обострения курильской проблемы официальный Вашингтон, заявив, что США признают право Японии на Южные Курилы (такова пози-

В городе Курильске (остров Итуруп, Южные Курилы) был установлен и освящен памятник апостолу Андрею Первозванному – небесному покровителю России, Русской церкви и русского флота (на фото). Он стоит на самой высокой точке, на берегу бухты Китовая, омываемой водами Тихого океана. Памятник Андрею Первозванному – символ духовной и государственной принадлежности этого региона России.

запрещенной ею полноценной японской армии, которая придет на смену нынешним Силам самообороны.

Решение вопроса

Сегодня нет никаких причин для территориальных уступок Японии. Для нас должны быть неприемлемыми любые варианты, которые означали бы отказ России от ее суверенитета над Южными Курилами. Однако надо быть готовыми к возможным попыткам Японии военным путем решить территориальный спор, как это было уже не раз в прошлом столетии.

После известия о землетрясении в Японии 11 марта 2011 года президент РФ Дмитрий Медведев сделал заявление, в котором выразил соболезнование японскому народу, и дал указания МЧС России оказать жителям пострадавших районов гуманитарную помощь. МЧС 13 марта направило в Японию отряд спасателей. Туда же прибыли эксперты корпорации «Росатом» для оказания содействия японским коллегам. Довольно скоро группировка российских спасателей в Японии стала одной из самых больших иностранных группировок спасателей в этой стране. Русская православная церковь уже 15 марта объявила сбор пожертвований для помощи пострадавшим от стихийного бедствия в Японии (где действует Японская автономная православная церковь в составе Московского патриархата).

В связи с этим в СМИ стали появляться комментарии с предположениями, что сочувствие и помощь России жертвам катастрофы в Японии помогут преодолеть курильский кризис, как катастрофа под Смоленском снизила накал в польско-российских отношениях. Однако официальные лица Японии, поблагодарив Россию за помощь, тут же сделали заявление, что их страна не откажется от своих претензий на Южные Курилы. И действительно, новые японские учебники истории, географии и обществознания продолжают учить школьников тому, что южная часть Курильских островов – это территория Японии, «незаконно оккупированная» СССР после Второй мировой войны.

Здесь уместно сказать о способах решения этого территориального спора.

«Мягкая сила»

Надо отдать должное напористости и последовательности действий японской стороны в целях удовлетворения своих территориальных претензий к России. Кроме упомянутых военных мер, подразумевающих демонстрацию «жесткой силы», Япония активно использует и другие меры, которые американский политолог Джозеф Най назвал *soft power* («мягкая сила») – получение желаемого через привлечение, а не через подавление.

Ресурсы «мягкой силы» – это символический капитал культуры, политических ценностей и смыслов. В свою очередь, символический капитал культуры – это коллективная память, культурные символы, образы, духовная сфера социума. Культурный капитал может конвертироваться в экономический и быть институционализирован в виде имиджа государства. Другими словами символический капитал – это капитал чести и престижа. Для государства «мягкая сила» – это власть его политических идеалов и культурных символов. Важным источником «мягкой силы» сегодня выступает гражданское общество. Университеты, религиозные и неправительственные организации, культурные и общественные фонды обладают влиянием, которое способно усиливать политику государства.

В этом направлении Япония проявляет чрезвычайную активность. Как пишет главный редактор журнала «Полис. Политические исследования» Сергей Чугров, Япония финансирует из госбюджета деятельность всяческих фондов (прежде всего Японского фонда) и государственных структур (японские центры в России). Автор отмечает, что «Токио проводит взвешенную долгосрочную линию на формирование позитивного имиджа Японии среди россиян» и «продвигает в общественное сознание широких кругов населения России, особенно лидеров общественного мнения, образ “российской вины за послевоенные прегрешения”» (интернирование 600 тысяч военнопленных в Сибири) и «соответственно мысль о “необходимости вернуть Японии ее территории”». С этими целями Японский фонд продвигает японские исследования за рубежом, дает гранты и приглашает иностранных ученых в японские университеты и научные центры, проводит культурный обмен и т.п.

По мнению Чугрова, Россия в этом отношении значительно уступает Японии. Традиционно образ нашей страны (царской России, СССР и Российской Федерации) в представлении большинства японцев был и остается негативным. Причем в 2009–2011 годах доля японцев, которые не испытывают к нам симпатий, выросла с 79,6 до 82,9 процента, но в 2012 году вдруг снизилась до 76,5 процента (вероятно, вследствие обострения отношений с Китаем и Южной Кореей). Как считает главный редактор «Полиса», «не столько территориальная проблема оказывает отрицательное влияние <...> сколько *искусственно культивируемый в Японии негативный образ России препятствует решению территориального спора*» (курсив мой. – *В.Н.*). Поэтому проблема имиджа нашей страны имеет прикладное значение.

В настоящее время на исправление такой ситуации работают следующие факторы:

- с марта 2012 года функционирует российско-японская комиссия историков по борьбе с фальсификациями и устранению «белых пятен» в истории наших взаимоотношений, результатом ее работы будут монографии на русском, японском и английском языках;
- в области СМИ действуют совместные проекты: радио «Голос России» ведет вещание на японоязычную аудиторию и поддерживает японоязычный сайт, японская газета «Майнити» с 2012 года выпускает приложение о России в рамках глобального проекта «Российской газеты» – «Россия поверх заголовков»;
- с 2006 года в Японии проходят ежегодные фестивали российской культуры;
- российский фонд «Русский мир» оказывает финансовую помощь кафедрам русского языка в Японии (правда, их число очень незначительно). Однако в Японии до сих пор нет российского центра культурных и научных связей. Общество «Россия–Япония» значительно снизило свою активность. Конференции и встречи исследователей и журналистов проводятся за счет японской стороны. Российское японоведение не востребовано в нашей стране, публикации о современной Японии издаются на средства Японского фонда (то есть по японским критериям целесообразности). Использование Россией «мягкой силы», делает вывод Чугров, ограничено ее скудным финансированием, поэтому в целом наша страна «практически не оказывает какого-либо заметного влияния на формирование позитивного восприятия России политической элитой и широкими слоями общественности Японии».

В то же время в своей информационной кампании по проблемам двусторонних отношений Россия могла бы предпринять контрмеры (лучшая защита – это нападение), исходными положениями для которых способны оказаться следующие утверждения:

- постоянное напоминание о военных преступлениях милитаристской Японии во Второй мировой войне против народов Юго-Восточной Азии – преступлениях, сопоставимых по жестокости и масштабности с преступлениями гитлеровской Германии, призыв к признанию Японией своей вины и раскаянию (денацификация по германскому образцу, отказ от территориальных претензий); особый акцент может быть сделан на разработку, испытание на людях и применение бактериологического и химического оружия Японией против приграничных районов СССР и в более широком масштабе – против Китая; последний, кстати, не забывает это делать, несмотря на наличие мирного договора и широкое экономическое сотрудничество с Японией; как видно в этом случае, актуализация исторической памяти не препятствует взаимной торговле;
- справедливость наказания Японии лишением части принадлежавших ей на момент 1945 года территорий, приобретенных ею в разное время

политика развития

Митинг в «День северных территорий» в Немуро на Хоккайдо

Япония нагнетает обстановку вокруг Южных Курил, в частности, принятием поправок к закону «Об особых мерах для форсирования решения проблемы северных территорий», а также традиционными осмотрами «северных территорий» официальными японскими лицами.

военным и невоенным путями (в том числе и за счет третьих стран), в пользу Китая, Кореи, США, СССР и др.;

◆ невозможность сепаратного пересмотра итогов Второй мировой войны исключительно в ущерб России без изменения границ Японии с другими странами региона.

Надо признать, что эти положения если и проскальзывают в сообщениях российских СМИ, однако должного внимания на себя они не обращают. А ведь поведение Японии можно сопоставить с поведением другой страны, подписавшей безоговорочную капитуляцию, – Германии, которая не требует от сопредельных стран возвращения утраченных по итогам войны территорий (например, от Польши, Франции, России и др.) и подписания мирного договора с Россией для расширения сотрудничества.

В такой ситуации особое значение приобретают публичные политические и общественные акции. В частности, немаловажными являются символические действия и события, указывающие на принадлежность Южных Курил России. В 2009 году Кунашир и Шикотан посетила делегация Совета Федерации во главе с его председателем Сергеем Мироновым. Дмитрий Медведев дважды – в 2010 и 2012 годах, в качестве президента и премьер-министра РФ, – посещал остров Кунашир. Это стало ответом на нагнетание Японией обстановки вокруг Южных Курил (в частности, на принятие поправок к закону «Об особых мерах для форсирования решения проблемы северных территорий», а также на традиционные осмотры «северных территорий» официальными японскими лицами). Представляется, что подобные посещения Южных Курил российскими политиками высокого ранга должны стать регулярными. На японские территориальные претензии возможны разные ответы. Немаловажными являются символические действия и события, указывающие на принадлежность Южных Курил России. Культурно-символические акции под силу российской общественности. Примером могут служить торжества в честь 60-й годовщины победы над Японией, прошедшие на Сахалине и Курилах. В сентябре 2005 года в Южно-Сахалинске состоялась конференция, посвященная этой памятной дате, а в городе Курильске (остров Итуруп, Южные Курилы) был установлен и освящен памятник апостолу Андрею Первозванному – небесному покровителю России, Русской церкви и русского флота. Пятиметровый постамент отлит из меди и бронзы и стоит на самой высокой точке, на берегу бухты Китовая, омываемой водами Тихого океана. Памятник Андрею Первозванному – символ духовной и государственной принадлежности этого региона России. Он подсвечен мощными прожекторами, хорошо виден всем проходящим судам и обозначает начало Земли Российской.

Монумент создан по заказу и при финансировании Фонда Андрея Первозванного. Идея фонда заключалась в том, чтобы укрепить рубежи нашей Родины как православной державы культурными и историческими символами. А Дальний Восток является важнейшим рубежом России. «Здесь начинается Русь!» – говорят курильчане.

В торжествах по случаю установки памятника принимали участие ветераны войны – участники боев на Дальнем Востоке, представители государственной власти и Русской церкви. Мэр Курильска Игорь Карпман подчеркнул, что установка памятника имеет геополитический характер, поскольку мы в очередной раз напомнили Японии, что «ей не стоит претендовать на исконно русские земли». О том же сказал и руководитель миссионерского отдела Сахалинской епархии: «Курильские острова – это православная русская земля. Мы будем развивать этот край и молиться за его процветание».

Кроме того, вот уже много лет Фонд Андрея Первозванного совместно с ОАО «Российские железные дороги» ежегодно организует медико-просветительскую экспедицию «Рубежи России» на Сахалин и на Курильские острова Шикотан и Итуруп. В 2007 году генеральный директор ЗАО «Гидрострой» Александр Верховский на встрече с председателем попечительского совета фонда, президентом ОАО «РЖД» Владимиром Якуниным рассказал о том, что на Курильских островах местные жители лишены возможности получать качественную медицинскую помощь, а выехать по медицинским показаниям в областной центр или на материк не всегда есть возможность. Фонд решил оказать помощь в этом вопросе и сформировал экспедицию. Вначале речь шла только о тех городах и поселках, где базируются предприятия «Гидростроя». Затем, когда экспедиция приобрела авторитет у жителей Курил, сфера ее деятельности стала распространяться и на военные части и местные администрации.

В составе экспедиции – ведущие врачи из клиник Москвы, Петербурга и Дальнего Востока, известные артисты из разных городов России. С некоторого времени на Южные Курилы приезжают уже две экспедиции в год: детские врачи весной, а взрослые – осенью. Кроме медицинских специалистов различного профиля в состав экспедиций входит также православный священник, поскольку на островах не хватает священнослужителей и многие православные храмы стоят под замком: служба в них совершается по большим праздникам приезжими священниками. Поэтому по благословению епископа Южно-Сахалинского и Курильского с экспедицией всегда приезжает батюшка. Священник совершает церковные таинства (крестит, венчает, исповедует, причащает), проводит духовные беседы с людьми, отвечает на их вопросы, утешает, обнадеживает, в общем – окормляет паству, несет пасторское служение и помогает в работе экспедиции.

Жителям островов оказывается реальная медицинская помощь (диагностика, консультирование, назначение лечения, экстренные операции), а также проводятся фотовыставки, концерты, массовые мероприятия патриотической направленности. В рамках данной экспедиции реализуется проект «Мы живем в России», цель которого – подчеркнуть единство россиян, проживающих в разных регионах страны, удаленных друг от друга. Россия – страна, которая раскинулась от Балтийского моря до Тихого океана, и некоторые регионы в силу своего географического положения настолько удалены от культурных, научных, политических центров, что у людей ослабевает чувство сопричастности своей жизни с жизнью страны. Им ближе съездить за рубеж, чем в Москву или Петербург, Белгород или Курск. Поэтому у фонда родилась идея сдружить разные регионы между собой, сделать их побратимами, помочь в культурных обменах и в установлении личных связей между людьми из разных уголков России. Особенно это важно для детей, у которых еще только формируется образ Родины и отношение к своей стране, к ее истории и просторам.

Различие подходов и попытки сближения позиций

Обе страны – и Россия, и Япония – выступают за подписание мирного договора и расширение взаимовыгодного сотрудничества. Однако для Японии предварительным условием мирного договора и серьезных инвестиций в российскую экономику является отторжение от России Южных Курил. Российская же сторона полагает, что экономическое и гуманитарное сотрудничество – это та приоритетная задача, которой надо заняться, прежде чем вести переговоры об островах.

Такое принципиальное различие стопорит все усилия по сближению наших стран. Тем не менее большие надежды возлагались на апрельский визит в Москву японского премьер-министра Абэ. Кроме осложнения отношений с Китаем и поиска союзников, Япония как крупнейший мировой импортер метана заинтересована в его поставках из России (которые сейчас составляют 10 процентов всего потребляемого ею газа). По итогам переговоров Путин и Абэ подписали ряд межправительственных и межведомственных договоренностей и бизнес-соглашений. Среди них соглашения о сотрудничестве в финансовой и энергетической сферах (в будущем планируется учредить совместный инвестиционный фонд с капиталом 1 миллиард долларов и построить на Дальнем Востоке нефтехимический завод).Принято также решение об учреждении японского

Праздник Крещения Господня на Сахалине

Курильские острова – это православная русская земля. Мы будем развивать этот край и молиться за его процветание.

культурного центра в России. В целом подписанные документы направлены на развитие двустороннего торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, межрегиональных контактов, а также связей в области культуры, медицины и спорта. Как отмечают политические аналитики, растущее влияние Китая в регионе может способствовать сближению позиций России и Японии, которая пытается отвлечь Москву от развивающегося сотрудничества с Китаем.

Действительно, Пекин был сильно обеспокоен ходом переговоров между Москвой и Токио. Через свое официальное агентство «Синьхуанет» Китай распространил предупреждение в фирменном восточном стиле: «Абэ делает вид, что танцует с мечом, на самом деле он готовится убивать», а его подарки России являются стратегией, направленной на развитие диалога по островам. «Эгоистический расчет слишком очевиден – могут ли русские мудрецы этого не видеть?» – задают риторический вопрос китайцы.

Не могут, поскольку японцы свой расчет и не скрывают. Основное внимание японские СМИ уделили прежде всего возобновлению переговоров по территориальному вопросу. Газета «Никкэй» написала: «Для Японии результатом саммита стало включение в совместное заявление пункта о возобновлении переговоров по территориальному вопросу. Японии удалось использовать свои сильные экономические стороны – технологии и капитал – и добиться от России в обмен на это возобновления переговоров».

Японские наблюдатели особо подчеркнули важность упоминания в итоговом заявлении того, что стороны «договорились продвигать переговоры по заключению мирного договора на основе всех принятых до настоящего времени документов и договоренностей, включая совместное заявление президента Российской Федерации и премьер-министра Японии о принятии российско-японского плана действий и российско-японский план действий 2003 года». А этот план действий ссылается в том числе на совместную декларацию СССР и Японии 1956 года, по которой Советский Союз на определенных условиях был готов передать Японии острова Шикотан и Хабомаи.

Впрочем, Валерий Кистанов по итогам визита сказал, что особого успеха ждать не стоит, поскольку Япония непременно хочет вернуть все «северные территории», а Путин не пойдет дальше официальной позиции российского МИДа, основывающейся на советско-японской декларации 1956 года. С тех пор Россия сделала только одно предложение по Курилам. Как стало известно, 20 июня в Санкт-Петербурге во время переговоров заместителя министра иностранных дел России Игоря Моргулова с заместителем главы японского МИДа Мацуямой Масаджи Россия предложила Японии совместно заняться развитием четырех островов Курильской гряды под российской юрисдикцией, чтобы разрешить проблему их принадлежности. Однако после месяца раздумий и, вероятно, консультаций с американскими кураторами в Токио от предложения отказались, поскольку его принятие означало бы признание японцами российского суверенитета над островами. В Японии попросили Москву пересмотреть свое предложение.

«Жесткая сила»

Свои деловые предложения Россия сопровождает упрочением обороны на восточных рубежах. Заместитель директора Института политического и военного анализа военный аналитик Александр Храмчихин считает, что если объявленное российским руководством перевооружение военной группировки на Курилах будет выполнено и там на самом деле появятся ПКРК «Бастион» с ПКР «Яхонт», танки Т-80, ЗРК «Бук» и «Тор», вертолеты Ми-28, потенциал российских Вооруженных Сил возрастет настолько, что только своими силами курильская группировка сможет дать отпор вероятному противнику. Тогда курильский вопрос в его военном аспекте можно будет считать закрытым надолго.

В июле этого года Россия провела в регионе Дальнего Востока крупнейшие в постсоветской истории военные учения. В проверке боеготовности приняли участие 160 тысяч военнослужащих из Центрального и Восточного военных округов, около тысячи танков и боевых бронированных машин, 130 самолетов дальней, военно-транспортной, истребительной, бомбардировочной и армейской авиации, а также до 70 кораблей и судов Тихоокеанского флота. Учения проходили в Забайкальском и Приморском краях, в том числе на Сахалине. В ходе учений стратегические бомбардировщики пролетели в районе Южных Курил и тем заставили японские истребители подняться в воздух. Два самолета Ту-95 пролетели над Японским морем от Корейского полуострова вдоль японского архипелага на север от острова Хоккайдо. Другой самолет – Ил-20 – проследовал над Курильскими островами. По поводу официальной «антитеррористической и антипиратской» легенды проводимых учений Александр Храмчихин высказался без дипломатических прикрас: «Географическое положение округа и “материковая часть действий” – это отработка войны с Китаем. А морская и островная часть (Сахалин, Камчатка и Охотское море) – отработка войны с Японией». И к этому нечего добавить, кроме старой пословицы: «Хочешь мира – готовься к войне». Именно так в свое время поступило советское руководство на Дальнем Востоке – и не ошиблось.

Однако военные аналитики констатируют, что в современном мире нет четко выраженных противников и стопроцентных союзников. Это можно видеть из уже прошедших и намеченных совместных военных учений в этом регионе. Так, в марте прошли учения *Foal Eagle* США и Южной Кореи на Корейском полуострове, в июле-августе – учения США и Австралии *Talisman Saber* в Тихом океане (30 тысяч военных и почти весь Седьмой флот США, дислоцированный в этом регионе). А в начале июля состоялись военно-морские учения России и Китая в Японском море (крупнейшие учения ВМС, которые Пекин когда-либо проводил вместе с зарубежным партнером). Недавно командующий Седьмым флотом США высказал идею о необходимости проведения совместных учений с Китаем. Так что сегодня конфигурация военных альянсов меняется в зависимости от тактических интересов государств.

■

Россия – евразийская страна. Участие России в боевых действиях Второй мировой войны на западе и на востоке – естественное следствие нашего географического и геополитического положения. А две наших победы в этой войне – результат подвига всего советского народа. Так будем помнить о них, стараться быть достойными их славы. Тем более что теперь мы отмечаем обе эти победы: не только 9 мая, но и 2 сентября – День окончания Второй мировой войны, который является днем нашей победы над прошлой – милитаристской – Японией. А с нынешней Японией надо выстраивать новые отношения, но с учетом неотменяемых итогов Второй мировой войны.

Для этого России следовало бы максимально широко ежегодно отмечать в сентябре День Победы над Японией (пусть в календаре он и называется иначе), причем желательно дважды: в память о первой победе на Халхин-Голе (1939 год) и в память о полной и безоговорочной капитуляции Японии (1945 год). Как показывает опыт, историческая память помогает остужать иные горячие головы, даже самурайские. Во-первых, это наш долг благодарности военному поколению, а во-вторых, четкое и прямое указание нашим дальневосточным соседям и прочим геополитическим игрокам на исторические уроки и неотменяемые итоги прошлого.

А.А. Нагорный:

«России надо маневрировать между Соединенными Штатами и Китаем, но при этом держаться ближе к последнему»

Интервью заместителя главного редактора газеты «Завтра» и исполнительного секретаря Изборского клуба **Александра Алексеевича Нагорного** первому заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Дмитрию Андрееву

– Александр Алексеевич, в настоящее время все разговоры о глобальной проблематике так или иначе сводятся к предстоящему в Петербурге саммиту «двадцатки». При всей значимости и самого события, и новой организации, в которой оказались сведенными воедино безусловные лидеры развития и государства, которые еще только набирают темпы роста, не исчезает ощущение, что петербургская встреча – все-таки событие в определенной степени ситуационно-конъюнктурное. Ведь подлинная архитектура проступающего нового миропорядка зависит не столько от того, какими мерами надлежит преодолевать кризис, который никак не желает завершиться, – хотя и от этого тоже, – сколько от каких-то более фундаментальных и определяющих констант глобального развития. Справедливо ли такое ощущение? И если справедливо, то что это за константы?

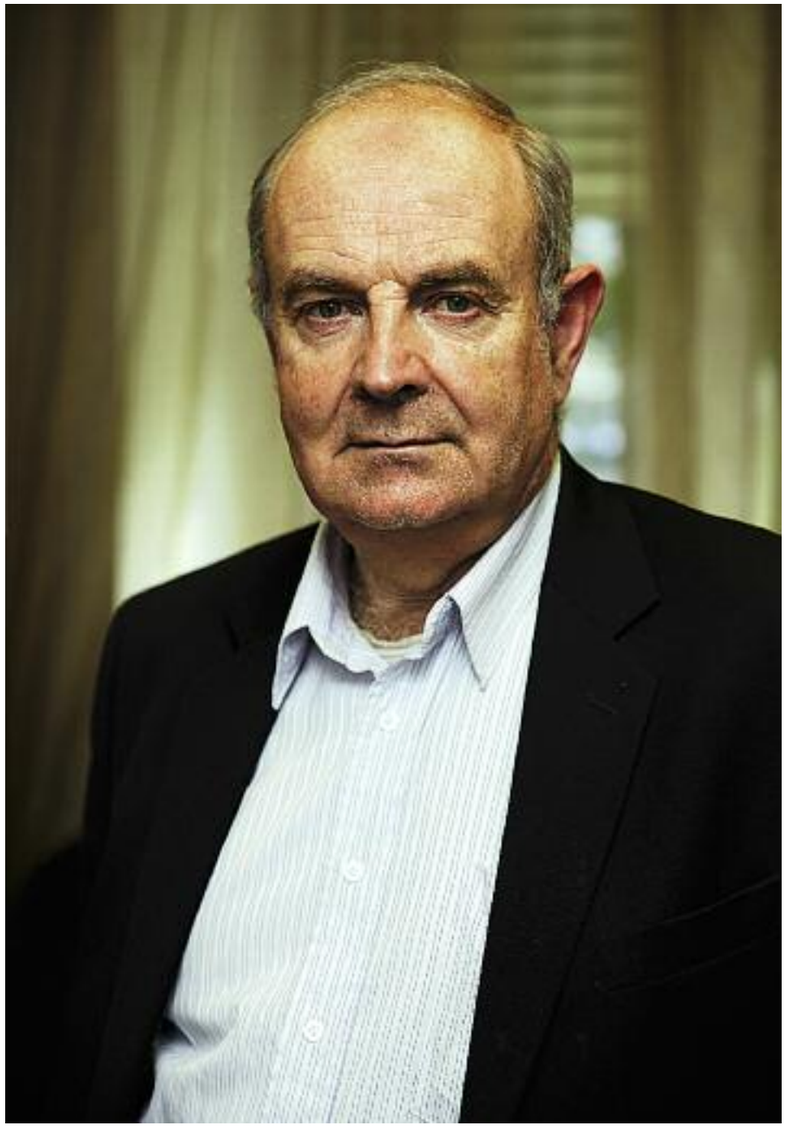
– В настоящее время разные эксперты по-разному оценивают динамику международных отношений. Одни считают, что уже сложился цивилизованный мир – хотя еще и остаются лакуны нецивилизованные. И идет их медленное притирание друг к другу. Это один подход. Есть и другой подход, сторонники которого считают, что идет бешеная борьба за будущее мира, за конструирование нового миропорядка XXI века. Ссылаются на Хантингтона как на автора концепции «столкновения цивилизаций». Согласно такому взгляду, основные геополитические центры продолжают существовать, их никто не отменял, и они ведут между собой закамуфлированную борьбу. С одной стороны, сотрудничают, а с другой – пытаются за счет друг друга усиливать свои позиции – политические, финансово-экономические, мировоззренческие, идеологические и т.д. Существует и третье мнение, в соответствии с которым глобальный миропорядок фактически близок к созданию, но ситуация остается пока крайне нестабильной, она пребывает в развитии, и вполне еще могут произойти разные неожиданности. Тем не менее этот близкий к, скажем так, затвердеванию миропорядок более или менее контролируют Соединенные Штаты, «вашингтонский обком» или «флагман цивилизованного мира» – кому как нравится. Конечно, для этой – третьей – точки зрения сегодня имеется больше всего подтверждений.

– Это, так сказать, замеры текущего момента. Иными словами несколько десятилетий назад мир начал ощущать себя как нечто цельное и единое, и в этой заново обретенной цельности тут же развернулась борьба за лидерство…

– Глобальный миропорядок вообще всегда существовал, если уж разбираться подробно. Хотя в истории, даже в сравнительно недавней истории XVIII-XIX веков, абсолютным центром была Европа, внутри которой, в свою очередь, тоже шла жесткая борьба за верховенство. Вместе с тем параллельно с Европой существовала и китайская цивилизация. И кстати, та же индийская цивилизация – пускай и под британской короной. И та и другая цивилизации жили по своим канонам и функционировали на совершенно других идеологических основах, нежели Европа.

– Если вернуться к предложенным Вами трем интерпретациям глобального миропорядка, то какое из приведенных мнений представляется Вам наиболее соответствующим действительности?

– Я не согласен с теми, которые считают, что уже сложилась или почти сложилась глобальная система миропорядка. Это далеко от истинного положения вещей. Гармоничности в современном мире очень мало. Мы видим огромное количество столкновений самых разных интересов – и чисто военных столкновений, и региональных конфликтов, и проявлений соперничества между транснациональными корпорациями и влиятельными группами, и соревнований между ведущими мировыми валютами. Все это свидетельствует о том, что мир находится в своеобразном клубковом состоянии, которое куда-то движется. Вместе с тем мне кажется, что от каждой из трех приведенных интерпретаций нынешнего состояния мира можно что-то взять. Но все равно необходимо определиться с исходной позицией. И такая позиция – это именно третье мнение. Хотя бы уже потому, что сейчас никто



не может предложить более мощной системы политики, больших конкурентных преимуществ, чем Соединенные Штаты. И здесь дело даже не столько в военно-стратегических возможностях США, которые тратят на оборону больше, чем все остальные страны вместе взятые. Гораздо более значима финансово-экономическая мощь Вашингтона. Доллар по-прежнему остается самой сильной валютой, доминирующей во всем мире. Она, может быть, подтачивается и расшатывается, но тем не менее ее удерживают. И пока мы не видим ни одного реального соперника, который мог бы на равных конкурировать с Америкой. К роли второго центра силы в финансово-экономической сфере примеряется Китай, который нащупал совершенно иную социально-экономическую систему управления и экономикой, и обществом. И мы видим, что за последние 30

лет эта страна делает совершеннейшие чудеса, какие и не снились ни Японии, ни «четырем азиатским тиграм» – Гонконгу, Сингапуру, Тайваню и Южной Корее, – которые вслед за Токио стали у себя реализовывать японскую модель. Китай, обладая огромной территорией, огромной человеческой массой, сумел сделать рывок из отсталости в современную эпоху. Поскольку валовой национальный продукт Китая наращивается такими темпами, то он, естественно, становится соперником США, а юань должен так или иначе превратиться в новую резервную валюту.

– К тому же не надо забывать и то, что Америка задала всему миру определенные стандарты масскульта, которые повсеместно стали считаться эталонными.

– Совершенно верно. Еще более значимым, нежели экономика, является политико-идеологический фактор. Ведь действительно, практически все страны – от самых недоразвитых до самых развитых – ориентируются на культуру и идеологию Голливуда. Подобное идеологическое обрамление просто поражает воображение. Такого не было никогда в истории. И американцы в этом смысле идут на пике человеческого прогресса. Они через Интернет и телевидение навязывают мировоззренческие принципы и молодежи, и старшему поколению. И эта волна охватывает практически все страны, включая и Китай.

– Но вместе с тем Вы все же не считаете, что американская модель утвердилась полностью и окончательно, что наступил, по определению Фукуямы, «конец истории», то есть борьба за передел мира завершилась?

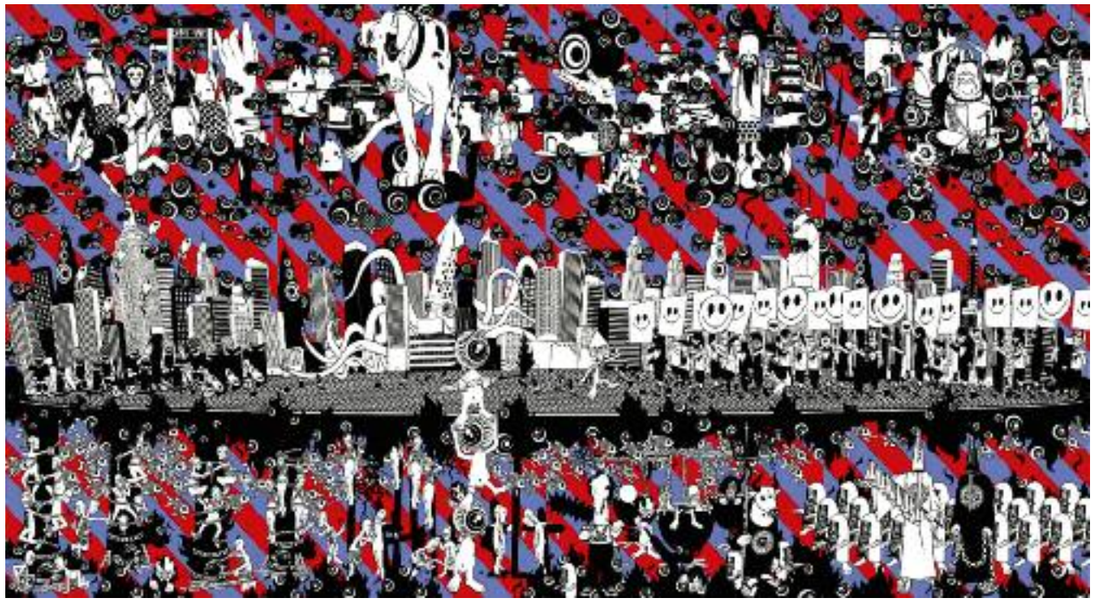
– Реальный геополитический расклад сил не умаляет той ожесточенной борьбы, которую ведут отдельные элементы глобальной мировой системы – в частности, Россия, Европа, Латинская Америка – за свою самоидентификацию и за свои национальные интересы. То есть национальные интересы продолжают работать. И хотя все чаще раздаются голоса, что-де транснациональные корпорации скоро угробят национальное государство, тем не менее национальное государство еще рано списывать со счетов.

– В принципе я с Вами согласен, хотя, признаюсь, постоянно возникает вопрос: а насколько эффективно противостояние тех же названных Вами конкурентов Соединенных Штатов тотальной американизации мира? Чтобы ответить на этот вопрос, надо очень точно представлять себе дистанцию, на которую Вашингтон в своем развитии оторвался от остальных лидеров развитии – я уже не говорю, увы, от нашей страны.

– Оторвался колоссально и, боюсь, догнать его уже не удастся никому. И вот почему. Я перечислил три группы элементов силы, которыми обладают Соединенные Штаты, – военно-промышленный комплекс, экономика и массовая культура, – но ничего не сказал о четвертой группе. Между тем эта четвертая группа, возможно, наиболее важная, сильная и влиятельная, нежели названные три. Это научно-технический прогресс. Соединенные Штаты фактически прибрали к рукам разработку и внедрение всех ведущих новейших технологий. Самое страшное поражение, которое потерпела наша страна за постсоветские годы, – это поражение в сфере науки. И сейчас мы практически в этом убеждаемся. Буквально каждый день происходят совершенно потрясающие открытия в разных отраслях естественно-научных знаний. Наиболее впечатляющих результатов достигли, наверное, информационные технологии. И здесь мир вошел в качественно новую ситуацию. Информационный прорыв, благодаря развитию Интернета и коммуникационных систем, наглядно показывает, что человек окончательно попадает под неусыпное наблюдение, так сказать, «большого брата». Скажем, сегодня я ехал на машине и смотрел прямую трансляцию заседания кабинета министров, которое вел премьер Медведев. Участники заседания рассуждали, как создать электронное правительство, чтобы облегчить жизнь человеку, освободить его от изнуряющих бюрократических проволочек. Все это было чрезвычайно интересно, пока слово не взял представитель одной компании, занимающейся развитием телекоммуникационных систем. И он предложил ни много ни мало оцифровать все население РФ. То есть каждому дать по симке, и через эту симку вести все расчеты. И тогда, говорит, бюрократия исчезнет. Этот товарищ, конечно, замечательный человек. Но если бы у него было более-менее приличное философско-идеологическое воспитание, он бы понял, что на самом деле предлагает. Фактически за такой раздачей симок кроется создание общества тотального контроля, в котором каждый человек находится под постоянным наблюдением, воздействием, и с ним можно сделать практически все что угодно. И это уже не сказка. Это не сказка точно так же, как не сказка изменение нашего цивилизационного начала.

– То есть Вы хотите сказать, что лидерство США настолько неоспоримо, что эта страна фактически трансформирует всю нашу цивилизацию в некое новое качественное состояние?

– Сейчас часто приходится слышать, да и мы в «Завтра» время от времени публикуем подобные мнения, что, мол, происходит транзит из пятого



Phunk Studio. Контролируемый хаос. 2003 год

технологического уклада в шестой. Это ерунда. Уклады – вещь очень условная, которую можно по-разному трактовать. Мы находимся в ситуации гораздо более фундаментального транзита – из цивилизации биологической в цивилизацию совершенно другого типа, определить и охарактеризовать который сейчас очень трудно. Но это будет абсолютно иная цивилизация.

– Александр Алексеевич, а вот об этом давайте поподробнее. С чем это связано? В чем такой транзит выражается?

– С чем это связано? Это связано прежде всего с оцифровыванием, о котором я только что говорил, а также с другими технологиями. Например, в Америке ведется работа по созданию такой системы, которая смогла бы оцифровывать всю память отдельного человека. И если ваша память оцифрована и ваши реакции оцифрованы, то вы становитесь бессмертным. Ваша биологическая оболочка уходит на кладбище, а вы тем не менее как интеллектуальный субъект сохраняете свою жизнь в сетях. Это опять же

Я не согласен с теми, которые считают, что уже сложилась или почти сложилась глобальная система миропорядка. Гармоничности в современном мире очень мало. Мы видим огромное количество столкновений самых разных интересов. Мир находится в своеобразном клубковом состоянии, которое куда-то движется.

сказка, но такая сказка, которая позволяет приблизиться к пониманию той эпохи, в которую мы вступаем. Но это еще не все. Можно привести и более впечатляющие факты, иллюстрирующие переживаемый человечеством поворотный момент в его развитии. Возьмем эксперименты над мозгом. Мы все в детстве читали «Голову профессора Доуэля» Беляева и воспринимали ее как вещь, безусловно, занятную, но относящуюся к сфере фантастики – той фантастики, которая никогда не будет воплощена в жизнь. Между тем опять-таки в США уже поставлены успешные эксперименты над мышами, когда у животного отнимается голова и она, будучи присоединенной к сложной системе жизнеобеспечения, продолжает существовать. Конечно, это первый подход – но это подход состоявшийся. И это еще тоже не самое интересное. Самое интересное – то, что делается в Массачусетском технологическом институте и в Пенсильванском университете. Эти два флагмана американской науки обладают колоссальными финансовыми, технологическими, техническими, организационными, административными и иными ресурсами благодаря серьезному бюджетному финансированию ведущихся там разработок – в том числе финансированию и через соответствующие расходные статьи Пентагона. Исследования, которые там проводятся, – внешне очень гуманные. Например, там пытаются облегчить жизнь военнослужащим, получившим ранения в ходе многочисленных вооруженных конфликтов, в которые вовлечена Америка. В частности, несколько месяцев назад завершена разработка протеза руки

нового поколения. Представьте себе, у человека, потерявшего руку по локоть, выявили нейроимпульсы, которые направляются на протез, этот высокотехнологичный протез воспринимает такие импульсы, и человек получает возможность действовать им, как настоящей рукой. Потрясающе! А в Пенсильванском университете ученые пошли еще дальше. Они сумели вживить в человеческий мозг мельчайшие чипы, которые фиксируют все происходящие внутри него процессы, расшифровывают их и передают вовне. Казалось бы – блестящее достижение, достойное десяти Нобелевских премий. Но ведь совершенно очевидно, что в результате таких экспериментов человеческий мозг становится объектом, которым можно манипулировать. В Америке уже научились через подобные чипы внушать мышам те чувственные состояния, которые требуется, – страх, восхищение, любовь и т.д. Получается, что если из мозга послать импульс на протез и протез будет работать так, как надо, то возможно и обратное действие: засадить в голову человека те импульсы, которые из него сделают бесстрашного воина или неутомимого рабочего. Это что – сказка или не сказка? Возникает ощущение, что не сказка. И по другим направлениям за океаном тоже добились впечатляющих результатов. Взять хотя бы 3D-принтер, способный буквально материализовывать любые цифровые модели. То есть робототехника выходит на совершенно новый уровень, и многочисленное население оказывается просто ненужным. То, что писали фантасты в середине – второй половине XX века, уже реализовалось или реализуется сейчас. Еще можно привести в пример опыты с геномом человеческой клетки. Оказывается, реально на генном уровне программировать требуемые качества человека – создавать нужного киборга. А химия вплотную подошла к тому, чтобы воплотить в жизнь многовековую мечту алхимиков – получать золото, но уже вполне научно, без всякой мистики, путем переформатирования атомно-молекулярной композиции вещества. Все это сейчас звучит, может быть, как сущий бред. А на самом деле мы говорим о вполне реальных инновациях. Нам не дано сегодня знать, где, на каком направлении последует основной прорыв. Но, повторю, сами эти направления очевидны. Прежде всего – человечество рвется к бессмертию – это самое главное. Человечество неминуемо станет качественно, сущностно другим – механическим, цифровым или частично биологическим – на основе трансплантологии и т.д. Это совершенно явный тренд, и мы его видим. И как непосредственный результат такого тренда социально-экономические системы – в том виде, в каком они воспринимались начиная с древнегреческих мыслителей и кончая Адамом Смитом, Карлом Марксом, а затем и философами XX века, – рассыпаются, поскольку уходит биологическая цивилизация. И в новой ситуации, снова повторю это, не нужно такого огромного количества людей. Имеющие власть и деньги станут членами клуба избранных. Они будут бесконечно долго продлевать свою жизнь, заниматься творчеством, предаваться наслаждениям. А вся остальная антропомасса окажется попросту никчемной и даже как бы мешающей. И тогда неизбежно возникнет вопрос – а что делать с этой антропомассой? То есть мы прямиком движемся к технологическому фашизму. Может быть, это случится через 2 года, а может быть, через 10 или через 20 лет. Но это на подходе. И вот тогда роль России как альтернативной социально-идеологической системы может оказаться определяющей, как это произошло в XX столетии. Другими словами в ситуации развилки, на которой стоит человечество, Россия должна выработать гуманный миропорядок, придерживаться его и бороться за него в будущем. Такой миропорядок должен основываться не на увеличении разрыва между верхами и низами, а напротив – на их сближении. Параллельно Москва могла бы стать защитницей традиционных ценностей, свойственных всем историческим мировым религиям, в противовес идеологии политкорректности, дегуманизации и уничтожения биологической цивилизации, которая исходит из Вашингтона. Между прочим, я не встречал ни в СМИ, ни в экспертно-политологических материалах размышлений по обозначенному кругу вопросов, хотя в свое время советские фантасты 50–60-х годов писали о грядущем новом фашизме очень много. Это и братья Стругацкие, чьи фантасмагории воплотились в жизнь, ну, тютелька в тютельку. Это и Ефремов, а еще раньше – Беляев, о котором я уже говорил. Кстати, и знаменитые американские фантасты – Айзек Азимов, Рэй Брэдбери и другие – предвидели то же самое. То есть неизбежно новое социальное расслоение. Только на этот раз оно будет продиктовано не отношениями собственности, а скорее наоборот – сами эти отношения явятся результатом новой кастовости, необратимой сегрегации, когда подавляющее большинство человечества станет отличаться от его меньшинства своими биологическими, психофизиологическими, антропологическими и иными основополагающими человеческими качествами. Вот перед чем мы стоим.

– Да, картина впечатляющая. Но она будет еще более впечатляющей, если мы разглядим в сегодняшней высокой политике какие-то свидетельства того, что представленный тренд развития – это не предмет исключительно лабораторных изысканий ученых, а именно сознательное стремление мировой элиты увеличить разрыв между собой и остальным человечеством. Вот та же «двадцатка». Вроде бы, соберутся, чтобы обсудить вполне естественный и интересующий все человечество вопрос: как окончательно преодолеть кризис, который вот уже пять лет всем так мешает...

– Ну, «двадцатка» об этом в открытую может и не говорить. Хотя если мы возьмем документ, составленный и подписанный министрами финансов стран «двадцатки» в июле в Москве, то там проговорены очень интересные вещи – их только надо выявить в этом объемном материале. Там, например, есть один очень забавный пункт. Если в него внимательно вчитаться, то можно увидеть, что министры финансов фактически поддержали схему, которая недавно была реализована на Кипре. В связи с этим любопытно вспомнить, как на недавнем Петербургском международном экономическом форуме Путин шепотом возразил Меркель, которая призывала поддерживать европейскую экономику путем рекапитализации банков – фактически за счет секвестров, сказав: «Надеюсь, что не за счет клиентов». Между тем министры финансов, включая и нашего министра финансов, подписали документ, в котором они практически подтверждают возможность в критических условиях секвестировать деньги именно клиентов, вкладчиков. А этот значит, что как только вы вкладываете деньги в банк, они перестают быть вашей собственностью. То есть подготовленный министрами финансов «двадцатки» документ отнюдь не является программой выхода из мирового финансового кризиса. Ведь, в конце концов, мировой финансовый кризис преодолеть без хирургического вмешательства практически невозможно. А такое хирургическое вмешательство неизбежно затрагивает средний класс в Европе и в Америке – а это уже, вернемся к проблеме новой кастовости, явный подступ к сегрегации, причем даже внутри благополучного «золотого миллиарда»: миллиард благополучных – это уже много! И конечно, хирургический способ «лечения» кризиса затрагивает крупнейшие финансово-банковские структуры, которые прежде всего определяют ситуацию в мировых фьючерсах и на мировых биржах. Словом, все предложения по модернизации и совершенствованию финансово-экономических взаимоотношений мировой экономики, которые подготовлены главами финан-

Фрагмент постера фильма «Штурм Белого дома». 2013 год

Еще более значимым, нежели экономика, является политико-идеологический фактор. Практически все страны ориентируются на культуру и идеологию Голливуда. Подобное идеологическое обрамление просто поражает воображение. Такого не было никогда в истории. И американцы в этом смысле идут на пике человеческого прогресса.

Мы прямиком движемся к технологическому фашизму. Может быть, это случится через 2 года, а может быть, через 10 или через 20 лет. Но это на подходе. И вот тогда роль России как альтернативной социально-идеологической системы может оказаться определяющей, как это произошло в XX столетии. В ситуации развилки, на которой стоит человечество, Россия должна выработать гуманный миропорядок, придерживаться его и бороться за него в будущем.

совых ведомств к петербургскому саммиту, сводятся к старым постулатам. А старые постулаты гласят, что Америка впереди. Была, есть и будет впереди, диктуя при этом остальному миру, как ему себя вести. Такая диктовка может осуществляться мягким способом – через Международный валютный фонд, Всемирный банк или Организацию Объединенных Наций. А может и жестким – силовым.

– И какая, по Вашему мнению, просматривается основная ось противостояния в сегодняшнем, ну, и в завтрашнем мире?

– Мы входим в ситуацию, в которой США, вероятнее всего, будут иметь только одного реального противника – Китайскую Народную Республику. Китай за 30 лет реформ не впустил в свою финансовую и банковскую системы ни американцев, ни европейцев – никого. Китайское руководство контролирует эти системы само и само же принимает решения, которые оказываются правильными. При этом китайцы очень тонко чувствуют и понимают всю специфику новой повестки дня мирового развития. В том числе и в сфере фундаментальной науки. И китайская наука сегодня достаточно успешно гонится за американской. Кто знает, может быть, и догонит. И затем поставит американскому научному – а тем более политическому – сообществу своего рода ультиматум: если вы делаете это, то мы делаем то. Иными словами американо-китайский конфликт уже сейчас достаточно громко и внятно заявляет о себе. И ни о каком замирении или создании американо-китайской G2 не может быть и речи. Потому что рывок делает либо одна сторона, либо другая. У меня, конечно, ощущение, что у Соединенных Штатов больше шансов. Именно они в обозримой перспективе будут по-прежнему определять глобальный миропорядок. Между тем растущие противоречия на дальних подступах технологического соперничества готовят почву для американо-китайского столкновения.

– И что же при таком раскладе надо делать нам?

– Россия очень многое потеряла за эти 30 лет, но и многое приобрела. Например, коттеджи, дворцы, самолеты – для немногих, поездки в Турцию на отдых – для среднего класса. В остальном же мы видим падение уровня образованности населения и его технологической грамотности. Однако у нас все еще остается исторический диапазон для маневра. Причем этот диапазон достаточно велик. Но чтобы им воспользоваться, нашему высшему политическому руководству необходимо срочно и безотлагательно поменять монетаристскую финансово-экономическую модель на модель государственно-рыночного целевого развития. Пример в этом нам показывает Китай, который комбинирует стратегическое планирование и использование государственного администрирования с рыночными механизмами. Об этом можно еще много и долго говорить. Для проведения такой политики необходима централизация всех стратегических отраслей и концентрация по максимуму сырьевых и валютных резервов народного хозяйства. Здесь, конечно, огромная роль должна принадлежать Академии наук. Именно туда надо направлять самые большие средства, а не заниматься фактическим разгромом сложившейся в течение столетий организационной структуры Российской Академии наук. Ведь это неизбежно приведет к тотальному уничтожению науки – в то время как требуется ее грамотная и деликатная оптимизация, которая только и позволит нам не выпасть окончательно из мировой научной повестки дня. Главное – не утратить организационную рамку, это самое страшное. А в качестве образца, достойного подражания, можно обратиться к опыту, наработанному в области управления наукой в 1943–1955 годах. Тогда на основных направлениях научных разработок были созданы группы, руководство которых лично отвечало за эти проекты. И обеспечением научно-технического прогресса тогда занимался не кабинет министров, а своего рода комитет по реализации таких проектов. И сегодня то же самое можно сделать. Найти новых людей – ученых, экономистов, бухгалтеров, – которые подойдут к своему делу ответственно, а не как основная группа олигархов – через увеличение нормы собственной прибыли. Ну и, конечно, России надо маневрировать между Соединенными Штатами и Китаем, но при этом держаться ближе к последнему. В особенности если Китай встанет на аналогичную политико-идеологическую платформу.

Соединенные Штаты фактически прибрали к рукам разработку и внедрение всех ведущих новейших технологий. Самое страшное поражение, которое потерпела наша страна за постсоветские годы, – это поражение в сфере науки. И сейчас мы практически в этом убеждаемся. Буквально каждый день происходят совершенно потрясающие открытия в разных отраслях естественно-научных знаний. Наиболее впечатляющих результатов достигли, наверное, информационные технологии.

– Александр Алексеевич, благодарю Вас за очень интересную беседу. Слушая Вас, я даже подумал о том, что проблематика развития, которая является основной для нашего альманаха, непременно должна преподноситься в том числе и в несколько непривычном, неожиданном ключе, а именно: развитие как война нового – уже даже не четвертого, а, наверное, пятого – поколения. Полагаю, что осваивать эту тему нам надо совместными силами – Ваших и наших авторов.

Михаил Юрьевич Байдаков – издатель альманаха «Развитие и экономика», председатель правления «Миллениум Банка»

Сергей Николаевич Белкин – главный редактор альманаха и портала «Развитие и экономика»

Россия в міре и мир в России

Не для игры в слова нам понадобилось обратиться к старой орфографии, в которой «мир» означал «невойну», а «мір» – вселенную, Ойкумену. Просто старая орфография позволяет выявить эти различия, когда бывает необходимо. При размышлении на тему «Россия в мире/міре» это становится необходимым.

«Мир» – это не только «невойна», но и «спокойствие», «умиротворенность», «благополучие». В общем, это то, чего мы желаем обрести и не терять для самих себя – да и для своей страны, потому что ощущаем и осознаем неразрывность своей жизни и судьбы с судьбой России. А жизнь и судьба России всегда была, есть и будет связана не только с тем, что делается в стране, но и с тем, что делается в окружающем «міре», и очень часто внешнее становится влиятельнее внутреннего. Впрочем, бывает и наоборот.

Жизнь міра как процесс

Мы вправе смотреть на мір как на целостную живую систему, сложный организм, претерпевающий огромное количество взаимосвязанных явлений, своего рода метаболизм, включающий, однако, и ментальные процессы, а также явления, традиционно относимые к эмоциональной сфере. Происходят непрерывные изменения внутренней структуры: появляются и исчезают государства и народы, меняются связи – умирают и развиваются языки и средства коммуникаций, формируются и затихают материальные (товары, сырье) и нематериальные (идеи, знания, верования) потоки. Для описания человечества используется множество параметров, отражающих разные грани бытия людей, поэтому приходится конструировать много разных систем координат. Говорится об этносах, нациях, государствах, цивилизациях, конфессиях, культурах – все это и многое другое есть описание разных сторон бытия в разных координатах. Эти и многие другие стороны влияют друг на друга, сталкиваются, смешиваются. И естественно задать вопрос: для чего все это происходит, что в происходящем «хорошо», а что «плохо»? Можно ли просто «по факту» считать все происходящее «правильным» и, следовательно, – «развитием», закономерным движением к чему-то предопределенному? Или же ни цель, ни исход происходящего не предопределены, а зависят от свободных действий людей, каковые могут быть как «правильными», так и «неправильными»? Соответственно мір может как «развиваться», стремясь к каким-то более совершенным состояниям, так и деградировать, падая в состояние худшее, чем есть и чем возможно? Или же сама дуальная логика «верно-неверно» к оценке такого сложного процесса не может быть применена?

Не только ответ, но и сама рациональная постановка вопроса о «развитии міра», его целях и движущих силах в научном дискурсе остаются неопределенными. Ретроспективный взгляд на человеческую историю вызывает к жизни вопрос о существовании или отсутствии некой конечной цели. Однако дать на него рациональный ответ пока не удается. Только в рамках религиозных представлений эти вопросы поставлены четко, и на них даны ответы. Так, например, в христианской эсхатологии вопрос о конце міра описан вполне однозначно, столь же ясен и вопрос о «развитии», венцом которого явится установление «царства Божьего». Между тем религиозная метафизика не освобождает человека и его инструментарий – науку – от обязанности непрерывного постижения міра рациональным путем. Поскольку на коротких с исторической точки зрения временных отрезках – столетиях и тысячелетиях – рациональная оценка событий окружающего мира, моделирование текущих и возможных процессов в природе и в обществе, выработка материальных стратегий собственной жизни и сопоставление ее с жизнью других являются обязательным и мощным средством движения как к земным, так и к небесным целям.

Одного желания человека размышлять о подобных вещах, вообще говоря, достаточно для оправдания размышлений. Но если заметить, что размышления о «правильном» и «неправильном» развитии самым непосредственным образом формируют социально-политические парадигмы – а значит, и образ жизни каждо-

Мы вправе смотреть на мір как на целостную живую систему, сложный организм, претерпевающий огромное количество взаимосвязанных явлений, своего рода метаболизм, включающий, однако, и ментальные процессы, а также явления, традиционно относимые к эмоциональной сфере. Происходят непрерывные изменения внутренней структуры: появляются и исчезают государства и народы, меняются связи – умирают и развиваются языки и средства коммуникаций, формируются и затихают материальные (товары, сырье) и нематериальные (идеи, знания, верования) потоки.

Джотто. Страшный суд. Капелла Скровеньи в Падуе. Около 1305 года

Ретроспективный взгляд на человеческую историю вызывает к жизни вопрос о существовании или отсутствии некой конечной цели. Однако дать на него рациональный ответ пока не удается. Только в рамках религиозных представлений эти вопросы поставлены четко, и на них даны ответы. Так, например, в христианской эсхатологии вопрос о конце міра описан вполне однозначно. Между тем религиозная метафизика не освобождает человека и его инструментарий – науку – от обязанности непрерывного постижения міра рациональным путем.

го народа, каждого человека, – становится ясно, что рациональный анализ этих сложных проблем жизненно необходим каждому народу, стремящемуся сберечь свои ценности от их возможной утраты. Поэтому на видимом отрезке современной истории мы при планировании будущего должны принимать во внимание происходящее с нашей страной с точки зрения желаемого благого результата, чаемой благой цели – такой, какой мы ее себе представляем и формулируем, имея в виду народ своей страны, всех людей, их материальную и духовную жизнь. Но пытаясь сформулировать цель развития, благую для всех, мы сталкиваемся со сложностью, потому что не все люди в нашей стране одинаково понимают собственное и общественное благо. Поэтому установление мира (здесь уже не міра) в нашей стране не является простой задачей. Но решать ее надо, ибо иначе «міровой метаболизм» разрушит нашу слабеющую, раздираемую внутренними противоречиями структурную форму – государство, – разберет ее на части для использования уже в своих структурных формах. В результате произойдет утрата живой духовной составляющей бытия народа. Человечество не «просто живет», воспроизводя и приумножая себя как биологический вид, а самореализует себя в духовном и интеллектуальном измерениях. Именно в этом измерении у каждой культуры имеются своя роль и свой путь к своим целям.

Война моделей

Предметом исследования развития, которому посвящен альманах, является весь «мір», все человеческое сообщество, рассматриваемое в целом и во взаимодействии собственных частей. Части целого могут быть структурированы по различным признакам и основаниям: государства, народы, типы обществ, цивилизации и т.д. Внутренняя структура «міра-как-целого» претерпевает непрерывные трансформации, слияния и поглощения, смены политических установок и экономических моделей. Мы настойчиво задаем принципиальный вопрос: какие из наблюдаемых изменений следует считать развитием, а какие – тупиковыми ветвями, деградацией или торможением развития. Как, по каким критериям изменения и трансформации, происходящие в міре на протяжении тысячелетий известной нам истории, могут быть нами оценены с точки зрения «развития» и «неразвития»? Существует ли некая общая для всего человечества «цель развития» и каковы в таком случае критерии отбора, классификации различных социально-экономических моделей, применяемых разными странами в разные периоды своей истории? А ведь ответа на этот важнейший вопрос нет. Отсутствие научно обоснованных критериев позволяет в этом вопросе царить полнейшей политической вакханалии, агитационно-пропагандистскому произволу, превозносящему ту или иную социально-политическую парадигму жизнеустройства в качестве «самой лучшей».

По-видимому, нет оснований считать, что существует предпочтительная для всех модель жизнеустройства. Однако есть основания утверждать, что между различными моделями идет не просто конкуренция, а война на уничтожение. То, что на каком-то отрезке истории одна модель оказывается сильнее других – в военном или экономическом отношении, – не может служить аргументом в пользу того, что она и есть «самая лучшая». Сильная модель приносит «пользу» тем немногим, которые смогут воспользоваться победой. Именно такой исход «победители» посчитают справедливым, оправдывая его «естественной борьбой за существование».

Хочется, однако, отстоять не только многообразие моделей, но и возможность их дальнейшего конструирования, а сегодня для этого надо препятствовать полному и необратимому поглощению одной моделью бытия всех других.

История помнит много разных способов жизнеустройства. Например, рабовладение–феодализм–капитализм–социализм – так описывает трансформации міра марксизм (исторический материализм), постулируя это движение как развитие, причем определяемое объективными факторами (борьба классов) и имеющее объективно (?) заданную цель – коммунизм. Основываясь на именно так понимаемом развитии, Россия в советской стадии своей истории формировала собственную стратегию бытия, исходя из этого, оценивала окружающий мір и вырабатывала соответствующую внешнюю политику.

Политическая элита современной России, отбросив марксистский подход, не выработала ему замены, которая адекватно отражала бы стоящие перед страной исторические задачи. Она и сами эти исторические задачи не осознала, подменив их лозунгами о частностях – не «куда пойти?», а «что надеть?», – проведя четверть века в болтовне на отрезке от «больше демократии, больше социализма» до «вхождения в цивилизованный мир». Мір же – в лице стран-лидеров, задающих модель жизнеустройства, – тем временем не метался в поисках стратегии бытия, оставаясь нацеленным на собственные ориентиры как в духовном, так и в материальном измерениях. И в том и в другом измерениях Россия рассматривалась как помеха и как потенциальная добыча.

Ценностная безопасность

Часто рассуждения о «месте России в мире» сводятся к анализу взаимовлияний экономик России и остального міра. В последнее время, однако, все больше внимания уделяется духовным особенностям и взаимосвязям. При напоминании о месте России в мировой культуре все согласно кивают головами и вспоминают имена Толстого, Достоевского, Чайковского и т.п., но как актуальную проблему практической стратегии государства национальную культуру – тем более национальную метафизику – не рассматривают. Речь же, на наш взгляд, надо вести о месте и судьбе современной российской культуры, науки, духовности среди высших приоритетов государства. Они должны быть идеалами государства. Ради не только их сохранения, но и свободного развития нужна и экономика – как один из инструментов, обеспечивающих наряду с армией и политическими институтами безопасное существование и сбережение национального ценностного мира. Однако экономика, возведенная в высший приоритет жизнедеятельности, становится инструментом насыщения алчности узкого круга бенефициаров, а в духовном смысле возвращает нас к библейской притче о поклонении золотому тельцу. Личное благополучие ограниченного числа выгодоприобретателей неспособно обеспечить сохранение и сбережение культурных, духовных ценностей народа в целом и его жизненного уклада. Периодические приступы благотворительности – ненадежный и недостаточный механизм национального развития. Это прерогатива и обязанность государства, осознающего свою ответственность за сберегаемую и развиваемую в его пространстве культуру. Стратегический выбор модели развития должен оцениваться сквозь призму сохранения и развития национальной культуры, духовности, нематериальных ценностей. В связи с этим мы предлагаем рассмотреть понятие ценностной безопасности.

Ценностная безопасность – это комплекс мер, направленных на охранение непротиворечивых систем ценностей, существующих у народов стра-

История помнит много разных способов жизнеустройства. Например, рабовладение–феодализм–капитализм–социализм – так описывает трансформации міра марксизм (исторический материализм), постулируя это движение как развитие, причем определяемое объективными факторами (борьба классов) и имеющее объективно (?) заданную цель – коммунизм. Основываясь на именно так понимаемом развитии, Россия в советской стадии своей истории формировала собственную стратегию бытия, исходя из этого, оценивала окружающий мір и вырабатывала соответствующую внешнюю политику.

ны. Чтобы их можно было охранять, они должны быть осознаны и сформулированы как непротиворечивые ценностные системы. Ценностные системы складываются в результате стремления к целям, цели же осознаются как направления движения к идеалам. У разных слоев населения формируются свои идеалы, цели и ценности. Эти слои населения перемешиваются, взаимопроникают. Так, например, православный или мусульманин может быть, с точки зрения взглядов на политическое устройство России, монархистом, демократом либерального или коммунистического толка, анархистом и т.д. Идеалы, ценности и цели, соответствующие каждому их этих аспектов, взаимодействуют друг с другом, иногда находят компромисс, а иногда вступают в непримиримые противоречия. Если противоречия «примиримы», то есть компромисс обретается, такое взаимодействие систем следует считать непротиворечивым. Непротиворечивое взаимодействие и сосуществование ценностных систем следует считать благим, если оно не только не разрушает ценностные ядра друг друга, но и способствует сохранению целостности общей структуры – государства. Задачи ценностной безопасности состоят в том, чтобы обеспечивать свободное, беспрепятственное развитие мысли в любом направлении, вовремя замечать зарождение угроз свободе мысли, тем более не допускать доминирования такой системы ценностей, которая непосредственно или опосредованно разрушает фундаментальный жизненный базис, основы бытия народа. К таким ценностям относятся в том числе религиозные и светские духовно-нравственные идеалы, представления о справедливости, позитивная историческая память, а также устойчивые особенности психического склада, менталитета народа. Наибольшую опасность представляют опосредованные воздействия на ценностный мир, возникающие в результате следования таким политико-экономическим

Жозеф Николя Робер-Флери. «И все-таки она вертится!» 1847 год

стратегиям, которые на словах и в формально-правовой сфере не несут угрозы, а на практике порождают неотвратимое разрушение базовых ценностей.

Ценностная безопасность – это знание и умение вовремя распознавать и нейтрализовывать те образы и идеалы, те нравственные ориентиры, те эстетические нормы, те политические цели, те экономические модели, те образцы личного преуспеяния, которые наносят или нанесут в будущем урон базовым ценностям народов, образующих государство и являющихся источником власти в нем.

Ценностная безопасность – это спасение духа народа, его святая святых, его сакральных смыслов существования. Дух существует в народе, а народ живет в государстве. Государство может быть лучшим или худшим – по отношению к духу народа, – но его утрата всегда есть не только политико-экономическая, но и духовная катастрофа.

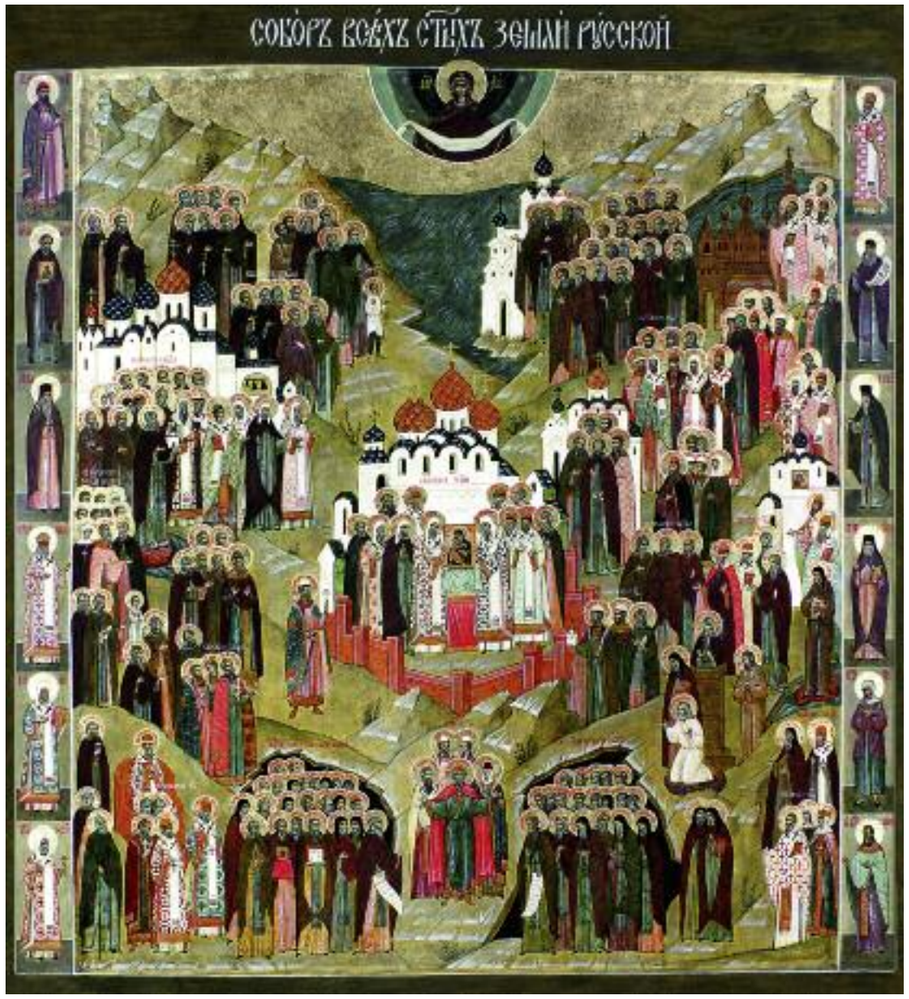
Задачи ценностной безопасности состоят в том, чтобы обеспечивать свободное развитие мысли в любом направлении, вовремя замечать зарождение угроз свободе мысли, тем более не допускать доминирования такой системы ценностей, которая непосредственно или опосредованно разрушает фундаментальный жизненный базис, основы бытия народа. К таким ценностям относятся в том числе религиозные и светские духовно-нравственные идеалы, представления о справедливости, позитивная историческая память, а также устойчивые особенности психического склада, менталитета народа.

Ценностная безопасность – это высший приоритет, высший смысл государственной безопасности.

Ценностная безопасность – как доктрина и как система государственного управления – должна стать важнейшей частью публичной политики и стратегии развития страны.

Практический опыт внедрения в России либеральной экономической доктрины западного типа, опирающейся на соответствующее правовое поле и систему властных институтов, на соответствующим образом сгенерированное культурно-информационное пространство, приводит к тяжелому конфликту с базовыми ценностями большинства населения. В результате мы сегодня живем в условиях холодной гражданской войны, причем государство выступает преимущественно на одной стороне конфликта, что выражается в настойчивом внедрении определенной экономической парадигмы, побочное, но неотъемлемое свойство которой – разрушение базовых ценностей в духовной сфере большинства народа, выраженных в непротиворечивой системе ценностей. Это разрушительное противостояние должно быть прекращено,

теория развития



Россия – страна, где традиционно, на протяжении веков воспроизводятся люди с преобладанием тяги к коллективизму, соборности. Важно неустанно подчеркивать, что коллективизм может быть инструментом развития, может быть положен в основу модели бытия. Не надо с ним бороться, его надо использовать, на него опираться. Индивидуалисты – которые всегда были, есть и будут в русском обществе – тоже необходимы, в том числе и в рамках коллективистской модели.

экономическая доктрина должна следовать за фундаментальными идеалами и ценностями народа, а не пытаться их «модернизировать» путем уничтожения. Неслучайно проводники западных ценностей у нас в стране настойчиво говорят о необходимости изменения менталитета народа, потому что с «этим народом» никак не построить демократии западного извода. Холодная гражданская война отличается от «обычной» тем, что люди друг друга не убивают физически, но делают именно это в духовном отношении. Чем большее количество «этого народа» будет мыслить и чувствовать по внедряемым шаблонам, тем ближе победа одной из сторон, тем полнее исчезновение народа, веками созидавшего и страну, и ее духовную культуру. Это и есть разрушение духа народа из-за отсутствия так и не созданной ценностной безопасности.

Россия – страна, где традиционно, на протяжении веков воспроизводятся люди с преобладанием тяги к коллективизму, соборности. Важно неустанно подчеркивать, что коллективизм может быть инструментом развития, может быть положен в основу модели бытия. Не надо с ним бороться, его надо использовать, на него опираться. Индивидуалисты – которые всегда были, есть и будут в русском обществе – тоже необходимы, в том числе и в рамках коллективистской модели. Русский традиционный менталитет никогда не отрицал ни индивидуализма как личной особенности, ни фактического неравенства – интеллектуального, имущественного и всякого иного. Разной мерой чести и почитания наш народ удостаивал своих сограждан, тем самым не просто признавая, но и формируя неравенство. Только неравенство это должно быть справедливым: честь по уму, по таланту, по трудолюбию, по праведности. А равенство возможностей дано для построения справедливого неравенства, а не для стяжания личного богатства, являющегося к тому же мерилом успеха – как у других народов, в других социально-экономических системах.

Разномыслие, приверженность разным ценностям – было, есть и будет свойством России, ее ресурсом развития. При этом Россия – не «плавильный котел», а генератор смыслов. Попытки заставить всех иметь совпадающее мнение по важнейшим вопросам бытия никогда не имели успеха и всегда заканчивались лишь ростом взаимной ожесточенности. Как страны вправе выбирать собственные модели развития, так и люди могут и должны иметь разные представления о своем и всеобщем благе. Можно и нужно видеть и познавать другие способы жизнеустройства, естественно предлагать то, что нравится, к применению в своей стране. Обмен идеями есть благо. Но при одном условии: не будет благим внедрение таких социально-политических моделей, при котором существенным образом разрушаются фундаментальные ценностные ядра народа, его устойчивые идеалы и особенности ментального склада. Так, например, строительство социализма в СССР – модели, нацеленной на социальную справедливость, направленной на общее благо, – потребовало разрушения многих идеалов собственной истории, утраты осознания метафизики бытия через отказ от религиозных ценностей. Утверждая справедливость для одних, оно обрушило предельную несправедливость на значительную часть общества. Социализм в СССР стал не результатом развития лучших черт предшествующей модели – пусть даже и революционным путем. Он строился на основе принципиального разрушения «старого міра». Это не привело к исчезновению народа, поскольку возникшее государство приняло на себя ответственность за его сохранение, в том числе и за сохранение неотвергнутых частей духовной культуры. Но тяжелый урон ценностному ядру был нанесен, что, в конце концов, сформировало глубинное противоречие, приведшее к прекращению социалистического эксперимента, распаду государства и критически опасному откату, отказу от несомненных достижений и позитивных результатов. Сегодня же Россия попала под влияние смертельно опасного стремления к тотальному заимствованию чужого опыта и столь же тотального отрицания собственного. Длительное одновременное воздействие этих двух факторов страна не переживет.

Свой путь

Есть ли основания для утверждения: не может быть единственной правильной для всех стран модели развития? Или правы те, которые говорят, что такой путь есть, и это путь англосаксонской западной цивилизации, достигшей очевидного мирового лидерства? Считается, что этот способ жизнеустройства основан на самых передовых достижениях человеческой мысли, к нему надо стремиться всем, которые могут его осилить, а те, которые еще на него не встали, – отстают или заблуждаются.

Полагаем, что ответ на этот вопрос лежит там же, где лежит ответ на вопрос: что есть развитие? Если под развитием понимать экономический рост, то можно, применив модели экономически успешных стран, просто погубить собственную культуру, утратить свои ценности и в конечном счете исчезнуть как народ. Если под развитием понимать движение общества к наиболее полному воплощению системы ценностей, выработанной на протяжении всего своего существования и осознаваемой как историческое предназначение, то и сконструированная для обеспечения этого процесса социально-экономическая модель должна быть совершенно индивидуальна. Нет общей для всех «правильной» модели развития, у каждого народа – свой путь, свои цели и своя модель развития. Разумеется, многие черты таких великих моделей, как капитализм и социализм, имеют значение для всего міра, многие найденные в рамках этих моделей технологии, способы управления, механизмы формирования стратегий и целеполагания служат образцами для подражания у всех стран и народов и могут ими заимствоваться как элементы собственного жизнеустройства.

От России, впервые воплотившей на практике социалистическую модель как первый в мировой истории опыт проектирования и управления общественными процессами и впервые остановившей собственный опыт, следу-

теория развития

Мать сыра земля

Рационально исчисленные критерии и признаки развития – не только экономики, но и культуры – неспособны уловить то самое ускользающее качество, которое пытаются описать словами «загадочная русская душа» и «Небесная Россия», слитыми, на самом деле, воедино. Действительно, язык музыки и поэзии описывает это лучше, чем язык науки. «Если кликнет рать святая: “Кинь ты Русь, живи в раю!” – я скажу: “Не надо рая, дайте Родину мою”» – так выразил эту слиянность гениальный Есенин, поэт исключительной провидческой метафизической мощи.

ет ожидать нового прорыва в будущее. Только Россия может использовать собственные уроки и учитывать собственные ошибки, потому что для создания социальных моделей нужны не только сухой расчет и строгое соблюдение технологической карты, но также то, что называют памятью сердца, эмоциональным инструментарием, чувственными критериями, метафизическим мышлением.

Взаимодействие России с внешним міром дает все основания утверждать, что зарубежные страны не проявляют заинтересованности к разработке и внедрению в России собственной модели развития. Все силы – прямые и косвенные – брошены на то, чтобы Россия встала на путь именно западной политико-экономической парадигмы. Многие политические, общественные и даже научные организации нашей страны и зарубежья весьма энергично проводят многолетнюю пропагандистскую кампанию по дискредитации всяких попыток поиска наилучшей для России модели развития. Политики и ученые, предлагающие двигаться в «патриотическом» направлении, упорно дискредитируются и ошельмовываются. Отказ высшего политического эшелона власти от формирования собственной модели развития и выработки соответствующих критериев является наиболее опасным фактором общественного раскола и дегенеративных изменений во всех аспектах жизнеустройства. Сегодня Россию и свои, и чужие приговаривают не только к унизительной роли придатка мировой экономики, но и к роли свалки отходов в сферах культуры, науки, образования. России следует ставить собственные цели и анализировать свою мировую роль в разных плоскостях. Если в экономическом отношении Россия в обозримом будущем будет скорее всего не более чем фактором регионального значения, то в политическом и духовном отношениях ее роль должна быть планетарной. Прорыв к этой роли может быть осуществлен путем разработки и воплощения в жизнь оригинальной социально-экономической и социально-политической модели жизнеустройства – такой модели, которая адекватно отвечала бы на вызовы современного мира, оставаясь привлекательной как для собственных граждан, так и для народов других стран. Но самое главное в этой модели – любовь к России.

Любовь к России

Вполне вероятно, что нам скажут: «Любовь не относится к категориям экономики и политологии, оставьте это поэтам, музыкантам, художникам». Коли так – тем хуже для политологии и экономики. Если не учитывать любовь русских к России, невозможно рассчитывать на успех при внедрении какой угодно социально-политической системы в нашей стране. И это вопрос принципиальной важности. Попытка понять и сформулировать, что есть развитие применительно к России, неполна и бесперспективна, если наряду с рациональным постижением причинно-следственных связей внутри общественных процессов не «включить» в осмысление метафизически-таинственную любовь русских к своей Родине.

Важно хотя бы попытаться осознать, что русские – в основной своей массе – любят Россию не за что-то, а просто так. Они любили Россию и при царе, и при коммунистах, любили ее даже при Ельцине, любят и теперь. Любят так, что отдавали, отдают и будут отдавать и свои жизни, и жизни своих детей «за Родину». Не за монархию, демократию или либерализм, не за «ВВП на душу населения», не за хорошие дома, дороги, пляжи, автомобили, 400 сортов пива и сыра, не за «права человека» – а «за Россию»... Есть, впрочем, и другие русские, не наделенные сердечным даром любви к ней. Для них, ясно, что 400 сортов пива в два раза лучше, чем всего лишь 200 сортов. Одни из них уезжают в другие страны, другие клянут свою судьбу, оставаясь здесь, третьи пытаются переделать русский народ. Их основные претензии – именно к народу. Потому что они не понимают ни природы любви к Родине, ни ее силы. Они пытаются рациональной мерой измерить мистическое. И быстро приходят к ложным выводам, оформляя их в нарочито оскорбительной форме: «Россия – тысячелетняя раба», «русский всегда тоскует по сильной руке и жаждет ее» и т.п.

Рационально исчисленные критерии и признаки развития – не только экономики, но и культуры – неспособны уловить то самое ускользающее качество, которое пытаются описать словами «загадочная русская душа» и «Небесная Россия», слитыми, на самом деле, воедино. Действительно, язык музыки и поэзии описывает это лучше, чем язык науки. «Если кликнет рать святая: “Кинь ты Русь, живи в раю!” – я скажу: “Не надо рая, дайте Родину мою”» – так выразил эту слиянность гениальный Есенин, поэт исключительной провидческой метафизической мощи. Русские любят Россию – как страну, как землю, о которой говорят «мать сыра земля», – да-да, именно землю как пространство, как природу, как то место во вселенной, где была дарована собственная вечная душа, а вовсе не как политико-экономический строй, определенный уровень жизни, а также лежащие в недрах нефть, газ, алмазы и золото. Другой русский гений – Блок – писал так: «Россия, нищая Россия, мне избы серые твои, твои мне песни ветровые – как слезы первые любви!» Неброская русская природа, долгая зима, скудный быт, тоска и грусть, печаль и слезы – все это странным, мистическим образом рождает в русской душе любовь такой силы, такой тотальной самоотверженности, готовности умереть за свою землю, что всякая попытка постичь эту привязанность путем рационального подсчета человеком посторонним оборачивается для него недоумением. Недоумение рождает неприятие, неприятие рождает неприязнь... Неприязненный дурак спросит, прочитав сказанное: «Так вы, значит, призываете к “серым избам”, плохим дорогам, к отсталости?» Что ответить ему?..

Русские, любящие Россию, должны, наконец, ясно осознать свои отличия от русских, не любящих ее, осознать отличия на рациональном уровне и ощутить их на образном и метафизическом. А осознав и ощутив, увидеть как зону возможного компромисса, так и грань, за которую отступать нельзя, ощутить сферу сакрального чувства, повреждение которого есть гибель и физическая, и духовная. Но и этого мало. Россия зациклилась в порочных кругах, ведущих ее к гибели: это «бес нас водит, видно, да кружит по сторонам». Вырвать из этого порочного круга перебора вариантов почти вслепую может не столько ум, сколько сердце. Только сильная бескорыстная любовь к Отечеству может дать энергетический взрыв необходимой «богатырски трезвой» силы и осуществить метафизический, духовный прорыв России в новое благое качество.

Россия – земная и Небесная – есть духовная кладовая міра, а мы не только ее наследники, хранители, но и созидатели. Должны быть созидателями. А мы покамест больше созерцатели.

Аскар Акаевич Акаев – профессор, доктор технических наук, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ имени М.В. Ломоносова, иностранный член РАН

Экономика XXI века – это **нооэкономика**, или экономика справедливости и разума

Главные заботы мирового сообщества сегодня сводятся к решению двух взаимосвязанных задач – успешному преодолению последствий глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и обеспечению устойчивого посткризисного роста мировой экономики. Масштабы нынешнего кризиса оказались столь глубокими, что его даже стали сравнивать с Великой депрессией 1930-х годов. Действительно, небывалое экономическое неравенство и крайняя социальная поляризация, возникшие в мире к 2008 году, как это было и перед кризисом 1929 года, наложились на очередной большой циклический экономический кризис и многократно его усилили. Произошло резкое ухудшение условий жизни основной массы населения и прежде всего в развитых странах мира. Все это вызвало массовые социальные протесты в США и странах Западной Европы, а в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки они оказались настолько мощными, что спровоцировали социальные революции. В связи с этим вопросы снижения неравенства в доходах различных слоев общества до социально приемлемого уровня становятся определяющими с точки зрения влияния на предстоящий мировой экономический рост. С большой вероятностью можно предполагать, что одним из ключевых компонентов новой экономической модели развития станет преодоление избыточного неравенства в распределении доходов и крайней социальной поляризации общества, то есть поворот от либеральной экономической модели к социально ориентированной рыночной экономике.

Когда мы говорим о новой экономической модели, нам необходимо указать новые источники долгосрочного экономического роста и новые условия, при соблюдении которых будет обеспечено долгосрочное устойчивое развитие.

В то же время все еще сохраняется огромный разрыв в уровне жизни населения в развитых и развивающихся странах, что в условиях глобализации порождает геополитическую напряженность и конфликты во многих регионах мира. Для выравнивания средних доходов населения в развитых и развивающихся странах требуется ввести справедливый механизм распределения доходов, получаемых ведущими мировыми государствами в результате глобализации. Сегодня развитые западные страны получают непропорционально большую долю выгод за счет развивающихся стран. Если ситуация не изменится и будет продолжаться нынешний процесс необузданной глобализации, тогда человечеству не удастся избежать перерастания существующей геополитической напряженности в источник перманентной нестабильности и даже локальных и региональных войн.

Наконец, мировой финансово-экономический кризис на время отодвинул на второй план экологические проблемы. Но они никуда не исчезли. Напротив, экологическая ситуация в мире только ухудшается. Как только начнется оживление и новый подъем мировой экономики, экологические проблемы вновь встанут во весь рост и потребуют всевозрастающих средств на природоохранные меры. Решение указанных основных и других – сопутствующих им – проблем приведет к дополнительным существенным издержкам для мировой экономики, но вместе с тем сможет обеспечить и устойчивое экономическое развитие в долгосрочном плане.

Итак, когда мы говорим о новой экономической модели, нам необходимо указать новые источники долгосрочного экономического роста и новые условия, при соблюдении которых будет обеспечено долгосрочное устойчивое развитие.

Морис Алле:
«Всеобщая глобализация торговли между странами с весьма различными уровнями зарплаты (по обменному курсу валют) не может не приводить в конечном счете повсюду – как в развитых, так и в менее развитых странах – лишь к безработице, падению темпов экономического роста, неравенству и нищете».

Источником экономического роста на предстоящей длинной волне цикла Кондратьева (2018–2050 гг.), как уже установлено, является 6-й технологический уклад (ТУ), в основе которого лежат NBIC-технологии (N – нано-, B – био-, I – информационно-коммуникационные, C – когнитивные технологии), порожденные NBIC-революцией. Начавшийся в конце XX – начале XXI века активный процесс технологической конвергенции, означающий взаимопроникновение технологий, особенно ярко проявился в NBIC-конвергенции. Процесс технологической конвергенции сопровождается, как правило, синергетическим эффектом, проявляющимся в возрастании эффективности производства в результате конвергенции технологий. Именно синергия NBIC-конвергенции будет оказывать мощное воздействие на экономический рост в XXI веке.

Таким образом, развитые страны в первой половине XXI века будут насыщать свою промышленность и сферу услуг высокотехнологичными наукоемкими продуктами и услугами, основанными на NBIC-технологиях. Одновременно развивающиеся страны будут форсировать индустриализацию своей экономики и формировать современную сферу услуг. При этом крайне важно, чтобы они имели широкий доступ к энерго- и ресурсосберегающим технологиям 5-го ТУ, который составляет основу современных наиболее развитых экономик мира. Примечательно, что ключевые технологии 5-го ТУ уже перешли в разряд технологий широкого применения (ТШП). Развивающиеся страны могли бы осуществить широкомасштабные программы внедрения ТШП 5-го ТУ прежде всего в жизнеобеспечивающие отрасли народного хозяйства (горнодобывающие, водо-, газо-, энергоснабжающие, транспортную и торговую отрасли а также в образование и здравоохранение), поскольку именно они обеспечивают реальный рост национального дохода (ВВП). Кроме того, при таком сценарии развития минимизируется ущерб, наносимый окружающей среде в результате масштабного экономического роста в мире.

Каковы же условия, обеспечивающие долгосрочный устойчивый рост на очередной длинной волне экономического развития? Автору представляется, что следующие

пять условий должны стать императивами на протяжении обозначенного выше периода 2018–2050 гг.

Во-первых, социальная справедливость, обеспечивающая справедливое распределение доходов в обществе, снижающая ножницы доходов до социально приемлемого уровня. Нынешний финансово-экономический кризис убедительно показал, что социально-ориентированные экономики Германии и ряда скандинавских стран достаточно устойчивы даже в условиях турбулентной нестабильности экономической конъюнктуры. Поэтому требуется возврат к социально-ориентированной модели рыночной экономики, к принципам социального государства. Это позволит снять политическую напряженность и укрепить сплоченность национальных обществ, что необходимо для устойчивого подъема мировой экономики.

Во-вторых, справедливая гармоничная глобализация, гарантирующая справедливое распределение выгод от процессов глобализации. Требуется обуздать стихийный процесс глобализации и направить его на благо не только промышленно развитых стран, как это было до сих пор, но и стран развивающихся, чтобы последние могли выбраться из бедности и нищеты. Благодаря подъему благосостояния населения в развивающихся странах будет стремительно увеличиваться численность мирового среднего класса, возрастет спрос этого класса на товары и услуги длительного пользования, что станет содействовать устойчивому долгосрочному экономическому росту на глобальном уровне.

В-третьих, экологический императив, обуславливающий согласованные, энергичные и эффективные усилия всего мирового сообщества для сбалансированного обеспечения растущего населения Земли всеми необходимыми ресурсами – питьевой водой, продовольствием, энергией и т.д. – без ущерба для экологии окружающей среды, без дальнейшего ухудшения состояния биосферы планеты. Хотя биосфера является саморегулирующейся системой, ее способность к поддержанию стабильной окружающей среды небезгранична и сохраняется лишь до тех пор, пока возмущения, которым подвергается система, не превышают возможностей регуляции. Антропогенное воздействие уже на рубеже XIX–XX вв. превысило этот предел, и с тех пор Земля находится в состоянии непрерывно углубляющегося экологического кризиса. Если не предотвратить дальнейшее усиление экологического кризиса, то он неминуемо перерастет в необратимую, губительную для человечества экологическую катастрофу. Пришло время, когда нынешнюю экономику необходимо трансформировать в экологизированную, оберегающую биосферу планеты.

В-четвертых, стабильность финансовой системы, предопределяющая устойчивое инвестирование финансового капитала в реальную экономику. Финансовый капитал, безусловно, играет ключевую роль в современной экономике. Он первым оказывает поддержку технологической модернизации экономики, но затем оказывается причастным к углублению противоречий, способных спровоцировать кризис. Каждая технологическая революция приводила к взрывному росту на финансовых рынках – росту, являвшемуся предвестником грядущего краха. Поскольку поддержание стабильности финансовой системы является одной из главных обязанностей государства, то следует добиваться более эффективного государственного регулирования в этой важнейшей сфере. Совершенно ясно, что чрезмерное регулирование убивает стимулы к инновациям. Однако недостаточное регулирование приводит к большим проблемам, как это продемонстрировал нынешний кризис. Будем надеяться, что в рамках сотрудничества двадцати развитых и ведущих развивающихся стран удастся выработать контуры новой мировой финансовой архитектуры – более надежной, более гибкой и исключающей возможность появления финансовых пузырей, генерирующих кризисные явления, ведущих к внезапному спаду в экономике, за которым следует крах, а затем депрессия.

В-пятых, конвергентное развитие экономик авангардных стран мира. Авангардные страны мира, в число которых входят члены G5 (США, Япония, Германия, Великобритания и Франция) и государства БРИКС, становятся локомотивами мирового экономического развития в 2018–2050 гг., создавая необходимый спрос путем конвергентного развития своих экономик. Развитые страны создают спрос на товары и услуги стран БРИКС, содействуя передаче последним ТШП и притоку прямых инвестиций. Страны БРИКС и другие развивающиеся страны с растущими рынками максимально способствуют расширению среднего класса в своих обществах, формируя тем самым достаточный объем спроса на дорогую наукоемкую высококачественную продукцию и услуги, предоставляемые развитыми странами. Трудоемкое промышленное производство будет попрежнему находиться в развивающихся странах. В свою очередь государства БРИКС становятся локомотивами для менее развитых стран, формируя необходимый спрос на сырье и полуфабрикаты, дешевые товары и услуги, а также инвестируя в развитие инфраструктуры и социальной сферы. Ключевую роль для экономического роста бедных развивающихся стран могут сыграть справедливые условия международной торговли, которые возможно выработать только при сильной поддержке стран БРИКС в рамках G20 и ВТО, путем успешного завершения раунда Доха. Таким образом, возможно вновь восстановить глобальный спрос и поддерживать в дальнейшем его устойчивый рост.

Ключевой проблемой здесь является проблема глобализации. Действительно, один из выводов знаменитого французского экономиста, лауреата Нобелевской премии Мориса Алле, к которому он пришел в результате эмпирического исследования условий занятости и экономического роста в процессе глобализации, звучит следующим образом: «Всеобщая глобализация торговли между странами с весьма различными уровнями зарплаты (по обменному курсу валют) не может не приводить в конечном счете повсюду – как в развитых, так и в менее развитых странах – лишь к безработице, падению темпов экономического роста, неравенству и нищете». Сказанное справедливо также в отношении проблемы ухудшения экологической ситуации в развивающихся странах, куда в процессе глобализации развитые страны Запада выносят «грязные» промышленные производства.

Рассматривая глобализацию как объективный процесс, другой Нобелевский лауреат, американский экономист Джозеф Стиглиц, предлагает способы устранения его недостатков. В частности, он ставит проблему управления мировой экономикой: «К сожалению, у нас нет мирового правительства, ответственного за народы всех стран, чтобы контролировать процесс глобализации способами, сопоставимыми с теми, которыми национальные правительства направляли процессы образования наций. <...> Основная проблема современного мира состоит не в глобализации, а в том, как она осуществляется. Частично это связано с международными экономическими институтами, которые вырабатывают правила. Зачастую они делают это в интересах передовых промышленно развитых стран и в интересах особых групп этих стран. Эти институты ставят торговые и финансовые интересы превыше всего и смотрят на мир глазами финансиста, а не экономиста, таким образом, проблемы заботы о среде обитания, обеспечения бедных правом голоса при принятии решений, которые их непосредственно затрагивают, содействия развитию демократии, честной справедливой торговли остаются вне поля их зрения».

Джозеф Стиглиц:
«К сожалению, у нас нет мирового правительства, ответственного за народы всех стран, чтобы контролировать процесс глобализации способами, сопоставимыми с теми, которыми национальные правительства направляли процессы образования наций».

То есть Стиглиц определенно связывает решение указанных проблем с созданием мирового правительства, обязанного действовать в интересах всех стран мира, всего человечества, а не только узкой группы развитых стран Запада, как это сегодня делают МВФ, Всемирный банк и многие другие международные организации.

Парадоксально, но о том же самом еще сто лет тому назад размышлял великий русский ученый Владимир Вернадский. В этом году во многих странах мира широко отмечается 150-летие со дня его рождения. Вернадский разработал учение о биосфере Земли, получившее всемирную известность, а также предсказал переход биосферы в качественно новое состояние – ноосферу. Понимая под ноосферой сферу взаимодействия природы и общества, Вернадский считал, что ноосфера требует глобального управления планетарными процессами согласно единой разумной воле, и это связано с идеями социально ориентированного общества.

Новую модель мировой экономики, отвечающую пяти названным императивам – социальной справедливости, гармоничной глобализации, сохранению устойчивости биосферы Земли, стабильности финансовой системы и конвергентному развитию экономик авангардных стран мира,

У мирового сообщества есть орган, который при надлежащих реформировании и адаптации мог бы взять на себя глобальные функции управления. Это ООН, накопившая за годы своей активной деятельности гигантские экспертные познания в мировых делах, практический опыт координации мер по преодолению множества критических ситуаций и навыки управления этим процессом.

– формируемую и управляемую разумным мировым правительством, я называю нооэкономикой, то есть экономикой справедливости и разума. Сегодня, когда мировой кризис обнажил все эти проблемы, наступил самый благоприятный момент, чтобы начать формирование нооэкономики ради оберегания человечества от губительных войн и природных катастроф и обеспечения плавного перехода в ноосферную цивилизацию. Человечество должно осознать, что завтра может оказаться поздно.

Мировое правительство, обеспечивающее формирование нооэкономики и переход в ноосферную цивилизацию

Нынешний глобальный экономический кризис высветил ванием целостной структуры с управленческими функциями на мировом уровне.

Происходившие в мире политические катаклизмы не раз понуждали международное сообщество к крупным институциональным переменам. Накопленный в этой области опыт поучителен. После Первой мировой войны, как известно, возникла Лига Наций, ставшая испытательным полигоном для последующих шагов по координации многосторонних усилий в вопросах мира и безопасности.

Вторая мировая война привела к созданию Организации Объединенных Наций и ее Совета Безопасности с правом вето, которым были наделены державы-победительницы. Если Лига Наций не справилась с вызовами эпохи, то ООН пережила турбулентный период холодной войны и, несмотря на некоторые пробуксовки, до сих пор уверенно удерживает свои позиции.

Нынешний всеобъемлющий экономический кризис настоятельно подводит мировое сообщество к идее создания эффективного международного механизма, представительного по своему составу и наделенного достаточными полномочиями, по предотвращению и преодолению критических ситуаций, угрожающих политической и экономической безопасности как на национальном, так и на глобальном уровнях. Такой механизм способен стать прообразом мирового правительства, к созданию которого в силу логики истории человечество в конечном счете придет.

Начало положено

Проблема мирового правительства все еще представляется умозрительной, имеющей слабые шансы на практическую реализацию. Такой подход вряд ли можно признать дальновидным. Идеи, в контуры сложившейся к настоящему времени в мире единой геоэкономической системы, подчиняющейся, несмотря на девиации в ее отдельных частях, общим закономерностям. Логика развития глобализирующегося мира в близкой или дальней перспективе неизбежно приведет к необходимости создания в нем такой схемы управления, которая соответствует происходящим переменам, тем более если человечеству вновь придется столкнуться с крупными социально-экономическими неурядицами. В XX веке возникли многочисленные элементы широко разветвленной международной структуры, которая способна стать основой и предпосылкой для мирового правительства. В современных условиях в этой области идет процесс, сходный с феноменом кристаллизации. На определенном этапе он может завершиться формированием целостной структуры с управленческими функциями на мировом уровне.

Происходившие в мире политические катаклизмы не раз понуждали международное сообщество к крупным институциональным переменам. Накопленный в этой области опыт поучителен. После Первой мировой войны, как известно, возникла Лига Наций, ставшая испытательным полигоном для последующих шагов по координации многосторонних усилий в вопросах мира и безопасности.

Вторая мировая война привела к созданию Организации Объединенных Наций и ее Совета Безопасности с правом вето, которым были наделены державы-победительницы. Если Лига Наций не справилась с вызовами эпохи, то ООН пережила турбулентный период холодной войны и, несмотря на некоторые пробуксовки, до сих пор уверенно удерживает свои позиции.

Нынешний всеобъемлющий экономический кризис настоятельно подводит мировое сообщество к идее создания эффективного международного механизма, представительного по своему составу и наделенного достаточными полномочиями, по предотвращению и преодолению критических ситуаций, угрожающих политической и экономической безопасности как на национальном, так и на глобальном уровнях. Такой механизм способен стать прообразом мирового правительства, к созданию которого в силу логики истории человечество в конечном счете придет.

Начало положено

Проблема мирового правительства все еще представляется умозрительной, имеющей слабые шансы на практическую реализацию. Такой подход вряд ли можно признать дальновидным. Идеи, в основе которых лежат реальные потребности общества, отличаются высокой живучестью и способны при определенных условиях возрождаться и обретать новую жизнь. Современный этап в жизни человечества дает мощный толчок идеям коренных институциональных перемен, которые позволили бы миру эффективно справляться с наваливающимися на него изо дня в день проблемами и во всеоружии встречать любые грядущие испытания и вызовы.

У мирового сообщества есть орган, который при надлежащих реформировании и адаптации мог бы взять на себя глобальные функции управления. Это Организация Объединенных Наций, накопившая за годы своей активной деятельности гигантские экспертные познания в мировых делах, практический опыт координации мер по преодолению множества критических ситуаций и навыки управления этим процессом.

В рамках ООН или под ее эгидой разработано огромное количество всеобщих деклараций, генеральных соглашений, международных конвенций, многосторонних договоров по ключевым проблемам жизни мирового сообщества. Так на деле проявляется близкая к парламентской роль ООН в выработке нормативных документов, имеющих, по сути, глобальный законодательный характер.

Главное же состоит в том, что под эгидой ООН сложилась и эффективно действует система специализированных международных учреждений, решения которых во многих случаях признаются всеми странами как имеющие обязывающий характер. В сфере экономики – это Всемирная торговая организация, ЮНКТАД, ПРООН. В области промышленности – ЮНИДО, сельского хозяйства и продовольствия – ФАО, труда – МОТ, атомной энергии – МАГАТЭ, здравоохранения – ВОЗ, культуры и образования – ЮНЕСКО, охраны интересов детей – ЮНИСЕФ. Список можно продолжить Организацией по охране окружающей среды, Всемирной метеорологической организацией, Организацией гражданской авиации, Международной морской организацией, Всемирной организацией интеллектуальной собственности, Всемирным почтовым союзом, Университетом ООН и т.д. В Европе, Азии, Африке и Латинской Америке действует система региональных экономических комиссий.

В дополнение к этому функционируют глобальные финансовые и банковские институты – Международный валютный фонд и Всемирный банк.

Глобальная структура в международно-правовой и правоохранительной областях включает Международный суд, специальные международные трибуналы, арбитражные органы, Интерпол и др.

Развивается глобальная система институтов гражданского общества, объединяющая профсоюзы, конфессии, СМИ, научные и университетские сообщества, правозащитные, экологические, спортивные структуры и пр.

В международных организациях и структурах сосредоточены профессиональные кадры уникальной квалификации, высочайший в своей сфере экспертный потенциал. Эта создававшаяся десятилетиями стройная система доказала собственную устойчивость, нашла свою нишу в международной жизни и поэтому способна стать костяком глобальной системы управления. Разумеется, для такой цели следовало бы ее модернизировать и реорганизовать применительно к функциям глобального управления в современных условиях. Такая перестройка выглядит куда более простым делом по сравнению с тем, если бы систему подобных масштабов и предназначения пришлось выстраивать заново.

Схема мирового правительства

Известна марксистская формула: «Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами». Вряд ли этот тезис можно оспорить. А значит, для придания идее мирового правительства практического импульса нужны для начала широкие экспертные дискуссии. В них следовало бы активно втягивать правительственные круги, ООН и другие международные организации, СМИ, институты гражданского общества и т.п. Нынешние кризисные условия, ведущиеся поиски выхода из обрушившихся на мир неурядиц делают подобные дискуссии все более актуальными. Только в творческом столкновении различных идей и подходов может быть выработано оптимальное решение.

Сама дискуссия на тему о мировом правительстве уже способна изменить к лучшему общественную атмосферу на планете, вывести на первый план созидательные аспекты, проблемы укрепления мирного сотрудничества, снизить конфронтационную тональность в отношениях между государствами. Реализация такой идеи в принципе сулила бы миру гигантскую экономию средств, направляемых на военные нужды, производство, накопление и разработку стратегического оружия массового поражения. В распоряжении мирового правительства – с реальным учетом его полномочий – остались бы, например, мобильные силы быстрого реагирова-

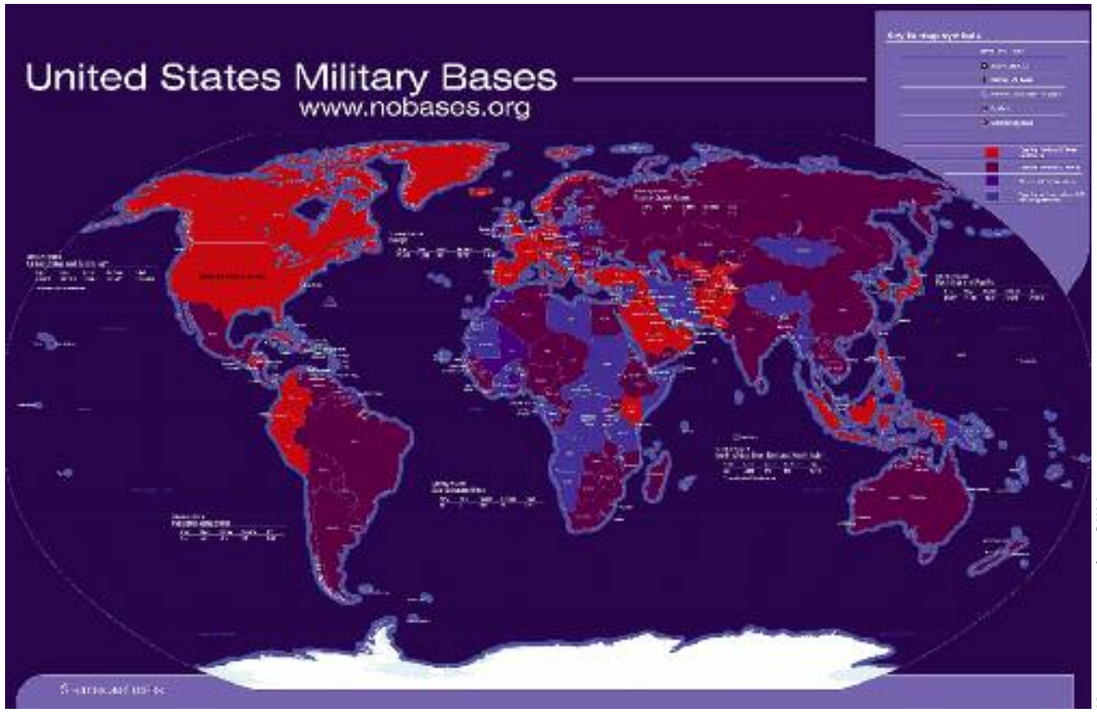
Карта учреждений, проектов и миссий ООН

Под эгидой ООН сложилась и эффективно действует система специализированных международных учреждений, решения которых во многих случаях признаются всеми странами как имеющие обязывающий характер.

ния для использования на случай возникновения в мире чрезвычайных обстоятельств. Локальные вооруженные контингенты в рамках системы национального самоуправления со временем приобрели бы в основном полицейское значение.

Как уже указывалось выше, позитивное развитие процесса, связанного с созданием мирового правительства, зависит от политической воли ведущих государств мира. Одна из главных трудностей состоит в том, что политическая воля США как самой мощной державы в последние десятилетия направлялась на перманентное сохранение за собой глобального контроля. Однако мир изменился. В положении самих Соединенных Штатов явно проявились черты уязвимости перед международным терроризмом, экономическими неурядицами, другими глобальными вызовами и угрозами. Эта уязвимость со временем вряд ли будет уменьшаться. За океаном от нарастающих как снежный ком проблем не скрыться. Америка, похоже, нуждается в перезагрузке своей внешней политики. Поддержка линии на создание мирового правительства, ни в чем не ущемляя американские интересы, лишь возвысила бы Вашингтон в глазах мирового сообщества. Совершенно очевидно, что будущее мировое правительство в его иерархическом построении и в механизмах функционирования не должно быть простым аналогом национальных правительств, особенно в части распорядительных функций, во избежание печальной участи в кризисные времена. Нужен иной концептуальный подход, который позволил бы лучше адаптировать данную идею к глобальной специфике и гигантским масштабам. Речь должна вестись об институте, который не тонул бы в болоте повседневных дел и забот, а определял принципиальную линию в ведении мировых дел, устанавливал правила игры в глобальном масштабе. Текущие распорядительные функции в рамках общих правил игры предпочтительнее оставить на усмотрение национальных правительств.

Мировое правительство мне видится в форме своего рода всемирного парламента, который мог бы принимать надлежащие решения, опираясь как на национальные структуры (территориальная система управления), так и на интеллектуальный потенциал, сконцентрированный в отраслевых департаментах-министерствах типа специализированных международных организаций, действующих под



Карта военных баз США

эгидой ООН. Разумный по численности всемирный парламент мог бы создаваться не путем проведения «вселенских» выборов, что внесло бы во всю эту работу шумиху и множество скандалов, что все чаще проявляется в ходе традиционных национальных парламентских выборов, а на основе пропорционального государственного представительства, устанавливаемого демократическим путем, процедурой консенсуса. Лишив мировое правительство прямых распорядительных функций, которые в глобальном масштабе выглядят заранее провальными и беспредметными, мировое сообщество могло бы создать орган, в котором присущая национальным парламентам демократичность в принятии решений органично сочеталась бы с деловитостью, характерной для хороших правительств. В нем, разумеется, должны быть исключены длительные и соревновательные лишь по красноречию дебаты, сходные с теми, что ежегодно происходят в знаменитом ооновском небоскребе на Ист-ривер в Нью-Йорке.

Итогом нынешнего финансово-экономического кризиса неизбежно станет кардинальное изменение расстановки сил на политической карте мира. Завершится единоличное военно-политическое господство США, а также их мировое экономическое лидерство, продолжающееся целое столетие.

Возникает вопрос об институциональном статусе (конфедерация, федерация или что-то иное) того глобального сообщества, которым должно будет управлять мировое правительство. Если формализация в этом вопросе окажется во главе угла, бесконечных дебатов не избежать. Представляется, что отцы-создатели ООН дальновидно (и эта дальновидность с годами подтверждается!) решили сходную проблему, учредив после Второй мировой войны Организацию Объединенных Наций, которая может быть при определенной адаптации наделена новым статусом. ООН – и по названию, и по существу – надо сохранить для той новой глобальной конфигурации, к которой рано или поздно придет человечество. «Объединенные Нации» – вряд ли можно придумать более емкий термин.

Итогом нынешнего финансово-экономического кризиса неизбежно станет кардинальное изменение расстановки сил на политической карте мира. Завершится единоличное военно-политическое господство США, а также их мировое экономическое лидерство, продолжающееся целое столетие. США не выдержали испытания монополярностью, истощив себя крупномасштабными непрерывными войнами на Ближнем и Среднем

теория развития

Востоке в последнее десятилетие. У США сегодня недостаточно ресурсов, чтобы оставаться мировым лидером. *Pax Americana* строился на двух либеральных принципах. Первый – это капитализм в его либеральном виде: низкие налоги и минимум государственного регулирования в экономике. Второй – либеральная демократия, и США – ее проводник в мире. Американская демократия себя дискредитировала, после того как под ее флагами начались война в Ираке и так называемые цветные революции. Либеральный капитализм рухнул в 2008 г. Завершается эра P*ax Americana* (период американской гегемонии в финансово-экономической, международно-политической и культурно-информационной областях), и в мире возникает глобальная многополярная система. Международная система принятия решений будет децентрализована. Альтернативой миру конфронтации мог бы стать мир согласования интересов основных центров силы во имя эффективного решения насущных глобальных проблем, и этот мир был бы основан на взаимном компромиссе.

Особенностью предстоящей фазы революции мирового рынка является перемещение центра мирового экономического развития с Запада, где он находился с начала промышленной революции, на Восток – в Азию.

Многополярность потребует более справедливого международного распределения богатства, а также трансформации международных институтов – ООН, МВФ, ВБ и др. Особенно устарели глобальные институты управления мировой экономикой – МВФ, ВБ и др. В них сегодня главенствуют интересы США и Западной Европы и слабо представлены интересы стран с быстроразвивающимися рынками. Недавно даже МВФ на своей очередной годичной сессии в 2011 г. признал, что Вашингтонский консенсус окончательно рухнул, и призвал создать такую глобальную экономику, в которой станет меньше рисков и неопределенности, финансовый сектор будет регулироваться государством, а доходы и блага начнут распределяться по справедливости. Странам нужно продолжать начатый процесс глобализации, но сама глобализация должна стать иной – не капиталистической, а справедливой и с человеческим лицом. Разве все это не напоминает социалистические идеи? Таким образом, можно сказать, что на смену капиталистической глобализации идет глобализация социалистическая.

Другой особенностью предстоящей фазы революции мирового рынка является перемещение центра мирового экономического развития с Запада, где он находился с начала промышленной революции, на Восток – в Азию. Если нынешний финансово-экономический кризис не переломит наметившиеся в последние десятилетия тренды, то совокупная доля Восточной Азии и Южной Америки в мировом ВВП достигнет уже к 2020 г. порядка 60 процентов, из которых 45 процентов станут приходиться на одну только Азию. А экономический рост неизбежно приведет к усилению политического веса и самостоятельности региона. Таким образом, будет положен конец отжившей свой век однополярной системе мира.

Противоположность интересов ведущих стран мира и невозможность договориться видны сегодня во всем. Эта политическая неопределенность остро чувствуется крупнейшими транснациональными корпорациями, которые предпочитают сидеть на своих деньгах, а не инвестировать их, поскольку не понимают, кто завтра будет определять правила игра. Поэтому исключительно важно, чтобы авангардные силы – США, Евросоюз и БРИКС – действовали консенсусно по ключевым вопросам развития мировой экономики и политики. Кстати, в вопросах финансового регулирования и монетарной политики ЦБ Китая, Индии, Бразилии и России оказались на высоте, показали себя лучше, чем ФРС США.

Другая мировая проблема заключается в противостоянии Севера и Юга. Разрыв в экономическом и технологическом развитии, разраставшийся на протяжении двух последних веков, а также международная экспансия Запада породили мир, разделенный на богатый Север и бедный Юг или, как еще говорят, благополучный Запад и неблагополучный Восток. Торговля между Югом и Севером растет, но весьма умеренными темпами: она составляет всего 6 процентов мирового товарооборота против 3 процентов в 1985 г., но этот рост обеспечивается в основном несколькими быстроразвивающимися странами. Поддержание существенного экономического неравенства между Севером и Югом в сочетании с демографическим дисбалансом приводит к противостоянию между богатыми и стареющими странами Северной Америки, Европы и Японией, с одной стороны, и бедными развивающимися азиатскими, африканскими и латиноамериканскими государствами, с другой стороны.

Похоже, что нынешний всеобъемлющий экономический кризис настоятельно подводит мировое сообщество к идее создания эффективного международного механизма, представительного по своему составу и наделенного достаточными полномочиями по предотвращению и преодолению критических ситуаций, угрожающих политической и экономической безопасности как на национальном, так и на глобальном уровне. Такой механизм способен стать прообразом мирового правительства, к созданию которого в силу логики истории человечество в конечном счете придет. В последнее время внимание мирового сообщества фокусируется на антикризисном потенциале «Группы двадцати», созданной из числа ведущих развитых и развивающихся стран мира. Когда члены «Большой восьмерки» осознали, что грядет глобальный кризис, они решили пригласить в свой элитный клуб самые мощные развивающиеся экономики. Так в сентябре 2008 г. возникла G20. Идея, что всем миром справиться с бедой легче, оправдалась: первые саммиты группы, прошедшие в ноябре 2008 г. и в апреле 2009 г., были весьма результативными. Особенно оптимистическими оказались итоги встречи «двадцатки» в Лондоне в 2009 г., когда лидеры ведущих стран договорились по ряду весьма чувствительных вопросов, связанных с регулированием мировой финансовой системы и реформой МВФ. В 2008 г. были приняты важные антикризисные решения, что породило надежды на реализацию идеи мирового правительства.

«Двадцатка» обрела статус постоянно действующего органа. Некоторые наблюдатели объявили ее чуть ли не мировым правительством. Экс-президент Франции Николя Саркози сказал с энтузиазмом: «Формат “двадцатки” – это предтеча мирового правительства XXI века». Хотя навешивать на «двадцатку» такое клише преждевременно, тем не менее в этом механизме можно увидеть контуры будущего международного управления, способного предпринимать не только превентивные антикризисные меры, но и осуществлять регулирующие функции в стабильных условиях. Однако, как только угроза финансового кризиса стала ослабевать, группа из единомышленников превратилась в конкурентов. Многие развивающиеся страны пострадали от кризиса меньше, а восстанавливаться стали быстрее, чем развитые. Поэтому интересы у членов G20 настолько разные, что говорить о результативности ее дальнейшей деятельности преждевременно.

Нооэкономика, или экономика справедливости и разума, – это формируемая и управляемая разумным мировым правительством новая модель мировой экономики, отвечающая пяти императивам – социальной справедливости, гармоничной глобализации, сохранению устойчивости биосферы Земли, стабильности финансовой системы и конвергентному развитию экономик авангардных стран мира.

Именно поэтому большие надежды мировой общественности сегодня связаны с предстоящим саммитом G20 в Санкт-Петербурге. Россия как действующий председатель G20 приложила огромные усилия для успешной подготовки очередного саммита, чтобы его работа стала максимально плодотворной. Президент Российской Федерации Владимир Путин убежден, что «российское председательство в “Группе двадцати” позволит консолидировать усилия стран-участниц для достижения общих целей – решения наиболее острых проблем глобальной экономики и обеспечения ее устойчивого развития на благо всего мирового сообщества, – поможет повысить уровень жизни миллионов людей на планете». Будем надеяться, что так и будет!

Давно обсуждаемый вопрос о мировом правительстве вызывает среди политиков и исследователей противоречивые суждения. Но как это не раз бывало в истории, перспективные идеи не умирают, а на определенных этапах нередко возрождаются, обретают активную жизнь. Сочетание глобального кризиса с бурным натиском глобализации неизбежно приведет к необходимости создания системы мирового управления во избежание неконтролируемого эгоизма со стороны узкой группы стран. Кризис показал, что в одиночку ни одна страна не способна противостоять кризису. Например, Евросоюз, благодаря общеевропейской солидарности, помог ряду своих стран, спасая их от явного банкротства. Теперь «двадцатка» помогает остальным странам мира. В будущем возрастет роль региональных экономических объединений под девизом: «Только сообща можно преодолевать трудности».

■

«Дорогу осилит идущий» – так гласит мудрая пословица, известная на всех континентах. Не пора ли начать шагать по этой дороге, формируя общественное мнение, создавая точки роста нооэкономики и придавая новые грани тому кристаллу, который в будущем будет называться мировым правительством?

Сергей Георгиевич Кара-Мурза –
доктор химических наук, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, социолог, политолог, публицист, член Союза писателей России

Наука как корень России

Культурная травма, нанесенная населению России в последние десятилетия, разделила его по многим основаниям. Одна из таких причудливых и неожиданных линий разделения – отношение к науке. К науке вообще и особенно к той науке, которую мы унаследовали от исторической России – уже в форме советской науки.

Почему этот вопрос для нас важен? Прежде всего потому, что есть, на мой взгляд, в наших и патриотическом, и западническом умонастроениях фальшивая нота – принижать, а то и ненавидеть науку как особый, будоражащий тип познания. И нота эта действенна, из нее вырастают сначала установки массового сознания, а потом и политические позиции. Путь этот для нас гибельный не только потому, что мир техники, без которого мы не сможем прокормиться и защититься, вырастает из науки. Наука, отделившись от религии, стала в Новое время играть такую же роль в формировании человека, какую на протяжении тысячелетий до этого играла религия.

Наука – необычный, особый способ познания и понимания мира – зародилась на Западе. Но, укореняясь в других самобытных культурах, она становилась их частью, не теряя при этом своего корня – научного метода. Русская наука – как и японская или китайская – питается соками родной культуры, и в то же время сама питает культуру. Сегодня наша наука уже является силой, образующей народ. Лишившись ее, обув лапти и запалив лучину, мы бы перестали быть русскими – даже если нас при этом и не сожрали. А с наукой мы останемся русскими даже в лаптях – если придется собирать пятаки на новые лаборатории и заводы. Как много мы говорим о деиндустриализации, увядании нашей армии и нашего флота. Сердце болит, мы пытаемся их защитить. О науке мы говорим дежурные фразы: ах, мало финансируют. Не мало финансируют, а именно вытесняют с лица земли. А ведь возродить промышленность несравнимо легче, чем науку. Наука – вещь хрупкая и непонятная. Многие страны вкладывают огромные деньги, чтобы вырастить или возродить свою национальную науку – и не получается. В России наука прижилась и расцвела замечательно. А теперь может погибнуть. Будут потом турецкие строители отстраивать новые лаборатории, как храмы, будут избирать новых академиков и нанимать лаборантов с хорошим окладом – а дух не вернется. Он веет, где хочет...

Некоторые в своем отрицании науки делают упор на том, что наука была советской – мол, порождение ненавистного строя. О советском строе в целом спорить не хочу, а что касается науки, то эти господа проявляют незнание. Советская наука была не просто продолжением русской науки, а ее расцветом. Трудно назвать что-либо советское, в чем русский дух раскрылся бы настолько полно, как в советской науке. (Разве что, пожалуй, еще в армии.) Здесь созрели и дали плоды те семена, которые были посеяны за двести лет до этого. Именно в XX веке на всем фронте науки сложилось то, что называется русским научным стилем – тот необычный взгляд и подход, который проявился у Дмитрия Менделеева, Владимира Вернадского, Николая Вавилова. Как жаль, что мы мало об этом знаем. Спросите студента: в чем суть русского научного стиля? Вряд ли он ответит. Как же так? Как же наши ученые, имея в сотни раз меньше средств, чем их американские коллеги, своим трудом позволили обеспечить военный паритет с Западом? Ведь это как-то надо объяснить.

Особенностью русской науки стало и сохранение в ее мировоззренческой матрице наряду с ньютоновской картиной мира космического чувства. На Западе научная революция, продолжив Реформацию, произвела десакрализацию мира, представив его как холодное и бездушное пространство. А в СССР утопия космизма соединилась с рациональной наукой, сведя такие разные культурные типы, как Константин Циолковский и академик Сергей Королев. Образ вселенной как Космоса стал частью массового сознания в России. Астольф де Кюстин в своей книге «Россия в 1839 году» писал: «Нужно приехать в Россию, чтобы воочию увидеть результат этого ужасающего соединения европейского ума и науки с духом Азии». В этой особенности России де Кюстин усматривал одну из основ ее мощи. В 1951 г. его

Николай Кисляков. Юный Ломоносов на пути в Москву. 1951 год

Русская наука питается соками родной культуры, и в то же время сама питает культуру. Сегодня наша наука уже является силой, образующей народ. Лишившись ее, обув лапти и запалив лучину, мы бы перестали быть русскими. А с наукой мы останемся русскими даже в лаптях – если придется собирать пятаки на новые лаборатории и заводы.

Владимир Вернадский и Александр Ферсман. 1941 год

В XX веке на всем фронте науки сложилось то, что называется русским научным стилем – тот необычный взгляд и подход, который проявился у Дмитрия Менделеева, Владимира Вернадского, Николая Вавилова.

книга была издана в США с предисловием директора ЦРУ Уолтера Беделла Смита, в котором было сказано, что «книга может быть названа лучшим произведением, когда-либо написанном о Советском Союзе».

Уже из этого видно, что реформирование и перестройка российской науки по западным шаблонам – исключительно рискованная операция.

Наука – часть культуры, причем сильно технизированная часть, принадлежащая и к духовной сфере, и к техносфере. Такие системы становятся матрицами, на которых воспроизводится то или иное общество. Переплетаясь друг с другом, они держат страну и культуру и задают то пространство, в котором страна существует и развивается. Складываясь исторически, а не логически, эти матрицы обладают большой инерцией, так что замена их на другие, даже однозначно лучшие, всегда ведет к непредвиденным потерям.

Обстановка для спокойного разговора о науке в России сегодня неблагоприятна. Уровень понимания науки и ее роли резко снизился – из-за общего культурного спада. Сегодня тяга к простым решениям такова, что под наукой подразумевают технологию – приложения научного знания в виде новых продуктов или методов. Это – подмена предмета, ведущая к фатальным ошибкам. О технологии надо говорить особо.

Достоверное представление об объекте – одна из главных предпосылок для рационального управления. Главные ошибки в оценке полезности науки, особенно в период кризиса, порождены не отсутствием хороших методик «измерения эффективности», а структурными причинами – тем, что из поля зрения выпадают многие важные функции науки, которые просто не замечают, когда наука функционирует. Мы обычно не думаем о счастье дышать – а утопленники нам уже не могут это счастье растолковать.

Среди тех «продуктов науки», которые невозможно купить или позаимствовать за рубежом ни за какие деньги, есть и такие, которые необходимы для обеспечения политической, культурной и экономической независимости страны. Но даже если не считать независимость существенной ценностью, то справедливо и следующее утверждение – Россия долгое время жить без своей науки не сможет даже просто как страна. Наука – не только одна из полезных отраслей хозяйства и духовной деятельности, но и один из их корней. Через многие воздействия, которые нельзя получить извне, отечественная наука участвует в создании, скреплении и развитии России и ее народа. Вот главное значение той части науки, которая не может быть заменена импортом знания, технологий и экспертов.

Россия – как не просто страна, но и одна из цивилизаций – долгое время жить без своей науки не сможет. Когда поток знаний из мировой науки будет поступать в Россию, минуя «фильтр» собственной науки, которая увязывает эти знания с реальностью России, станут быстро размываться контуры нашей культуры.

Длительная эрозия науки постепенно лишит страну современной техносферы как целостной системы и сделает всю систему обороны недееспособной. Широкие круги общественности уже и не заметят ни того, какую роль играла в их жизни наука, ни момента, когда они ее необратимо лишатся. Не менее глубокие последствия окажет тихое исчезновение науки и на жизнеспособность государства. Из всех структур, обеспечивающих само существование цивилизованного человека в независимой стране, будет как будто вынут небольшой, но жизненно важный элемент. То, что не рухнет, увянет.

Перечислим самые очевидные функции, через которые наука участвует в воспроизводстве России. Во время кризиса эти функции и являются главным предметом оценки полезности науки.

Приоритетные функции науки в кризисный период

Наука через систему образования, СМИ и личные контакты как внутри, так и вне сообщества ученых формирует рационально мыслящего человека с современными взглядами на мир.

Не располагая крупным научным сообществом, Россия не смогла бы произвести эту работу, так как для восприятия научного знания и научного метода их надо «перевести» на язык родной культуры. Устойчивость народа в войне 1941–1945 гг. и в условиях кризиса 1990-х – результат длительного «воспитания наукой». Эта функция науки выполнялась в СССР с опорой на разветвленную сеть каналов – лекционную работу, издание широкого круга научно-популярной литературы и др. При сохранении нынешних тенденций в следующем поколении весьма вероятен культурный срыв. Дерационализация мышления в условиях социального стресса породит «цивилизацию трущоб» с массовым девиантным поведением, наркоманией и инфекционными заболеваниями. Экономический и социальный ущерб от «одичания» части населения не идет ни в какое сравнение с затратами на науку. Но вся гласная научная политика постсоветского времени строилась, исходя из иррациональных утверждений о «неконкурентоспособности» нашей науки, что якобы оправдывало демонтаж ее системы.

Наука, охватывая своими наблюдениями и исследованиями все пространство страны, дает знание о реальной и изменяющейся природной среде, в которую вписывается жизнь народа.

Этого знания не может заменить ни изучение иностранной литературы, ни приглашение иностранных экспертов. Слишком велик в исследовании био- и геосферы России вес неявного знания, хранящегося в памяти, навыках и личных архивах национального научного сообщества. Еще более сложной и широкой задачей является «объяснение» этого знания политикам и хозяйственникам, широким слоям народа. Это может сделать только авторитетное и достаточно крупное отечественное сообщество ученых и околонаучных культурных кругов. Этот тип знания работает какое-то время даже после замораживания экспедиций и наблюдений – если остались ученые, сообщающие знание через множество каналов информации. Рыночные силы не поддерживают исследования, не дающие прибыли. Пример – катастрофа в Кармадонском ущелье в 2002 г., когда при сходе пульсирующего ледника погибли более 130 человек. Гляциолог из Института географии РАН рассказывает: «После схода ледника в 1969 г. по заказу Совмина Северной Осетии на Колку отправили экспедицию из сотрудников Института географии АН СССР. Несколько лет в 70-е годы специалисты-гляциологи изучали ледник и его поведение. В частности, был вычислен объем ледника, его критическая масса. <...> Как только масса превышает эту отметку, ледник не выдерживает своего веса и сходит вниз». Но затем научные работы из-за прекращения финансирования в начале реформы были свернуты, ледник был оставлен без присмотра. В дальнейшем наблюдения за ледниками прекратились в РФ практически повсеместно.

В тесной связи с изменяющейся природной, техногенной и социальной средой изменяются люди и этносы, все общество. Процессы этно- и социогенеза, ускоряющиеся в условиях кризисов, не могут быть изучены и объяснены без национальной науки. Исследование «извне» всегда будет «империалистическим», изложенным на чужом языке. Сейчас народы России втянулись в процесс бурного этногенеза и социальных преобразований. Оставить этот процесс без научного сопровождения – значит заложить заряды незнания, которые взорвутся завтра. Пока что эта функция обеспечена усилиями старших поколений научных и практических работников, налицо опасность разрыва поколений и провала. Активное участие иностранных ученых и фондов чревато опасными искажениями.

Создаваемая техносфера сильно связана с природой и культурой страны. Хотя многие ее элементы могут быть импортированы, техносфера страны в большой степени зависит от непрерывных усилий отечественной науки.

В России уже создана огромная техносфера, которую должно «вести» адекватное по размерам и структуре отечественное научное сообщество. Без него эта техносфера не может быть даже безопасно демонтирована. Поддержка НИОКР через рыночные механизмы недостаточна, особенно когда речь идет о приоритетных исследованиях техногенных аварий и катастроф.

Наука через систему образования, СМИ и личные контакты как внутри, так и вне сообщества ученых формирует рационально мыслящего человека с современными взглядами на мир.

Мир в целом втягивается в глобальный кризис индустриализма. Россия первая испытала на себе воздействие этого кризиса. Наша наука уже накопила большое, хотя еще плохо оформленное, знание о поведении технологических, социальных и культурных систем при переходах «порядок–хаос». Развитие этого знания, новая постановка многих вопросов важны и для самой России, и для мирового сообщества.

В то же время Россия живет в быстро изменяющемся кризисном мире. Знания из этого мира, необходимые для существования России, поступают в нее извне в виде вещей и потока информации. Только сильная и структурно полная отечественная наука может «втягивать» в страну нужное для нее знание из всей мировой цивилизации. Страны, не обладающие таким механизмом, получают отфильтрованное и ограниченное знание и утрачивают реальную независимость.

Что подвергли реформе

Условием успеха любой реформы является знание об объекте. В 1990-е годы была начата реформа советской науки. Социальная и культурная основы науки СССР были плохо изучены и поняты, как и вся советская система в целом. Сейчас специалисты разных общественных наук выясняют причины этого непонимания, а в 1990-е годы их коллеги пережили шок от неспособности предвидеть глубину кризиса, вызванного реформой. Поведение многих систем в ходе их изменений было неожиданным, возникающие структуры оказывались непохожими ни на советские, ни на зарубежные. Науку, которую Россия унаследовала от СССР, стали реформировать, даже грубо не описав объект.

В 1918 г. основанием «общественного договора» научной интеллигенции с советской властью стало принятие стратегического решения не демонтировать структуры прежней «императорской» организационной системы науки, а укрепить ее и сделать ядром и высшей инстанцией в советской системе. Академия наук стала генератором сети научных учреждений. Согласование взглядов Совнаркома, Академии и – что менее известно – бывших министров и промышленников царской России позволило выработать и сразу начать ряд больших научно-технических программ (ГОЭЛРО, геологоразведки и атомной). Строительство науки планировалось как система. За структурную единицу был принят научно-исследовательский институт (НИИ) – новая форма учреждения. Только за 1918–1919 гг. было создано 33 таких института, ставших матрицей советской научной системы. К 1929 г. число НИИ достигло 406. В 1925 г. ЦИК и Совнарком приняли постановление «О признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением Советского Союза».

Накануне Великой Отечественной войны в стране в основном был создан, по словам Сергея Вавилова, «сплошной научный и технический фронт», адекватный всем критическим проблемам развития и угрозам стране. Экзаменом, которому подверглась эта система, стала война. Эта же система смогла быстро реализовать большие программы по созданию ракетно-ядерного щита СССР. Под стратегией научного строительства СССР была сильная методологическая база, созданная в Академии наук до революции. Игнорировать ее сегодня неразумно – а ведь ее главные принципы как будто забыли. Это поразительно!

Как это произошло? Научное сообщество СССР могло выделить группу авторитетных ученых, которые были способны спокойно объяснить власти, в чем стратегическая необходимость для страны той или иной научной программы, несмотря на ее внешнюю «неэффективность». Академики – монархисты и кадеты – могли объяснить это Ленину в личных беседах и докладах. Академики Абрам Иоффе, Петр Капица и Игорь Курчатов имели возможность в личных беседах объяснить это Сталину. Академик Мстислав Келдыш – Хрущеву и Брежневу, академик Анатолий Александров – Брежневу, Андропову и Черненко. Почему сегодня власть говорит языком чиновников Минобрнауки, совершенно неадекватным ни состоянию России, ни состоянию науки?

Строительство научной системы СССР в 20–30-е годы было целенаправленной сборкой научных сообществ. Это была большая и сложная программа – сегодня, когда наше общество переживает общую дезинтеграцию, ее изучение крайне актуально.

Более того, уже в первые годы существования СССР выяви-

Кармадонское ущелье

Наука, охватывая своими наблюдениями и исследованиями все пространство страны, дает знание о реальной и изменяющейся природной среде, в которую вписывается жизнь народа.

Мир в целом втягивается в глобальный кризис индустриализма. Наша наука уже накопила большое, хотя еще плохо оформленное, знание о поведении технологических, социальных и культурных систем при переходах «порядок–хаос». Развитие этого знания важно и для самой России, и для мирового сообщества.

лась системообразующая миссия науки как генератора базовых структур жизнеустройства. Наука стала включать в себя социальную инженерию и разработку технологий, основанных на научном анализе и предвидении. Советская власть успешно выполнила задачу целеполагания, собирания общества на основе понятной цели и консолидирующего проекта. Самой своей структурой научные программы создавали матрицу, на которой собиралась конструкция страны.

Доктрина 1990-х годов предполагала не реформирование науки, а ее необратимую трансформацию, как и всех других советских систем. Главным механизмом стало разгосударствление. Эта утопия оказалась несостоятельной – ни отечественный, ни иностранный капитал не смогли и не пытались стать источниками средств и «заказчиками» науки. Огромная по масштабам и сложнейшая по структуре научно-техническая система России, непрерывно создававшаяся на протяжении 300 лет, была оставлена почти без средств и без социальной поддержки. Движение в том же направлении обречет Россию – независимо от того, какой социально-политический строй в ней установится, – на отбрасывание ее в разряд слаборазвитых стран. Доктрина реформы науки основана на целой системе фундаментальных ошибок, что и завело ее в историческую ловушку.

Кризис научной системы сопровождался резким изменением статуса науки в обществе. Общий культурный кризис и подрыв рационального мышления разрушили систему координат, в которых люди оценивали отечественную науку. Достаточно было запустить по СМИ поток совершенно бездоказательных утверждений о «неэффективности» науки, и травмированное катастрофой распада общество бросило ее на произвол судьбы, равнодушно наблюдая за ее уничтожением. Никаких разумных оснований для такой позиции не было, просто в массовом сознании были утрачены навыки понимания сложной структуры социальных функций отечественной науки, тем более в условиях кризиса. Надо признать, что и сама научная интеллигенция в своем осознании происходящего недалеко ушла от массовых представлений на сей счет.

Важным проявлением кризиса российского общества стала активизация антинаучных течений. Главным инструментом обскурантизма и средством разрушения рационального сознания явились СМИ, особенно телевидение. Попытки ученых противостоять широкой пропаганде антинаучных взглядов оказались безуспешными, причем полностью, в принципе. Подобные усилия были низведены до ограниченной возможности «бороться с лженаукой» внутри своей корпорации.

Налицо социальное явление фундаментального значения. Средства массовой информации и книгоиздательская индустрия России систематически ведут оболванивание населения! Они действуют как подрывная сила, разрушающая структуры просвещения и ту мировоззренческую основу, на которой была собрана нация России в XX веке. Произошла деформация одного из важнейших общественных институтов. Как это случилось, каковы тенденции, что можно им противопоставить? Ведь именно это – уровень тех проблем, которые должна была бы поставить на обсуждение РАН, но она отстранена от этой проблемы. Ощущение собственного бессилия перед лицом такого вызова травмировало ученых не меньше, чем сам вызов.

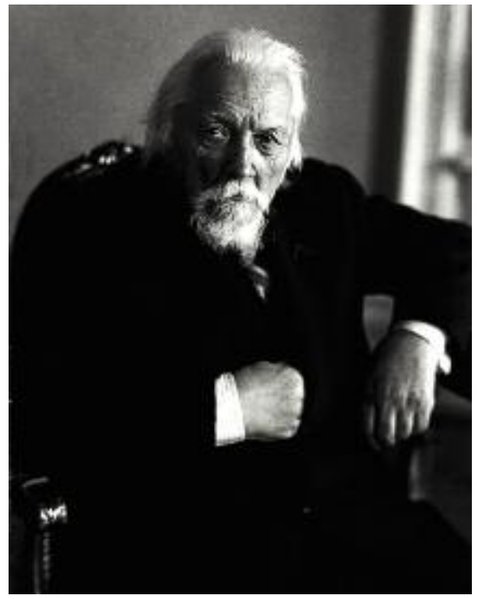
Со времен перестройки начались попытки «реструктуризации» Академии наук – ядра всей национальной научной системы. Они активизировались в 2004 г. и ведутся поныне. Аналитические службы давали заключения, что принципиальные положения реформы науки ложны, они противоречат знанию. В таких случаях министр или другой чиновник высокого уровня должен просить разъяснений у консультантов, но этого не было ни разу за все годы реформ. Более того, акция по «реформированию» РАН каждый раз готовилась скрытно, так что население РФ о ней практически ничего не знало!

Беспрецедентной стала операция Минобрнауки в июне–июле 2013 г. Она вышла за рамки реформирования трех Академий наук и создала в политической системе России новый кризис, чреватый, на мой взгляд, тяжелыми последствиями. Правительство сделало внезапную молниеносную попытку ликвидировать прежнюю РАН, и большинство депутатов Госдумы (234 из 450) такую попытку поддержали. Эта операция была проведена как блицкриг, в полной секретности и с анонимностью авторов доктрины и плана, без предупреждения и объяснений. Аргументация, заявленная в Госдуме, не может считаться ни прагматической, ни рациональной. Ответа на вопрос «зачем?» не было.

Сама форма прохождения этого законопроекта, думаю, внушила страх очень многим наблюдавшим за ней гражданам. Власть – страшная машина, и ее внезапные необъяснимые действия разумным людям внушают ужас. Зачем разрушать РАН? Какие геополитические задачи требуют сегодня такой жертвы? Зачем власти идти на конфронтацию с научно-технической интеллигенцией, за которой потянется весь «креативный класс»? Ведь на него эта власть и делает ставку. Зачем ради этой операции раскручивать антиинтеллектуальные настроения в массовом сознании? Ведь для любой власти это значит пилить сук, на котором она сидит. Зачем посылать на это дело Дмитрия Ливанова, который скорее всего искренне не знает, зачем нужна вся эта наука и тем более эта ветхая Академия наук? Он прекрасно организовал ЕГЭ, но это не значит, что он так же хорошо может управиться с РАН.

Разрушается наука, одна из несущих опор государства и страны, – и за все эти годы ни одного гласного совещания или слушания с обсуждением причинно-следственных связей между действиями правительства и разрушительными результатами. На фоне деиндустриализации устранение РАН кажется мелочью, люди привыкли оценивать негативные результаты реформ сотнями миллиардов долларов.

Что же такое РАН? Это особая форма организации науки, изобретенная в России применительно к ее историческим условиям – с периодическими срывами в нестабильность. Академия была построена как ковчег, в котором при очередном потопе спасалась часть научного сообщества с «сохраняемым вечно» фондом знаний и навыков – так, чтобы после потопа, на твердом берегу, можно было возродить российскую науку в ее структурной полноте и целостности. Современному поколению не объяснили, какую ценность построили для них деды и прадеды. Академия позволила России создать науку мирового класса, со своим стилем. В ней хранится генетический аппарат, воспроизводящий этот стиль в университетах, НИИ и КБ. От этого отводят разговорами про «эффективность»! Мол, у Академии наук экономическая эффективность низка. Какое нарушение здравого смысла! Понятие эффективности в науке вообще неопределимо, а в данный момент в РФ тем более! Да кого интересует эта эффективность РАН на фоне реальных потерь и хищений?



Александр Карпинский – президент Российской академии наук с 1917 года и первый президент Академии наук СССР

Строительство научной системы СССР в 20–30-е годы было целенаправленной сборкой научных сообществ. Советская власть успешно выполнила задачу целеполагания, собирания общества на основе понятной цели и консолидирующего проекта. Самой своей структурой научные программы создавали матрицу, на которой собиралась конструкция страны.

Главная ценность Академии наук сегодня – это сохраняемые под ее крышей 40 тысяч российских ученых, представляющих собой всю структуру современной науки. Это колоссальный фонд знаний и навыков, сосредоточенный в седых головах этих людей. Их главная миссия сегодня – выжить как организованная общность и успеть передать сжатый сгусток уцелевших знаний и умений тем молодым, которые придут возрождать российскую науку.

Особенность науки, унаследованной постсоветской Россией, состоит в том, что ее ядро собрано в Академии наук. Это и синклит, задающий нормы научности и научной этики, накладывающий санкции за их нарушения – без вмешательства бюрократии. Академия изначально была государственным (имперским) институтом и при любом режиме мобилизовывала через свои каналы все научные силы России для выполнения главных и срочных задач. В этой роли Академия позволяла России и СССР решать серьезные проблемы намного дешевле (иногда в сотни раз), чем на Западе.

Уклад Академии упростил контакты ученых по всему научному фронту, а также прямые контакты ведущих ученых со всеми производствами. Это была невидимая сетевая надведомственная система управления («через знание»), которая действовала вместе с государством, но быстрее. Академия могла исполнять роль

Владимир Фортов и Юрий Осипов

Разрушается наука, одна из несущих опор государства и страны, – и за все эти годы ни одного гласного совещания или слушания с обсуждением причинно-следственных связей между действиями правительства и разрушительными результатами. На фоне деиндустриализации устранение РАН кажется мелочью, люди привыкли оценивать негативные результаты реформ сотнями миллиардов долларов.

ядра науки потому, что в России она была элементом верховной власти, а не клубом или ассоциацией академиков. Наука через Академию стала системообразующим фактором всего бытия России новейшего времени.

В 1917–1921 гг. большевики, следуя урокам царей, собрали, сколько могли, ученых в Академии наук. Влиятельные пролеткультовцы пытались тогда разгромить Академию под теми же лозунгами, что и сегодня. Ленин пошел на конфликт с ними, строго запретив «озорничать около Академии наук», хотя она еще была не просто консервативной, но и монархической. Если бы в тот момент Академию наук не уберегли, нить развития русской науки была бы оборвана и ни о какой индустриализации 30-х годов и победе в Великой Отечественной войне не было бы и речи. Эту нить собираются оборвать сегодня – без войны, когда казна лопается от нефтедолларов.

Не надо иллюзий, это будет тяжелейшим ударом по России. Мы останемся без интеллектуального сообщества, которого не заменить никакими иностранными экспертами. Нынешние 40 тысяч ученых РАН не могут сегодня блистать на международных симпозиумах, быть конкурентоспособными и эффективно «производить знания», получая аплодисменты и обильное цитирование. Они стары, их приборы поломаны, а нищие лаборатории остались без реактивов.

Требовать от них «эффективности» – это все равно что гнать на старт тяжелобольного спортсмена. Но эти люди образуют коллектив, обладающий знанием и способный понимать, собирать и объяснять новое знание из мировой науки. Этот коллектив жизненно необходим стране и народу в нынешний период даже больше, чем в спокойные времена. Здесь, при всех болезнях кризисного времени, помнят и хранят нормы научной рациональности и этики, знают природу и техносферу России. Разгонят такое катакомбное сообщество – и угаснут эти знания, нормы и память о них, как пламя свечи. Этот коллектив будет еще более необходим России завтра, когда молодежь начнет нащупывать дорогу из ямы кризиса. Тогда только отечественные ученые, обладающие опытом побед и бед России, владеющие русским научным стилем и, главное, любящие нашу землю и наш народ, смогут соединить здравый смысл с научным методом. Такой «зарубежной экспертизы» Россия не получит ни за какие деньги.

Пока что ситуация продолжает находиться в неустойчивом равновесии. Однако принципиальные установки правительства не изменились, не изменился и понятийный аппарат, с которым подходят к науке.

Мы как будто снова вернулись в 1990-е годы, ничему не научившись! Зная, какими индикаторами, измерительными инструментами и критериями для определения полезности науки пользуется Минобрнауки, приходится ожидать нового тяжелого удара по остаткам российской науки.

■

Разработка новой доктрины реформ науки требует подвести итог реформам в целом и сформулировать принципы научной политики государства на предстоящий период. Это – сложные комплексные задачи, от них не уйти.

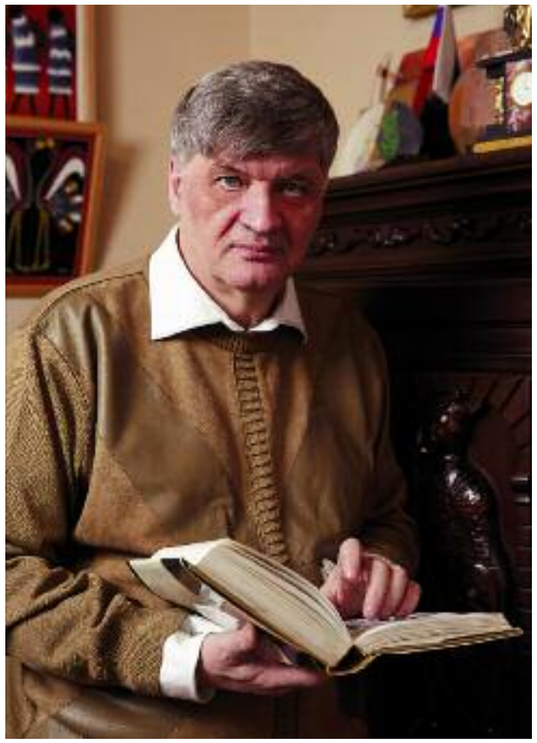
Настоятельно требуется диалог власти с научным сообществом. Надежды на то, что реформу можно успешно провести без согласия и даже без диалога с учеными, несбыточны. Такого диалога не было до настоящего времени. Для него не было ни площадки, ни формата, ни реальной повестки дня, ни наделенных авторитетом «делегаций» с обеих сторон. Дело ограничивалось протокольными встречами, короткими репликами и подготовленными анонимно решениями правительства, которые не только не выносились на обсуждение, но и не предполагали вопросов.

Отказ от диалога в 1990-е годы привел к тому, что научная политика правительства воспринималась как демонтаж национальной системы науки с ориентацией на импорт технологий. Это создало разрыв между научной средой и властью.

Уклоняться от реформы, пытаясь сохранить остатки советской системы, нежелательно и невозможно. Положение научной системы является критическим, инерция угасания и распада велика, самоорганизации осколков прежней системы в способные к выживанию и развитию структуры не происходит. А значит, научная политика государства должна стать активной. Переходить к ней, если всерьез ставится цель спасения науки и вывода ее из кризиса, невозможно без пересмотра исходных фундаментальных положений прежней доктрины и оснований нынешнего курса. Процесс регресса и демонтажа большой научной системы СССР не имеет исторических прецедентов и является неизученным (как и многие другие процессы в ходе деиндустриализации России). Научные коллективы, которые могли бы «сопровождать» реформу, изучая порожденные ей в науке процессы, после 1991 г. распались, были ликвидированы или ушли в тень. Сегодня деидеологизированное изучение того, что произошло с наукой России, – необходимая работа, имеющая общее значение. Был проведен огромный, небывалый в истории эксперимент, он на время приоткрыл важнейшие пласты знания о науке и ее месте в обществе. Нельзя допустить, чтобы это знание было потеряно.

Сокращение и «сжатие» оставшейся от СССР, но еще сохраняющейся массы научных ресурсов, их преобразование в материал для новой системы требуют осуществить структурно-функциональный анализ науки применительно к условиям России на предстоящий период, а также основательное проектирование. Необходимо не удушение, а строительство научной системы с иной структурой и иной динамикой. Кризис трансформации, который переживает Россия, породил много болезненных проблем, но в то же время он создает благоприятные условия для такого строительства, пока не укрепились застойные «структуры выживания», возникшие за минувшие двадцать с небольшим лет.

Положение научной системы является критическим, инерция угасания и распада велика, самоорганизации осколков прежней системы в способные к выживанию и развитию структуры не происходит. А значит, научная политика государства должна стать активной.



Александр Иванович Неклесса – руководитель Группы «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия», председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заместитель генерального директора Института экономических стратегий, директор Центра геоэкономических исследований (Лаборатория «Север–Юг») Института Африки РАН

Геоэкономическая формула мироустройства

Множественность изменений в политическом мироустройстве, генезис версий архитектуры мировой системы свидетельствуют о культурном и цивилизационном транзите, являясь симптомами процесса. Тут можно констатировать следующее:

- система международных отношений переживает транзит в иное состояние;
- в рамках транзита возникает новая организация мироустройства;
- мировой рынок перерастает в оригинальную форму миропорядка.

Рассуждая о генезисе новой модели, порожденной трансформацией привычных форм государственности (*nation state*), попробуем подробнее рассмотреть геоэкономический аспект комплексного процесса.

Геоэкономика как предмет исследования

Геоэкономика – направление социальных наук, возникшее в первой четверти XX века на стыке экономики и политологии. В предмете геоэкономики просматривается несколько аспектов, объединяющих в единый комплекс вопросы экономической истории, экономической географии, современной мировой экономики и политологии, конфликтологии, теории систем управления. Геоэкономика изучает:

- географический императив, выражающийся в органичной связи экономики и пространства, во влиянии климатических и ландшафтных особенностей на формы и закономерности хозяйственной деятельности;

- «мощь и ее актуальный инструментарий», происходящий сдвиг международных силовых игр из области военно-политической в область экономическую – сдвиг, порождающий особый тип конфликтов – геоэкономические коллизии в глобальном контексте;
- политику и стратегию повышения конкурентоспособности государства в условиях глобализации экономики (унификации и поглощения мировой экономики «вселенским рынком», ее новой структурности);
- пространственную локализацию (географическую и трансгеографическую) в новом глобальном универсуме различных видов экономической деятельности, новую типологию мирового разделения труда;
- слияние политики и экономики в сфере международных отношений, формирование на данном базисе системы стратегических взаимодействий и основ глобального управления.

Формирующуюся геоэкономическую конструкцию (геокон) можно описать как специфичное соподчинение шести ареалов: транснациональный космос штабной экономики (Новый Север) …

Наблюдения о связи экономики, истории и географического пространства можно встретить у самых разных ученых XIX-XX веков в широком диапазоне от Фрица Рёрига, Фридриха Листа («автаркия больших пространств») и, конечно, «Политической географии» Фридриха Ратцеля до Фернана Броделя («миры-экономики») и Иммануила Валлерстайна («мир-системный подход»).

Общее понятие о предмете геоэкономики первоначально возникает в русле геополитических штудий для фиксации реалий, относящихся к экономическим аспектам данного направления социальных исследований. Очевидно, что экономика Европы и экономика тропической Африки, равно как экономики стран континентальных и стран прибрежных, в своих существенных характеристиках типологически различны. Так, развитие товарного производства в умеренных широтах стимулировалось сезонным циклом сельскохозяйственной активности и необходимостью складирования собранных продуктов, в то время как экономика тропической зоны не имела столь выраженной цикличности, а складское хранение заменялось поддержанием экологического баланса определенных растительных зон. В трудах геополитиков отмечалось также отличие базовых экономических моделей Rimland'a (ориентированной на широкий товарообмен) и Heartland'a (в большей мере нацеленной на самообеспечение).

Геоэкономика как самостоятельное понятие и направление исследований возникла в Веймарской Германии в 20-е годы практически одновременно с геополитикой, но пребывала в тени последней, не будучи востребованной в то время. Рассуждения о геоэкономике фиксируются в работе Карла Рейджерса (1927), отмечающего роль географических модификаций, вносимых войнами в человеческую жизнь, как направление человеческой деятельности, более соответствующее новому состоянию человечества. И потому объединяющее геоэкономику, геополитику (а заодно и геоэкологию) в единый комплексный инструментарий изучения актуальной формы практики.

В годы Второй мировой войны и в последующий период XX

теория развития

… трансгеографическое теневое пространство мирового андеграунда и трофейной экономики (Глубокий Юг), интегрирующее останки несостоявшейся либо обанкротившейся государственности, а также инволюционные формы социально-экономической практики и глобальной маргинализации …

века геоэкономика переживает реанимацию (Чарльз Колби, Гриффит Тейлор, Маурицио Пармели) – частично вследствие попытки избавиться от отягощенного одиозными ассоциациями понятия геополитики, активно использовавшегося в нацистской Германии. Геоэкономика очертила при этом предметное поле, отличное от геополитики, взяв от последней, однако, целостный, структурный подход к рассмотрению социальной реальности и политической динамики. В дальнейшем отдельные (немногочисленные) работы по геоэкономике выходили в странах «третьего мира» и Южной Европы.

В генезисе современного понимания геоэкономики также просматривается преемственность с подходами и инструментарием геополитики, что не в последнюю очередь связано с умонастроениями 90-х годов. В то время многие исследователи прогнозировали смещение силовых игр наступающей эпохи из военно-политической сферы в экономическую и эскалацию нового типа конфликтов – геоэкономических коллизий, развивающихся в контексте международных отношений.

Подобный концепт был положен в основу статьи американского ученого Эдварда Люттвака «От геополитики к геоэкономике: логика конфликта, грамматика торговли», опубликованной в журнале *National Interest* летом 1990 года. Люттвак противопоставляет в ней геополитику с ее акцентом на использование военной мощи для достижения внешнеполитических целей – геоэкономике как политике, ориентированной на победу в экономическом состязании. Следует упомянуть также работы Эндрю Лейшона и Уильяма Нестера.

В Европе концепция геоэкономики в те же годы активно разрабатывалась в Италии генералом Карло Жаном, опубликовавшим, в частности, в начале 1991 г. статью «Геоэкономика: инструментарий, стратегия и тактика», несущую отпечаток геополитических конструктов и военно-стратегического стиля мышления автора. По мнению генерала Жана, «геоэкономика основывается не только на логике, но и на синтаксисе геополитики и геостратегии, а в более широком смысле – и на всей практикологии конфликтных ситуаций». В целом в трудах итальянских ученых (Карло Жан, Паоло Савона, Серджо Фиоре, Фульчери Бруни Рочча) под геоэкономикой понимается «дисциплина, изучающая те аспекты международной конкуренции, где главными действующими лицами выступают не корпорации, тресты или банки, а государства».

В 90-е годы во Франции был основан *Institut Choiseul for International Politics and Geoeconomics* в качестве независимого исследовательского центра, анализирующего международные отношения, экономические и политические стратегии, а также мировые культуры. В 1997 г. институт, именуемый к тому временем Европейским институтом геоэкономики, начинает издавать академический журнал под названием «Геоэкономика» (на французском языке).

Сыграл роль в развитии геоэкономики также Паскаль Лоро. По его мнению, «геоэкономика анализирует экономические стратегии, в основном торговые, в соответствии с актуальной ситуацией в политической сфере <...> имея целью защиту собственных экономик либо хорошо опознаваемые их сектора с целью либо обрести национальными предприятиями технологии, либо захватить определенные сегменты мирового рынка, соответствующие типам производства в данной стране».

В России разработка геоэкономического инструментария исследователями и освоение геоэкономического подхода государственными учреждениями начались непосредственно после распада СССР. Российская концепция геоэкономики при этом в значительной мере отошла от прочтения предмета в русле идей геополитики и конфликтологии. Геоэкономика понимается скорее как пространственная локализация типов экономической деятельности в глобальном контексте и связанная с этим феноменом новая формула мирового разделения труда, а также как слияние политики и экономики в сфере международных отношений, формирование на этой основе системы стратегических (глобальных) взаимодействий.

Данное направление, тесно связанное с развитием процессов глобализации, активно развивалось в 1992-1993 гг. в Главном управлении стратегического анализа развития внешнеэкономической деятельности МВЭС РФ. Геоэкономический подход углублялся в теоретическом отношении (велась разработка формальной схемы геоэкономического атласа мира) и применялся на практике при планировании стратегии внешнеэкономической деятельности России как в целом, так и в ее региональных и отраслевых аспектах. Геоэкономические реалии учитывались, в частности, при разработке концепции транспортных коммуникационных систем и при сравнительном анализе достоинств и недостатков широтных систем «Восток–Запад» и меридиональных – «Север–Юг» (1992), они обсуждались при формулировании «Основных положений внешнеполитической стратегии РФ» (1993).

В настоящее время в российской геоэкономике доминируют две исследовательские модели:

- гексагональная конструкция глобального геоэкономического универсума, разработанная автором настоящей статьи;
- понимание геоэкономики Эрнестом Кочетовым как политики и стратегии повышения конкурентоспособности государства в новом глобальном контексте.

Ниже излагается авторский взгляд на геоэкономическую формулу мироустройства.

Транзит актуальных форм человеческого общежития

Становление нового формата государственности неоднозначно по характеру и неодномерно по содержанию рождающихся в русле процесса влиятельных и дееспособных социально-политических конфигураций.

Число национальных государств и разного рода квазигосударств превысило на сегодняшний день две сотни. В пестром конгломерате можно встретить чрезвычайно разные образования: полуторамиллиардный Китай и население островного атолла, откололовшуюся мятежную провинцию и этнос, сражающийся за обретение суверенного национального очага.

Эти и подобные им образования, будучи объединенными контекстом международной практики, разделены в то же время степенью достигаемого успеха в вопросах адаптации к нормативам суверенного национального государства. А также степенью признания данного успеха со стороны мирового сообщества.

В результате система национальных государств как сообщество исключительных субъектов международных связей (*inter-national relations*) дополняется инновационными конструкциями.

Относительная гомогенность системы размывается, а правовые основания меняются под воздействием полифонии агентов перемен, прагматично ранжируемых в соответствии с уровнем влияния, оказываемого на состояние мировой среды (*intra-global relations*).

На сегодняшний день можно, пожалуй, различить три кластера перемен, три слоя социального текста, которые приходится учитывать при толковании миропорядка и моделировании действий в условиях подвижной реальности.

Во-первых, это новая композиция международных отношений, то есть различные формы адаптации к изменившимся условиям «традиционной» национальной государственности (*nation state*), перераспределяющей полномочия сразу по трем векторам – глобальному, конфедеративному, субсидиарному.

Во-вторых, одновременно мы наблюдаем изменение логики актуальных мировых связей и соответственно – императив обновления способов анализа сложноподчиненной конфигурации геополитических и геоэкономических зон (*geo-economic areals*).

Наконец, в-третьих, имеет место генезис новой среды и ее обитателей, в том числе корпораций-государств (*corporation-state*) – влиятельных протосуверенов, объединяющих экономические функции с социальными/политическими амбициями и все увереннее чувствующих себя в антиномийной структурности одновременно интегрируемого и диверсифицирующегося социокосмоса.

Ситуацию, кроме того, усложняет реально существующий «четвертый слой» мировой по-

литической конструкции: параллельное синкретичное сосуществование прежних и новых антропосоциоструктур. При этом приходится анализировать не только актуальную феноменологию мировых конструкций, но также динамические связи и взаимодействия, которые возникают или только еще могут возникнуть между разнородными персонажами глобальной драмы.

Таким образом, обновление топографии социальных пространств имеет характер комплексный, «композитный». А делегирование национальной государственностью полномочий (суверенитета) совершается по различным направлениям и реализуется в различных регистрах. Все это – часть грандиозной системной реорганизации глобального сообщества, получившей ярлык «постсовременности» (Постмодерна).

Новый миропорядок

Активный поиск золотой формулы грядущего миропорядка происходил на протяжении всего прошлого столетия, включая привычный, связанный с национальной государственностью регистр социальной/политической практики.

Этот поиск отражен, к примеру, в миропроектности Коминтерна (1919) – вспомним строки из манифеста III Интернационала, где провозглашалось: «Национальное государство, давшее мощный толчок капиталистическому развитию, стало слишком тесным для развития производительных сил. <...> Пролетарская революция <...> освободит производительные силы всех стран из тисков замкнутых национальных государств, объединив народы в теснейшем хозяйственном сотрудничестве на основе общего хозяйственного плана».

Но подобная же динамика была пунктирно прочерчена и в замысле Лиги Наций (1919) – этом своеобразном прообразе грядущих мировых регуляторов, организации, содержавшей также зародыш будущей международной бюрократии. И занимавшейся в числе других проблем вопросами инновационного госстроительства на обезличенных постимперских пространствах (не имея при этом собственной территории, но распоряжаясь – то есть в некотором смысле обладая – территориями, «подмандатными» ей).

Своя версия «нового общественного порядка» просматривалась в идеях и практике итальянского корпоративизма (фашизма), а также в мрачной эскизности Ordnung'a...

Во второй половине XX века поиск «золотого сечения» нового мирового порядка проявился в утверждении биполярной системы мироустройства – «содружества социалистических стран» и «капиталистической системы», в процессах массовой деколонизации и становления «третьего мира», в формировании глобального «свободного рынка».

А также в создании Организации Объединенных Наций, включающей несколько десятков ассоциированных и аффилированных международных организаций, в том числе достаточно влиятельных и вполне автономных. И в тех существенных подвижках, которые внес в прописи международного права такой институт, как Совет Безопасности ООН (1945), – подвижках, связанных с делегированием сообществом суверенных государств определенных властных полномочий этому коллективному органу, включая право при определенных обстоятельствах на применение вооруженной силы против суверенных государств.

Дальнейшая судьба феномена мировых регулирующих органов связана с судьбой коалиции «Большой шестерки/семерки/восьмерки» (1975). И с генезисом такого своеобразного мирового регулирующего организма, как «мировая господствующая держава» (по выражению Колина Пауэлла в бытность его государственным секретарем США) или «новый орган всемирно-политической власти» (Збигнев Бжезинский).

Наряду с формированием мировых регулирующих организмов отмечу распространение феномена стран-систем.

В одной из своих ипостасей это те же Соединенные Штаты, чья административно-политическая граница не совпадает с границами «национальной безопасности» и «зон жизненных интересов».

В еще более явном виде – становление и расширение Европейского союза, особенно ровдившееся в его лоне «государство Шенген».

В иной версии миростроительства – Большой Китай, вбирающий такие сегменты, как Макао, и образующий симбиотическую структуру с автономией Гонконга. А в перспективе, возможно, с другими территориями, имеющими прямое и косвенное к нему отношение.

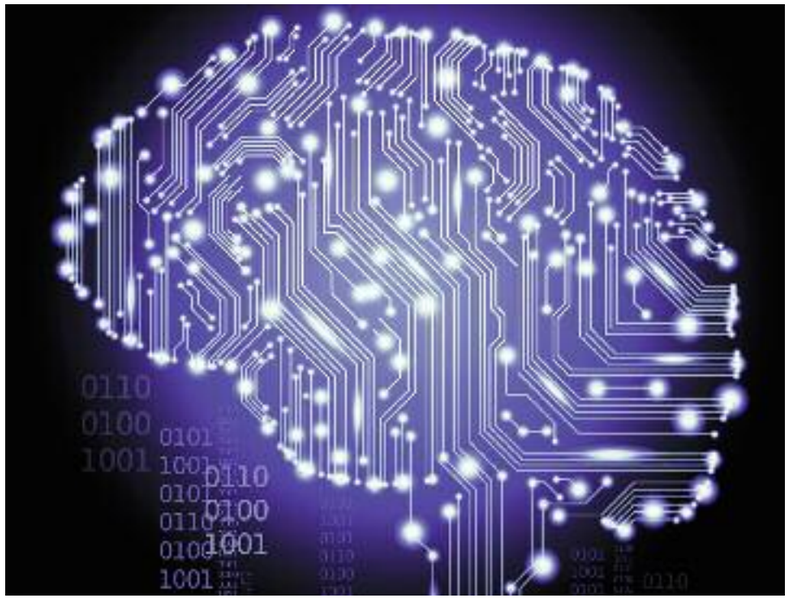
Это также аморфное постсоветское пространство, которое способно на останках структурности СНГ породить в том или ином формате системы государств – как связанные с Россией (например, ЕврАзЭС), так и независимые от нее (ГУАМ либо конфигурации западно-южной балтийско-черноморской общности).

Наконец, очевидна диверсификация суверенитета как на путях легальной дефедерализации (недавний опыт СССР, Чехословакии и Югославии или другие ситуации относительно недавнего прошлого, приведшие к образованию суверенных государств – наподобие генезиса Бангладеш или Эритреи), так и в русле многоликой субсидиарности вкупе с процессами универсальной глокализации.

Субсидиарность, ее двоюродные и троюродные родичи наряду с привычными ситуациями автономизации (Северная Ирландия, Шотландия, Баскония, Каталония, Корсика, Фландрия и т.п.) сегодня включают в себя множащуюся феноменологию «непризнанной государственности» (Северный Кипр, Карабах и др.), венчурные формы ее легитимации (Палестинская автономия, Косово), поиск иных способов адаптации (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия).

Специфическая этническая либо «национально-освободительная» государственность периодически проявляется, к примеру, на Африканском континенте (как лимитрофы искусственно прочерченных границ) либо в виде повстанческих криминальных и полукриминальных латиноамериканских «республик сельвы». Равно как этноконфессиональные (Дарфур), трайбалистские (зона Великих африканских озер), демодернизированные (Сомали, Афганистан) образования. Или обширный, хотя и принадлежащий прошлому, южноафриканский опыт строительства бантустанов.

Стоит упомянуть сумятицу несостоявшихся и обанкротившихся государств. Или многоликих транзитных «золотых земель», мятежных автономий: от квазигосударственности каренов и монов в Юго-Восточной Азии до «зоны племен» на афгано-пакистанской границе, плавно переходящих, в конце концов, в трансграничную и своеобразно социализированную структурность полевых командиров и наркотрафика.



… высокотехнологичный Североатлантический регион (Запад) …

Пожалуй, наиболее интригующим регистром практики является пространство новых акторов на планете: государств-корпораций и корпораций-государств – территориальных, деятельных и антропологических организованностей, активных и дерзновенных протосуверенов, отличных от прежних форм государственности и социальной организации в целом.

В процесс по-новому прочитанной субсидиарности вовлекаются при этом не только регионы, автономии или мегаполисы, но и разного рода амбициозные корпорации, обладающие трансэкономическим целеполаганием.

Это также идущий на смену гегемонии буржуазии новый политический класс – сгустки сознаний и воль, субъекты и агенты драматичных перемен, совершающихся в человеческом космосе. Человек-manterpriser (человек-предприятие) институализирует себя как аутосуверена, следуя формуле: «Нет общества, есть только индивиды». Именно занимающий в мире властные позиции эклектичный слой четвертого сословия очерчивает контур новой глобальной социальной конструкции – пространства обитания трансграничного сообщества, развивающегося по собственным лекалам, знаменующего и ускоряющего самим фактом своей экспансии формирование постсовременного универсума.

Суммируя изложенное, можно констатировать: на планете возникают новые формы влиятельных транс- и парагосударственных образований, утверждаются альтернативные конфигурации международных связей: действуют мировые регулирующие органы, страны-системы, на пороге правовой легитимации поколение социоконструктов, рожденных в частности процессами субсидиарности и глокализации. Другими словами государственность сохраняется, но обретает новую историческую формулу так же, как несколько веков назад исторической новацией явилось само национальное государство.

… связанное с массовым промышленным производством Большое тихоокеанское кольцо (Новый Восток) …

Геоэкономическое мироустройство

Понятие геоэкономики имеет несколько расшифровок, наиболее актуальная из которых – это область практики, представляющая амальгаму экономики и политики.

Геоэкономическая формула мироустройства, сохраняя определенную преемственность с прежней практикой миростроительства (догоняющей модернизацией), реализуется, однако же, в заметно ином историческом формате, отчасти напоминающем прописи сословного (слоистого) мира. Генетически произрастая из кодов фритредерства, сегодня она закрепляет и технологизирует намеченное в прежнем политическом языке разделение мира на большие пространства Востока и Запада, Севера и Юга, «индустриально развитых стран» и «третьего мира» и т.п.

Формирующуюся геоэкономическую конструкцию (геокон) можно описать как специфичное соподчинение шести ареалов, два из которых являются транснациональными, а четыре имеют географическую локализацию. Это:

- транснациональный космос штабной экономики (Новый Север);
- трансгеографическое теневое пространство мирового андеграунда и трофейной экономики (Глубокий Юг), интегрирующее останки несостоявшейся либо обанкротившейся государственности, а также инволюционные формы социально-экономической практики и глобальной маргинализации, подобно ленте Мёбиуса плавно смыкающееся с глобальной теневой стиральной машиной квази-Севера;
- высокотехнологичный Североатлантический регион (Запад);
- связанное с массовым промышленным производством Большое тихоокеанское кольцо (Новый Восток);
- традиционный сырьевой Юг;
- не обретший внятный геоэкономический профиль сухопутный океан Северной Евразии, связанный с перспективами развития либо деградации российской государственности.

Введение элементов глобального управления в современную экономику приводит к синтезу хозяйственных и властных функций, что отразилось в актуализации категории «геоэкономика», понимаемой как слияние политики и экономики, формирование на данной основе системы стратегических взаимодействий. На самом деле, экономика все чаще выполняет управленческие и властные функции, а власть соучаствует в решении экономических задач. Но главное – и то и другое нередко осуществляется за пределами национальных территорий. Постепенно сумма хозяйственной деятельности на планете – в процессе мирового разделения труда – приобретет черты целостной структуры, политэкономического организма, отдельные компоненты (члены) которого имеют специализированный характер. Иначе говоря, современная экономическая практика транснациональна и глобальна, хотя и привязана к определенным географическим ареалам. Отсюда еще один из смыслов в содержании категории «геоэкономика», фиксирующий пространственную локализацию (географическую и трансгеографическую) различных видов экономической деятельности, новую типологию мирового разделения труда в глобальном универсуме.

Дело в том, что модули («этажи») геоэкономической машины, разнесенные в пространстве, находятся в определенных производственных взаимоотношениях. К примеру, производство природного сырья и материальных изделий связано в устойчивую диаду. То же самое можно сказать о «сырье» интеллектуальном и высокотехнологичном производстве. Проанализировав палитру подобных отношений, мы можем построить целостную сложноподчиненную (иерархичную) матрицу, объединяющую в единую композицию весь спектр хозяйственной и финансовой деятельности на планете.

Геокон можно представить как «китайский шар» – конструкцию из пяти уменьшающихся шаров, расположенных один внутри другого. Такая конструкция является неплохой моделью геоэкономической организации мира. На внешней поверхности геокона расположено пространство Нового Севера – охватывающее прочие экономические миры. Оно генетически связано с Североатлантическим регионом, но обладает собственным историческим и трансгеографическим целеполаганием. Экономика космополитичного модуля прямо связана с владением весьма значимым символическим капиталом, с принятием и проекцией властных решений, с финансово-правовым регулированием операций, с информационной, интеллектуальной и цифровой экономикой, с областью высококвалифицированных услуг. Собственно материальное производство оставляется для других геоэкономических персонажей.

Доминанта следующего геоэкономического ареала («первого внутреннего шара») – производство высоких технологий, расположенное в Североатлантическом регионе. И если первый – транснациональный – «этаж» мы обозначили как «Север», тогда второй – географически локализуемый – регион следует, наверное, сохраняя типологическую преемственность, именовать Западом. Североатлантическая мир-экономика выполняет функции своеобразного «высокотехнологичного Версаче», занимаясь производством лекал и образцов, причем далеко не только в области одежды и обуви, но – главное – в сфере высоких технологий, которые, с определенными ограничениями для технологий военных и некоторых других, тиражируются затем в других регионах планеты.

И прежде всего на просторах Большого тихоокеанского кольца. Сегодня тихоокеанский регион в геоэкономическом смысле – это не только Северная и Юго-Восточная Азия, Австралия и Океания, ареал включает такую нетрадиционную ось, как Латинская Америка – Индостан. Это Новый Восток, связанный с массовым промышленным производством, включая наукоемкие и высокотехнологичные товары. Еще один географически мотивированный регион – Юг, расположенный преимущественно в тропической и субтропической зонах. Основа его геоэкономической ориентации – производство природного сырья.

Следующая зона, пожалуй, наиболее сложна для анализа с точки зрения ее хозяйственной ориентации. Это «сухопутный океан» Евразии – точнее, Северной Евразии, – в политическом отношении во многом связанный с историческими судьбами России. Если бы речь шла о построении формальной модели, то структурообразующим началом данного «большого пространства» – своеобразного геоэкономического гипер-Севера – по ряду косвенных признаков могло бы стать производство интеллектуального сырья для широкого круга нововведений (как инженерных, так и социогуманитарных). В таком случае пространственная организация мира точно соответствовала бы умозрительной формуле «мировой производственной мегамашины» – единого комплекса мирового хозяйства. На практике, однако, этого не произошло.

Завершает перечень основных элементов («стихий») геоэкономической конструкции транснациональный андеграунд, «размазанный» по изнанке геокона, объединяющий, словно лента Мёбиуса, спекулятивный квази-Север с откровенно грабительской, трофейной экономикой Глубокого (Глубинного, Крайнего) Юга. Это наследник традиционной криминальной и околокриминальной деятельности, включивший в себя развернувшийся в наши дни потенциал трофейной экономики, оперирующей сотнями миллиардов, если не триллионами, долларов и обретающей качественно новые характеристики, особое положение в рамках глобальной экономики.

Вообще трофейная экономика – это, во-первых, использование ранее накопленного цивилизацией материального потенциала в качестве источника извлечения краткосрочной прибыли, а во-вторых, сужающееся, «хищническое» производство, основанное на проедании ресурсов предыдущего этапа развития.

Предметное поле данного геопространства расширяется, не ограничиваясь привычным списком видов криминальной активности, такой как, например, наркотрафик (хотя последний и составляет наиболее заметную часть параэкономики). Трансграничный Глубокий Юг интегрирует всевозможные проявления подпольной экономики, связанные в свою очередь тем или иным образом с экономикой легальной, и выстраивает на основе этого взаимодействия серые, полусерые и прочие нечестивые зоны практики.

Высокие геоэкономические технологии

На протяжении XX века складывались высокие геоэконо-

… традиционный сырьевой Юг …

мические технологии, когда ведущей отраслью экономики становится не производство того или иного продукта, но самой деятельности – своего рода глобальных услуг. Попробуем рассмотреть некоторые из них.

Прежде всего это новые деньги, которые возникли в 1971–1973 годах, после отмены США золотого стандарта в различных его модификациях, в результате чего исторический процесс «порчи монеты» достиг своего логического результата. Деньги обретают своеобразный «алхимический» характер – их значение определяется в конечном счете символическим капиталом Соединенных Штатов Америки, их возможностями глобального управления, а не теми или иными материальными ресурсами.

Проще говоря, новые деньги – это деньги, которые не обеспечены драгоценными металлами, ликвидностью и т.п. Более того, не обеспечиваются они и достоянием государства. Так что обанкротить США невозможно, и именно потому, что страна является эмитентом этих новых денег. Иными словами доллару грозит лишь девальвация, на которой, как ни странно, Америка не только в финансовом плане не теряет, но даже получает прибыль. Потому что деньги (то есть обязательства) «гниют», являясь объектом перманентной инфляции.

Обычная банковская технология действует следующим образом. Человек или предприятие занимает деньги в банке и уплачивает проценты, но если эмитировать долговые расписки как универсальные деньги, все происходит с точностью до наоборот: вы занимаете нечто у мира, а мир платит за это проценты. Долларовые банкноты или соответствующие электронные платежи (расписки заемщика) предъявляются затем эмитенту (если предъявляются) – скажем, в оплату его товаров – уже обесцененными: процент инфляции из них автоматически вычтен.

То есть привычная банковская схема «кредитор–заемщик» меняется в данном случае на прямо противоположную: кредитор платит заемщику процент, равный проценту обесценивания ссуды. Другая высокая геоэкономическая технология – глобальный долг. Генезис глобального долга относится приблизительно к тому же периоду. В 1973 г. разразился нефтяной кризис как результат «войны Судного дня» между Египтом и Израилем: в то время цены на нефть резко подскочили, доходы нефтедобывающих государств серьезно возросли, и значительные объемы евродолларов (то есть долларовая масса, находящаяся за пределами США) вторглись в мировую финансово-экономическую систему.

Страны-экспортеры нефти, однако, не обладали инфраструктурой, способной абсорбировать избыточные финансы, поэтому не могли эффективно и производительно использовать богатство. Оставался единственный путь – поместить средства в банки, что эти страны и делают: переводят деньги в надежные западные банки. Те постепенно переполняются, кредит дешевеет, становится избыточным, деньги начинают «подгнивать», а когда деньги залеживаются, банковским учреждениям грозит банкротство. Инфляция в подобных условиях растет, кредиты предоставляются все менее надежным заемщикам и на менее выгодных для банков условиях. В конце концов, займы начинают даваться под проценты едва ли не ниже уровня инфляции.

На данной стадии «кризиса финансового изобилия» ситуация была частично смягчена пришедшимся примерно на те же годы процессом деколонизации, который расширил пространство кредитных операций. В то время возникало множество государств, охотно бравших деньги и не менее охотно и быстро их тративших: строили стадионы, дворцы, затевали престижные проекты, переводили средства из банка в банк, разворовывали... А когда наступал срок уплаты долгов, финансовые учреждения предоставляли новый кредит, на сей раз на погашение предыдущих.

К началу восьмидесятых годов ситуация, однако, драматичным образом изменилась. В условиях нового повышения цен на нефть очередной виток инфляции потребовал принятия достаточно жестких мер, в том числе увеличения процентных ставок. Страны же заемщики прочно увязли в трясине долгов и многочисленных, нередко весьма дорогостоящих проектов. К тому же в индустриально развитых государствах к тому времени были задействованы финансово-экономические механизмы, позволявшие перераспределять природную ренту в свою пользу. Наконец, на роль крупнейшего заемщика стали претендовать Соединенные Штаты, столкнувшиеся в силу ряда обстоятельств с устойчивым ростом государственных расходов и бюджетного дефицита.

Оскудение кредитных рынков создало проблему выплат по ранее взятым обязательствам, ряд развивающихся стран начал ощущать последствия «дурной бесконечности» потерянного десятилетия. Одновременно ужесточилась политика банковского сообщества, оказавшегося перед угрозой глобального дефолта. И действительно, первой его ласточкой стал долговой кризис в начале восьмидесятых.

Спасением явился переход банковских учреждений к коллективным действиям. (Неслучайно рождение в тот период влиятельных организаций кредиторов – Парижского и Лондонского клубов.) Во главе комплексной стратегии выхода из тупика оказались международные экономические организации – Международный валютный фонд и Всемирный банк реконструкции и развития, созданные в рамках бреттон-вудской системы для других целей, но обретшие в конце семидесятых второе дыхание благодаря тому, что верно оценили открывшиеся перспективы.

Глобальный долг – это не просто долг, но динамичная система контроля над траекториями ресурсных потоков и конфигурацией мирового дохода. Основой стратегии стала реструктуризация задолженности стран-заемщиков, санация их финансового положения, сокращение бюджетного дефицита, но также – структурная перестройка национальных экономик, сопряженная с широкой приватизацией, либерализацией цен и внешней торговли, ведущая к росту экспорта, а соответственно и валютной выручки, необходимой для расчетов с кредиторами. В итоге мировая финансовая система устояла, но мировая экономика приобрела качественно иной облик.

При анализе технологий адаптации периферийных экономик к глобальному рынку – программ структурной перестройки и финансовой стабилизации – обращают на себя внимание следующие обстоятельства.

Во-первых, в отличие от прежних рецептов встраивания развивающихся стран в мировую экономику (в русле «геокультуры развития») алгоритмы данной технологии нацелены на создание жизнеспособной неравновесной, но устойчивой модели перераспределения мирового дохода. Модель имеет серьезные социальные следствия, связанные со сжатием внутреннего потребления в странах-должниках (и перераспределением активов в пользу кредитора), ибо радикальное уменьшение бюджетных расходов, конечно же, влияет на положение широких слоев населения.

Во-вторых, стабилизируя состояние финансовой среды, стимулируя ее развитие (формируя платежеспособный спрос на финансовые ресурсы/услуги), пакет реформ призван также решить другую стратегическую задачу – обеспечить долгосрочную встроенность (*adjustment*) Юга в систему североцентричного глобального рынка в качестве ресурсно-сырьевой составляющей, выводя прежнюю ситуацию пресловутых ножниц цен на качественно новый уровень. В соответствии с технологией структурной перестройки в стране-реципиенте происходит оптимизация добычи полезных ископаемых. Затем сырье выбрасывается в возрастающих количествах на рынок, а государство по логике данной технологии получает деньги, с помощью которых может выплатить задолженность. Спасая, таким образом, мировую банковскую систему от краха. Однако системные следствия от применения технологии структурной перестройки на этом не прекращаются. Все большее число стран начинает повышать экспорт сырья – ведь это их основной источник валюты, – поэтому мировые цены на него снижаются. Падает также уровень рисков в обеспечении глобальной экономики природными ресурсами. Сырья добывается больше, однако доход от его продажи может и понизиться, а знаменитые ножницы цен – увеличиться. Что в свою очередь приводит к новому витку в росте предложения.

Органичное в русле рассматриваемых реформ и в логике фритредерства снижение либо полная отмена экспортных пошлин – помимо стабилизации долговой ситуации (или, быть может, правильнее сказать – перевода долгосрочной проблемы на хорошо обустроенную и уходящую в бесконечность колею) – формирует благоприятный торговый

…не обретший внятный геоэкономический профиль сухопутный океан Северной Евразии, связанный с перспективами развития либо деградации российской государственности.

климат для стран-импортеров сырьевых продуктов. Тем самым, по сути, стимулируется сырьевой бум: устойчивый приток на рынок и изобилие дешевых ресурсов в силу естественного в подобных условиях падения цен, а распределение прибыли становится доходным занятием структур, контролирующих международные торговые операции.

При этом у стран-потребителей остаются рычаги для изменения в свою пользу схемы распределения горной ренты: за счет введения высоких импортных тарифов (под предлогом антидемпинговых процедур) либо в форме высокого налогообложения продуктов первичной обработки дешевого сырья (как бы выравнивая конечную цену продукта по высокой внутренней планке). Но также и в форме потребления фактически бесплатных экологических ресурсов ввиду отсутствия глобального рыночного механизма в данной сфере.

Рассмотрим технологию финансовой стабилизации. По сути, это бюджетная операция, при помощи которой внутреннее потребление, то есть расходные статьи бюджета, в особенности социальные (у которых к тому же заметно меньше лоббистов), начинают оптимизироваться, то есть сокращаться. А образующийся профицит направляется на выплату внешней задолженности. Данная расходная статья подчас становится ведущей в национальном бюджете.

Таким образом, мировая банковская система не только вышла из кризиса, но сформировала систему перманентного долга, фактически охватившую весь мир.

В самой аксиоматике данной концепции реформ было, однако, заложено фундаментальное противоречие между стимулированием развития рыночной среды, национального частного сектора и внерыночным характером действий международных организаций, фактором их целенаправленного влияния на процесс принятия решений в странах-реципиентах. В результате, несмотря на декларируемые цели, фактический контроль за социально-экономической деятельностью зачастую переходил не столько к местному частному сектору, сколько к иностранным донорам и международным организациям, формируя контекст своеобразного североцентричного «макроколониализма».

Еще один пример высокой геоэкономической технологии – управление рисками. Тут следует подчеркнуть, что управление рисками несводимо к их страхованию, хотя и последнее потенциально является масштабным видом деятельности. Так, еще в 1997 году, на волне восточноазиатского кризиса, заговорили о страховании национальных и региональных рисков и создании международного института для данного вида деятельности.

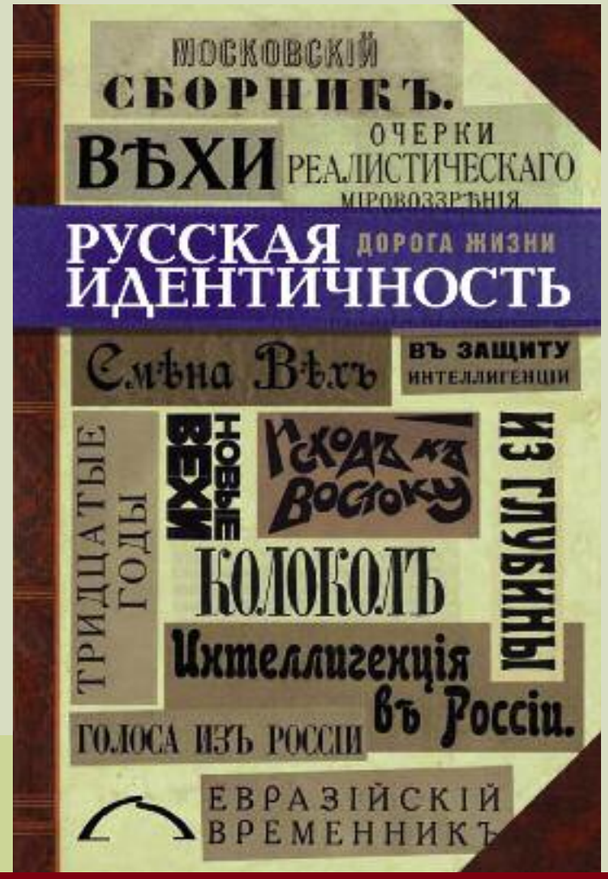
Управление же кризисными ситуациями может быть ориентировано не только на снижение, но порою и на повышение уровня кризиса.

Рассуждая о высоких геоэкономических технологиях, следует упомянуть также перспективы выстраивания глобальной налоговой системы (ее прообраз, кстати, проскользнул в свое время в схеме Киотского протокола). Наконец, отдельная тема – деструктивная параэкономика (и связанные с нею технологии), в рамках которой пространства деятельности и доход образуются за счет деконструкции, подчас высокоиндустриальной, результатов человеческой деятельности.

Группа «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия» представляет книгу

«Русская идентичность. Дорога жизни»

В сборнике, выход которого приурочен к Году российской истории, собраны статьи современных мыслителей Русского мира, проживающих в Российской Федерации и за рубежом. Статьи объединены общей темой – русская идентичность, ее смыслы, исторические и культурные основания. Особое внимание уделено значению русской идентичности для будущего России, возможному вкладу в развитие цивилизации. Затрагивается вопрос, каким образом фактор национальной идентичности должен учитываться при прогнозировании динамики российского общества в XXI веке.



Книга находится в открытом доступе на сайте Группы «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия»

www.intelros.ru

Сборник продолжает сценарно-футурологический проект Группы «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия» и СИНЛА-АЦМИ, в рамках которого вышли книга Александра Неклессы «Люди воздуха, или Кто строит мир» (2005), «Эсхатологический сборник» (2006) и сборник «De futuro, или История будущего» (2008).

Русская идентичность. Дорога жизни / Под редакцией Дмитрия Андреева и Александра Неклессы. – М.: ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия, 2012. – 288 с.

Содержание:

Исследовательский доклад Группы «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия». Проект «Россия»

Александр Неклесса. Северная Ромея. Рассуждение о русской идентичности

Карен Свасьян. О трех превращениях философии в России. Опыт биографического осмысления

Владимир Малявин. Россия в евразийском пространстве

Дмитрий Замятин. Стрела и шар: к новой метагеографии России

Александр Филиппов. Россия: возрождение политического

Дмитрий Андреев. Экспертная мысль РФ: есть ли выход из кризиса?

Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор альманаха и портала
«Развитие и экономика»

Как **формируются** цели и ценности

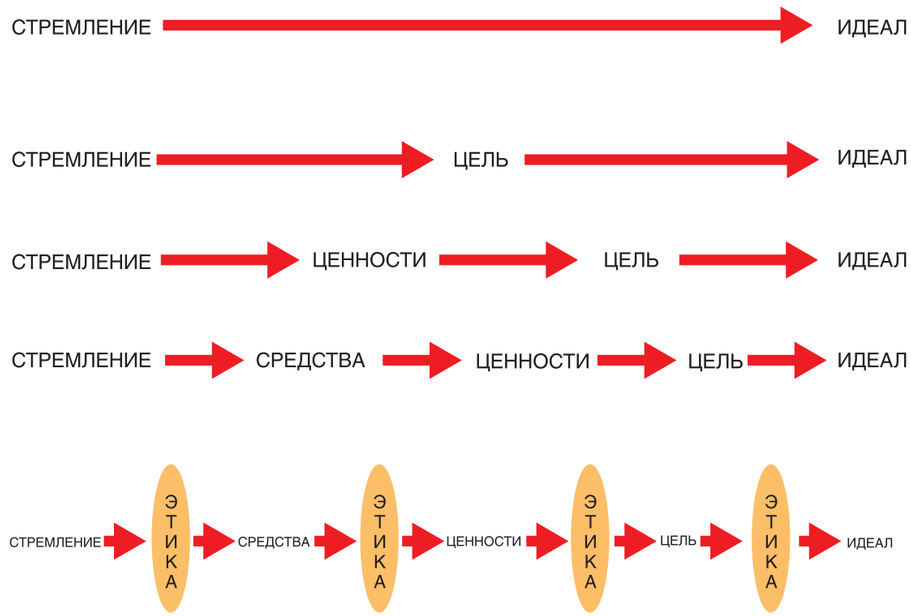
Заметка подготовлена на основе доклада, сделанного автором на Международной конференции «Афон – уникальное духовное и культурное достояние человечества» (Сербия, Белград 23–26 июня 2013 г.), секция «Христианская аскеза и экология»

Одной из важнейших категорий, используемых при анализе общественных процессов, является категория ценностей. Опуская в этой краткой заметке описание долгого и незавершенного пути, пройденного этим понятием от Платона и Гегеля до Сартра, Хайдеггера и других современных мыслителей, предложим свое ви́дение механизма формирования ценностей и целей в процессе деятельности людей.

Человек осознанно или подсознательно действует по алгоритму, который можно представить в виде схемы (см. стр. 125).

Таким образом, утверждается, что первичным является одновременное возникновение идеала и стремления к нему. Идеал (образ), к которому не возникает стремления, не является идеалом. Идеал на первой – часто инстинктивной – стадии этически нейтрален: он не «плох» и не «хорош» и вообще может формироваться в виде эмоционально-чувственного образа с неопределенной семантикой. Смысловое оформление идеала – интеллектуальное, вербальное, семантическое и прочее – возникает на стадии осознания и формулирования цели. Лишь на третьей стадии формируются ценности – как качества ресурсов, условий и правил достижения цели, ведущей к идеалу. Алгоритм завершается «инвентаризацией» имеющихся и желательных средств достижения цели.

Все элементы и стадии этого алгоритма важны, но следует обратить внимание на то, что и формирование идеала, и определение цели, и выбор средств осуществляются под влиянием не только потребностей, но и



этических норм, «фильтрующих» каждую стадию алгоритма. При этом этические нормы могут присутствовать в сознании (в том числе и в общественном сознании) как «продукты» прежних алгоритмов и в связи с этим восприниматься как «объективно существующие», но могут формироваться и заново в рамках вновь возникшего идеала и соответствующего алгоритма.

Личная жизнь каждого начиная с самого раннего возраста тоже подчинена этому алгоритму – касается ли это выбора профессии, спутника жизни, политических симпатий и соответствующих поступков. Здесь важно подчеркнуть определяющую роль «идеалов» – в какой бы форме они ни существовали в сознании или подсознании. С точки зрения течения общественной жизни, в этой роли выступают образы желаемого будущего, «надлежащего» общественного устройства. Наличие идеального образа – скажем, справедливого общества – не гарантирует успеха в его построении. Его отсутствие, однако, лишает общество даже надежды на субъектность, на стратегическое планирование, отвечающее стремлениям большинства.

В политической практике довольно часто подлинный идеал скрывается, а действия оправдываются ложными мотивами. Так, подлинным идеалом, например, некоего рядового политика является потребительский комфорт и власть над людьми. Формируется соответствующая внутренняя цель: быстрое стяжание личного богатства путем присвоения чужого имущества кого-либо – другого лица, общественной группы, соседнего государства и т.п. При этом «нравственный фильтр» этого гипотетического политика либо его остановит, запретит брать чужое, либо окажется более прозрачным и оправдает присвоение имущества на том, скажем, основании, что в качестве объекта ограбления выбран «классово» или «религиозно» чуждый. Так сформируется один из элементов системы ценностей политика. Стремление к цели возведет в ранг высших ценностей и одновременно средств также и личную власть в стране, поскольку такое положение позволит реализовать задуманное. Власть можно обрести разными путями, в том числе, например, «демократическим». Поскольку для этого нужна массовая поддержка населения, то на поверхность, для публичного употребления выдвигаются ложные мотивы: борьба с «чуждыми» ради всеобщего блага или какие-то иные подходящие лозунги. А в качестве общественного идеала народу будет предложено, например, «вхождение в цивилизованный мир», «избавление от... зеленых человечков» и т.п. Народ, окормляемый пропагандой, наполнит этот образ собственными ожиданиями – в том числе и позитивными – и проголосует за политика.

Роль нравственных фильтров исключительно важна. Еще важнее – и опаснее! – их отсутствие. Жизненно необходимо осознанно применять существующие в сознании этические нормы, являющиеся

Роль нравственных фильтров исключительно важна. Еще важнее – и опаснее! – их отсутствие. Жизненно необходимо осознанно применять существующие в сознании этические нормы, являющиеся наследием ранее пережитых алгоритмов или воспринятые из разного рода нравоучений. В этом смысле любой политический, экономический призыв, любая реформа есть прежде всего этический выбор.

наследием ранее пережитых алгоритмов или воспринятые из разного рода нравоучений. В этом смысле любой политический, экономический призыв, любая реформа есть прежде всего этический выбор. И не следует некритично соблазняться призывами.

К сожалению, этические нормы не действуют сами по себе, как закон всемирного тяготения. О них надо думать, помнить, заботиться об их применении. К несчастью, в современном обществе этический выбор глубоко завален огромными наслоениями идеологий, политических, культурных и бытовых предпочтений, возведенных в норму, в образец надлежащего поведения, в социально-политические и экономические парадигмы.

Важно также отметить исключительную роль и силу осознанных целей – как рациональных, так и метафизических. Именно цели определяют и «санкционируют» ценности и соответствующий тип поведения. Если целью является спасение души в христианском смысле, то это приводит нас к признанию христианских ценностей. Если целью является праведная жизнь, то мы стремимся придерживаться соответствующего поведения каждый день. Если целью является стяжание личного богатства и власти, то доминирующими ценностями будут признаны ценности индивидуализма, личные моральные установки отодвинут в сторону все прочие.

Еще одним фактором, влияющим на личное и общественное поведение, является тип мышления. При прочих равных условиях люди выбирают различные линии поведения, исходя не только из идеалов и нравственных критериев, но и из свойственных им склонностей, определяемых как менталитет или «национальный характер».

Люди бывают общительными и замкнутыми, экстравертами и интровертами. В каждом человеке и в обществе в целом сосуществуют эти два психотипа одновременно, но чаще всего один из них является доминантным. Выбирается и соответствующая линия поведения. Жизнь народа на протяжении столетий отбирает то сочетание линий поведения, которое наилучшим образом способствует выживанию и процветанию народа, сохранению его этических, духовных ценностей, осознаваемому народом историческому предназначению. В каждом обществе сосуществуют две тенденции – самоутверждение и интеграция. Они не являются абсолютно непримиримыми, смертельно борющимися. В гармоничном обществе их борьба является диалектическим источником развития, но при условии наличия третьего – этического – фактора: христианское понимание мировой гармонии в ее высшей форме, в форме «неслиянного единства», символизируется в образе Святой Троицы. Человек же, ведомый своими побуждениями, разрушает эту гармонию, следуя, например, самоутверждению в непозволительно более высокой степени, нежели интеграции, «приспособив» под эти действия и собственную гибкую мораль. Поучительно сравнить самоутверждение и интеграцию как два типа мышления и два типа ценностей, воспользовавшись таблицей из книги Фритьофа Капры «Паутина жизни» (см. внизу страницы). Современное западное общество – а Россия тоже является западным обществом – переоценивает роль самоутверждения и индивидуализма. Именно экспансия, конкуренция, рост богатства и доминирование являются его и ценностями и целями. Отсюда – губительный консюмеризм и разрушающая мироустройство деятельность по стяжанию богатства, власти, порабощению одних другими, следованию ложным целям и ценностям. Зная алгоритм формирования целей и ценностей, их неразрывную взаимосвязь с идеалами, этикой и типом мышления, можно корректировать целеполагание, вовремя усматривать угрозу ранее сложившимся ценностям, выявлять подлинные идеалы, замаскированные ложными, научиться распознавать политический обман и смертельные ловушки экономических парадигм.

Мауриц Эшер. Натюрморт и улица. 1937 год

Современное западное общество – а Россия тоже является западным обществом – переоценивает роль самоутверждения и индивидуализма. Именно экспансия, конкуренция, рост богатства и доминирование являются его и ценностями и целями. Отсюда – губительный консюмеризм и разрушающая мироустройство деятельность по стяжанию богатства, власти, порабощению одних другими, следованию ложным целям и ценностям.

Мышление		Ценности	
Самоутверждающее	Интегративное	Самоутверждающие	Интегративные
рациональное	интуитивное	экспансия	консервация
анализ	синтез	соперничество	сотрудничество
редукционистское	целостное	количество	качество
линейное	нелинейное	господство	партнерство

Н.П. Шмелёв:

«Я не верю в развал ни Евросоюза, ни еврозоны»

Интервью академика РАН, директора Института Европы РАН **Николая Петровича Шмелёва** первому заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Дмитрию Андрееву

– Николай Петрович, мы с Вами беседуем в преддверии саммита «Большой двадцатки» в Петербурге. Сейчас об этом форуме, как и о самой организации, много говорится. Общим местом экспертных оценок стало утверждение, что «двадцатка» – это как раз столько членов клуба, сколько требуется современному миру, потому что «восьмерки» уже явно недостаточно, чтобы «разруливать» глобальные проблемы. Не хочу сейчас вдаваться в подобные «нумерологические» рассуждения и доискиваться заветного числа стран-вершителей судеб мира, которое было бы в самый раз адекватным текущему моменту. Но вместе с тем хочу поинтересоваться у Вас – как у своего рода «ответственного» в силу Вашей директорской должности за «Старую Европу», – каково вообще место этой самой «Старой Европы» в «двадцатке»? Нужна ли «двадцатка» «Старой Европе» и наоборот – нужна ли «Старая Европа» «двадцатке»?

– Я считаю, что чем больше в мире мест, где умные люди друг с другом разговаривают и о чем-то договариваются, тем лучше. Не где они дерутся, скандалят, грозят друг другу войной, а пытаются совместными усилиями если не решить, то хотя бы обсудить проблемы. «Двадцатка» для меня – это, пожалуй, то место, где не очень охотно, но все же постепенно ведущие экономические державы мира согласились разговаривать с некоторыми из остальных – наиболее заметными – и пытаться нащупывать какие-то подходы, которые имеют отношение если не ко всем, то, во всяком случае, ко многим. На мой взгляд, есть несколько центральных проблем мировой экономики, которые сейчас затрагивают всех. Я подчеркиваю, что это – сугубо субъективный взгляд на вещи. Мне кажется, что к традиционным опасностям, которые нависают над миром, – экологии, голоду, демографическим проблемам, конфликтам, столкновениям и прочему – прибавилась еще одна. Эту опасность можно сформулировать в виде вопроса: может ли мировая экономика безболезненно и нормально развиваться и дальше, если 90 процентов ее – это воздух? Это действительно воздух – оборот фантиков, бумажек, так называемых деривативов и всего прочего. А реальная жизнь, реальная экономика – это 10 процентов мирового оборота. Финансовая система, которая сложилась, конечно, требует каких-то серьезных изменений. Но как она будет меняться – я боюсь что бы то ни было предсказывать. Очевидно, что потребность в каком-то коллективном регулировании будет только нарастать. И банковская, и валютная, и кредитная системы станут постепенно трансформироваться. Ведь если этот общемировой спекулятивный пузырь не удастся ликвидировать, то его необходимо хотя бы как-то ограничить, чтобы 2008 год больше не повторился. Ведь кризис пошел именно оттуда. Ну, хорошо – пока он затронул только высокоразвитые страны. А страны, скажем так, поставщики сырья оказались не так сильно задетыми. Но и их постепенно все больше и больше охватывает та же мировая система отношений, где финансовая сторона играет самую главную роль. И члены «двадцатки» на этом фоне превращаются в серьезную силу. Ну, кто из нас мог бы 20 лет назад сказать, во что превратится Китай. А через 10 лет – я почти уверен – это будет первая экономика мира. Как мы привыкли смотреть на Индию? Дескать, нищие и помирают с голоду. Ничего подобного. С голоду продолжают помирать, но в то же время там сформировалась целая среда, которая постепенно завоевывает себе все больше и больше места, причем в тех сферах, где нужны мозги. Мозги-то, оказывается, замечательные. И Бразилия – это латиноамериканское чудо – несется вперед – не остановишь. Ну и, к сожалению, более близкая нам российская экономика ничем впечатляющим пока похвастаться не может. Она даже, честно говоря, не в состоянии остановить свое падение вниз. Европа, конечно, в мировой организации экономической жизни остается одним из главных центров силы. Строительство нового экономического мироздания не может обойти стороной Европу. Взять хотя бы все эти мечты о зоне свободной торговли от Сан-Франциско до Владивостока. К сожалению, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Евросоюзом истекло, а потом Польша помешала его возобновить. А сейчас на данную проблему накладываются все эти препирательства начиная с «Третьего энергетического пакета» и кончая судьбой педерастов России. Но тем не менее я и раньше говорил, и продолжаю говорить сейчас, что как перспектива не года и не десятилетия, а поколений, по крайней мере в Европе, свободная экономическая зона может сложиться. То есть свободное движение товаров, капиталов, рабочей силы, информации, науки. Это достаточно реалистично как цель. Тем более что одна зона уже сложилась, оформилась на Евразийском континенте как явление мировой экономики – я имею в виду Евросоюз. Другая вырисовывается на постсоветском пространстве – на обломках Советского Союза. Я уверен, что постсоветские страны разошлись навсегда. Но наиболее экономически близкие – пока – друг к другу Белоруссия, Казахстан, Россия, а в перспективе, может быть, и другие способны составить нечто цельное в экономическом отношении. Это процесс естественный, его не политики запустили – он изнутри пошел. Вот так и Европа объединялась – стимулами, которые идут откуда-то из глубины. Так что уже какие-то движения в направлении складывания единого экономического пространства от Сан-Франциско до Владивостока намечаются. А как оно дальше пойдет – это уже предсказа-

ния, а значит, вообще дело неверное и больше удел веры, чем точных подсчетов. Вполне возможна, кстати, и какая-то корректировка ориентации России: скажем, восточный вектор начнет играть для нас все большую и большую роль. К тому же мы до сих пор не уверены, сохраним ли мы ту Россию, которую привыкли видеть веками. При нынешнем состоянии Сибирь и Дальний Восток если не политически, то уж точно экономически все больше переориентируются с запада на восток. Но и это все гадания, один из возможных вариантов. Очень многое зависит от того, насколько представляют себе такую перспективу наш политический класс, наши руководители. Поиски какого-то баланса будут здесь идти долго. Я очень надеюсь, что Большая Европа, которая бы охватывала пространство от Лиссабона до Владивостока, – это не выдумка, не фантазия, а закономерный результат постепенного и естественного процесса. Но как все в конечном итоге сложится – никто точно не скажет, в том числе и я.

– Приведу еще одно экспертное мнение. «Двадцатку» сейчас принято воспринимать как зримое свидетельство того, что американская монополярность завершилась. Пиком такой монополярности стали 90-е годы – после распада Советского Союза. Тогда Соединенные Штаты – при всех противоречиях, которые у них были со «Старой Европой», – как бы патронировали сначала «семерку», потом «восьмерку». А вот «двадцатка» – это уже совсем иная картина, это уже ощутимое, явное ослабление Штатов. Вы согласны с подобной интерпретацией изменения глобальной роли Америки?

– Ну, Вы не торопитесь уж очень-то беспокоиться по поводу ослабления Штатов. Подобные рассуждения во многом либо желаемое, выдаваемое за действительное, либо вообще пропагандистские сопли. Вроде того, что доллар как общемировая валюта закачался и вообще скоро рухнет, а мы вместо доллара рубль или юань сделаем мировой валютой. Да ни одна страна в мире, даже какая-нибудь Вануату, не заинтересована в том, чтобы доллар рухнул. Точно так же и раньше было натяжкой говорить, что, мол, Америка все определяет. Сейчас Америка занимает свое ведущее место – но это лишь одна из красок, которая мало что описывает. «Двадцатка», еще раз подчеркну, как переговорный клуб, видимо, жизнеспособна. Но вместе с тем традиционные экономические центры продолжали, продолжают и будут продолжать оказывать свое влияние на реальное экономическое состояние мира. И Америка никогда в какой-нибудь провинциальный городок не превратится. Да и Европа тоже – если, конечно, ее новое «великое переселение народов» изнутри не взорвет со временем. Да и нас добить, если чуть поумнее станем, неоткуда будет. Ну, а там, глядишь, еще арабы сложатся в свой исламский центр – политико-экономико-идеологический. Про Китай и Индию мы уже говорили. И Африканский континент имеет в этом смысле определенные перспективы. В Южной Африке симбиоз африкандеров, буров и африканских племен оказался все-таки, несмотря ни на что, жизнеспособным. Отказались было от атомной бомбы, а то еще возьмут – и сделают, тем более что у них есть из чего делать. В Латинской Америке Бразилия вполне тянет на регионального лидера, и я допускаю, что это будет один из самых весомых голосов в «двадцатке». А то «восьмерки» теперь явно недостаточно – как и в Совете Безопасности ООН пяти стран мало. Но вот «двадцатка» – это уже много.

– Все-таки много?

– Много! Такая разноголосица, понимаете, очень трудно. Все со своими разными интересами, которые можно объединять только для решения каких-то суперглобальных проблем – вроде той, с которой мы начали. Я имею в виду регулирование мировых финансовых потоков, чтобы такой катастрофы, как в 2008 году, не повторилось. Нефтяные цены, газовые поставки поддаются регулированию, компромиссам, соглашениям. Пока все эти сланцевые газы всерьез войдут в экономическую жизнь, пройдет достаточно много времени. Я не верю, что традиционных поставщиков сумеют как-то сильно ограничить, свести их роль к второстепенной, вспомогательной. Кувейт и Катар были, есть и будут. И Россия была, есть и будет – если не вычерпает все, а это запросто может быть. Другое дело – я поневоле сворачиваю на наши проблемы, – когда же мы откажемся от того, чтобы гнать по трубе газ, как и от того, чтобы валить дерево ради экспорта его финнам, которые из него мебель или картон делают. Ведь мы используем только треть сваленного дерева. А японцы на 102 процента его используют – в экспортную стоимость не входит кора, на которую условно отводится 2 процента общей массы, а в Японии и ее перерабатывают и получают доход. Нам надо экспортировать уже готовую продукцию с высокой степенью обработки – вот наша стратегическая задача на будущее. Пока, увы, сырье в чистом виде гоним и собираемся гнать. На несколько десятилетий хватит – а дальше не загадываем... Так что «двадцатка», как и всякий дискуссионный клуб, пошумит, подискутирует, может быть, что-нибудь хорошее наметит. Но старые рыночные законы, конкуренцию никто не отменял. И если индийцы сейчас первые в производстве программного обеспечения, то их назад уже не загонишь. Они теперь так и будут программы поставлять всему миру. А Катар так и будет газ продавать, но только сжиженный.

Я очень надеюсь, что Большая Европа, которая бы охватывала пространство от Лиссабона до Владивостока, – это не выдумка, не фантазия, а закономерный результат постепенного и естественного процесса.

– Евросоюз представляется достаточно органичной структурой. Он достиг определенной степени расширения. Есть отдельные вопросы и проблемы, но в целом структура устойчивая. Поначалу мы думали то же самое и о зоне евро – вот, мол, возникла новая валюта, которая тут же стала конкурентом доллару. И тут появились все эти проблемы с Южной Европой. В результате очень многие заговорили, что евро ждет кризис.

– Прежде всего я не стал бы так однозначно, как Вы, утверждать, что Евросоюз – стабильный и устойчивый. Да, он жизнеспособный. Но насчет стабильности и устойчивости – это как посмотреть. Если, например, каждый второй ребенок, рождающийся в Берлине, – турок, то вся эта паника по поводу стабильности неслучайна. А ведь помните, еще совсем недавно в Западной Европе преобладала амбициозная установка: будем расширяться до бесконечности. А теперь там куда более скромные намерения. Я вот считаю, что зря Балканы приняли. А уж Турцию, Украину, а тем более Россию – нет, этого не будет. Кризис обострил самую, может быть, серьезную в настоящий момент проблему Евросоюза, Запада вообще: за чем будущее – за наднациональными структурами, решениями и законодательством или за национальными? Скажем, в вопросах регулирования таких болезненных вопросов, как бюджет, налоги, финансы, социальная сфера – кому давать пенсии, кому не давать пенсии – сейчас это важнее всего. Чем кончится эта борьба наднациональных и национальных тенденций, я не берусь предсказывать. Скорее всего каким-то компромиссом. Но совершенно очевидно, что наднациональные полномочия будут все больше и больше аккумулироваться в Брюсселе. И даже упрямые французы – наследники де Голля – не могут и не хотят этому противостоять. Что же касается кризиса еврозоны, то я не склонен усложнять проблему. Этот кризис можно объяснить попростому: нельзя жить шире штанов. Вот Греция жила не по доходам. И Испания с Португалией не по доходам. И Болгария с Румынией надеялись, что за них немецкий бюргер будет платить из собственного кармана. И наша бывшая Прибалтика тоже надеется на это. И украинцы думают: вот их примут – и как начнут кормить из тамошнего бюджета. Все это иллюзии. Поэтому в последние годы и пришлось спасать некоторые европейские экономики, ставя перед ними жесткое условие: подрежьте, ребята, бюджеты, вы махнули не по вашему уровню производительности труда. Вот отсюда как раз и вытекает очевидная необходимость наднационального регулирования. Да и еврозона – это в каком-то смысле предмет веры. Я, например, не верю, что она развалится. В крайнем случае, сдадут какую-нибудь одну страну – максимум две. Грецию уже не сдадут. И Кипр не сдадут – там слишком много наших денег конфисковали, чтобы его еще и топить. И Португалия с Испанией помучаются, но из зоны евро не выйдут. Все это слишком маленькие экономики, чтобы развалить такого гиганта, как еврозона. Я не верю в развал ни Евросоюза, ни еврозоны. Если, конечно, не случится чего-то чрезвычайного – наподобие Третьей мировой войны.

– Николай Петрович, Вы – один из немногих статусных мыслителей, который открыто говорит о проблеме, о которой у нас люди Вашего положения все-таки предпочитают умалчивать. Я имею в виду тот культурный разворот, который бук-

Я не верю, что традиционных поставщиков сумеют как-то сильно ограничить, свести их роль к второстепенной, вспомогательной. Кувейт и Катар были, есть и будут. И Россия была, есть и будет – если не вычерпает все, а это запросто может быть.

виду, конечно, фашизм. Есть такое мнение, что в XX веке были предприняты два эксперимента – социалистический и фашистский, – которые вовсе не следует считать неудачными. Неудачами завершились лишь их первые апробации, но каждый из них имеет перспективу. Возьмем социалистический эксперимент. Да, мы сломались в 1991 году, но социалистические идеи нашли благодатную почву в той же Латинской Америке – например, в Венесуэле. Фашистская идеология была уничтожена силовым способом. Но кто знает, какое у нее будущее на фоне вымирания коренного населения Европы? Скажу даже жестче: на фоне целенаправленного умерщвления этого коренного населения с помощью тотального навязывания субкультуры сексуальных девиаций. И все это – в обстановке практически неконтролируемого притока мигрантов.

– По первому вопросу. У всех свои глубокие национальные болезни. И цивилизационные болезни тоже существуют. Так вот, в иудеохристианской западной цивилизации сформировалась болезнь, гниль. Я не имею ничего против людей с нетрадиционной ориентацией. Но с точки зрения христианства, Содом и Гоморру Господь проклял. А вы, ребята, мало того что между собой этим занимаетесь – черт с вами, это ваше дело, – но вы же в пакете так называемых европейских ценностей нам это суете. Страна, в которой больше тысячи лет существует православие, никогда этого не примет. Наша страна смеялась над Андре Жидом, когда он в 1937-м обратился к Сталину с просьбой принять его, чтобы обсудить правовое положение педерастов в России. Додумался великий писатель – в 1937-м к нам с такими вещами лезть! И такое отношение к нетрадиционным отношениям у нас сохраняется до сегодняшнего дня. И когда нам пытаются навязывать европейские ценности именно в таком понимании, я могу только пожать плечами и сказать: не туда ломитесь, ну, совершенно не туда. Конечно, у нас непременно найдутся охотники до гей-парадов – люди есть люди. Но то, что нация это из печенок отвергает, по-моему, настолько очевидно, что тут вообще нет предмета для разговора. Теперь перейду ко второму вопросу. Сейчас мы с Вами гаданиями занимаемся – кому что сердце подсказывает. Но по поводу угрозы неконтролируемой миграции, арабского натиска, исламского натиска я бы привел только один-единственный аргумент. Какими были древние греки? Блондинами с голубыми глазами. Какими были древние евреи? Блондинами с голубыми глазами. Какими были древние армяне? До сих пор у озера Севан живут здоровые ребята, блондины с голубыми глазами – чистокровные армяне. Даже таджики – кто такие таджики? Они ссылаются на то, что Александр Македонский по пути в Индию оставлял раненых в Таджикистане – в Согдиане. И от них, этих раненых воинов Александра Македонского, пошла, ну, по меньшей мере, половина таджиков. А кто такие итальянцы? А куда делись все эти лангобарды и прочие? Вроде бы, судя по разным древнеримским скульптурам, пузатеньких, маленьких, черненьких не должно там быть. Так что кто его знает, что там через несколько поколений будет. Не знаю. Скорее всего, конечно, европеец конца этого века будет отличаться от европейца начала этого века. А что до того, что из-за этой извращенной культуры мы можем потихоньку снова полюбить Муссолини и Гитлера... Ну, все-таки я больше верю в здоровые человеческие инстинкты. Ведь история, в конце концов, чему-то учит. Говорят, что история ничему не учит. Да, в какой-то мере так оно и есть – но лишь в какой-то мере. Чему-то да учит. Я вот, например, не верю в новую пугачевщину, хотя кое-какие задатки в нашей нынешней жизни для нее имеются – Вы сами понимаете. Столько крови нахлебалась, стольких фюреров навидалась Европа. Но чтобы что-то подобное снова появилось на яростной волне гомофобии – я в это не верю. Тем более это дело двустороннее. Вы, ребята, учитывайте не только то, что вам нравится, но и то, что нравится или не нравится другим. А то лезете с радужным флагом пузом вперед. Ну, и дождетесь кирпича. А в России-то уж особенно. Здесь вопросы всегда оглоблей привыкли решать.

«Двадцатка», как и всякий дискуссионный клуб, пошумит, подискутирует, может быть, что-нибудь хорошее наметит. Но старые рыночные законы, конкуренцию никто не отменял.

– Спасибо, Николай Петрович, за очень интересные и неформальные ответы. Спасибо за то, что говорили прямо, без пресловутой политкорректности, которая уже успела набить всем нам оскомину, по-настоящему еще даже и не привившись. Уверен, что Ваша прямота и откровенность будут по достоинству оценены нашими читателями, а мы еще будем иметь возможность продолжить с Вами беседу о злободневных проблемах всеми нами любимой – несмотря ни на что – старушки Европы, безмерно нам дорогой – именно как неотъемлемой части нашей русской культуры.

Чэнь Цзявэй – докторантка Института изучения Европы Тамканского университета (Тайвань)

Тайваньская **идентичность**: локальная, национальная, глобальная?

Мировое значение Тайваня далеко не исчерпывается его ролью одной из ведущих экономик мира. Тайвань является также уникальным в своем роде политико-культурным образованием. Это единственная страна в ареале китайской цивилизации и даже всего Дальнего Востока, имеющая полноценную многопартийную демократию с опытом мирной передачи власти. Споры о том, как соотносятся между собой единство и многообразие китайской цивилизации, – это оселок, на котором оттачивается облик будущего глобального Китая и его роль в международных отношениях. Приглядимся внимательнее к одному из самых важных и деликатных аспектов этих дискуссий – вопросу о характере своеобразия Тайваня: единственной провинции Китая, не контролируемой правительством КНР. Статистика показывает, что в последние два десятилетия эта идея оказала очень глубокое влияние на общественное сознание тайваньцев. Достаточно сказать, что за период с 1992 по 2006 гг. доля жителей Тайваня, считающих себя только китайцами, уменьшилась с 26,2 до 6,4 процента, тогда как удельный вес тех, которые считают себя тайваньцами, вырос с 17,3 до 44,1 процента. В то же время количество жителей острова, воспринимающих себя одновременно китайцами и тайваньцами, на протяжении того же периода оставалось примерно на одном и том же уровне – 44-45 процентов. Приведенные показатели интересно сопоставить с данными об отношении тайваньцев к вопросу о независимости. Исследование, проведенное осенью 2003 г., показывает, что на тот момент только 8,8 процента жителей острова выступали за немедленное предоставление Тайваню независимости. 32,5 процента респондентов хотели, чтобы Тайвань получил независимость в будущем. 33,2 процента предпочитали сохранение статус-кво. 23,4 процента считали, что Тайваню следует воссоединиться с Китаем в будущем. Наконец, 2,1 процента были согласны на немедленное воссоединение с КНР.

Как видно из этой статистики, между идентичностью и политической позицией тайваньцев в вопросе об отношениях с Китаем не существует прямой корреляции. Это соответствует и структуре идентичности китайцев на континенте, которые, как правило, считают себя одновременно китайцами и уроженцами своей родной провинции и не видят противоречия между этими двумя самообразами. Более того, социологическая статистика показывает, что значительная часть населения Тайваня стабильно выступает за сохранение статус-кво, а еще почти четверть жителей острова согласны быть гражданами Китая (предположительно на условиях, выдвигаемых Гоминьданом). В приведенных данных наиболее примечательным представляется факт быстрого укрепления тайваньского национального самосознания, которое было буквально выращено, выпестовано, так сказать, с нуля почти исключительно пропагандистскими средствами. Приведенное утверждение в целом соответствует распространенному сегодня в социальных науках тезису о том, что идеологические системы и в особенности культурные идентичности «фабрикуются» или «изобретаются» и что сама нация, если воспользоваться крылатым выражением американского социолога Бенедикта Андерсона, является «воображаемым сообществом». Конечно, этот взгляд еще требует критической проверки. Пока же мы можем констатировать быстрый рост националистических настроений на Тайване.

Между идентичностью и политической позицией тайваньцев в вопросе об отношениях с Китаем не существует прямой корреляции. Это соответствует и структуре идентичности китайцев на континенте, которые, как правило, считают себя одновременно китайцами и уроженцами своей родной провинции и не видят противоречия между этими двумя самообразами.

Вопрос в том, каково их реальное содержание и значение. Отметим прежде всего, что жителям Тайваня приходится решать проблему своего самоопределения в увязке с целым рядом факторов. На первом месте среди них стоит необходимость идентификации в контексте отношений между двумя сторонами Тайваньского пролива, а в более широком смысле – в пространстве этнокультурного единства и многообразия всего Китая и, наконец, современных глобальных процессов.

В ареале так называемого Большого Китая мы имеем дело с тремя основными подходами к проблеме единства и многообразия китайской цивилизации, тремя, так сказать, национальными мифами (употребляем данное понятие в смысле нормативного повествования, утверждающего определенную культурную и политическую традицию). Они тесно связаны с идеологией трех важнейших политических сил в Китае и на Тайване – КПК, Гоминьдана и Демократической прогрессивной партии (ДПП) Тайваня, отстаивающей идею существования отдельной тайваньской нации.

Наиболее известный и влиятельный на международной арене национальный миф представлен позицией правительства КНР: Китай – единое великое государство и единая дружная «семья народов». В этом государстве имеются локальные различия, включая даже различия в системе управления, но судить о нем следует по его «совокупной силе». Китайцы – это все жители Китая, и они являются наследниками великой древней цивилизации. Могилы культурных героев и мудрецов этой цивилизации в настоящее время привлекают массы туристов, в том числе из среды китайских эмигрантов, которые в этом цивилизационном смысле тоже являются частью Китая. Большую роль в пропаганде КПК играет и ее революционное прошлое.

В то же время китайские власти избегают крайних проявлений национализма. Они

Что касается притязаний жителей Тайваня на исключительную историко-культурную самобытность, то в глазах руководителей КНР речь идет о локальном своеобразии культуры, которое характерно для каждой провинции или даже отдельных местностей Китая. Для подавляющего большинства тайваньцев подобное мнение неприемлемо и даже граничит с унижением.

ставят акцент на самобытности и достоинствах китайского уклада жизни, твердо защищают свой национальный суверенитет и не скрывают, что намерены добиться большего веса и влияния для своей страны на международной арене – вплоть до роли мирового лидера. Объективно это означает, что власть КПК зиждется на утверждении не субстанционального единства нации, а именно различий: с одной стороны, отличия Китая от прочих цивилизаций и мировых держав, с другой – разделение управляющих и управляемых внутри государства, что фактически исключает существование сколько-нибудь полноценной демократии. Власть не несет ответственности перед обществом, и механизм ее действия непрозрачен для публики. Но различение, доведенное до предела, превосходит логику тождества и различия: оно утверждает подобие несходного и сходство разного. Власть в политической культуре Китая и есть не что иное, как исключительное, неоспоримое право использовать этот предел всех различий, утверждать универсальность исключительного. Власть как различение никого не касается, но остается общей для всех.

Что касается притязаний жителей Тайваня на исключительную историко-культурную самобытность, то в глазах руководителей КНР речь идет о локальном своеобразии культуры, которое характерно для каждой провинции или даже отдельных местностей Китая. Именно такое мнение выразил глава КНР Ху Цзиньтао в беседе с председателем Гоминьдана Лянь Чжанем во время визита последнего в КНР в апреле 2005 г. Для подавляющего большинства тайваньцев подобное мнение неприемлемо и даже граничит с унижением. Вопрос о допустимой степени «самобытности» в рамках КНР и тем более Большого Китая остается крайне щекотливым и политизированным.

Национальный миф Гоминьдана в его исторической плоскости почти совпадает с позицией КПК. Руководство Гоминьдана не делает различия между этническими китайцами и аборигенами полинезийской расы, рассматривая тех и других как части единой гражданской нации. Конечно, неизбежная «тайванизация» Гоминьдана внесла в эту позицию существенные коррективы. Так, принимая идею единства Китая как цивилизационного ареала, идеологи современного Гоминьдана полагают, что политическое оформление этого единства должно быть определено особо и, во всяком случае, соответствовать международным нормам демократического правления. Тайваню в рамках этого взгляда отводится роль альтернативного «свободного Китая». Образцом такого подхода можно считать концепцию, выдвинутую президентом Китайской Республики (Тайвань) в 90-х годах XX в. Ли Дэнхуэем, который призвал «превратить Тайвань в новую Срединную равнину» (имеется в виду равнина Хуанхэ, которая была традиционным политическим центром китайской цивилизации). В последующие годы Гоминьдан пошел значительно дальше в признании самобытности и даже исключительности положения Тайваня в дальневосточном регионе. Но руководители Гоминьдана делают акцент на том, что все китайские жители Тайваня являются потомками иммигрантов, а китайская культура – их общее достояние.

Что касается ДПП, то для ее идеологов Тайвань – отдельная страна со своей историей и отдельной нацией, которая имеет право на собственное государство. Руководители ДПП часто повторяют, что история Тайваня насчитывает четыреста лет, то есть она началась с переселения на остров китайцев с материка. Тем самым ДПП недвусмысленно отдает предпочтение самой многочисленной группе этнических китайцев на Тайване – хокло – и умаляет статус аборигенного населения. Кроме того, тайваньцы всегда жили в условиях колониального гнета разных пришельцев-захватчиков. Победа ДПП на президентских выборах 2000 г., несмотря на то, что ее кандидат получил всего лишь на 2 процента больше голосов, чем его соперник, открыла новую эру в истории Тайваня. Теперь тайваньский народ получил возможность «идти своим путем», и это путь к «свободе, миру и демократии».

Национальный миф ДПП основывается на двух оппозициях, которым присущ непримиримый характер. Такова, во-первых, оппозиция «старой» и «новой» эпох тайваньской истории. До 2000 г. история Тайваня была историей бесправного и угнетенного народа, с 2000 г. началась эра свободы и культурного расцвета. Не менее важна оппозиция авторитаризма и демократии, где авторитаризм соотносится с Китаем, а демократия – с Тайванем, причем жители континента искони привержены тирании, а тайваньцы – прирожденные демократы.

Логика политической борьбы заставила идеологов ДПП выстроить дискурс, в котором не только КПК, материковый Китай, авторитаризм и бесправие народа, но также Гоминьдан и Китайская Республика оказывались звеньями одной цепи. Естественно, для сторонников ДПП Китайская Республика, этот осколок материкового Китая, не имеет никакого отношения к Тайваню. Как выразился один националистически настроенный публицист, «Тайвань всегда был Тайванем и ничем иным».

Чтобы «учредить» тайваньский народ хотя бы неофициально, лидерам ДПП понадобились особая стратегия этнокультурной дифференциации и некоторая игра воображения. Они отказались от принятого прежде деления жителей Тайваня на «уроженцев данной провинции» (*бэньшэн жэнь*) и «уроженцев других провинций» (*вайшэн жэнь*). ДПП проводит различие между коренными жителями Тайваня (группы хокло, хакка и аборигенные племена) и «новыми жителями» (*синь чжуминь*). Здесь не обошлось без некоторых неувязок и натяжек. Во-первых, жители острова Мацзу не принадлежат ни к хокло, ни к хакка и потому заслуживали бы статуса самостоятельной группы, если бы не их малочисленность. Во-вторых, в глазах аборигенов (по-китайски – «исконных жителей», *юаньчжуминь*) все китайское население является «новыми жителями» острова, даром что сегодня последние составляют более 98 процентов общего числа тайваньцев. В то же время лидеры ДПП провозгласили, что переселенцы с материка, став островитянами, лишились китайской идентичности, так что бывшие китайцы и аборигены, смешавшись между собой, стали общими предками современных тайваньцев. Таким образом, водораздел между тайваньцами и китайцами (к которым отнесены и «новые жители») стал различием по крови, что, вообще говоря, совершенно нехарактерно для национального мифа Китая, где главным и даже единственным критерием различения этнических групп являются особенности культуры. Предложенное тайваньскими националистами определение тайваньской нации просто лишено смысла в китайской системе этнокультурных координат – отсюда его резкое неприятие даже демократически настроенными силами внутри КНР.

Таким образом, на Тайване примордиалистская концепция нации – в отличие, скажем, от соседней Японии – не может служить сколько-нибудь прочной основой для националистической идеологии. Тайваньские националисты вынуждены обращаться к аргументам из других областей знания – например, современной политологии с ее концепциями демократии, прав человека, мультикультурализма или даже геополитики. В националистических кругах Тайваня большой популярностью пользуется, в частности, противопоставление китайской и тайваньской культур как соответственно «континентальной» и «океаничес-

кой», или «островной». Так, в книге «Созидание тайваньской субъектности», написанной близкими сподвижниками бывшего президента Тайваня Ли Дэнхуэя из партии Союз солидарности Тайваня, говорится: «Положение Тайваня как острова было главной причиной того, что Тайвань до недавнего времени не был захвачен Китаем. <...> Климат и природная среда Тайваня стали матерью, вскормившей тайваньскую культуру. Итак, субъектность Тайваня основывается на географическом пространстве Тайваня как ее необходимой предпосылке». «Любовь к тайваньской земле» – важный лозунг ДПП, а заодно эффективное орудие электоральной политики. Земля Тайваня – едва ли не единственное наглядное и осязаемое свидетельство существования «тайваньского духа». На президентских выборах 2004 г. пропагандисты ДПП постоянно обвиняли кандидатов от Гоминьдана Лянь Чжаня и Сун Чуюя в том, что они «не любят Тайвань» и хотят «продать Тайвань Китаю». В ответ руководителям Гоминьдана в их предвыборных турне приходилось то и дело опускаться на колени и картинно целовать «любимую тайваньскую землю». Независимо от характера аргументов, используемых приверженцами национальной самобытности Тайваня, создание тайваньской нации предполагает прежде всего методичную и всестороннюю декитаизацию жизненного уклада тайваньцев. Это требование выглядит по меньшей мере экстравагантным, если учесть, что 98 процентов тайваньцев говорят и – что еще важнее – пишут по-китайски и воспитаны в лоне китайской культуры. Подобное культурное харакири еще не удавалось ни одному народу. Впрочем, в нем может и не оказаться надобности, если политическая обстановка позволит Тайваню стать «вторым», или «другим» Китаем. Предпосылки для этого в общественном сознании тайваньцев имеются, но политическая конъюнктура мешает реализоваться этой возможности, причем, кажется, даже в отдаленной перспективе.

Еще до прихода ДПП к власти была предложена относительно гибкая, лишенная жесткости примордиалистской теории концепция тайваньской нации как «жизненной общности», сложившейся в ходе исторического развития. Эта интерпретация национального единства тайваньцев фактически соответствует идее «второго Китая». В своей речи на XIV съезде Гоминьдана в 1993 г. Ли Дэнхуэй сказал: «За последние сорок с лишним лет товарищи по партии и соотечественники из разных провинций и разных местностей составили из себя сильную жизненную общность в своем стремлении искоренить коммунизм и осуществить великое дело воссоединения Китая с демократией, свободой и равенством».

Правда, понятию «жизненной общности» при всей его разумности и прямо-таки фактической точности недоставало идеологической четкости. По этой причине компромиссная риторика Ли Дэнхуэя не смогла стать основой политической консолидации тайваньского общества.

Между тем еще в начале 70-х годов XX в. представитель радикального националистического движения на Тайване Пэн Минминь выдвинул идею тайваньской нации как «общности судьбы» (*минъюнь гунтунти*). Подобное представление о нации как сообществе людей, свободно выбирающих свою судьбу, стало доминирующим в общем спектре националистических идей ДПП. При этом риторика «свободы», «демократии» и «равенства», утверждавшая сосуществование двух Китаев или, по крайней мере, разделение Китая на два самостоятельных государства, была в полном объеме перенята лидерами партии, но спроецирована ими на Тайвань как суверенное государство со своей самобытной нацией. Однако такое удобное, хотя и совершенно произвольное, определение нации создавало новую, еще более трудноразрешимую проблему: оно никак не было связано с тем самым историческим «опытом Тайваня», к которому постоянно взывали руководители ДПП.

Положение осложнялось еще и наличием сильной тенденции к глобализации тайваньского общества, что было, по сути, единственным способом решить проблему международного признания Тайваня и к тому же соответствовало природе современной демократии. Это несколько странное на первый взгляд сочетание – утверждение локальной специфики посредством апелляции к глобалистским ценностям – характерно и для других периферийных и особенно автономных районов Китая, например, Гонконга. Неудивительно, что тайваньский национализм предстает в двух основных видах – умеренной форме слабо идеологизированной «любви к родине» и радикальной форме произвольного конструирования нации. Эффективность националистического дискурса первого типа определена его способностью сводить воедино два различных полюса тайваньского самообраза как «жизненной общности». С одной стороны, незапамятное прошлое, с другой – невообразимое будущее. Или с одной стороны, забытые исторические «корни», а с другой – текучая стихия повседневности. Популярным символом национализма этого типа стало название романа тайваньского писателя У Чжолю «Азиатский сирота». Написанный еще в годы Второй мировой войны, в период японского владычества на острове, этот роман был посвящен тогдашнему положению тайваньцев и изначально не преследовал собственно политических целей. Однако в последующие десятилетия его название оказалось меткой характеристикой некоторых существенных черт общественного сознания тайваньцев.

Образ «сироты Азии» имеет много привлекательных черт для жителей острова. Он инстинктивно вызывает сочувствие (недаром благожелательное отношение европейцев к Китаю в XVIII в. вылилось в ходячий сюжет о «китайском сироте»). Он побуждает, и притом в равной мере, к тому, чтобы перенимать достижения других стран и преодолевать чужие, наносные идентичности – китайскую, японскую, даже западную. Он позволяет быть открытым всем культурным веяниям и обогащать свой самообраз новыми чертами. Наконец, он обнажает глубинные матрицы сознания, ведь сирота не имеет семейного воспитания, в нем играет его «генетический материал», раскрываются первозданные свойства человеческой природы.

Тайваньское «сиротство» – образ очень емкий и удобный в публичном дискурсе. Он позволяет связать незапамятность Начала и амнезию технократичесой эры, почвенничество и глобалистскую перспективу, нормативность сознания и бессознательную стихию повседневности, всеобщность и исключительность. Но в таком случае надо признать, что своей силой и привлекательностью националистические настроения обязаны именно кризису идентичности, самому по себе довольно болезненному.

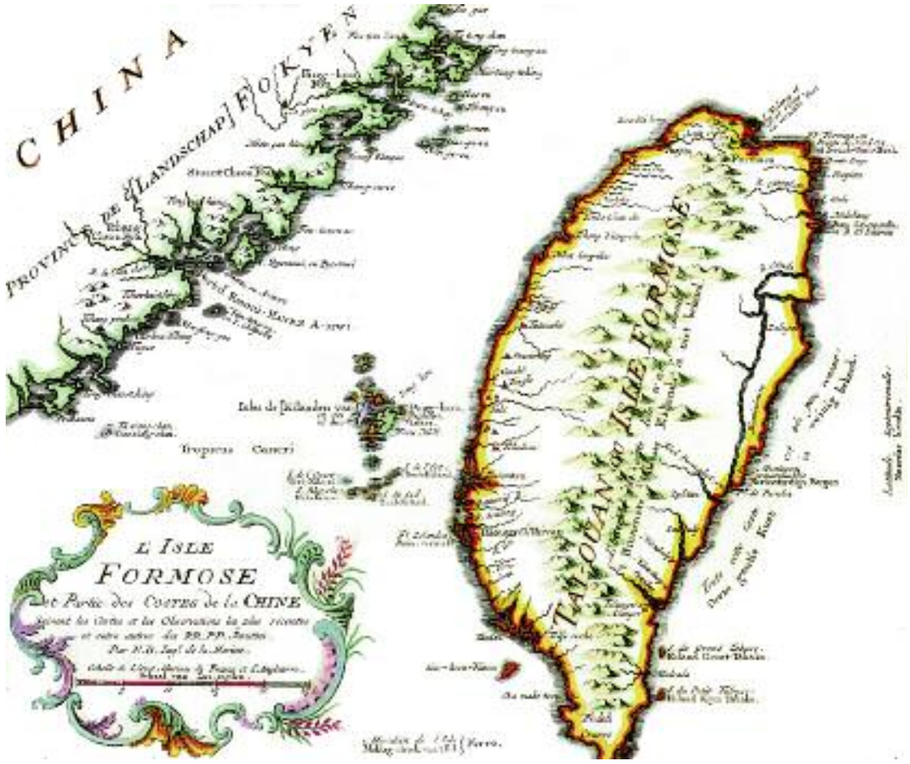
В случае Тайваня волевое «учреждение» нации затрудняется еще целым рядом факторов. Тайвань, как известно, населен иммигрантами, изначально живущими в полиэтническом обществе. Само по себе это обстоятельство не кажется непреодолимым препятствием для создания национального государства. Идеологи ДПП часто ссылаются на опыт США, Канады, Австралии, Новой Зеландии и других государств, созданных переселенцами, как на вдохновляющий пример для Тайваня. Это сравнение не совсем корректно. Сомнительно, чтобы Канада или Австралия смогли так легко получить независимость, если бы туда переехала английская королева со своим двором. А на Тайвань в 1949 г. прибыло около 13 процентов его нынешнего населения, причем переселенцы составили костяк армии и государственной администрации. Противопоставить их тайваньскому «народу» и тем более обществу практически невозможно.

Очень щекотливый вопрос – мотивы учреждения нового государства. Даже один из националистических идеологов Тайваня Ши Чжэнфэн отмечает, что хотя «тайваньская интеллигенция уже сконструировала тайваньский национализм и перешла к его воплощению в жизнь, народные массы как будто топчутся в нерешительности и спрашивают себя, чем национализм может помочь им». Мыслитель сам дает косвенный ответ на поставленный вопрос, отмечая, что государство, которое не может гарантировать своим гражданам безопасность и благосостояние, никому не нужно. Вот здесь мы нащупываем реальную слабость тайваньского национализма. Провозглашение тайваньского государства чревато слишком большими рисками, чтобы его могли с энтузиазмом поддержать тайваньцы – люди в подавляющем большинстве прагматичные, желающие прежде всего спокойствия и процветания. В итоге руководителям ДПП приходится вновь и вновь дезавуировать свою столь выигрышную для политической агитации риторику и заявлять – к всеобщему облегчению, – что Тайвань и так де-факто является независимым государством и провозглашать его независимость нет нужды.

Ши Чжэнфэн невольно касается еще одной глубинной проблемы именно азиатского национализма, когда говорит, что тайваньский национализм является детищем интелли-

Действующий председатель ДПП Су Цзэнчан

Логика политической борьбы заставила идеологов ДПП выстроить дискурс, в котором не только КПК, материковый Китай, авторитаризм и бесправие народа, но также Гоминьдан и Китайская Республика оказывались звеньями одной цепи.



В националистических кругах Тайваня большой популярностью пользуется, в частности, противопоставление китайской и тайваньской культур как соответственно «континентальной» и «океанической», или «островной».

генции и в известной степени чужд «народным массам». Действительно, азиатский национализм везде создается интеллигенцией, получившей западное образование. Он вообще является типичным продуктом модернистской идеологии Запада, подлинным истоком и основанием которой является самотождественный субъект, идея соответствия понятия и действительности, формы и содержания. Между тем учрежденные на этой основе политические общности – от древнегреческого полиса до современного национального государства – не согласуются с традиционными азиатскими формами общественности, которые не признают прерогатив индивида и субъекта. В научной литературе еще слабо изучен и осмыслен тот факт, что между интеллигенцией и «народными массами» в азиатских обществах всегда наличествует некоторый зазор, препятствующий созданию национальных государств в крупнейших странах Восточной Азии. Это касается в первую очередь Китая.

К сказанному следует добавить еще одно немаловажное обстоятельство. Поскольку сущность национального «духа», или идеи остается необъективируемой, недоступной предметному рассмотрению, она, как ни странно, с легкостью проецируется на образы чужого или экзотического мира согласно известному принципу романтизма: «Там хорошо, где нас нет». Даже в Японии, где господствует примордиалистская идея нации, национальное самосознание выражает себя, помимо прочего, в лозунге «Япония – экзотическая страна» и призыве заново открыть для себя Японию. Среди тайваньцев, куда более скромных в своих притязаниях, открытость иностранному проявляется еще более наглядно. Тайваньская молодежь ориентируется на моды и вкусы молодых японцев. К Европе и особенно США тайваньцы относятся с искренним почтением. Виднейшие политики Тайваня окончили престижные университеты Америки. Тайваньские мужчины охотно вступают в брак с женщинами из континентального Китая, Вьетнама или Филиппин.

В целом политика ДПП исходит из отмеченного выше феномена травмы национальной идентичности и одновременно является попыткой преодоления этого феномена. Последней цели как раз и служат радикальные формы тайваньского национализма. Такой подход предполагает отбор идеальных и нормативных ценностей культуры, выдаваемых, конечно, за реалистические описания народного «характера», или «духа». В этом пункте лидеры ДПП фактически вступают на путь, свойственный экстремистским националистическим движениям. Недаром оппоненты ДПП часто обвиняют ее в фашистских тенденциях, стремлении наделить часть жителей острова привилегированным статусом и, следовательно, покончить с демократией в стране. Эта критика, надо сказать, справедлива лишь отчасти. Риторика «истинного тайваньского духа» не находится в оппозиции умеренно-романтическому крылу националистического движения на Тайване и чаще всего имеет целью мобилизацию соответствующего электората в ходе предвыборных кампаний.

Тем не менее идеологи ДПП, как все националисты, считают возможным сознательное конструирование национального самообраза из разнородного культурного материала. В близких ДПП изданиях высказано много положительных определений характера тайваньской нации. Их авторы не устают повторять, что народ Тайваня, несмотря на колониальный гнет, добился огромных успехов в деле экономического и общественного развития благодаря своему трудолюбию, природной сметке, упорству, доброте, стремлению учиться. Эти прекрасные качества тайваньского народа породили тайваньское «экономическое чудо». Экономические достижения со временем были дополнены «политическим чудом» – мирным построением на Тайване полноценной демократии.

Но в чем состоит тайваньская идентичность, согласно идеологам ДПП? Определение дается достаточно расплывчатое: эта идентичность, согласно резолюции ДПП от 2004 г., будет сформирована всеми теми, которые объединятся против внешней угрозы Тайваню, причем Тайвань, говорится далее, есть Китайская Республика. Примечательна эта игра смыслов понятия идентичности в зависимости от того, с каким типом политической риторики мы имеем дело – оппозиционной или властной. Примечательны и различия во властной риторике в редакциях Гоминьдана и ДПП. В одном случае речь идет о реально сложившейся в истории «жизненной общности», в другом – о некоей нормативной примордиальной общности, которая изначально была заложена в тайваньском обществе и еще только примет законченную форму в будущем. Взаимная трансформация различных смыслов идентичности как раз и очерчивает границы политического пространства на Тайване. Надо признать, что предложенная Ли Дэнхуэем формула тайваньской идентичности, отождествляющая тайваньский народ просто с «жизненной общностью», отлично согласуется с современными представлениями о политике. Вспомним известные слова Жана Бодрийяра: «Все оргии освобождения мы уже пережили и теперь ускоряемся в пустоте». Считать тайваньцев только «жизненной общностью» – весьма удачное решение в нынешнем неопределенном положении Тайваня, тем более если учесть, что оно снимает все препятствия для вхождения Тайваня в глобальное сообщество. Но из этого определения, конечно, никак не вытекает право тайваньцев на обладание собственным государством, как того хотелось бы Ли Дэнхуэю. Его взгляд на тайваньскую нацию вообще не предполагает никакого национального или политического самоопределения жителей Тайваня. Таким образом, преимущества гоминьдановской позиции в описании актуального состояния тайваньского общества обуславливают одновременно ее фундаментальную слабость в политическом плане.

Между тем привлекательность идеи тайваньской идентичности как простой «жизненной общности» во многом объясняется тем, что она адекватна состоянию общества потребления в условиях глобализированного капитализма. Такое общество знает только симулякры культурных традиций, круговорот модных знаков-брендов. Отсюда широко распространенное в современном мире представление о том, что культурные традиции можно «изобретать» и даже «фабриковать» по своему произволу. Проекты «воссоздания» тайваньской нации представляют собой, в сущности, попытку вернуть постмодернистским симулякрам статус достоверных образов реальности, которые были свойственны идеологиям Модерна. Задача, очевидно, невыполнимая, но в любом случае соблазнительная.

Мечты о неведомом будущем и непостижимом прошлом – это, помимо прочего, еще и попытка избежать психологического неудобства, которое доставляет ощущение неопределенности политической жизни, лишенной четких ориентиров. Похоже, что выборы более других политических процедур побуждают сегодня тайваньцев к усилию коллективного самопознания. В этом смысле тайваньская демократия тоже есть, по сути дела, симптом и следствие травмы идентичности.

Александр Анатольевич Храмчихин –
заместитель директора Института политического и военного анализа

Война в Сирии: действующие и потенциальные участники, сценарии и прогнозы

Когда в марте 2011 г. в Сирии начались волнения, они вполне вписывались в контекст «арабской весны». Все ожидали традиционной развязки: быстрого краха режима Асада и демократизации, органично переходящей в исламизацию. Асад, однако, проявил исключительные упорство и психологическую устойчивость, сделав дальнейшее развитие событий совершенно непредсказуемым.

Сирийский президент обеспечил себе поддержку национальных (курды) и религиозных (алавитов, к которым принадлежит сам, и христиан) меньшинств, а также немалой части умеренных суннитов, не приемлющих нарастающий религиозный экстремизм повстанцев. Он сохранил и контроль над армией. Количество дезертиров из нее пока не превысило 20 процентов личного состава. Хотя дезертировали и рядовые, и генералы (последних, как правило, просто покупали), но не было случая перехода целых частей на сторону оппозиции, как это случилось в Ливии сразу после начала восстания. Это однозначно свидетельствует о том, что Асад пользуется поддержкой значительной части населения: дело в том, что в Сирии очень большая и при этом призывная армия. Соответственно она является «срезом общества». И если основная ее часть сохраняет верность режиму, значит, режим противостоит отнюдь не всему населению страны. То есть в стране идет «нормальная» гражданская война, в которой невозможно выявить правых и виноватых. И совершенно неясно, по каким критериям сторонники Асада – «плохие», а повстанцы – «хорошие». Чрезвычайно важно подчеркнуть и то, что морально-психологическая устойчивость призывной армии гораздо выше, чем у наемной, причем чем длительнее и тяжелее война, тем больше проявляется это преимущество призывной армии.

Митинг в поддержку Башара Асада в Дамаске

Сирийский президент обеспечил себе поддержку национальных (курды) и религиозных (алавитов, к которым принадлежит сам, и христиан) меньшинств, а также немалой части умеренных суннитов, не приемлющих нарастающий религиозный экстремизм повстанцев.

Повезло Асаду еще и в том, что в его распоряжении оказалась огромная армия, рассчитанная на классическую войну против Израиля. К началу гражданской войны ее состав был следующим.

Сухопутные войска насчитывали 220 тысяч человек (3 корпуса, 12 дивизий, 12 бригад). В их составе имелся значительный ракетный потенциал, включавший ракеты «Точка», «Луна» и многочисленные модификации Р-17, более известной как «Скад». Танковый парк Сирии был одним из крупнейших в мире: почти 5 тысяч танков, из которых современных Т-72 от 1,5 до 1,7 тысячи, устаревших – 1 тысяча Т-62 и 2,2-2,3 тысячи Т-55. Другая бронетехника – около 2,5 тысячи советских БМП и 1,5 тысячи старых советских БТРов. Артиллерия – до 500 САУ, более 2 тысяч буксируемых орудий и, видимо, несколько тысяч минометов, до 500 РСЗО (до 300 «Градов» и до 200 гораздо более примитивных китайских «Type-63»). Самоходных и переносных ПТРК имелось до 2,6 тысячи (в том числе российские «Корнет»). Ударные вертолеты – 36 Ми-25 и 35 французских SA-342 «Газель». Войсковая ПВО включала около 100 ЗРК «Стрела-1», «Стрела-10» и «Оса», более 4 тысячи ПЗРК «Стрела-2» и «Игла», более 1,2 тысячи ЗСУ и зенитных орудий.

В ВВС Сирии имелось около 500 боевых самолетов, но из них четвертого поколения – только 40 МиГ-29, причем первых модификаций. Было также 20 фронтовых бомбардировщиков Су-24 и 60 МиГ-23БН, 50 штурмовиков Су-22, 200 истребителей МиГ-21 (из них 40 разведчиков), 80 истребителей МиГ-23МЛД, 30 перехватчиков и 8 разведчиков МиГ-25. В качестве боевых могут также использоваться учебные самолеты: 20 МиГ-21У, 6 МиГ-23УМ, 70 L-39. Последние на самом деле широко применяются в качестве штурмовиков.

В войсках ПВО Сирии имелось более 40 ПУ ЗРС С-200, более 300 С-75, 150 С-125, 160 систем «Куб», до 50 единиц установок «Панцирь» и не менее 10 «Бук-М1».

ВМС Сирии являются чисто символическими, упоминания заслуживают лишь 10 ракетных катеров проекта (далее – пр.) 205, которые теоретически могут создать хотя бы какие-то проблемы ВМС противника лишь в непосредственной близости от своих берегов.

Огромные размеры ВС позволяют сирийской армии вести

длительную войну, несмотря на серьезные потери. Так, потери в танках достигли уже, как минимум, 500 единиц. Большинство натовских армий сегодня просто столько не имеют (например, у Великобритании чуть больше 300 танков). А вот для Сирии это лишь немногим более 10 процентов парка. Потеряно не менее 20 самолетов (Су-22, МиГ-21, МиГ-23, L-39), но и это – менее 10 процентов состава ВВС. Большинство ВВС стран НАТО в случае подобных потерь уже полностью утратили бы боеспособность.

Впрочем, противоположная сторона тоже может воевать еще очень долго. В первую очередь – за счет внешней поддержки. Конечно, распространенное в России мнение, что против Асада воюют почти исключительно иностранные наемники, – пропагандистский миф. В основном против Асада воюют сирийцы. Но доля иностранцев (включая мусульман – граждан России и стран ЕС) постепенно растет, причем почти 100 процентов иностранцев – радикальные исламисты, то есть идейные бойцы, а никакие не наемники. Поэтому людские ресурсы оппозиции можно считать фактически бесконечными. С оружием тоже нет особых проблем – оно идет из Ливии, где его запасы практически неисчерпаемы и совершенно бесконтрольны, кроме того, на деньги Катара, ОАЭ и Саудовской Аравии оно приобретается в Восточной Европе. Естественно, речь идет об оружии партизанской войны – стрелковом, РПГ, ПТРК, ПЗРК. При этом повстанцев поддерживает немалая часть сирийского населения. Как показывает мировой опыт, в таких условиях воевать можно очень долго. Поэтому многое в этом конфликте зависит от внешних сил, которые все сильнее втягиваются в конфликт.

Наиболее велика и деструктивна роль исламских стран – названных выше «революционной» Ливии и арабских монархий, а также Турции. Совершенно не факт, что они организовали восстание против Асада (для него было достаточно причин в самой Сирии), но эти государства пользуются гражданской войной в Сирии по полной программе, как и вообще плодами «арабской весны». Они целенаправленно финансируют ликвидацию светских арабских режимов и тотальную исламизацию региона. Они же обеспечивают сирийскую оппозицию деньгами, людьми и оружием в любых количествах, что делает бессмысленным какое бы то ни было обсуждение «мирного разрешения» сирийского кризиса. Турки и арабы оплачивают именно силовое решение и при этом демонстрируют крайнее лицемерие, прикрываясь демократической риторикой. Когда в роли «защитников демократии» выступает пещерный ваххабитский режим Саудовской Аравии (в этой стране рабство было официально отменено в 1967 г.) – это даже не смешно.

При этом указанные страны обладают очень серьезным собственным военным потенциалом. Теоретически они могли бы вмешаться в войну на стороне повстанцев.

Турция имеет огромные сухопутные войска – 400 тысяч человек (4 армии, 10 корпусов, 2 дивизии, 51 бригада). Страна недавно приняла на вооружение тактические ракеты B-611, разработанные ею совместно с Китаем. У нее имеется 4,5 тысячи танков, из которых, правда, современных «Леопард-2А4» всего 325. Остальное – устаревшие машины (410 «Леопард-1», 932 M60, 2876 M48). Из другой бронетехники Турция имеет 650 БМП собственного производства и более 3,6 тысячи БТР (из них 2,8 тысячи – американские M113). Артиллерия – около 1,1 тысячи САУ, около 700 буксируемых орудий, почти 6 тысяч минометов, а также более 100 РСЗО, включая самые мощные в мире – американские MLRS (не менее 12 штук) и китайские WS-2. Самоходных и переносных ПТРК у Турции около 1,4 тысячи, как и у Сирии, есть и российские «Корнеты». Имеются «летающие ПТРК», то есть ударные вертолеты: 37 американских АН-1 «Кобра». Войсковая ПВО Турции включает 300 ПЗРК «Стингер» (из них половина – в самоходном варианте) и почти 800 старых ПЗРК «Ред Ай», почти 1,7 тысячи ЗСУ и зенитных орудий.

ВВС Турции имеют более 400 боевых самолетов, из которых 245 (186 модификации C, 59 учебно-боевых модификации D) – машины четвертого поколения F-16 (в основном они произведены по американской лицензии в самой Турции). Есть также 146 старых F-4 «Фантом» (в том числе 32 разведчика) и 95 F-5, большинство из которых используется как учебные.

Наземная ПВО Турции включает более 200 ЗРК «Найк-Геркулес», «Хок» и «Рапира», все они серьезно устарели. Впрочем, для усиления турецкой ПВО на юг этой страны переброшены 6 дивизионов ЗРК большой дальности «Пэтриот» (по 2 дивизиона из состава ВС США, Германии и Голландии).

Лишь на море Турция имеет абсолютное превосходство над Сирией. ВМС Турции имеют 14 немецких ПЛ пр. 209 (6 209/1200, 8 209/1400), 22 фрегата (8 американских типа «Оливер Перри», 8 немецких пр. MEKO-2000 трех разных модификаций, 6 французских типа «Дэстьен Дор»), 1 ракетный корвет типа «Ада» (всего будет 8), 27 ракетных и 22 сторожевых катера, 20 тральщиков, 5 десантных кораблей. В ближайшее время поступят на вооружение 6 новейших немецких ПЛ пр. 214. Именно немецкие корабли и подлодки, построенные специально для Турции, являются главной ударной силой ВМС страны. Американские и французские фрегаты – подержанные и довольно устаревшие. Впрочем, учитывая наличие между странами протяженной сухопутной границы, воевать на море им в общем-то незачем.

В распоряжении Асада оказалась огромная армия, рассчитанная на классическую войну против Израиля.

Турция имеет превосходство над Сирией и в том, чем вообще силен блок НАТО – в средствах связи, разведки (включая БПЛА), системах управления. В целом, однако, силы сторон примерно равны. В войне один на один вряд ли кто-то из них может добиться решительной победы. Не очень понятно, как подействует война на сирийскую армию и общество. Она может поспособствовать краху режима Асада, но может наоборот сплотить общество вокруг него, предсказать это сейчас крайне сложно.

22 июня 2012 г. сирийские ПВО уже проверили себя, безнаказанно сбив турецкий RF-4E. 13 мая 2013 г. вблизи сирийской границы упал гораздо более современный F-16C. Подтверждений, что его сбили сирийцы, нет, но подозрения есть.

Турецкой интервенции в Сирии мешают еще и внутренние факторы. Нынешний премьер-министр Турции Эрдоган в течение всего периода своего пребывания у власти методично избавляет свою страну от наследия Ататюрка, в частности – от особой роли армии. В результате известного дела «Эргенекон» (скорее всего, сфабрикованного) верхушка турецких ВС подверглась репрессиям такого масштаба, что сравнить их можно разве что со сталинским разгромом руководства РККА в 1937-1938 гг. Это, мягко говоря, не повысило боеспособность турецких ВС. Кроме того, далеко не все население Турции одобряет политику Эрдогана в отношении Сирии (то есть полную и однозначную поддержку повстанцев). Тем более что страна уже несет очень ощутимый материальный ущерб от пребывания в ее южных районах десятков тысяч сирийских беженцев и боевиков оппозиции. Возможная война между Турцией и Сирией будет очень далека от «высокотехнологичной». Это будет бойня в стиле «Второй мировой с ракетами». Турция – страна демократическая (по крайней мере – пока). Тысяч или, скорее, десятков тысяч гробов турецких солдат и офицеров из Сирии ее граждане Эрдогану однозначно не простят. Собственно никакой интервенции еще нет, а массовые выступления против Эрдогана уже есть, причем одним из лозунгов протестующих является требование прекращения поддержки сирийских повстанцев.

Но кроме турецкой армии есть еще арабские армии.

Благодаря огромным запасам нефти при достаточно неболь-

шом населении 6 монархий Персидского залива (Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ, Оман, Катар, Бахрейн образуют ССАГПЗ – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива) обладают гигантскими финансовыми резервами, значительная часть которых расходуется на закупку вооружений, в том числе и наиболее современных. Так, на вооружении армий этих стран состоит 558 танков «Абрамс» (340 саудовских, 218 кувейтских), 38 «Челленджеров» (у Омана), 388 «Леклерков» (в ОАЭ), а также 150 M84 (югославский вариант Т-72) у Кувейта, то есть всего 1134 танка третьего поколения. К ним можно добавить еще почти тысячу старых танков (AMX-30, M-60, OF-40) и более 100 легких танков «Скорпион». Имеются 400 БМП «Брэдли» (Саудовская Аравия), 254 «Уорриор» (Кувейт), 557 БМП-3 (142 у Кувейта, 415 у ОАЭ), а также около 450 старых французских AMX-10P. БТР насчитывается до 6,5 тысячи, артиллерийских систем – до 2 тысяч, среди которых 9 РСЗО MLRS (у Бахрейна) и 33 «Смерч» (27 у Кувейта, 6 у ОАЭ), более 250 САУ M109 и 100 южноафриканских колесных G-6.

Есть у монархий и ракетный арсенал. Саудовская Аравия имеет на вооружении 30–40 китайских БРСД «Дунфэн-3», Бахрейн – примерно столько же тактических ракет ATACMS (пусковыми установками для них являются РСЗО MLRS).

Очень значительной боевой мощью обладают ВВС и ПВО стран ССАГПЗ. На их вооружении имеется 62 F-15C, 20 F-15D и 70 F-15S (вариант F-15I) (все саудовские, заказано еще 84 усовершенствованных F-15SA), не менее 31 «Тайфуна» (также саудовские, всего будет закуплено 72), 39 кувейтских F-18 (31 C, 8 D), 78 «Мираж-2000» (12 у Катара, 64 у ОАЭ), 112 F-16 (17 C и 4 D у Бахрейна, 8 C и 4 D у Омана, 54 E и 25 F у ОАЭ), то есть всего не менее 400 истребителей четвертого поколения. Следует отметить, что F-16E/F ВВС ОАЭ является наиболее современной модификацией этого истребителя, такой нет даже у самих США. Кроме того, у Саудовской Аравии имеется на вооружении 84 не очень новых, но вполне боеспособных бомбардировщика «Торнадо» IDS. Эта страна, а также Бахрейн имеют на вооружении суммарно около 40 старых истребителей F-5, а Оман – 24 штурмовика «Ягуар». Можно также отметить наличие у Саудовской Аравии 5 самолетов ДРЛО E-3A. На вооружении стран ССАГПЗ состоит 42 ударных вертолета «Апач» (30 у ОАЭ, 12 у Саудовской Аравии) и до 50 более старых «Газелей» и «Кобр». На вооружении наземной ПВО имеются ЗРС «Пэтриот» (Саудовская Аравия), ЗРПК «Панцирь-С1» (ОАЭ), а также более старые «Усовершенствованный Хок», «Роланд» и др. Кроме того, ОАЭ станут первыми покупателями новейшей американской системы ПРО THAAD.

ВМС стран ССАГПЗ включают 10 фрегатов (в том числе 1 американский типа «Оливер Пери» у Бахрейна, 3 французских типа «Лафайет» у Саудовской Аравии, 2 голландских типа «Кортенаэр» у ОАЭ), 10 ракетных корветов, 42 ракетных катера, 9 тральщиков, до 50 десантных кораблей и катеров. Фрегаты, корветы и катера вооружены ПКР «Гарпун» и «Экзосет». Большим недостатком монархических флотов является отсутствие подлодок и слабость минно-тральных сил. Впрочем, если война будет вестись только против Сирии, размеры флотов значения не имеют.

Самая слабая сторона монархических армий – личный состав. Дело даже не в том, что у арабов традиционно невысок уровень боевой подготовки (в конце концов, сирийцы – тоже арабы). Гораздо важнее то, что у всех шести монархий армии исключительно наемные, крайне чувствительные к потерям. Они могут успешно вести короткую наступательную войну, но неизбежно развалятся, если она перейдет в затяжную с тяжелыми наземными боями. Их солдаты шли в армию за деньгами и престижем, а не для того, чтобы попасть под залп «Града» под Дамаском. События 1990-1991 гг. полностью подтвердили, что наемные армии монархий против массовой призывной республиканской армии (тогда – иракской) самостоятельно воевать неспособны (не говоря уж о том, что у монархий практически нет мобилизационных резервов). Именно это и является главным сдерживающим фактором для Эр-Рияда, Дохи и др. для прямого вмешательства в сирийскую войну.

Впрочем, в войну может быть втянута седьмая монархия, которая тоже недавно была принята в ССАГПЗ – Иордания. Собственно без ее участия в любом случае не обойтись, поскольку только она граничит с Сирией. Амман долго пытался соблюдать нейтралитет, но постепенно втянулся в процесс удушения Асада.

Иорданская армия также наемная, но здесь особый случай: ее основу составляют черкесы (выходцы с Северного Кавказа), для которых воинская служба – традиционное занятие, а не только способ зарабатывания денег. Поэтому их боевые качества достаточно высоки.

На вооружении сухопутных войск Иордании имеется примерно 400 современных британских танков «Челленджер-1», 364 более старых «Чифтенов» (местное название – «Аль Халид»), более 200 совсем старых «Центурионов» (местное название – «Тарик», они постепенно переделываются в БМП), а также около 300 старых американских M60. Имеется примерно 2,5 тысячи БМП и БТР, 460 САУ, несколько десятков буксируемых орудий и около 90 РСЗО, в том числе 12 новейших американских HIMARS и 24 китайских WM-120 с дальностью стрельбы до 120 км. Войсковая ПВО Иордании практически полностью советско-российского происхождения: по 50 ЗРК «Оса» и «Стрела-10», 48 ЗСУ «Шилка», до 600 ПЗРК «Игла» и «Стрела-3».

На вооружении ВВС имеются 62 относительно новых F-16 (44 модификации A, 18 учебно-боевых модификации B), 48 старых F-5 (41 E, 7 F), на хранении, кроме того, находятся 33 старых «Миража-F1», которые, впрочем, в ближайшее время, видимо, будут проданы. Есть также 29 ударных вертолетов AH-1 «Кобра».

Сирийские повстанцы

Противоположная сторона тоже может воевать еще очень долго. В первую очередь – за счет внешней поддержки. Конечно, распространенное в России мнение, что против Асада воюют почти исключительно иностранные наемники, – пропагандистский миф. В основном против Асада воюют сирийцы.

Главным козырем арабов можно было бы считать Египет, который после прихода к власти «брата-мусульманина» Мурси естественным образом попал в полную зависимость от монархий.

Полумиллионные сухопутные войска Египта включают 12 дивизий и 25 бригад. На вооружении до 200 пусковых установок баллистических ракет (включая северокорейские «Нодоны» с дальностью полета более 1,3 тысячи км.), 4 тысячи танков (1087 «Абрамс» M1A1, 1,7 тысячи старых американских M60 и примерно 1,2 тысячи старых советских Т-62 и Т-55), до 8 тысяч БМП и БТР, около 900 САУ, примерно 2,3 тысячи буксируемых орудий, до 10 тысяч минометов, до 1,8 тысячи РСЗО, до 3 тысяч зенитных орудий. Значительная часть этой техники устарела, но при таком ее количестве это уже не имеет особого значения.

На вооружении ВВС 232 истребителя четвертого поколения – 213 F-16 (26 A, 7 B, 136 C, 44 D) и 19 «Мираж-2000» (в том числе 4 учебно-боевых). Имеется также не менее 200 старых истребителей («Мираж-5», F-4, МиГ-21/J-7), 47 легких штурмовиков L-59, 120 ударных вертолетов (36 AH-64D «Апач», 84 SA342 «Газель»). Наземная ПВО включает более 700 пусковых установок ЗРК «Кроталь», «Чапарэл», «Квадрат», С-75 и С-125, а также свыше 1,5 тысячи ЗСУ и зенитных орудий.

Турки и арабы оплачивают именно силовое решение и при этом демонстрируют крайнее лицемерие, прикрываясь демократической риторикой. Когда в роли «защитников демократии» выступает пещерный ваххабитский режим Саудовской Аравии (в этой стране рабство было официально отменено в 1967 г.) – это даже не смешно.

ВМС Египта имеют в своем составе 4 китайских ПЛ пр. 033, 10 фрегатов (4 американских типа «Оливер Перри» и 2 типа «Нокс», 2 испанских типа «Дескубьерта», 2 китайских пр. 053), 20 ракетных катеров (9 советских пр. 205, 5 немецких пр. 148, 6 собственных типа «Рамадан»), 18 сторожевых катеров, 21 тральщик, 12 малых десантных кораблей.

Что особенно важно, египетская армия является призывной, то есть устойчивой к потерям. Вопрос был только в том, насколько египетские солдаты и офицеры захотят воевать против сирийцев – своих традиционных союзников в борьбе с Израилем. После того как эта самая армия свергла Мурси, ее использование в Сирии в роли пушечного мяса для монархий становится в высшей степени проблематичным. Причем есть сильнейшее подозрение, что главной причиной свержения президента-исламиста стало именно то, что египетские генералы не имеют желания отправляться со своими войсками в Сирию.

Однако это отнюдь не означает, что вопрос использования ВС Египта в Сирии снят с повестки дня. Замены им в роли главной ударной силы, по сути, нет, а допустить победу Асада арабо-турецко-западная коалиция не готова. Поэтому по-настоящему из-за свержения Мурси расстроился лишь Катар. «Старшие товарищи» (Саудовская Аравия и ОАЭ) считают эту страну (точнее, семью катарского эмира) наглой выскочкой, которую надо постепенно поставить на место. С новыми властями Египта будет теперь работать не Доха – этим займутся Эр-Рияд и Абу-Даби. Экономика Египта находится в катастрофическом состоянии, спасать ее будут Саудовская Аравия и ОАЭ путем оказания Каиру многомиллиардной помощи. Предположить, что эта помощь оказывается из альтруистических соображений, довольно сложно. Есть сильнейшие подозрения, что египетских военных попросят-таки в обмен на помощь оказать необходимые услуги на сирийском фронте. Возможно, за это дополнительно хорошо «подкормят» уже и непосредственно самих генералов. Если последние все же откажутся, ситуация может коренным образом измениться и монархии начнут превращать Египет во вторую Сирию. Это даже проще, чем в самой Сирии, ибо «братья-мусульмане» и тем более салафиты (ваххабиты) хоть сейчас готовы развязать в стране гражданскую войну.

Впрочем, если дело дойдет до арабо-турецкой интервенции в Сирию, на стороне Дамаска с вероятностью, близкой к 100 процентам, выступит Иран. Алавитское меньшинство Сирии, к которому принадлежат Асад и большинство его соратников, очень близко к шиитам, поэтому шиитский Иран видит в них естественных союзников. Кроме того, союз Тегерана и Дамаска лишь укрепился, после того как на стороне оппозиции выступили главные конкуренты Ирана за господство на Ближнем и Среднем Востоке – Саудовская Аравия и Турция. Поэтому Тегеран оказывает прямую поддержку Асаду, поставляя ему оружие, направляя воевать на его стороне бойцов Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и подконтрольной Ирану ливанской шиитской группировки Хезболла. Если дело дойдет до большой войны, Иран просто не сможет избежать участия в ней на стороне Сирии.

На вооружении сухопутных войск Ирана (включая КСИР) состоят примерно 1,7 тысячи танков, около 700 БМП, более 600 БТР, до 2,4 тысячи артиллерийских орудий (в том числе более 300 САУ), до 5 тысяч минометов, по 900 РСЗО и ПТРК, более 2 тысяч зенитных орудий, более 200 вертолетов. Наиболее боеспособными танками являются 480 Т-72, а также около 200 английских «Чифтенов». Частично соответствуют современным требованиям 413 российских БМП-2, 180 американских САУ М-109, 15 китайских 155-миллиметровых буксируемых орудий «Type-88», 100 РСЗО БМ-21 «Град» и 700 китайских «Type-63», более 100 ЗСУ «Шилка». Основным ударным вертолетом остается американская АН-1 «Кобра» (от 25 до 50 по различным данным).

В ВВС наиболее серьезной силой являются 30 фронтовых бомбардировщиков Су-24 и 35 истребителей МиГ-29, а также 44 американских истребителя F-14. Кроме того, имеются от 120 до 200 старых американских F-4 и F-5 и китайских J-7 (ухудшенный вариант МиГ-21), а также около 90 советских Су-20/22, Су-25, МиГ-23 и французских «Мираж-F1». Из этого замечательного разнообразия скорее всего не более 100 машин сохранили боеспособность, но и они современным требованиям не отвечают (за исключением, может быть, Су-25, но их число не превышает 13). Кроме того, видимо, имеется два-три десятка истребителей «Саега», созданных в самом Иране на базе F-5, но их боеспособность крайне сомнительна.

Наземная ПВО включает 30 английских ЗРК «Рапира» и 15 «Тайгеркэт», 45 советских С-75 и 10 С-200, 150 американских установок «Усовершенствованный Хок» (везде речь идет о количестве пусковых установок), а также 29 российских «Торов». Новейшие ЗРК «Тор» имеют очень маленькую дальность стрельбы (12 км.), к тому же 29 – просто слишком мало. Все остальные средства ПВО сильно устарели, а американские и английские ЗРК к тому же не имеют запчастей.

Что касается пресловутой ракетной программы Ирана, то БРСД у него, по-видимому, тоже примерно 30–40, зато ОТР и ТР – сотни, если не тысячи. Из-за низкой точности их сложно использовать против войск противника, зато очень просто – против городов и нефтяной инфраструктуры, чем можно нанести арабским монархиям гигантский материальный ущерб.

ВМС включают 3 ПЛ российской постройки пр. 877, не менее 20 малых ПЛ собственной и северокорейской постройки, 5 фрегатов (3 английской постройки 70-х гг. и 2, построенных по схожему проекту в самом Иране два года назад, из коих, впрочем, один находится на Каспии, поэтому исключен из игры), 3 старых корвета, 10 ракетных катеров французской постройки 70-х гг., 4 катера, построенных по аналогичному проекту в самом Иране в последние 8 лет (они также находятся на Каспии), 10 ракетных катеров китайской постройки, а также несколько сотен сторожевых катеров. Все надводные корабли и ракетные катера (в том числе западной постройки) вооружены китайскими ПКР С-802 и их иранскими копиями «Нур» (именно такой ракетой в 2006 г. боевики Хезболлы нанесли серьезные повреждения новейшему израильскому корвету «Ханит»). На большинстве сторожевых катеров установлены либо малогабаритные китайские ПКР С-701, либо РСЗО БМ-21 «Град», либо разные ПТРК. Имеется также 7 тральщиков и до 20 десантных кораблей и катеров. Кроме того, у Ирана есть значительное количество береговых ПКР (в основном это те же С-802 и «Нур»).

Главное преимущество Ирана – в людях. Речь идет не только о численности людских ресурсов вообще (они у Ирана в 3-4 раза больше, чем у всего ССАГПЗ), но и о психологической составляющей. У Ирана ВС призывные, массовые, идеологически мотивированные. Кроме того, у Ирана есть значительная «пятая колонна», состоящая из арабов-шиитов. Они составляют до 20 процентов населения Саудовской Аравии (причем сосредоточены на северо-востоке страны, то есть близко к Ирану) и 75 процентов населения Бахрейна, где они уже не раз демонстрировали готовность к восстанию.

На стороне сирийско-иранской коалиции окажется и Ирак. В этой стране 60 процентов населения составляют шииты, а еще 20 процентов – курды, которые уже создали на севере страны де-факто независимое государство. Суннит Саддам Хусейн весь период своего правления подавлял шиитское большинство и курдов, сдерживая Иран. После того как американцы свергли Хусейна и ввели в Ираке демократию, страна естественным образом начала дрейф в сторону Ирана. По новой конституции Ирака президентом (имеющим весьма ограниченные полномочия) является курд, который (этого человека сегодня зовут Джаляль Талабани) в меру своих полномочий укрепляет фактическую независимость Курдистана от той страны, которой как бы руководит. Основные же властные полномочия по конституции имеет премьер-министр шиит. Сегодня это Нури аль-Малики, который еще при «живых американцах» начал ездить за «ярлыком на княжение» в Тегеран. После ухода американских войск Ирак стал мостом, по которому из Ира-

Король Иордании Абдалла II

В войну может быть втянута недавно принятая в ССАГПЗ Иордания. Собственно без ее участия в любом случае не обойтись, поскольку только она граничит с Сирией. Амман долго пытался соблюдать нейтралитет, но постепенно втянулся в процесс удушения Асада.

ССАГПЗ, Турция, сирийские повстанцы и иракские сунниты (сюда можно было бы добавить и Египет, но сейчас вероятность его участия низка), с другой – сирийские правительственные войска, Иран, Хезболла, курды и иракские шииты.

Впрочем, в конфликте уже активно участвуют и другие игроки.

Израиль долгое время уклонялся от вмешательства в сирийскую гражданскую войну, поскольку она ему очень выгодна: как Асад, так и оппозиция – враги Израиля. Тем не менее желание ослабить сирийскую армию и Хезболлу заставили его втянуться в конфликт, что еще более осложнило ситуацию и дало отличные козыри Асаду. Не исключено, что сирийский лидер всерьез начинает рассматривать вариант удара по Израилю, если тот еще раз нанесет удар по Сирии. Подобный ход для Асада, вроде бы, кажется откровенным безумием. Даже в лучшие годы Сирия не имела шансов победить Израиль, теперь же страна и армия истерзаны гражданской войной. Но на самом деле военное поражение может стать для Дамаска политической победой. Ведь если Сирия и Израиль оказываются в состоянии войны, то сирийская оппозиция и ее турецко-арабские спонсоры автоматически становятся «пособниками сионистов». Собственно уже сейчас часть оппозиции выразила протест против израильских ударов. Если же между Дамаском и Тель-Авивом начнется полномасштабная война, поставки оружия и бойцы КСИР (протесты Вашингтона Багдад игнорирует). В то же время суннитские боевики наряду с саудитами составляют большинство иностранцев, сражающихся на стороне сирийской оппозиции. В случае большой войны шииты и курды Ирака поддержат иранско-сирийскую коалицию, сунниты – турецко-арабскую. При этом военный потенциал Ирака весьма ограничен – 77 танков Т-72, 140 «Абрамсов», около 2 тысяч БТР. Боевых самолетов пока нет вообще, хотя ожидается поставка 48 F-16. Очевидно, этот потенциал в основном достанется коалиции Ирана и Сирии.

Таким образом, возможна грандиозная война с совершенно непредсказуемым исходом, в которой с одной стороны будут 7 монархий из встанцы и их спонсоры окажутся перед тяжелейшим политическим выбором.

При этом Тель-Авив откровенно заврался насчет поставок российского оружия, которое якобы «может попасть в руки террористов». ЗРС С-300, ЗРК «Бук», береговой ПКРК «Бастион» – сложнейшие системы, состоящие из множества многотонных многометровых боевых машин. Причем в любой из этих систем пусковые установки ракет сами по себе, без РЛС и пунктов управления, не имеют никакой боевой ценности. «Террористы» (под коими подразумеваются боевики Хезболлы) не способны хотя бы просто спрятать эти системы, тем более – их освоить, обслужить и применить. Новые средства ПВО создают проблемы Израилю, лишь находясь в руках регулярной армии Сирии, именно это Тель-Авив и не устраивает.

Описывать военный потенциал Израиля нет смысла – он в любом случае выиграет войну. Но для него победа будет означать всего лишь сохранение статус-кво, он же не может захватить Сирию (поскольку тогда все сирийское население начнет воевать против него, чего израильская армия чисто физически не выдержит из-за ограниченности ресурсов). При этом, как было сказано выше, если в войну против Сирии и, возможно, Ирана втягивается Израиль, то для Турции, монархий и Египта возникает ситуация тяжелейшего выбора. Очевидно лишь, что воевать плечом к плечу с «сионистами» они заведомо не могут.

Вообще поведение Израиля относительно сирийского конфликта можно объяснить только тяжелейшей антииранской паранойей, которой охвачено почти все израильское общество. Чем иранцы для Израиля хуже саудовских ваххабитов или египетских «братьев-мусульман» – понять совершенно невозможно. Неужели только тем, что саудовцы и египтяне числятся в друзьях США? Видимо, коллективные психозы малых наций требуют большого отдельного исследования.

К сожалению, большим нациям коллективные психозы тоже свойственны, о чем свидетельствует массовая антизападная паранойя, охватившая Россию. Западу приписывается организация абсолютно всех революций и даже уже стихийных бедствий. То, что революции, не говоря уж о стихийных бедствиях, случались в эпохи, когда Запада в его нынешнем понимании просто не было, теперь в рассмотрение не принимается. Общероссийской паранойе способствуют – кроме целенаправленной официальной пропаганды – катастрофическое падение уровня науки и образования, а также то, что единственной настоящей религией почти для всех россиян стали деньги. Поэтому они судят обо всех по себе и везде ищут экономическую подоплеку.

В частности, почти аксиомой считается утверждение, что Запад всегда воюет за нефть. Но складывается сильное впечатление, что многочисленные адепты данной теории не понимают, о чем говорят.

В югославской и афганской войнах (как, кстати, и в нынешней сирийской) нефтяную подоплеку невозможно найти даже при очень большом напряжении. Что касается иракской войны, то возникает вопрос: что понимается под фразой: «США захватили иракскую нефть»? Они бесплатно ее качают из иракских недр и увозят за океан? Видимо, не нужно специально объяснять, что ни малейшего отношения к жизни этот сценарий не имеет.

На самом деле вся иракская нефть принадлежит иракскому государству, которое его и продает. Иностранные компании, добывающие ее, лишь получают премию за добычу. При этом из полутора десятков иностранных компаний, добывающих иракскую нефть, американских всего две (как, кстати, и российских). И приходится на них всего 20 процентов добычи. Разумеется, всю нефть США покупают в Ираке за деньги, без всяких скидок. В американском нефтяном импорте Ирак составляет менее 5 процентов, в иракском нефтяном экспорте доля США составляет менее 25 процентов. То есть не только Ирак для США, но даже и США для Ирака не имеют никакой «нефтяной эксклюзивности». Гораздо больше иракской нефти идет в Китай. При этом США потратили на иракскую войну более 800 миллиардов долларов. При цене 100 долларов за баррель на эти деньги можно было бы купить более миллиарда тонн иракской нефти. В реальности за постсаддамовский период США купили в Ираке менее 200 миллионов тонн нефти. То есть с учетом затрат на войну цена иракской нефти для американцев оказалась в 7–10 раз выше рыночной! В связи с этим надо отметить, что с 1996 г. режиму Хусейна, несмотря на санкции, было разрешено продавать нефть. За 1996–2002 гг. он продал в США примерно 150 миллионов тонн нефти по обычным рыночным ценам, но без расходов на оккупацию. То есть американцам на порядок выгоднее было бы не трогать Хусейна, чем захватывать и удерживать Ирак. Заметим, кстати, что и в политическом смысле никакой американской марионеткой Ирак не стал. На его территории не осталось ни одной американской военной базы, более того, как было показано выше, он фактически превратился в важнейшего союзника Ирана в регионе.

Аналогичная ситуация и с Ливией. Не менее 85 процентов нефти, добываемой в Ливии до начала войны, шли на экспорт. 77 процентов ливийского нефтяного экспорта приходилось на Европу и 6 процентов – на США. Причем и добывалась нефть главным образом западными компаниями. Соответственно «захват нефти» не имел для Запада ни малейшего смысла, она и так шла на Запад. После войны с этой точки зрения не изменилось абсолютно ничего. За тем исключением, что на время войны поставки нефти из Ливии прекратились, при этом на военную кампанию Запад истратил (по сути – просто выбросил) огромные деньги.

Вообще «захватывать нефть», неся при этом огромные военные расходы, бессмысленно просто потому, что главная цель нефтедобывающих стран – как можно больше этой нефти сбыть, причем лучше всего – именно на Запад. Поэтому вся нефтяная версия действий Запада является не более чем параноидальным бредом.

То, что за всеми революциями стоит Запад, – вопрос тоже интересный. В частности, хотелось бы понять, какую конкретную выгоду (политическую, экономическую, военную) он извлек из «цветных революций» в странах СНГ? На самом деле – ни малейшей. Чистейший ноль по всем направлениям. Кстати, на сегодняшний день во всех «революционных» странах все «завоевания революции» полностью утрачены, причем без малейшего сопротивления со стороны Запада.

К «арабской весне» это относится в гораздо большей степени. Совершенно невозможно понять, какую практическую выгоду из нее извлек (или хотя

Асад и бывший президент Ирана Ахмадинежад

Если дело дойдет до арабо-турецкой интервенции в Сирию, на стороне Дамаска с вероятностью, близкой к 100 процентам, выступит Иран. Алавитское меньшинство Сирии, к которому принадлежат Асад и большинство его соратников, очень близко к шиитам, поэтому шиитский Иран видит в них естественных союзников.

бы хотел извлечь) Запад, а вот проблем получил гигантское количество.

У нас не осознают, насколько велика в действиях Запада идеологическая составляющая и до какой степени он ослабел в военном смысле. Сочетание этих факторов загоняет Запад в ловушку. Запад провозгласил себя защитником свободы и демократии во всем мире, что заставляет его становиться участником различных конфликтов за пределами евро-атлантического региона. Причем это происходит под давлением общественного мнения, которое требует вмешательства в конфликты с целью защиты свободы и демократии. Однако это же общественное мнение совершенно не готово к тому, чтобы собственные армии несли в этих конфликтах сколько-нибудь серьезные потери. Это порождает глубокое внутреннее противоречие и усиливает двойные стандарты в политике западных стран, поскольку сокращение военных возможностей все более ограничивает возможность реального вмешательства в конфликты. Соответственно массированные пропагандистские кампании, которые регулярно развертывает Запад против режимов, которые в данный момент он посчитал «неправильными», в огромной степени объясняются как раз уменьшением военной мощи. Пропагандистская кампания призвана компенсировать военную слабость, подавив волю противника к сопротивлению. Применительно к Сирии Запад стал заложником своей кампании против «диктатора, стреляющего в собственный народ и утратившего легитимность». Если диктатор на самом деле стреляет в собственный народ, он и недели не продержится, как это было в Румынии в декабре 1989 г. Там, кстати, призывная армия полностью поддержала народ и быстро снесла диктатора. Как было показано выше, в Сирии ситуация принципиально другая. На Западе кое-кто это уже даже понял. Не могут там не видеть и стремительной исламизации оппозиции – из-за чего оказываются во все более идиотском положении. Но признать собственные ошибки Запад принципиально неспособен. И тем более неспособен отказаться от идеологических догм.

Вообще становится окончательно ясно, что чем выше в стране уровень жизни, тем меньше у ее населения желания воевать, причем совершенно независимо от целей войны. Этот эффект действует как на демократическом Западе, так и в тоталитарных арабских монархиях. Соответственно в очередной раз полностью подтверждается, что «профессиональные армии» для войны принципиально не подходят, если война грозит сколько-нибудь заметными потерями. Кстати, будь у Асада «профессиональная» армия, его бы свергли еще два года назад. Но на его счастье армия в Сирии призывная.

Кроме того, в высшей степени сомнительной оказывается вся концепция современной высокотехнологичной войны, которая после «Бури в пустыне» казалась почти аксиомой, которой надо слепо следовать и не рассуждать.

В 1991 г. во время «Бури в пустыне» высокоточными боеприпасами уничтожались лишь приоритетные цели, что обеспечило очень высокую эффективность действий антииракской коалиции. В ходе войны в Ливии в борьбе против исключительно слабой армии Каддафи применялись также лишь высокоточные боеприпасы, что привело к истощению арсеналов ВВС европейских стран и очень высоким расходам, при этом был достигнут весьма ограниченный результат. Хотя высокоточные боеприпасы рассматриваются как олицетворение высокой эффективности современных армий, натовский способ ведения войн оказывается экстенсивным и крайне затратным с экономической точки зрения.

Поскольку США практически самоустранились от ливийской кампании, «выкладываться» пришлось европейцам. В итоге бóльшая их часть вообще отказалась воевать. Те, которые воевали «по полной программе», очень быстро продемонстрировали, что просто не имеют для этого ресурсов. Норвегия и Дания вышли из операции через 3-4 месяца после ее начала, поскольку полностью израсходовали боеприпасы. Еще 2-3 месяца – и то же самое произошло бы с Великобританией и Францией (после окончания войны это было признано открыто). И тогда ливийская кампания завершилась бы для не оказывавшего никакого сопротивления европейской авиации Каддафи тем, что описал Владимир Высоцкий в «Песне о сентиментальном боксере»: «Вот он ударил раз, два, три – и сам лишился сил. Мне руку поднял рефери, которой я не бил». Потому Парижу и Лондону пришлось провести срочную спецоперацию по перекупке некоторых племенных вождей, воевавших на стороне Каддафи. Это, разумеется, эффективно, но совсем не относится к высокотехнологичным войнам.

Изначально в высшей степени здравая идея высокоточности была за весьма короткий срок доведена до абсурда, в результате чего естественным образом превратилась в свою противоположность. Когда ПТУР, стоящий несколько сотен или тысяч долларов, поражает танк, стоящий несколько сот тысяч или миллионов долларов, – это нормально и эффективно. Когда «Томагавк», стоящий миллион долларов, поражает стратегический объект, стоящий сотни миллионов или даже миллиарды долларов, – это тоже нормально и эффективно. А вот когда «Мейверик» последней модификации, стоящий больше ста тысяч долларов, поражает танк Т-55, за который сейчас дадут в лучшем случае столько же, – это уже ненормально и неэффективно. Вдвойне ненормально, если этому «наворошенному» «Мейверику» нет никакой более дешевой альтернативы.

Успешное применение высокоточных боеприпасов в первой войне с Ираком в совокупности с крахом Варшавского договора и СССР породили на Западе иллюзию, что теперь можно резко сократить число носителей (в первую очередь таковыми, естественно, являются самолеты). Ведь поскольку боеприпасы теперь высокоточные, то, вроде бы, применением гораздо меньшего числа носителей можно обеспечить поражение прежнего количества целей. В итоге носителей стало так мало, что и целей можно поразить совсем немного – даже при выполнении условия стопроцентной эффективности боеприпасов (которое в реальном бою выполнено быть не может практически никогда). При этом цена носителей резко возросла как в прямом смысле (из-за технической сложности), так и в переносном (из-за малого их количества). В результате если еще 20 лет назад потеря истребителя была лишь статистическим фактом, сегодня для подавляющего большинства стран НАТО она превращается почти в катастрофу. Поэтому воевать стало можно лишь против стран, имеющих крайне слабую ПВО, либо вообще не имеющих таковой. Но абсурд зашел еще дальше, поскольку и боеприпасы, которые по определению являются расходным материалом, стали слишком дороги. В некоторых случаях, как было сказано выше, их цена оказывается сопоставима с ценой цели. А из-за этой самой дороговизны боеприпасов производится меньше, чем имеется потенциальных целей для них.

Сирийская армия – архаичная, но очень большая, с мощной, хотя в значительной степени устаревшей, ПВО – теперь НАТО просто не по зубам. Хотя всего два десятилетия назад почти точно такую же по количеству и качеству вооружений армию Ирака организация НАТО, включавшая тогда не 28, как сегодня, а лишь 16 стран, разгромила с блеском, быстро и очень незначительными потерями. У европейских ВВС сегодня просто не хватит боеприпасов на выбивание чрезвычайно многочисленной сирийской техники. А учитывая наличие у Сирии (в отличие от Ливии) дееспособной ПВО, которая может еще и сбивать носители этих боеприпасов (самолеты), для европейцев интервенция становится принципиально невозможной. США, безусловно, могли бы задавить Сирию массой ракет и самолетов, но это обошлось бы в несколько миллиардов (если не десятков миллиардов) незапланированных долларов и даже в их огромных арсеналах пробило бы заметную брешь, которую потом пришлось бы заделывать годами. К тому же почти наверняка имели бы место потери в самолетах, не столь катастрофические, как для европейцев, но также крайне нежелательные. Причем все эти рассуждения относятся к ситуации, когда у Сирии еще нет С-300П. Если таковая появится, то цена воздушной кампании возрастает еще в разы, что де-

Премьер-министр Ирака аль-Малики

На стороне сирийско-иранской коалиции окажется и Ирак. В этой стране 60 процентов населения составляют шииты, а еще 20 процентов – курды, которые уже создали на севере страны де-факто независимое государство.

не участвует никак, даже на уровне риторики. Более того, уже неоднократно отмечено наличие у сирийских повстанцев новейшего китайского вооружения – ПТРК HJ-8 и ПЗРК FN-6. Это не старье, которого в мире полно и которое может попасть в Сирию любым путем, а именно новейшее эксклюзивное оружие. Как и почему оно оказалось у боевиков оппозиции – вопрос интереснейший.

Что будет дальше – предсказать крайне сложно. Арабы, турки и Запад никак не могут допустить победы Асада. Но и воевать они не готовы, если в войне не примут участия США. Обама не хочет воевать категорически (не видеть этого могут лишь параноики) – как из финансовых соображений (он не готов тратить непредвиденные сотни миллиардов долларов), так и из личностных (по американским меркам он откровенный пацифист). Однако и давление на него очень велико. И изнутри – со стороны пещерных республиканцев типа сенатора Маккейна. И извне – со стороны тех же турок, арабов и европейцев во главе с главными провокаторами французами. Если Обама сломается, то придется вспомнить, что Армагеддон находится именно в тех местах...

Для России сирийские события позволяют извлечь целый ряд уроков в политической и военной областях и сделать несколько важнейших выводов.

События последних лет ясно показали, каким откровенным бредом является столь популярная в России концепция «небольшой профессиональной армии». На самом деле подобная армия не будет способна вести вообще никакую войну, даже с Грузией. Увы, сегодня наша армия уже стала пугающе небольшой (хотя, к счастью, еще не совсем «профессиональной»), причем мы до сих пор не знаем, кто решил ее такой сделать и какими соображениями и критериями при этом руководствовался. Техника для нее теперь приобретается в характерных для западных армий микроскопических количествах, уже объявлено, что боеприпасы теперь будут исключительно высокоточными (при этом в реальности их почти нет). И это еще к тому же сопровождается нарастающими либеральными стенаниями о необходимости немедленного значительного урезания «непомерных аппетитов» военных.

Проблема, к сожалению, в полной неспособности нашей военной науки не только создать свои концепции военного строительства, но хотя бы творчески осмыслить иностранные. Есть лишь некая рефлекторная реакция на внешние события, на которую накладываются сильнейшие стереотипы и психологические комплексы советского происхождения.

У нас очень боятся агрессии НАТО, не видя, что с альянсом происходит на самом деле. И при этом, видимо, для удобства НАТО сокращают до минимума количество целей, которые натовцам надо будет поразить в ходе этой самой гипотетической агрессии. И слепо копируют натовскую концепцию, применимость которой становится весьма сомнительной для самого блока НАТО, а для нас она еще сомнительнее просто потому, что Россия – не НАТО, мы находимся в других геополитических условиях, перед нашими ВС стоят совершенно другие задачи. Наше военно-политическое руководство исходит из, мягко говоря, неочевидной идеи, что теперь России предстоят лишь локальные войны. Хотя нет даже критериев этой локальности и понимания того, что одна и та же война может быть для одной стороны локальной, а для другой – очень даже крупномасштабной. Не вполне очевидна и истовая вера в эффективность ядерного сдерживания, которое якобы гарантирует нас от крупномасштабной войны. Ведь мы сдерживаем те страны или блоки, которые обладают примерно такими же, как у нас, ядерными арсеналами при гораздо больших размерах населения и неизмеримо более эффективной экономике.

Надо уже понять, что производство новой техники в микроскопических количествах бессмысленно как с военной, так и с экономической точки зрения (чем меньше серия, тем дороже образец и тем болезненнее его потеря). Техника нам нужна не для парадов и не для продажи неким очень богатым импортерам, а для обороны своей страны. Поэтому либо производить ее в значительных количествах, либо не производить вообще. Соответственно в большинстве случаев лучше предпочесть технику подешевле и попроще, чем самую «навороченную», но слишком дорогую и сложную в производстве и эксплуатации. Потому что наземную технику надо закупать, по крайней мере, тысячами единиц, а авиационную – сотнями, а никак не десятками. Тем более это относится к боеприпасам. Да, очень хорошо, если они будут высокоточными, но только в том случае, если их цена будет приемлема, то есть на несколько порядков ниже цены любой потенциальной цели. Если говорить о конкретном российском подходе к сирийской проблеме, то можно отметить, что на протяжении всей постсоветской истории российская дипломатия неизменно демонстрирует полнейшую неадекватность и абсолютный отрыв от реальности, руководствуясь не интересами страны, а пропагандистскими штампами советского происхождения и регулярно выдавая проекты и концепции, прямо противоречащие национальным интересам. Ситуация с Сирией является уникальным исключением, российская позиция в данном вопросе вполне адекватна, в отличие от позиции Запада. При этом Россия имеет полное право поставлять в Сирию оружие. Потому что, во-первых, Сирия не находится ни под какими санкциями, во-вторых, турки и арабы никак себя не ограничивают в поставках оружия оппозиции, возможно, к ним присоединится и Запад.

При этом надо правильно расставлять приоритеты, то есть не зацикливаться на угрозе, вероятность реализации которой низка, а сконцентрироваться на угрозе, которая реализуется прямо сегодня. МиГ-29М, С-300П, «Бук» и «Бастион» – это хорошо, но еще сирийцам нужны «калашниковы», РПГ-7, Т-72, Д-30, БМ-21, Ми-24, а также боеприпасы ко всему этому. У России на складах этого добра почти бесконечно много, поэтому его можно поставлять бесплатно (все равно все это обречено на скорую утилизацию). И чем бессмысленно утилизировать боеприпасы путем подрыва (и иногда ценой солдатских жизней), лучше отдать их Асаду, чтобы его армия утилизировала их в бою. В начале сирийского конфликта поставка таких вооружений, предназначенных для ведения гражданской войны, казалась сомнительной с моральной точки зрения (тогда еще иногда казалось, что народ восстал против диктатора). Сегодня такие сомнения отпали. Стремительная интернационализация и радикализация (точнее – ваххабизация) оппозиции делает сирийскую войну нашей войной. Всемирный ваххабитский интернационал – наш опаснейший враг, поэтому любой, кто воюет против него, – наш естественный союзник.

Очень долгое время таким союзником нам были американцы, как бы кощунственно это ни прозвучало для нашей «патриотической общественности». В Афганистане и Ираке они нанесли исламским радикалам серьезное поражение. Благодаря двум этим войнам ваххабитское давление на Россию, особенно на Кавказ, заметно снизилось. Но теперь это в прошлом. Из Ирака американцы ушли полтора года назад, из Афганистана уйдут через год, но уже сейчас они быстро сворачивают эту операцию. Теперь на переднем крае борьбы оказался Асад. Чем больше его бойцы убьют ваххабитов, тем нам будет лучше и спокойнее. Надо дать сирийской армии все, что требуется для решения данной задачи, критически важной для безопасности России.

Укрепление ПВО и береговой обороны Сирии, разумеется, полезно в качестве страховочного средства от западно-турецко-арабского вмешательства. Тем не менее это отнюдь не главное. Уничтожение Израилем склада с «Бастионами» ничуть не добавило Западу решимости организовать интервенцию. Гораздо важнее сейчас средства наземной войны. Тем более что они тоже становятся дополнительным страховочным средством. Главное же в том, что ваххабит, убитый под Дамаском, никогда не придет в Махачкалу или Набережные Челны.

лает ее окончательно бессмысленной.

Сочетание пацифизма и гедонизма населения и идейного догматизма властей будет загонять Запад и дальше в тупик (особенно это касается Европы, у США еще есть шанс одуматься). Гитлеровская Германия и коммунистический СССР во имя идеологических догм совершили массу откровенно самоубийственных действий, в результате которых успешно самоубились. Видимо, Европа повторит их путь. Либеральная догма здесь победила не только экономику, но и просто здравый смысл.

Китай автоматически зачисляется в сторонники Асада на том единственном основании, что в Совбезе ООН по данному вопросу он голосует так же, как и Россия. Правда, по ливийскому вопросу в 2011 г. он тоже голосовал, как Россия, – воздержался. В одиночку противостоять Западу он не собирается именно потому, что никакими идеологическими догмами не руководствуется, он идеально прагматичен. Поэтому в сирийской проблеме он на самом деле

Маджид бен Абдель Азиз ат-Турки –
политолог, профессор, специалист по проблемам Ближнего Востока, России и СНГ, советник ряда министерств Королевства Саудовская Аравия, глава Фонда российско-арабских исследований и информации

Аравийский полуостров и зона Персидского залива: центры силы и конфликтные очаги – актуальная повестка дня

Региональные изменения, происходящие на севере Аравийского полуострова, являются решающим этапом процесса преобразований, затрагивающих весь арабский регион и напрямую влияющих на безопасность стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Поэтому нынешняя фаза конфликта и региональных изменений испытывает на себе различного рода внешние влияния, способные решающим образом воздействовать на эти процессы. Налицо ситуация, в которой взаимодействуют собственно воля народа, международные интересы и региональные амбиции – особенно после того, как международные силы не смогли взять под контроль преобразования ни в Египте, ни в Тунисе, где события развивались по собственному сценарию. Исключение составила только Ливия. Поэтому на севере Аравийского полуострова международные силы применяют другой метод, ориентированный на международные интересы, интересы Израиля и – в перспективе – Ирана. Этот метод основан на принципе затягивания кризиса и упрочения позиций лояльных международным игрокам сил, прежде чем они попытаются навязать решение, напоминающее до определенной степени приятие существующей де-факто ситуации.

На этом фоне имеет смысл вспомнить суждение бывшего посла Советского Союза в Вашингтоне Владимира Лукина, писавшего в 1983 году о центрах силы на Ближнем Востоке, в том числе о Саудовской Аравии и Иране. Это суждение не утратило актуальности и в настоящее время – Саудовская Аравия и Иран до сих пор являются ведущими региональными игроками, кроме того, высказанная тогда Лукиным точка зрения – это позиция советского дипломата в Вашингтоне, человека с советским менталитетом, располагавшего информацией, полученной из американских источников. Уже в то время, более тридцати лет назад, внешнеполитический курс Ирана был нацелен на то, чтобы играть роль регионального центра силы через распространение своего идеологического влияния в арабском регионе в целом и в странах Залива в частности. Лукин писал об Иране: «Абсолютно очевидно решительное намерение политического руководства в Тегеране порвать с прошлым в том, что касается внешней политики периода, предшествовавшего исламской революции». Это подтверждают и слова министра иностранных дел Ирана Али Акбара Вилайати, произнесенные в феврале 1980 г.: «Мы не будем заниматься “экспортом революции” с помощью пушек, но мы можем осуществить такой экспорт, транслируя нашу культуру и духовные ценности». Приведенное высказывание подтверждает, что Иран в своем стремлении играть роль регионального центра силы сразу после свержения шахского режима делал ставку на идеологический фактор, компенсируя тем самым ослабление роли военного фактора.

Мекка

Мысль о том, что религиозный фактор не будет в долгосрочной перспективе фактором притяжения для других государств и народов, более того, он вызовет отторжение, требует осмысления. Подобная тенденция стала проявляться в отдельных аспектах взаимодействия на международной арене с саудовской теократической монархией.

Эта иранская стратегия стала применяться в таких странах региона, как Сирия, Ливан, Йемен, наряду с пропагандой шиизма в Заливе.

По поводу Саудовской Аравии, еще одного фактора силы в регионе, Лукин писал: «Период основания Саудовского государства королем Абдель Азизом, когда Эр-Рияд стал руководить Аравийским полуостровом, прошел под знаком властителя, который управлял международными делами и проводил в жизнь свои проекты, руководствуясь положениями ислама и шариата». Иными словами идеологический фактор предопределил не только те основы, на которых было создано современное Саудовское государство, но и его влияние в регионе. Этот же фактор присутствует сейчас во внешнеполитическом курсе Ирана, стремящегося играть роль регионального центра силы.

Примечательно и другое замечание Лукина о саудовском внешнеполитическом курсе: «В конечном итоге можно сказать, что магистральное направление внешней политики Саудовской Аравии – это ее считающаяся традиционной лояльность Западу и особенно США. В свою очередь, благодаря крупным нефтяным доходам, возросла роль Саудовской Аравии для Соединенных Штатов и проводимой ими ближневосточной политики. <...> Однако Соединенные Штаты отлично понимают, что Саудовская Аравия не может быть единственным фактором, обеспечивающим американскую гегемонию на

Ближнем Востоке, даже если бы Эр-Рияд продолжал действовать в тесном сотрудничестве с Западом. Саудовская Аравия не в состоянии стать “региональным полицейским”, на которого можно положиться». Обращение Лукина к религиозному фактору и его роли в определении внешне- и внутриполитического курса Саудовской Аравии, а также высказанная им мысль, что «религиозный фактор не будет в долгосрочной перспективе фактором притяжения для других государств и народов, более того, он вызовет отторжение», требуют осмысления. Подобная тенденция стала проявляться в отдельных аспектах взаимодействия на международной арене с саудовской теократической монархией.

Потребность в появлении Союза государств Персидского залива не ограничивается задачей обеспечить развитие стран Залива и противостоять амбициям Ирана. Эта потребность диктуется также изменившейся конъюнктурой мировой экономики – набирающей обороты революцией в энергетической отрасли в связи с освоением сланцевых нефти и газа.

Наряду с религиозным фактором Лукин указывал на племенной аспект и его важную роль как гаранта стабильности правящего режима в королевстве. По словам бывшего советского посла в США, «крупные племена» Саудовской Аравии связаны с правителями этой страны «родственными отношениями, кровными узами», что позволяет объединить тех и других разветвленной сетью общих интересов и взаимной выгоды. Кроме этого, племена способны ощущать угрозы, которые могут поставить под удар все саудовское общество в случае, если будет нарушена стабильность действующих институтов.

То есть два основных фактора – религиозный и племенной – являются, по мнению советского дипломата, опорой правящего режима королевства, будучи при этом взаимодополняющими. И если религиозный фактор – это тот краеугольный камень, на котором держится общественная и политическая структура государства, то племенной фактор поддерживает эту конструкцию и неотделим от религиозной составляющей. Этот фактор остается значимым и в настоящее время, когда племена явл яются главным составным элементом саудовского общества.

Выше отмечалось, что мнение Лукина важно по двум причинам. Во-первых, оно представляло собой взгляд дипломата из страны, которую с Саудовской Аравией на тот момент не связывали какие-либо отношения или общие интересы. Во-вторых, оценки Лукина – это интерпретация политической ситуации, наблюдаемой из Вашингтона, где на тот момент работал посол.

Взгляд Лукина представлял собой попытку еще тридцать лет назад рассматривать ситуацию в регионе как взаимодействие таких центров силы, влияющих на протекающие здесь процессы, как Иран, Россия и Америка, и других влиятельных игроков – например, Турции и Египта. Использование подобной оптики применительно к нынешней ситуации позволяет сделать следующие выводы.

Исходя из саудовской стратегии безопасности и оценивая возможные риски в свете исхода конфликта в Сирии, можно заключить, что и Россия, и Саудовская Аравия не задействовали потенциала взаимопонимания и личного доверия между королем Абдаллой бен Абдель Азизом и президентом Владимиром Путиным. Между тем оба лидера способны создать атмосферу, располагающую к нахождению подхода к сирийской проблеме. Ведь гражданский конфликт существенно отличается от аналогичных по форме общественных противостояний в Египте, Тунисе, Ливии и Йемене. Существует и еще одна причина, вынуждающая саудовскую дипломатию действовать более активно в сирийском кризисе: зона этого конфликта граничит с Израилем, и поэтому США и Великобритания будут добиваться реализации сценариев и решений, выгодных Израилю, невзирая на национальные интересы других государств, в том числе даже и Саудовской Аравии – стратегического партнера Америки.

Позиция России, поддерживающей режим Башара Асада, непонятна, особенно если учитывать то упорство, с которым Москва продолжает поставлять оружие сирийскому лидеру – и тем самым ставить себя в позицию прямой конфронтации с арабским и исламским миром. Такая позиция России затрудняет взаимодействие с ней. Однако несмотря на это, взаимодействие с российской стороной стало бы важным шагом на пути мирного урегулирования сирийского кризиса при участии всех заинтересованных сторон – Дамаска, Ирана, ливанской организации Хезболла. В то же время полный отказ Саудовской Аравии от взаимодействия или даже от попытки налаживания такого взаимодействия с Москвой может подтолкнуть последнюю к более тесному сотрудничеству в этом вопросе с Америкой. И вот тогда-то новообразованная ситуационная коалиция Москвы и Вашингтона уже не станет ориентироваться ни на Саудовскую Аравию, ни на Залив в целом, но будет учитывать интересы Израиля, с одной стороны, и Ирана как союзника России – с другой. Интересы же других стран региона в расчет приниматься не будут. О том, что такой сценарий имеет все шансы реализоваться на практике, свидетельствуют итоги майского визита госсекретаря США Джона Керри в Москву и июньского саммита «Большой восьмерки» в Северной Ирландии – никакого консолидированного решения о судьбе президента Сирии Башара Асада так и не было принято.

Если религиозный фактор – это тот краеугольный камень, на котором держится общественная и политическая структура государства, то племенной фактор поддерживает эту конструкцию и неотделим от религиозной составляющей.

В складывающейся ситуации следует указать на две позиции американской стороны по вопросу о региональной безопасности в Заливе.

Первая позиция – это отношение США к иранскому ядерному досье. В середине первого президентского срока Барака Обамы Америка усиленно намекала на возможное военное решение иранской проблемы, чем будоражила политические круги и средства массовой информации в Заливе. Но внезапно за несколько месяцев до президентских выборов Соединенные Штаты объявили, что видят путь к решению иранской проблемы исключительно в политическом урегулировании проблемы. Следует отметить, что Америка изменила свою установку после того, как спровоцировала нагнетание атмосферы противостояния между арабскими странами Залива и Ираном – по крайней мере в СМИ.

Вторая позиция – политика Вашингтона по разрешению сирийского кризиса. Первоначально неколебимая установка российской дипломатии, поддерживающей Дамаск, встретила решительное неприятие у Вашингтона по соображениям прежде всего гуманизма, а затем и исламской этики, так как последняя отвечала воле сирийского народа, пусть даже по формальным признакам. Однако внезапно американская сторона,

Король Абдалла ибн Абдель Азиз Аль Сауд

управление этими переменами, а также исходя из национальных интересов стран Залива.

Это требует от нас пересмотреть политическое и информационное взаимодействие с Турцией и Египтом как проводниками влияния определенных сил. Кроме того, эти страны сами вступили в период перемен и преобразований, сходных по общему направлению и с точки зрения реализуемых национальных интересов. И если взаимодействие с Каиром и Анкарой на политическом уровне осуществляется в значительной степени в верном направлении, то информационное освещение происходящих там событий остается в существенной мере ошибочным, подрывающим позитивное восприятие этих стран в нашем обществе и провоцирующим проявления вражды, что не идет на благо нашим национальным интересам. Так, при информационном освещении (по крайней мере, рассчитанном на страны Залива и собственно на Саудовскую Аравию) происходящих в Египте и Турции событий умалчивается правда о внутренней ситуации в этих странах. Между тем мы должны учитывать наши общие с этими странами интересы, принимать меры по налаживанию доверия, преодолению разногласий, порождающих массу спорных точек зрения. Средства массовой информации обязаны руководствоваться национальной политикой и учитывать национальные интересы – и это никоим образом не противоречит их свободе. Никакая свобода не должна переступать эту границу. На этом фоне вполне оправданным будет вопрос, почему голос Турции умолк после визита госсекретаря США в Москву и почему именно в это время в Стамбуле вспыхнули народные демонстрации в поддержку ататюркизма.

На фоне всех перемен, произошедших в Заливе, для поддержания безопасности в этом регионе следует признать Иран основной силой, вмешивающейся в сирийский конфликт изнутри с целью реализации собственной стратегии, вынашиваемой на протяжении трех с лишним десятилетий. Эта стратегия опирается на распространение шиизма и создание многочисленных конфликтных очагов путем насаждения шиитской идеологии в Йемене (юг Аравии), поддержания шиитского иранского присутствия в Ираке и Ливане (север Аравии) и разжигания недовольства среди шиитов в странах Залива. Опасность состоит еще и в том, что американская сторона смирилась с попранием демократии и проиранскими шиитскими настроениями в Ираке, где власть сосредоточена в руках премьер-министра Нури аль-Малики, возглавившего правительство вопреки конституции, после того как он потерпел поражение на последних выборах. Аль-Малики продолжает руководить страной при американской поддержке, которая уже повлекла за собой гибель миллиона иракцев под предлогом установления в стране демократии.

В сложившейся ситуации логично ожидать выработки Россией, Западом в целом и Америкой в частности некоего совместного сценария действий в регионе. Все это заставляет активно искать ответы на региональные изменения, протекающие в направлении воли к переменам и управления такими переменами. Ответы вырисовываются сразу по нескольким направлениям.

Саудовская Аравия занимает влиятельную позицию в Организации исламского сотрудничества как некий центр тяжести, консолидирующий вокруг себя исламский мир, что с момента основания Саудовского государства являлось отличительной чертой проводимой им внешней политики.

преодолевая прежние противоречия, переориентируется на поиск взаимопонимания и координации с Россией, чтобы создать, как представляется, некий фундамент для взаимопонимания, устраивающий союзников обеих держав – Иран и Израиль. Так, на вторую международную конференцию по Сирии в Женеве («Женева-2») оказывается приглашенным Иран. После этого нет уже никакой ясности в том, каким образом США собираются обеспечивать интересы сирийского народа и безопасность стран региона, в особенности Залива.

Переменчивая и неоднозначная политика Америки по обоим указанным вопросам подводит к необходимости отвечать на региональные изменения, ориентируясь на волю к переменам и самостоятельное

Первое направление – исламский трек. Взаимодействие на этом направлении может осуществляться через Организацию исламского сотрудничества (ОИС), особенно учитывая, что Саудовская Аравия занимает в этой организации влиятельную позицию как некий центр тяжести, консолидирующий вокруг себя исламский мир, что с момента основания Саудовского государства являлось отличительной чертой проводимой им внешней политики. Саудовское королевство защищает общеисламские интересы и соблюдает значительную часть своих обязательств перед международными организациями. Происходящие в регионе изменения лежат прежде всего в исламской плоскости и затрагивают стратегическую безопасность королевства. Поэтому ОИС должна на уровне глав исламских государств выработать четкую рабочую позицию относительно происходящих в Сирии и регионе в целом событий. Одновременно главам МИД стран-членов ОИС следует постоянно предпринимать практические – политические и военные – меры, которые противостояли бы усилиям по поддержке сирийского режима, и шаги, направленные на выработку дорожной карты по урегулированию кризиса и предотвращению его разрастания во времени и пространстве.

Второе направление – региональное – в свете планируемого создания Союза государств Персидского залива. Сирийский конфликт и ощущение нависшей над регионом угрозы обосновывают важную роль такого союза в деле противостояния этим вызовам и заставляют его будущих участников ускорить шаги по формированию такой организации, с тем чтобы она стала влиятельной силой в регионе в политическом, военном и экономическом отношениях. Потребность в появлении союза не ограничивается задачей обеспечить развитие стран Залива и противостоять неизменным амбициям Ирана. Она также вызвана необходимостью активно влиять на преобразования в регионе и арабском мире в целом, руководствуясь общими интересами. Эта потребность диктуется также и изменившейся конъюнктурой интересов мировой экономики на Ближнем Востоке за последние десять лет. Имеется в виду набирающая обороты революция в энергетической отрасли в связи с освоением сланцевых нефти и газа, которые должны во многом изменить мировую экономику.

Третье направление касается непосредственно Саудовской Аравии. Королевство переживает фундаментальную модернизацию. Происходящие в нем изменения, с одной стороны, отвечают потребностям внутреннего развития. С другой стороны, они вызваны международными и региональными факторами. В подобной ситуации массовое стремление к переменам переплетается в общественных настроениях с теми или иными индивидуальными побуждениями. Складывается непростая ситуация, которая заставляет строго придерживаться выбранного курса, в особенности при решении социальных проблем, затрагивающих как частные, так и общественные интересы. Воля к переменам и обновлению – естественная потребность любого общества, стремящегося к развитию, росту и сохранению молодого духа. Но велико различие между обновлением и его имитацией. Подлинное обновление – это развивающаяся мысль и сила ее носителя. Имитация обновления – это легкомысленное отношение к реальности, которую нельзя лишить составляющих ее фундамент элементов, заменив их чем-то новым. Изменения не будут идти в верном направлении, если они зародились вне общественной мысли, вне структуры самого общества, поскольку невозможно экспортировать такого рода идеи, навязывать их обществу, где они не были рождены, без учета ценностей, концептуальных приоритетов и повеленческих моделей, действующих в этом обществе.

Саудовская Аравия переживает фундаментальную модернизацию. Воля к переменам и обновлению – естественная потребность любого общества. Но велико различие между обновлением и его имитацией. Подлинное обновление – это развивающаяся мысль и сила ее носителя. Имитация обновления – это легкомысленное отношение к реальности, которую нельзя лишить составляющих ее фундамент элементов, заменив их чем-то новым.

Все это подтверждает значимость гражданских институтов и осуществляемого ими контроля для ограничения колебаний общественной мысли и разобщения мнений, для направления общественного мнения в русло совместной созидательной работы, не нарушающей святость принципов общественного устройства. Если будут ослаблены узы, связывающие народ с его корнями, это приведет к разобщению нации, размыванию национальной идентичности и лояльности государству. Все это будет подменено другими связями, стремлениями и побуждениями.

Перевод с арабского

Александр Павлович Люсый – старший научный сотрудник Российского института культурологии, член Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН

Оборона, девственность, революция

«Турецкая весна» для глобального среднего класса

«Смерть вошла в меня». Почему она сказала о своей боли? Сказала после того, как мы залили в себя не одну рюмку сливовой ракии, долго топтались на дискотечной танцплощадке, обнимались в толпе, озаряемой желтыми, красными, фиолетовыми бликами и, наконец, рухнули на стол, и тогда ее красные, полные губы разомкнулись, и она прошептала мне на ухо слово «смерть», будто выталкивала его зубами. Мои руки лежали на ее бедрах. Я уверенно прокладывал путь между ее раздвинутых под короткой юбкой ног. Как смерть может войти внутрь молодой женщины, с какого места в теле она начинает ее подтачивать? Конечно, с ее грота, с этого треугольника жизни, до которого я хотел добраться перед отъездом из этого города. Оттуда на свет могла появиться новая жизнь, но женщина говорила о смерти. Смерть была волком, с некоторых пор она ощущала его в себе, в самой глубине своего тела, он досыта насыщался ею. Его звали Вук, то есть Волк.

Недим Гюрсель «Той зимой в Сараево»

Флобер, побывавший в Стамбуле за сто два года до моего рождения, под впечатлением от его многолюдности и разнообразия написал в одном из своих писем, что он уверен: через сто лет Константинополю суждено стать столицей мира.

Орхан Памук «Стамбул. Город воспоминаний»

«Стамбул раздавят, но не таков Арзрум» – эту формулу Александра Пушкина, оказавшуюся пророческой для судьбы Османской империи в целом, я попытался применить и для понимания современных событий в исламском мире после «арабской весны» (в статье «Византийский нарратив» – в четвертом номере этого же альманаха за прошлый год). Теперь же, размышляя о «турецкой весне», мне вдруг очень захотелось ошибиться – хотя бы даже и вместе с самим Пушкиным! И я теперь абсолютно уверен, что нынешняя «оборона Стамбула» – независимо от ее конечного исхода и последствий – может рассматриваться как историческое искупление падения города, называемого некогда Константинополем. Неслучайно оборона эта началась в мае 2013-го – ровно через 560 лет после его предыдущего взятия в мае 1453-го.

Сонечка Мармеладова на фоне Айя-Софии

«Дорогой премьер-министр, вы даже не знаете, какое благое дело сделали для страны сегодня. Сегодня я впервые видел, как фанат “Фенербахче” помог подняться с земли “галатасарайцу” после приказа полиции “убивать”. Сегодня турки и курды делились водой и хлебом. Сегодня женщины, которых вы называете проститутками, вышли из публичных домов, чтобы промыть раны пострадавшим и напоить их лимонной водой. <…> Сегодня наши глаза полны слез не от вашего перечного газа, а от гордости за нашу Турцию».

«Дорогой премьер-министр, – обращается турецкий блогер к Реджепу Тайипу Эрдогану в разгар первой волны антиправительственных выступлений, – вы не представляете, как я вам сегодня благодарен. Вы даже не знаете, какое благое дело сделали для страны сегодня. Сегодня я впервые видел, как фанат “Фенербахче” помог подняться с земли “галатасарайцу” (“Фенербахче” и “Галатасарай” – старейшие футбольные клубы Стамбула. – *А.Л.*) после приказа полиции “убивать”. Сегодня турки и курды делились водой и хлебом. Сегодня женщины, которых вы называете проститутками, вышли из публичных домов, чтобы промыть раны пострадавшим и напоить их лимонной водой. Сегодня нелюбимые вами трансвеститы спасали людей в своих комнатах дешевых отелей Тарлабашы (район Стамбула. – *А.Л.*). Адвокаты и врачи раздавали свои телефоны для оказания помощи. Сегодня эснафы (магазины, кофейни – всё, что на первых этажах. – *А.Л.*) отключили пароли на вайфай, а отельеры пускали утомленных или избитых. Сегодня наши глаза полны слез не от вашего перечного газа, а от гордости за нашу Турцию».

Знакомый севастопольский писатель Михаил Лезинский ухватился за буквально понятую фразу насчет «проституток» и напомнил мне эпизод из обороны Севастополя во время Крымской войны, когда местные жрицы любви дружно вышли строить оборонительные укрепления наряду со всеми жителями города. «Они трудились с большой охотой, рассказывают историки. Даже когда адмирал Павел Нахимов предложил им выделить в помощь нескольких солдат, отказались. Попросили лишь две подводы с лошадьми и всего двух солдат, которые этими лошадьми бы управляли. Землю для строительства батареи женщины носили в подолах своих юбок, в карманах, сумочках. Перебрасывали грунт деревянными лопатами, укрепляли батарею дерном. Работы длились с ноября по декабрь 1854 года. А когда все было готово, батарею назвали “Девичьей”. Сооружение прикрывало 4-й бастион с тыла от возможной атаки со стороны Южной бухты». Мраморная табличка на скромном обелиске особенно не детализирует: «На этом месте женщинами Севастополя в 1854 году была построена батарея». Если вспомнить происхождение нынешних стамбульских героических и милосердных интердевочек (уж не турчанки в массе своей – об этом «русском следе» роман Владимира Бушняка «Стамбульский зазывала»), линия преемственности по заданному самой Афродитой возрождению девственности в пене морской очевидна. Столь ли очевиден малый ис-

Несмотря на то, что «Партия справедливости и развития» в 2003 году пришла к власти демократическим путем и с тех пор не раз подтверждала свое лидерство на выборах, оппоненты называют правление Эрдогана (на фото) диктатурой. Он стремится единолично принимать решения, с мнением населения больше не считаясь. Придя к власти за счет хранящей традиции и устои глубинки, политик сразу же начал, как я сам слышал от тамошних «рассерженных горожан», «продавать страну американцам», наглядным выражением чего и стало его желание построить на месте парка и культурного центра Ататюрка торговый центр и освещающую это строительство мечеть.

тавшиеся устроить путч, чтобы остановить секуляризацию Турции и восстановить оттоманские принципы ислама как составной части государственной власти.

Несмотря на то, что «Партия справедливости и развития» в 2003 году пришла к власти демократическим путем и с тех пор не раз подтверждала свое лидерство на выборах, активисты в социальных сетях называют правление Эрдогана диктатурой. Уже десять лет он стремится единолично принимать решения, с мнением населения больше не считаясь. Придя к власти за счет хранящей традиции и устои глубинки, политик сразу же начал, как я сам слышал от тамошних «рассерженных горожан», «продавать страну американцам», наглядным выражением чего и стало его желание построить на месте парка и культурного центра Ататюрка торговый центр и освещающую это строительство мечеть. Если он и исламист, то исламист с коммерческим лицом – аналог нашего самого выдающегося политического демагога-коммерсанта Жириновского.

ториософский треугольник Константинополь–Севастополь–Стамбул из-под тени традиционной имперской римской троицы?

Выступления на площади Таксим «из-за нескольких десятков деревьев», как начали было снисходительно освещать события в Стамбуле наши телеведущие (по всей видимости, готовые ко всему, что можно еще сделать с ними и их городом), – следствие давно зреющего недовольства среднего класса страны авторитаризмом и ползучей исламизацией. Но ставший камнем преткновения парк Гези для стамбульцев – не просто кусочек зелени. Это парк с мемориалом Ататюрку на месте, где войска под его командованием разбили части, пы-

До последней капли брандспойта

Сразу же с образованием на обломках Османской империи Турецкой республики во главе с Мустафой Кемалем (Ататюрком) там началась ускоренная модернизация. Ее главные составляющие: во-первых – индустриальная модернизация общества и связанное с ней разрушение традиционных связей, во-вторых – демократизация. В процессе модернизации привычная социальная среда обычно ломается, что особенно болезненно для сельских жителей. Они разоряются, устремляются в города, где, естественно, оказываются менее конкурентоспособными, чем городское население, попадают в более тяжелое положение. Но в количественном плане их больше, и это проявляется на выборах: к власти приходят люди, которые отражают интересы плохо социализированной массы людей. И как раз таки это мы имеем в ситуации с Эрдоганом и его последователями. Данные политические лидеры стараются провести как бы обратные реформы, направленные на поддержание традиционных устоев в обществе. Но это вызывает недовольство у той части населения, которая уже прошла этап модернизации.

В Турции возник завещанный Ататюрком эффективный механизм разрешения такого противоречия, связанный с особой ролью армии, которая имела полномочия через военные трибуналы влиять на политический процесс. Масштабные военные перевороты произошли в 1960-м и 1980-м, «малый переворот» – в 1971-м. И в 1997-м военные, не прибегая к открытой силе, заставили изменить политический курс. Эрдогану громкими отставками и арестами удалось существенно понизить роль армии. Несколько лет тянулось так называемое дело «Эргенекон» – организации заговорщиков, якобы готовившей переворот с целью свержения правительства, по нему прошло около 400 человек – представителей высшего генералитета, университетских профессоров, депутатов, лидеров самых различных политических организаций, от крайних националистов до коммунистов, писателей, журналистов. Основные фигуранты осуждены на сроки от 18 до 20 лет. Согласно конституционным изменениям, принятым в 2010-м, армия фактически потеряла возможность вмешиваться в политические процессы.

Но недовольство в ходе этих репрессий накапливалось, к чему прибавились сенсационные свидетельства о сомнительной связи спецслужб с террористическими организациями. В числе поводов для недовольства называют недавние попытки добавить в школьную программу обязательный религиозный компонент, законопроект о полном запрещении абортов и попытку запрета поцелуев в публичных местах, разрешение на ношение хиджабов в светских университетах. Строительные же проекты, совпавшие с ограничением на продажу, рекламирование и употребление алкоголя, о которых в последние дни много говорит и турецкая, и западная пресса, стали лишь последней каплей в чаше терпения модернизированной части граждан страны. Хотя капля эта, видимо, оказалась довольно крупной: даже те демонстранты, которые не употребляют алкогольные напитки, выражают недовольство тем, что правительство пытается вмешиваться в их частную жизнь и в то же время косвенно подрывает туристический бизнес.

И власть, и оппозиция сходятся в категорическом отрицании сходства выступлений в Турции с «арабской весной». По словам Эрдогана, истинная сущность уже состоявшейся «турецкой весны» заключается в бурном экономическом росте последнего десятилетия, и «никакой другой сезон» государству уже не нужен. Погоду портят отщепенцы, организованные извне, прежде всего Израилем, с которым у Турции отношения в последние годы портятся.

Президент Института Ближнего Востока Евгений Сатановский отметил, что нынешние события по своей сути противоположны «арабской весне». Тогда на улицы против авторитарных властителей с 40-летним стажем вышли исламисты, добравшиеся при поддержке «твиттерной» молодежи, женщин и прогрессивных движений до власти. А то, что происходит сейчас в Турции, – выступления защитников светской кемалистской Турции против Эрдогана, против исламистов, которые в мягкой форме, но ликвидируют светское государство. Судя по опросу специалистов Университета Бильги, приведенному *The Wall Street Journal*, 70 процентов митингующих не являются сторонниками какой-либо партии, причем возраст 60 процентов участников протестов – меньше 30 лет.

В Турции был завещанный Ататюрком эффективный механизм разрешения противоречия между сторонниками поддержания традиционных устоев в обществе и адептами модернизации. Его претворяла в жизнь армия, которая влияла на политический процесс через военные трибуналы. Масштабные военные перевороты произошли в 1960-м и 1980-м, «малый переворот» – в 1971-м. И в 1997-м военные, не прибегая к открытой силе, заставили изменить политический курс. Эрдогану удалось существенно снизить роль армии громкими отставками и арестами.

Заведующая сектором Турции Института востоковедения РАН Наталия Ульченко заметила, что от событий «арабской весны» турецкие недовольства отличает отсутствие экономических требований. В Египте и Тунисе на площади стояла молодежь с хорошим образованием, которая не могла найти себе места в традиционной арабской среде. Молодые турки не имеют проблем с профессией и заработком: они хотят иной политической обстановки для самореализации, больше свободы, больше демократии.

Известному турецкому писателю Недиму Гюрселю, вынужденному в 1980 году эмигрировать, события больше напоминают Париж в мае 1968 года. Обращает на себя внимание нехарактерное для «оранжевых» революций отсутствие какого-то оппозиционного центра. Выступают достаточно разрозненные группы людей, придерживающихся совершенно разных взглядов. То есть четкого оппонента нет, как это, между прочим, было и в арабских странах, когда власти Египта и Туниса не знали, с кем вести переговоры. Приходится иметь дело с огромной неструктурированной массой

Часть населения страны не готова идентифицировать себя с той политикой, которую проводит Эрдоган. Причем не готова настолько, что свою идентификационную модель, которую давал им, по их представлениям, Ататюрк, она намерена отстаивать в виде таких протестных акций.

людей. Это, впрочем, не значит, что какой-либо структуризации конфликта не произойдет и не возникнет новая чисто политическая сила.

При всей спорности вопроса о состоянии турецкой экономики аналитики отрицают связь нынешних протестов в Турции с экономической ситуацией в принципе. По мнению политолога Рустама Бурнашева, они имеют тут в основном идентификационный характер. То есть часть населения страны не готова идентифицировать себя с той политикой, которую проводит Эрдоган. Причем не готова настолько, что свою идентификационную модель, которую давал им, по их представлениям, Ататюрк, она намерена отстаивать в виде таких протестных акций. Вряд ли существует и какая-то внешняя сила, которая занялась целенаправленным расшатыванием страны. Это преимущественно внутренняя проблема самой Турции. Когда какая-то страна «третьего мира» начинает модернизироваться, менять свой социально-экономический и вообще социально-идентификационный уклад, в обществе возникают группы, имеющие разные идентификационные модели, каждую из которых начинают отстаивать свои адепты. Аналогичный мотив имеет место и в арабском мире, хотя там направленность и ответная реакция были другими. Экономическая подоплека, внешняя подоплека здесь могут быть какими-то вспомогательными, вторичными факторами, но никак не основными. В то же время, в отличие от предыдущих лидеров Египта, Туниса, Сирии, власть Эрдогана абсолютно легитимна, основана на поддержке большинства населения. Поэтому если референдум состоится и выйдет за рамки Стамбула, то, вероятнее всего, они проголосуют именно за те решения, которые предлагает Эрдоган. Но жители Стамбула и других городов не примут этот референдум, потому что будут чувствовать угрозу своему социальному пространству, своему «я» или «мы», которые они отстаивают.

Впрочем, легитимность теперь не указ и для населения Египта. Возникла триада: «арабская весна» – «турецкая весна» – «тюркское лето», в котором свое весомое слово уже сказала египетская армия. Дальнейшее развитие ситуации во многом зависит от степени жесткости властной реакции на митинги. Есть, вероятно, в таких случаях критическое число жертв. Между прочим, количество покончивших жизнь самоубийством полицейских сейчас превосходит число погибших демонстрантов, хотя официальные источники отрицают прямую связь этих самоубийств с участием в разгоне демонстраций, объясняя все неурядицами в семейной жизни (один – из-за того, что его брат провалился на вступительных экзаменах в школу полиции). По словам главы полицейского союза *Emniyet-Sen* Фарука Сезера, стражи порядка тоже страдают от того, что им приходится работать в таких тяжелых условиях. Полицейским, которые прибыли в столицу из других городов страны, для того, чтобы помочь восстановить спокойствие, приходится спать на скамейках и обрывках картона на улицах. Фарук Сезер рассказал, что власти города не могут подобающим образом разместить всех сотрудников. «Жестокость, которую проявляют полицейские по отношению к протестующим, это отражение жестокости, с которой сталкиваются сами полицейские. Они не только становятся жертвами нападений протестующих. Полицейские работают по 120 часов (в неделю. – *А.Л.*), едят черствый хлеб и плохую пищу», – отметил Сезер. Глава полицейского союза считает, что ненависть к полицейским со стороны турецких граждан закончится, когда они увидят, что стражи порядка спят на земле на собственных щитах. «У нас сердце кровью обливается, когда мы видим такие картины. Как полицейский союз, первое, что мы сделаем, когда протесты закончатся, это возьмем все фотографии и доказательства для того, чтобы возбудить уголовное дело. Я говорю вам: поставить полицейских в такие условия – то же самое, что изменить стране», – подчеркнул Сезер. Получается, что свободные обитатели протестных палаточных городков находятся в куда более

Дальнейшее развитие ситуации во многом зависит от степени жесткости властной реакции на митинги. Есть, вероятно, в таких случаях критическое число жертв. Между прочим, количество покончивших жизнь самоубийством полицейских сейчас превосходит число погибших демонстрантов, хотя официальные источники отрицают прямую связь этих самоубийств с участием в разгоне демонстраций, объясняя все неурядицами в семейной жизни.

комфортных условиях, чем подневольные стражи порядка, но это не создает абсолютно непроходимой стены между ними. В столичной Анкаре пятнадцать полицейских перешли на сторону протестующих и применили перечный газ против коллег, выполняющих приказ власти душить демонстрантов. Мэр курортной столицы Антальи Мустафа Акайдын запретил муниципальным службам заправлять водой водометы полицейских.

В то же время президент Турции Абдуллах Гюль отстаивает европейский выбор Турции, который, на его взгляд, очевиден и в содержании, и в форме антиправительственных протестов: «Если вы хорошо посмотрите на то, что происходит в странах Ближнего Востока, – говорит Гюль, – то увидите, что все споры относительно основных прав и свобод человека происходят в странах, в которых отсутствуют свободные и демократические выборы, а судебная система не соответствует западной. Турция уже проводит переговоры с ЕС и доказала Европе, что является демократической страной со свободными выборами. Но почему же тогда все это произошло в Турции? – спросите вы. На протяжении 10 лет Турцией правит одна власть. Конечно же, за это время оппозиция проявляла и будет проявлять свое недовольство. Действия официальной власти могут быть несогласованными. В Стамбуле происходит много всего, каждый живущий в этом мегаполисе хочет,

Президент Турции Абдуллах Гюль (на фото) отстаивает европейский выбор Турции, который, на его взгляд, очевиден даже и в содержании, и в форме антиправительственных протестов.

чтобы его спрашивали и уважали его права. Здесь есть защитники природы и животных. Я все это вижу. Это все проявления развитого государства. Два года тому назад в Лондоне произошла похожая ситуация, во время которой жгли машины, разрушали магазины, были ранены тысячи людей. Или, например, Испания, в которой из-за финансового кризиса миллионы людей вышли на улицы, чтобы выразить свое мнение. А как же Америка со своими демонстрациями и протестами? Все, что происходит сейчас в Турции, похоже на то, что было в западных странах, а не в странах Ближнего Востока. Я согласен, что наша полиция была слишком жестока с демонстрантами и не должна была применять слезоточивый газ. Сейчас эта проблема решена. Не стоит беспокоиться за будущее Турции: экономическая система и политическая ситуация в стране будут стабильны и впредь».

Восстания достатка

В какой степени оправданы сравнения защитников парка Гези с «болотной» оппозицией и ее «оккупаями-абаями»? Можно привести еще одну – книжную – триаду с рядом совпадений. В год выхода знаковой для своего времени книги философа Хосе Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» (1932) родился автор не менее значимой для следующей эпохи книги «Восстание элит» Кристофер Лэш. Через десять лет после выхода этой книги в России (2002) Фрэнсис Фукуяма или Борис Кагарлицкий (затрудняюсь сказать, кто первый) дали не менее точный диагноз текущих мировых процессов: «Восстание/революция среднего класса». Да, сейчас в мире в целом происходит глобальное восстание именно среднего класса, который есть и в России – 18–20 процентов населения. Лейтмотив, объединяющий между собой события в Турции и Бразилии и их – с «арабской весной» 2011 года и неутихающими протестами в Китае, по мнению Фукуямы, – это появление нового глобального среднего класса. Современный средний класс повсюду, где он возник, вызывает политическое брожение, но лишь изредка ему удается самостоятельно осуществить устойчивые политические перемены. Ничто из того, что мы в последнее время наблюдаем на улицах Стамбула и Рио-де-Жанейро, не дает оснований думать, что эти случаи станут исключениями.

Протестует прежде всего «технически подкованная» молодежь с уровнем достатка и образования выше среднего, которая чувствует себя «отлученной от правящей политической элиты», полагает Фукуяма. Экономисты и бизнес-аналитики называют средним классом совокупность людей с определенным уровнем дохода, продолжает Фукуяма. «Корпорации исходят слюной при мысли о приросте среднего класса, поскольку он представляет собой огромный резерв новых клиентов», – полагает автор «Конца истории». (По прогнозу Института ЕС по исследованиям в области безопасности, к 2030 году численность этого слоя достигнет 4,9 миллиарда человек.)

Но Фукуяме куда более значимыми для прогнозирования политического поведения кажутся другие критерии – «образование, род занятий и владение активами». Более высокий уровень образования коррелирует с повышением ценности демократии, личной свободы и терпимости к иному образу жизни в представлениях людей. Помимо безопасности, таких людей начинает интересовать свобода выбора. Семьи, владеющие долговечными активами – такими, как дом или квартира, – гораздо больше интересуются политикой, поскольку все это вещи, которые правительство может у них забрать. Поскольку средний класс – это, как правило, тот слой, который платит налоги, у его представителей имеется прямая заинтересованность в том, чтобы правительства были подотчетными. Что самое важное, новых представителей среднего класса с большей вероятностью подстегнет к активным действиям то, что покойный политолог Сэмюэль Хантингтон ранее называл «разрывом», то есть неспособность общества удовлетворить их быстро растущие чаяния экономического и социального прогресса. Эта динамика была налицо в ходе «арабской весны».

«Все эти явления не новы, – напоминает Фукуяма. – Французская, большевистская и китайская революции – все они прошли под началом недовольных представителей среднего класса, пусть на их дальнейшее развитие и оказывали влияние крестьяне, рабочие и беднота. Практически весь Европейский континент был охвачен революционным движением в эпоху “весны народов” 1848 года, и это прямой результат роста европейского среднего класса в предшествующие десятилетия». Бразильцы протестуют против сильно коррумпированной политической элиты, которая демонстрирует гламурные проекты – чемпионат мира и Олимпийские игры в Рио, – будучи не в состоянии обеспечить такие основные услуги, как сносное здравоохранение и образование для большинства.

Для турецкого общества коррупция является таким же системным явлением, как и для России. Те, которые выходят на улицы в Турции и России, меньше всего имеют доступ к коррупционноемким отраслям жизни. Существенная разница турецких и российских «средних» в том, что за первыми стоит мощная республиканская элита, независимые политические партии, которые никогда не выигрывали выборы, но порой получали власть из рук военных, и все в большей степени общество в целом. В силу этих факторов турецкие «декабристы» выходят на площадь гораздо более уверенно, чем российские (генералы арестованы, но без офицеров все равно никуда не деться), не только от имени среднего класса. И в отличие от Турции – вернусь к неожиданно пикантному началу своей статьи, – термин «проституция» (с определением «политическая») оказывается более применимым не к оппозиции, а к представителям разных ветвей власти (к оппозиции более применим заданный еще Хрущевым перенос нетрадиционной сексуальной ориентации).

Протестует прежде всего «технически подкованная» молодежь с уровнем достатка и образования выше среднего, которая чувствует себя «отлученной от правящей политической элиты».

В целом же, пока угроза реального падения доходов представителей среднего класса не стала фатальной, а коррупция, отчужденность от элит и иные явления политической системы еще не вызывают особой аллергии, российский средний класс в целом может позволить себе продолжить политическую сиесту, обязательную, по свидетельствам путешественников, в дореволюционном османском Стамбуле. «Никаких десяти тысяч, о которых писали оппозиционные блогеры, и в помине не было, – оставим в покое Фукуяму и обратимся к Кагарлицкому, описывающему протестные выступления в Москве в день вынесения судебного приговора Алексею Навальному, – но и тех 3,5–4 тысяч, что реально собрались в центре, хватило бы, чтобы наглухо закрыть Тверскую улицу и парализовать движение в центре Москвы. Однако из массы пришедших нашлось от силы человек 300, которые такую попытку предприняли, да и то очень вяло, не получив поддержки от остальных. Кого-то упаковали в автозаки, остальные разошлись по тротуарам. Вот и все. В Западной Европе это даже не считалось бы демонстрацией.

Публика не столько протестовала, сколько любовалась собой, не желая, разумеется, рисковать и не забывая о своих планах на продолжение вечера. <...> После протеста в центре Москвы фейсбук заполнился отчетами, как после вечеринки: “Было здорово”. Постили фотки и восхищались своей смелостью. Ведь не просто так без дела час простояли на углу улицы, а участвовали, да в “несанкционированном митинге”!»

То есть даже если и происходит пробуждение, то пока преимущественно нарциссическое.

Светлана Владимировна Лурье –
доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург)

Сирия, Китай, Корея… далее – везде

Интересы России и Америки не противоречат друг другу, но Россия полезна миру только как самостоятельный полюс силы

С приходом в Белый дом Барака Обамы начали много говорить о том, что мир стал многополярным. Это очередное клише. Точно таким же клише при Джордже Буше-младшем было утверждение, что мир монополярен. Аналитики бездумно повторяют слова, которыми репрезентируют себя главы американских администраций. Но отражают ли эти слова процессы, происходящие в мире?

Десять лет назад Америка, казалось, не знала предела собственной силы и меры своих амбиций. Воюя в Афганистане, она решилась на новую большую войну в Ираке. Впрочем, тогда Америка еще не предполагала, что война будет большой и затяжной. Теперь Америка, вроде бы, готова воевать только с разрешения Совбеза ООН. Но значит ли это, что произошло качественное изменение в ее политике? Скорее произошла смена задач. Мы продолжаем по инерции судить о политике Америки по ее действиям на Ближнем Востоке, между тем основное поле действия американцев сегодня – азиатско-тихоокеанский регион (АТР). Там можно говорить о более четкой тенденции Америки, хотя конкретные шаги только нащупываются. На Ближнем Востоке, переосмыслив план преобразования региона, намеченный еще Джорджем Бушем, США набрасывают контуры будущего рисунка, пробуют свои шаги, ошибаются, пробуют снова...

Мировые державы, может быть, кроме России и Китая, реагируют на внешнеполитические события почти случайным образом. Хотя Франция и Великобритания постоянно напоминают о себе – но не более того, а Германия замкнулась на проблемах Евросоюза (подумывая, как выскользнуть из еврозоны). Китай же оказался в эпицентре мировых трансформаций, будучи волей-неволей вовлеченным в противостояние с Америкой. А Россия включается в эти трансформации добровольно, стремясь самоутвердиться, но порой кажется, что она не вполне отдает себе отчет в их сути.

Мир стал намного сложнее. Исчезла простая схема войны с терроризмом. Ее рецидивом является только вторжение Франции в Мали, но неслучайно Франция осталась в своем порыве одна. В политической игре с мусульманским миром следует ожидать более запутанной конфигурации и неожиданных развязок.

Так что миром рулит пока Америка, и в еще большей степени, чем при Джордже Буше. При нем была слышна разноголосица, мир был ярким, шли разнообразные внешнеполитические игры, и что бы ни говорили, это был многополярный мир, мир различных точек зрения, мир взаимодействия ценностей, культурного сродства, внешнеполитического диалога. Теперь такая разноликая Европа сникла, только Россия сохранила свой голос. И сейчас ей предстоит решить, как им распорядиться.

Мир стал намного сложнее. Исчезла простая схема войны с терроризмом. Ее рецидивом является только вторжение Франции в Мали, но неслучайно Франция осталась в своем порыве одна. В политической игре с мусульманским миром следует ожидать более запутанной конфигурации и неожиданных развязок. В мире появляются новые факторы, которые ранее никак не ощущались и к которым наша европейская цивилизация пока не может приноровиться. Это, например, Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) как культурно-политическая модель. Это фактор северо-восточной Азии, где не просто расположены высокоразвитые в экономическом плане демократические страны Япония и Южная Корея, но все явственнее заявляет о себе треугольник Япония–Китай–Корея как культурная целостность. И уже нельзя сказать, что историческое наследство этих государств – сугубо их проблема: она теперь в значительной степени и наша. Мы не можем упрощенно смотреть на Северную Корею как на государство-изгоя: страна представляет собой вызов величайшей сложности, который мы еще пока вполне и не осознаем.

Россия, правда, может извлечь из северокорейской проблемы солидные дивиденды. Например, благодаря этой проблеме потеряла прежнюю остроту ситуация с европейской ПРО. Недавно Америка пошла на отчаянный шаг. Фактически компоненты ПРО, которые она размещает в Европе, помогут ей в случае угрозы со стороны Ирана. От тех же компонентов (SM-3 IIB), которые были направлены про-

На встрече в Берлине 26 февраля Лавров и Керри (на фото) нежданно-негаданно заявили общую позицию по Сирии, которая заключается в том, что власть и оппозиция должны приступить к диалогу. Керри утверждал, что у власти в Сирии должны остаться светские лидеры, никто не хочет прихода исламистов.

тив нас, она все-таки отказалась. Не по доброте к нам идет Америка на такие «жертвы». Ей срочно нужны деньги – очень много денег. Они пойдут на сооружение 14 дополнительных перехватчиков на западном побережье США. Кроме того, Америка ускорит строительство второго радара в Японии. США впервые столкнулись с угрозой, которую считают действительно реальной, и эта угроза исходит от КНДР.

Внешнеполитические игры России и Америки: кто ведет в счете?

Но не в простоте решает Америка свои проблемы с европейской ПРО. Она вовлекает Россию в малопонятные внешнеполитические игры. Россия – может быть, единственная страна, с которой Америка продолжает в них играть. Только выглядят они както чересчур изощренно, хотя суть их проста – Америка уступает свои позиции там, где они для нее не имеют принципиального значения. А Россия мудро на эти уступки не реагирует, продолжая гнуть свою линию. Внешнеполитический спектакль предназначен для Европы: нужно вызвать у нее состояние прострации – чтобы меньше активничала. От России же Америка ждет поддержки, но не на том поле, на котором ведет с ней игру, не в сфере разоружения, не на Ближнем Востоке, а в АТР. Пусть логика американцев кажется абсурдной, но нас тем не менее интересует, куда она заведет. Нам важно, чтобы она завела подальше, поглубже, туда, где формируется сама суть будущего мироустройства. Приходится терпеть, что отдельные эпизоды американского внешнеполитического действия кажутся клиническими случаями. История с европейской ПРО – хороший тому пример.

За несколько часов до встречи Сергея Лаврова и Джона Керри 26 февраля в Берлине газета «Коммерсантъ» со ссылкой на компетентные американские источники дала следующую информацию: «Россия и США, похоже, нашли выход из тупика по ПРО. Как стало известно "Ъ", прорыв может обеспечить обмен между президентами двух стран политическими декларациями, смысл которых – зафиксировать стремление РФ и США сотрудничать в сфере ПРО и не использовать свои потенциалы друг против друга. <...> Для подписания такого документа президенту Бараку Обаме необязательно запрашивать согласие Конгресса. В США есть форма международных соглашений, не требующая ратификации законодателями. Речь идет о так называемых президентских исполнительных соглашениях. <...> Президенту РФ Владимиру Путину в этом случае надо будет лишь подписать меморандум о понимании, по содержанию аналогичный американскому тексту». Сергей Лавров ответил на все эти «домыслы» весьма раздраженно: «Мы деклараций напринимали достаточно».

Однако непохоже, чтобы статья «ПРО ставят на президентскую гарантию» в газете «Коммерсантъ» была обычной газетной уткой. По сообщениям, на переговорах по ПРО главы внешнеполитических ведомств двух стран не продвинулись ни на шаг. Но скорее всего, в Берлине предложение об обмене политическими декларациями на высшем уровне о принципах сотрудничества в сфере ПРО было Джоном Керри сделано. А Сергеем Лавровым отвергнуто?

Иначе откуда же дым – ведь без огня его не бывает? Ах, да, вроде как источник дыма был найден. Оказывается-де, поводом для ожиданий стало то, что сенатор Майк Роджерс обратился к вице-президенту Джо Байдену с просьбой подтвердить его обещание десятилетней давности о необходимости согласовывать все решения, касающиеся национальной безопасности, с сенатом. Остальное домыслили эксперты?

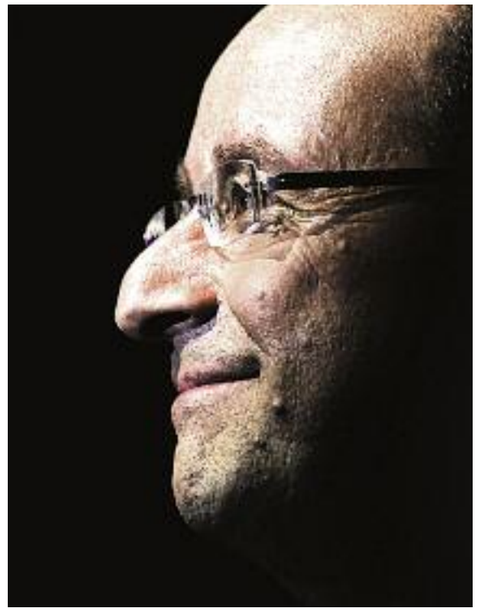
Но все не так просто. Вице-президент США Джо Байден обсудил с Сергеем Лавровым (во время встречи на мюнхенской конференции по безопасности в начале февраля) тему дальнейшего сокращения ядерных боезарядов до 1000 единиц с каждой стороны (по СНВ-3 предусматривается сокращение числа ядерных боезарядов до 1550 единиц, а носителей – до 700 единиц у каждой стороны). Но встретил твердое «нет». Тогда в Москву в срочном порядке отправилась заместитель госсекретаря США по вопросам контроля над вооружениями Роуз Гетемюллер – аж с четырехдневным визитом. Она привезла новые предложения о взаимном сокращении ядерных вооружений, но уехала ни с чем. А тем временем после ежегодного послания Обамы конгрессу на сайте Белого дома была помещена стенограмма выступления и вопросов с ответами по основным пунктам. Там черным по белому было написано, что президент приветствует 50-процентное сокращение ядерных вооружений. Дальше в Москву прибывает Гетемюллер, а на следующий день с сайта исчезает информация о сокращении арсеналов.

Тогда Обама делает новый ход. В случае отказа Москвы от переговоров о новом сокращении ядерных арсеналов, сообщил анонимный источник из американской администрации, «Белый дом может попытаться заручиться поддержкой двух третей сенаторов и начать сокращение вооружений в одностороннем порядке». По сведениям «Нью-Йорк таймс», Барак Обама был готов объявить о сокращении ядерных вооружений на треть уже 12 февраля, но официальную информацию Россия так и не получила.

А в середине марта появилось сообщение о сокращении европейской ПРО.

Между тем на встрече в Берлине 26 февраля Лавров и Керри нежданно-негаданно заявили общую позицию по Сирии, которая заключается в том, что власть и оппозиция должны приступить к диалогу.

Керри утверждал, что несмотря на расхождения в нюансах, у Запада и России общая озабоченность в отношении Сирии: у власти там должны остаться светские лидеры, никто не хочет прихода исламистов. И буквально через несколько часов источник в американской делегации сообщил о возможном «существенном повороте в политике Белого дома по Сирии».



В стремлении сделать Францию самостоятельным центром силы Франсуа Олланду (на фото) приходится бежать впереди паровоза, чтобы придумать для Америки такую проблему, которая опять привлечет ее внимание к Европе и, в частности, Франции, что создаст возможность нового внешнеполитического диалога между Старым и Новым Светом.

Керри оказался в непростой ситуации. После встречи с Лавровым ему предстояло объяснить противникам Башара Асада, что они могут получить военную помощь от США не раньше, чем будут полностью исчерпаны все дипломатические ресурсы по урегулированию в Сирии. И это накануне встречи «Друзей Сирии» в Риме, где ожидалось заявление, что Америка готова снабжать повстанцев оружием.

Известный американский политолог Николас Гвоздев написал тогда в «Уорлд политикс ревью» что «Керри и Лавров, вероятно, довольно близко подошли к тому, чтобы найти компромисс между американской и российской позициями, содействуя переговорам между сирийским правительством и вооруженной оппозицией». Дело дошло даже до неожиданных предположений. «Преследуя цель – положить конец войне в Сирии, – США и Россия, интересы которых в Сирии сталкиваются, пришли к согласию по реализации единого плана в этой стране» – такой вывод делает турецкая газета «Ени шафак», ссылаясь на израильский сайт «Дебка-файл», известный связями с израильской разведкой. Согласно этому плану, Сирия будет поделена на две зоны, одна из которых отойдет под контроль повстанцев, в другой сохранится власть центрального правительства. Теперь США и Россия совместно готовят Женевскую

планета развития

Встреча президента США Барака Обамы и короля Саудовской Аравии Абдаллы

Цель Америки – не в создании фантасмагорического «управляемого хаоса»: она, как и никто в мире, хаосом управлять не в состоянии. Через Египет, Ливию и Сирию, поднимая и поддерживая протестную волну в этих странах, Америка, возможно, нацеливается на Саудовскую Аравию, стремясь сменить саудовский режим, который пока неуязвим ни для какой оппозиции.

конференцию-2. Очень похоже, Америка смирилась, что Асад останется у власти до выборов 2014 года. Американские газеты наперебой пишут о том, что Россия проявляет мудрость, не желая допустить к власти исламистов. Америка так и не решилась вооружать сирийскую оппозицию, боясь, что оружие попадет в руки мусульманских группировок. Складывается впечатление, что Россия побеждает – Америка стремится теперь к дипломатическому разрешению конфликта в Сирии. Но значит ли это, что Россия ведет в счете? Не столь однозначно. Для этого надо ответить на три вопроса. Каким Америка видит арабский мир в долгосрочной перспективе, в чем, в конечном счете, состоит ее игра? Чего добивается Америка от России, какой станет цена ее уступок? И какова в глазах Америки роль Европы?

Главная цель Америки в арабском мире – Саудовская Аравия

Еще в ноябре 2012 года Франция первая признала Национальную коалицию сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС) в качестве переходного правительства Сирии. Как ранее первой признала ливийскую оппозицию. Тогда она сделала это, чтобы спровоцировать Америку к вооруженному вмешательству в ливийский внутренний конфликт, и ей это удалось. Теперь она, несомненно, хотела спровоцировать Америку на вмешательство в сирийский конфликт. Америка же на этот раз стремится по возможности оставаться над схваткой. Франция – главный подстрекатель – не решается открыто вмешиваться в конфликт в обход Совбеза ООН, а поставлять оружие оппозиции – Франция уверена, что хорошо разобралась, кто из повстанцев есть кто, – ей мешало эмбарго Евросоюза. Но вот Франция и Великобритания добились отмены эмбарго на поставки оружия сирийской оппозиции, но непосредственно переходить к действиям, когда Вашингтон твердо настроен на переговоры, они пока не решаются, как минимум, до завершения Женевской конференции.

Однако Франция настроена все еще решительно. Она через поддержку сирийской оппозиции оружием все же надеется подтолкнуть, спровоцировать Америку. И Францию вряд ли интересует конечный результат провокации, главное – чтобы Америка опять погрузилась в сложный конфликт. При любых обстоятельствах Франция желает быть особым центром силы. Америка добровольно увязала в крупных войнах. Во время войны в Ираке Джордж Буш любезно избавил Жака Ширака от необходимости проявлять воинственность: чтобы самоутвердиться, Франции пришлось возглавить антивоенный фронт. При более миролюбивом Бараке Обаме Франсуа Олланду приходится бежать впереди паровоза, чтобы продемонстрировать свою самость и придумать для Америки такую проблему, которая опять привлечет ее внимание к Европе и, в частности, Франции, что создаст возможность нового внешнеполитического диалога между Старым и Новым Светом. Стремление быть самостоятельным центром силы похвально, хорошо бы только Франции обрести для себя позитивную программу и не относиться столь легкомысленно к пролитию чужой крови. Первой признавая НКСРОС, она сознательно стремилась раздуть пожар бессмысленной кровопролитной войны. А иной задачи, как покрасоваться, насладиться своим первенством, Франция не имеет. Собственной светлой цели на Ближнем Востоке у нее нет. Самостоятельной геополитической программы у европейцев нет и еще долго не будет.

Интересы же Америки состоят в том, чтобы действовать по возможности аккуратно, не повторяя ошибок Джорджа Буша, не увязая во все новых и новых конфликтах. Однако это не меняет основную геополитическую линию Соединенных Штатов. В данном случае, как везде и всюду, она состоит в установлении своего прочного контроля над миром, в частности, над арабским миром, в последнее время «отбившимся от рук». И цель Америки вовсе не в создании фантасмагорического «управляемого хаоса»: она, как и никто в мире, хаосом управлять не в состоянии. Представляется также, что речи нет даже об управляемых конфликтах, поскольку никаких новых международных конфликтов американцы не создают. Через Египет, Ливию и Сирию, поднимая и поддерживая протестную волну в этих странах, Америка, возможно, нацеливается на Саудовскую Аравию – очень богатую и очень влиятельную страну региона, но ставшую слишком самостоятельной. Цель Америки – свергнуть не Мубарака, Каддафи или Асада, а сменить саудовский режим, который пока неуязвим ни для какой оппозиции. Сменить его кардинально, поставив пусть авторитарное и даже автократическое правительство, но полностью зависящее от Соединенных Штатов, резко ослабить страну, не дать ей уйти от варварства и дикости. Вот в Аравии Америка и займется, вероятно, созданием управляемых конфликтов, например, между суннитами и шиитами. А пока она подбирается к своему «заклятому союзнику» постепенно, заставляя того петь в унисон себе. Понимает Саудовская Аравия или нет, какую судьбу ей сулят, но она вынуждена поддерживать направляемые Америкой процессы в арабском мире. Действуя по своей – суннитской и ваххабитской – логике и будучи не в силах этой логике противиться, саудовцы сами ослабляют арабский мир. Более того – понуждают и другие – вроде, пока не ангажированные – арабские страны действовать согласно с собой. Америка будет дестабилизировать Ближний Восток постепенно и поэтапно, сохраняя тем не менее контроль над ситуацией. А Саудовская Аравия будет становиться все менее самостоятельным внешнеполитическим игроком – до тех пор пока ее саму не дестабилизируют.

Что при этом дает Америке вмешательство во внутренние процессы в Египте, Ливии, Сирии? Устанавливая контакты с оппозицией в этих странах – пусть по видимости непослушной, неуправляемой, порой радикально антиамериканской, – Соединенные Штаты постепенно берут в свои руки контроль над различными внутриисламскими течениями. Этот процесс долгий, трудный, сопряженный для Америки с преодолением большого числа кризисов и внешнеполитических дисфункций, и даже с жертвами. Шаг за шагом она выполняет собственную геополитическую программу и берет очередной регион мира под свой единовластный контроль. Потом, вероятно, на очереди окажется Пакистан. И только затем – Иран, к которому подступиться еще сложнее. Да и шиитский Иран Америке пока нужен, чтобы играть на противоречиях внутри мусульманского мира. Впрочем, противоречий много и среди суннитских течений. Америке нужно, чтобы они не объединились и не вступили на путь прогресса, ибо в этом случае они выработают свою реалистическую геополитическую программу и станут представлять серьезную угрозу европейской цивилизации. При нынешней доступности ядерного оружия европейская цивилизация может обрести в них серьезного врага.

Поэтому, если вернуться к примеру Сирии, идея о ее разделе между Америкой и Россией на две или несколько замиренных, но потенциально враждующих частей не кажется невероятной. Не будет большой неожиданностью, если Россия на определенных ролях подключится к этому сценарию. В геополитическом плане интересы России и Америки здесь не расходятся. Спор может пойти скорее о методах, ибо интервенционализм Россия не приемлет. От него намерена отказаться и Америка. Жертв со стороны своих граждан, которые могут стать результатом действий мстителей, Америка будет избегать. Обама из опыта Джорджа Буша вынес урок, что не надо воевать своими руками. Ливийский опыт, приведший к гибели американских дипломатов, чуть не стоил Обаме президентского кресла, а потому впредь он будет предельно осторожен. Остается обуздать европейских выскочек и подобрать подход к России, сделать для нее свои действия приемлемыми. Не ради любви к России, конечно, а ради того, чтобы разбить связку Россия–Китай, которая в результате согласованных действий на Ближнем Востоке может перерасти в союзничество. И не допустить этого союза – задача наиболее важная для Америки в ее сегодняшней геополитике. На Ближнем Востоке Америка пока, похоже, притормозит. Она будет работать в исламском мире

постепенно, не торопясь, но упорно. Основное внимание США приковано к АТР. И вот здесь ей особенно важна позиция, которую займет Россия.

Китаю угрожает «тихоокеанская ось» Обамы

Задача, которую Барак Обама поставил еще в свой первый президентский срок, – образование «тихоокеанской оси» (теперь предпочитают говорить о «перебалансировке»). При этом он нисколько не скрывает, что одной из главных целей внешней политики Америки становится обуздание Китая.

По прогнозам к 2027 году валовой внутренний продукт Китайской Народной Республики станет больше, чем у Соединенных Штатов. И страшно то, что Америка, кажется, не может этому воспрепятствовать. Еще страшнее то, что Китай при этом совсем не интересуется предлагаемой США повесткой, а действует и разговаривает, исходя исключительно из своей собственной.

Растет и военная мощь Китая. В прошлом году в Китае впервые прошли пробные полеты истребителя-невидимки типа стелс, а также испытания авианосца «Ляонин». В Китае ускоренно строятся новые подводные лодки, военные корабли и производятся новые ракеты для поражения кораблей противника. Вашингтон обеспокоен китайскими беспилотниками. Наконец, Китай создает новый класс баллистических ракет.

И все это тем более пугает не только США, но и мировую общественность, поскольку никто не может сказать, какой мировой державой будет Китай.

Государство, по понятиям китайцев, может быть только одно, почему страна и называется Поднебесной. Остальные страны, расположенные на периферии земли, – варвары, лишенные покровительства неба. Так мыслил себя Китай на протяжении двух тысячелетий, пока в середине XIX века одряхлевшая империя Цин в ходе «опиумных войн» не столкнулась с агрессией Англии и Франции, а затем на нее набросились другие западные державы и Япония. Одержав с помощью Москвы победу в гражданской войне, китайские коммунисты в 1950 году подписали Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи с СССР. Это был первый и единственный раз, когда Китай установил юридически оформленные союзнические отношения с другим государством. Впрочем, они просуществовали недолго. Одиночество – историческая судьба Китая.

У Пекина нет пока собственной концепции глобального переустройства. Идея так называемого гармоничного мира больше направлена на то, чтобы убедить мировое сообщество в негегемонистском характере «возвышения» Китая, она не представляет собой конкретную программу миростроительства. Но что нас ждет завтра?

Придя к власти, Барак Обама попытался было стать союзником Китая, чтобы взять его под свой контроль. В широкий оборот были запущены концепции симбиоза двух держав – Chimerica и «Большая двойка». В ноябре 2009 года Обама приехал в Пекин и предложил Китаю разделить неформальное бремя ответственности за судьбы мира. Речь шла о предложении полюбовно поделить мир между США и КНР. Но Китай отклонил американское предложение, дав понять, что предпочитает двигаться вперед в своем собственном ритме.

Несогласие Китая вызвало смятение в США. Вашингтон тут же объявляет Китаю об экономических санкциях. Если с Китаем невозможно действовать вместе, примирив две ведущие сверхдержавы, то, решает Обама, надо быть готовым к тому, чтобы растущую сверхдержаву уничтожить. А потому на первое место выходит создание антикитайской системы ПРО. В дополнение к радару X-Band (X-диапазона), размещенному в северной японской префектуре Аомори в 2006 году, решено разместить радар раннего оповещения на японском острове Хонсю (осенью 2012 года в Токио министры обороны США и Японии подписали соответствующее соглашение) и третий – в Юго-Восточной Азии, вероятно, на Филиппинах. РЛС X-Band будет связана с противоракетными кораблями и наземными средствами перехвата.

Если в случае с Россией американцы всячески подчеркивают, что система ПРО направлена не против нее, а против Ирана, то на Востоке направленность ПРО против Китая особо не маскируется. 30 января 2012 года орган ЦК КПК газета «Жэньминь жибао» опубликовала статью «Китаю и России следует создать Евразийский альянс». Что китайские эксперты предлагают России? Евразийский альянс необходим потому, что по отдельности Китай и Россия сильно отстают от США. А объединившись, наши страны «обладают мощной силой».

Вряд ли Евразийский альянс возможен. Китайские подходы к ПРО отличаются от российских. Китай нацелен на создание собственной ПРО и рассчитывает на достижение паритета с Америкой. Если российские руководители говорят о дестабилизирующем воздействии любой национальной программы ПРО, китайцы просто призывают проявлять благоразумие и сдержанность в разработке и развертывании систем противоракетной обороны. А это может означать, что Пекин заранее выступает в защиту собственной системы ПРО. Пекин утверждает, что в 2010 году провел предварительные испытания первых компонентов ПРО. Пекин напрочь отказывается сокращать или хотя бы ограничивать свой ракетный арсенал.

Авианосец «Ляонин»

По прогнозам к 2027 году валовой внутренний продукт Китайской Народной Республики станет больше, чем у Соединенных Штатов. И страшно то, что Америка, кажется, не может этому воспрепятствовать. Еще страшнее то, что Китай при этом совсем не интересуется предлагаемой США повесткой, а действует и разговаривает, исходя исключительно из своей собственной.

Значение Китая, а с ним и всего АТР находит свое отражение в новой военной доктрине Соединенных Штатов от 2011 года. В документе основное внимание уделяется росту Китая – именно эта страна, по мнению американских генералов, в недалеком будущем сможет бросить вызов могуществу США. В то же время России в стратегии посвящено всего два предложения. В ноябре 2011 года Обама объявил АТР приоритетом политики обеспечения безопасности. Тогдашний шеф Пентагона Леон Панетта заявил, что «к 2020 году военно-морские силы произведут передислокацию сил, изменив ныне существующий баланс 50 на 50 процентов между Тихим океаном и Атлантикой на соотношение примерно 60 на 40 процентов». Министр отметил, что финансовые трудности, которые испытывает Вашингтон, никак не отразятся на этих планах. «Сокращения оборонных расходов в США не будут – я еще раз повторяю, – не будут происходить за счет азиатско-тихоокеанского региона», – заверил он. «Ось Обамы» приносит свои плоды. Если раньше Китай приходил в возмущение разве что по поводу Тайваня или Тибета, стараясь поддерживать по возможности дружелюбные отношения со своими соседями (хотя многих из них и считал врагами), то в 2012 году произошел явный срыв. Китай вступил в целый ряд открытых конфликтов: в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Это грозит ему блокированием путей импорта и втягиванием все большего числа стран в американскую систему ПРО.

Между КНР и Японией все непримиримее разгораются территориальные споры в отношении необитаемого архипелага в Восточно-Китайском море, известного как Сэнкаку в Японии и Дяоюйтай в Китае. Этой весной Китай забросил еще один пробный камень,

Саммит АТЭС во Владивостоке в 2012 году

Что случилось на саммите АТЭС? Вместо проблем, предложенных к обсуждению Россией, страны-участницы более заинтересованно обсуждали американский проект Транстихоокеанского партнерства (ТТП) – новый проект интеграции, исключающий Китай.

заявив о претензиях даже на Окинаву. Америка дает понять, что готова защищать Японию.

Не менее остра и ситуация в Южно-Китайском море. Китай претендует почти на все территории, находящиеся в регионе этого моря. О своих претензиях на них также заявляют Тайвань, Филиппины, Вьетнам, Малайзия и Бруней. Если спор между Китаем и Филиппинами в Южно-Китайском море перерастет в вооруженный конфликт, США пообещали встать на защиту Филиппин.

Дислокация кораблей прибрежной зоны в Сингапуре грозит закупорить бутылочное горлышко Малаккского пролива, соединяющего Тихий океан с Индийским. Не оставил без внимания Вашингтон и созданный Китаем ради обхода этого узкого места «наземный мост» через Мьянму, который призван обеспечить переброску сырья по построенным китайцами магистралям с побережья Индийского океана в юго-западную провинцию Юньнань. С правящего Мьянмой режима американцы спешно сняли клеймо военной диктатуры и многолетнюю экономическую блокаду и предложили ему набор стимулов для ослабления ориентации на Китай.

Осенью 2012 года тогдашний госсекретарь США Хиллари Клинтон посетила Индонезию, где она призвала южноазиатские страны выступать единым фронтом в отношениях с Китаем. Она твердо настаивала на принятии Китаем устава Ассоциации стран Юго-Восточной Азии по урегулированию спорных проблем. Америка четко нацелена на то, чтобы не дать конфликту пойти по затухающей. Через череду всех этих конфликтов США трансформируют нарождающуюся китайскую имперскость в банальный национализм. У России все меньше причин занимать в этих конфликтах сторону Китая. У нас непростые отношения с Америкой, но мы к ней притерпелись, неплохо понимаем ее, знаем, что от нее ждать. Пока ничто не указывает на то, что Китай в качестве сверхдержавы будет для нас лучше.

Таков контекст интеграции России в азиатско-тихоокеанский регион.

Россия ищет место в АТР

Что бы в России ни писали об АТР – все полно тревоги. Лейтмотив один – мы опаздываем, надо успеть вскочить в последний вагон уходящего поезда. «Полюс мира» переносится, дескать, из Атлантики в АТР, а российское присутствие в регионе крайне незначительно, дальнейшее развитие мировой политики пойдет без нас. Россия нервничает. А потому не видит геополитического расклада региона, который определяет его динамику. Если еще недавно, будучи председателем организации Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Россия жила надеждой закрепиться в АТР, строила планы, на многое рассчитывала, то после саммита АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012 года у нее опустились руки. Планы, казалось, рухнули, и Россия, вроде бы, вовсе потеряла интерес к АТР, даже не удосужилась организованно передать дела следующему председателю АТЭС – Индонезии.

Что случилось на саммите АТЭС? Вместо проблем, предложенных к обсуждению Россией, страны-участницы более заинтересованно обсуждали американский проект Транстихоокеанского партнерства (ТТП) – новый проект интеграции, исключающий Китай. Надо все же учитывать, насколько неубедительно мы можем смотреться с нашими идеями стать мостом между Европой и Азией. Страны АТР и так уже имеют больше необходимых контактов с Западом, чем сама Россия. Шелковый путь, например, по сути, – чисто китайский проект. Вряд ли им станут пользоваться другие страны АТР. У Шелкового пути вполне конкретная функция – транспортировка китайских товаров в Европу. Нам же тут польза – только от транзита. Но если он и не пройдет через территорию России – это не катастрофа вовсе. Наконец, излишнее заигрывание с Китаем опасно. Чего стоит одна только китайская идея сращивания проектов Евразийского союза и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Ведь тогда речь может пойти уже о большой китайской Евразии. И это – на фоне наших страхов (возможно, гипертрофированных), что китайцы заселят и в конечном счете аннексируют наш Дальний Восток.

В качестве альтернативы говорят о развитии Дальнего Востока посредством приглашения американцев и европейцев. Но те вовсе не рвутся туда. Согласно опросам, американцы, за исключением нефтегазовых проектов, проявляют некоторый интерес только к Северному морскому пути. У европейцев и этого нет. Из стран же АТР к определенным капиталовложениям готовы только Япония и Южная Корея. Вот тут есть о чем подумать – и о возможностях, и о последствиях.

Что касается Южной Кореи, то говорят о перспективах транскорейского трубопровода, транскорейской линии электропередач и железной дороги, которая стала бы продолжением Транссиба и пролегла бы через Северную Корею в Южную. Это был бы очень выгодный проект, тем более что инфраструктура для него готова. Но слишком велики политические риски. Пока же южные корейцы что-то вкладывают в наш Дальний Восток, но там далеко до революции в инвестиционной сфере. Некоторые аналитики говорят о перспективах, которые откроет российско-корейским проектам объединение обеих Корей. Но есть серьезные основания полагать, что такого объединения не будет.

Что касается Японии, то она охотно потребляет наш сжиженный газ. Трубопровод из Восточной Сибири уже дошел до побережья Тихого океана. Во Владивостоке работает завод по производству сжиженного газа. Совместно с японцами будет строиться второй. Но не стоит преувеличивать заинтересованность Японии в российском топливе. Ей, конечно, выгодно потреблять его, но из этого не следует, что за топливо она будет благоустраивать наш Дальний Восток. Заметные инвестиции она делает уже сейчас, но вряд ли станет их сильно увеличивать.

Япония зациклена на проблеме островов. Если посмотреть сегодняшнюю японскую прессу, то за острова Япония действительно вроде как готова расплатиться – радикально взяться за Дальний Восток. Нам надо внимательно изучить этот вопрос. Присутствие японцев будет противоядием китайскому предполагаемому нашествию. Похоже, Россия сейчас готова вступить в торг с японцами и проверить, какова в действительности та цена, которую они готовы платить за острова. Может быть, она окупится тем, что мы твердо закрепим за собой Дальний Восток и сделаем его действительно воротами в АТР. Китайцы же для нас развитием Дальнего Востока заниматься не будут – им от этого никакой выгоды, одна потенциальная конкуренция.

Сейчас отношения с Японией набирают обороты. Прошли переговоры Владимира Путина с премьер-министром Японии Синдзо Абэ, похоже, разблокирована проблема островов. Россия, что показательно, никак не отреагировала на китайско-японские и корейско-японские территориальные споры. Россия вызывающе пренебрегла очередными восточноазиатскими саммитами – на встречах присутствовал только Сергей Лавров, а российского президента или премьера уже второй год не было. Есть версия, что подобный дипломатический демарш был допущен во избежание высказываний в пользу китайцев. Вроде бы, мы как партнер Китая должны бы его поддержать, но в этом случае могут ухудшиться наши отношения с Японией, странами АСЕАН, а то и с Америкой.

Развитие контактов с Японией с большой вероятностью приведет к улучшению наших отношений с Америкой и, возможно, к приглашению нас в ряд важных организаций АТР, куда до сих пор вход нам блокирован, в том числе в Азиатский банк развития и ТТП (в которое, похоже, намеривается вступить Япония).

Для нас это важно, поскольку Россия мыслит свою дипломатию в АТР как сетевую. Имеется в виду участие во всех возможных интеграционных объединениях. В условиях, когда противоборство США

Остров Кунашир

Япония зациклена на проблеме островов. Нам надо внимательно изучить этот вопрос. Присутствие японцев будет противоядием китайскому предполагаемому нашествию. Похоже, Россия сейчас готова вступить в торг с японцами и проверить, какова в действительности та цена, которую они готовы платить за острова.

и КНР набирает обороты, Россия пока не желает примыкать ни к одной из сторон и маневрирует между соперниками. Но мы все равно окажемся перед выбором. И если будет создано ТТП, то нам следует стремиться в него войти – если уж следовать сетевой дипломатии, – а не тащиться в хвосте у Китая. И найти в ТТП свое собственное место.

Это тем более важно, что специфика политической жизни АТР – это борьба менталитетов. Сейчас ядром АТР является АСЕАН – не по причине собственной мощи, а из-за своего культурно-политического значения, так называемого метода АСЕАН, специфика которого состоит в следующем. В организации на первом месте находится сам диалог, она не ориентирована на обязательное принятие решений. Инициативы не предлагаются сверху лидерами стран, как это принято на Западе. Они выдвигаются снизу, на уровне комиссий по тем или иным направлениям, затем поднимаются на министерский уровень и лишь после обсуждаются главами государств. Главное для АСЕАН не конечный результат, а сам диалог, общение. Личные контакты очень ценятся.

Форму отношений, близкую к методу АСЕАН, азиатские страны-члены АТЭС желают воплотить и в АТЭС, и им это во многом удается. АТЭС опирается на Деловой совет, состоящий из трех представителей бизнеса от каждой страны-участницы. Организация АТЭС ориентирована опять же на диалог, а не на результат, ее решения необязательны – каждая страна имеет свой индивидуальный план действий. Это все неудобно англоязычным странам, которые привыкли к другой модели взаимодействия. Поэтому США стремятся понизить роль АТЭС, противопоставив ей ТТП, а заодно вытеснив Китай с первых ролей.

Метод АСЕАН непривычен и для России, и ей трудно взаимодействовать в его рамках. Может быть, последнее и послужило причиной сложившегося у нас впечатления, что в ходе саммита АТЭС во Владивостоке мы не добились желаемого. Пока Россия никак не проявляет собственную позицию, но по мере своей активизации в АТР непременно ее продемонстрирует. Не потому, что ей нравится американская политика в регионе, а потому, что ей самой так удобнее. Волей-неволей Россия окажется втянутой в процесс установления правил игры в регионе.

Мы занервничали, потому что в АТР устремилась Америка. Решили, что она хоронит Европу, создает для себя новый мир. Но так ли это? Хотя в американской прессе нет-нет да и сравнивают Европу с человеком вчерашнего дня, она остается близкой России ценностно. При всей важности АТР, он – эпизод в экономическом развитии планеты. Но тут другой мир, мир другой цивилизации. Важно, очень даже необходимо наладить с ним доброжелательные и взаимовыгодные отношения. Но каждый имеет свое место в своей цивилизации.

Америка без Китая не может

Опасность разрастается. У Америки нет никаких средств сдержать Северную Корею. Северная Корея быстро приближается к созданию баллистических ракет дальнего радиуса действия и компактных ядерных боеголовок к ним. Ей нужны деньги, поэтому она будет, как полагают эксперты, торговать ядерными технологиями. КНДР уже не остановить, да она уже и сама остановиться не может. Поезд несется вперед, потеряв управление.

Представляется, что только Китай может реально спасти мир от катастрофы. Эксперты-корееведы полагают, что если Китай введет в Северную Корею войска, то они не встретят сильного сопротивления – в отличие от войск любой другой страны. Китай, возможно, тайно и готовится к такому шагу, хотя влезать в драку ему явно не хочется. Для Соединенных Штатов китайский вариант крайне неприятен – он усилит мощь их соперника. Но что им останется делать, если все другие варианты сопряжены с огромными опасностями и грозят масштабнейшим конфликтом, в который США сами неизбежно будут вовлечены и потери в котором заведомо оцениваются как неприемлемые?

Почему Северная Корея не может остановиться в своей ядерной гонке? Одна причина лежит на поверхности. КНДР зашла слишком далеко, слишком разозлила Америку, чтобы поверить, что будет прощена. Конечно, Америка сейчас рада пообещать ей что угодно в обмен на отказ от ракетно-ядер-

Американцы морально не готовы к войне с Северной Кореей. Америка оказывается неспособной противостоять маленькой и нищей стране. А посему Америке придется упросить Китай провести операцию по нейтрализации Северной Кореи. В то же время, если гордые американцы откажутся от услуг Китая, сколько таких «северных корей» расплодится по всей планете – в том числе и в мусульманском мире.

ной программы. Но не так ли поступил в свое время и Муаммар Каддафи, свернувший свои ядерные разработки в обмен на полноправное вхождение в мировое сообщество, на установление добрых дипломатических отношений? Другая причина – в менталитете северокорейцев. Она вытекает из идеологии чучхе, основанной на крайнем национализме, выражающемся в стремлении к максимальной государственной мощи, желании стать одной из выдающихся держав мира. Мораль чучхе тут допускает любые средства, оправдывающие цель. И такое средство северокорейское руководство нашло – это шантаж. Третья причина, по которой КНДР не может остановиться, – в логике шантажа. КНДР умело маневрировала между СССР и КНР, играя на их противоречиях, и вытягивала материальную помощь как у тех, так и у других. Когда Советский Союз развалился, а Китай пошел своим путем, пришлась ко двору ядерная программа. КНДР поняла, что способна регулярно создавать мировые кризисы и в качестве отступных получать материальную помощь. Но есть еще одна причина, почему Северная Корея не может свернуть свою ядерную программу, эта причина – внутриполитическая. Если до недавних пор жителям КНДР было не с чем сравнивать свое материальное положение (связи с внешним миром не было, информация о Южной Корее до них не доходила), то теперь через китайскую границу контрабандой в КНДР проникают и новости, и слухи, и диски с южнокорейскими «мыльными операми», так полюбившимися северянам. Официальный миф о том, что южане прозябают в несказанной нищете, а северяне в сравнении с ними – богачи, рушится. Этот процесс необратим, правительство со всем его аппаратом контроля и репрессий здесь бессильно, а потому власти давят на другие точки, которые возбуждают у северокорейцев гордость за свою страну. Например, южным корейцам не удалось запустить спутник, а северные вошли в клуб мировых космических держав. И каждый запуск ракеты, каждое ядерное испытание поддерживают гордость северян.

Тем более это важно сейчас, когда к власти пришел молодой лидер Ким Чен Ын. Он было заявил о грядущих реформах, но испугался последствий. Если в стране сложится рынок, как ни старайся, некоторой свободы информации не избежать. А это значит, что люди в стране узнают, что их десятилетиями обманывали относительно Южной Кореи, которая по северокорейским меркам утопает в роскоши. И вот именно этой лжи, считают кореееведы, народ своим властям не простит, и легитимность государства рухнет. Правящая династия с ее кланом будут сметены. А далее воцарится хаос.

Соседи КНДР хорошо это понимают, и все они – Китай, Южная Корея и Япония – заинтересованы в сохранении статус-кво. Они боятся реформ в КНДР, чреватых катастрофой.

Разговоры об объединении двух Корей идут своим чередом. Темы объединения разделенной страны Ким Чен Ын коснулся и в новогоднем обращении к народу. Но никакой реальности за словами молодого лидера не стоит. Хотя бы по той причине, что по законам Южной Кореи граждане Северной являются автоматически и ее гражданами, и сам Ким Чен Ын, и весь его клан будут отвечать за свои деяния по законам Южной Кореи, которые очень суровы. К тому же южные корейцы желают объединения все меньше и меньше. Только те, которым за 50, в половине своей хотят объединения. Те, которым 20, в большинстве своем против объединения, и число тех, которые против, с каждым годом растет. И это вполне понятно. По самым скромным расчетам, объединение будет стоить Южной Корее 1 триллион долларов, большая часть этой суммы ляжет на налогоплательщиков. А ведь северяне для южан – практически уже чужой народ, избравший странную судьбу. Возможно, со временем объединенная Корея превратилась бы в мощную державу, превзойдя Японию, но на это уйдут десятилетия. Мирный вариант объединения, очевидно, маловероятен. Если же в КНДР воцарится хаос, для Юга это будет не меньшей катастрофой – туда хлынут массы голодных неприкаянных беженцев. Поэтому Южная Корея заинтересована в стабильности Северной любой ценой. Если северянам для этого нужны ракетно-ядерные «игрушки», то что делать – придется смириться.

Япония смотрит на перспективу объединения обеих Корей с нескрываемым ужасом. Она сознает, что могущество нового государства может превзойти ее собственное.

Что до Китая, то и ему объединенная Корея кажется крайне непривлекательной. Ее образование будет означать создание американских баз у самых китайских границ. Хаос же в КНДР приведет к огромному потоку беженцев и в Китай, что вызовет у него сильную головную боль.

Эксперты говорят, что правящий клан в Северной Корее состоит из вполне трезвомыслящих и неглупых людей, и сколь бы они ни запугивали «империалистов», ядерное оружие КНДР первой не применит. Но это верно в том случае, если не произойдет какой-либо неожиданности. А при постоянном взаимном провоцировании северян и южан такая неожиданность возможна. Сейчас пока у Северной Кореи нет ядерных боеголовок, на их разработку уйдет еще некоторое время. Но мы достоверно не знаем, с какой скоростью развивается ракетно-ядерная программа КНДР. Поэтому напрашивается вывод: Америка, если хочет обезопасить себя, должна начать войну сейчас, пока КНДР остается безъядерной. Но возможен ли такой сценарий?

Между Кореями имеет место ситуация стратегического пата, когда ни одна из сторон не способна поставить на колени другую. Конечно, ситуация изменится при развертывании боевых действий Республикой Кореей совместно с вооруженными силами США. Но даже при самом благоприятном для американо-южнокорейских сил развитии событий темп потерь будет, как минимум, на порядок выше, чем у американцев и англичан во время последней войны в Ираке, а продолжительность кампании заведомо составит несколько месяцев, а то и лет. Таким образом, Соединенным Штатам грозят, по мнению некоторых экспертов, потери в десятки тысяч человек.

Речь может идти только о затяжной войне, к которой американцы морально не готовы. Америка оказывается неспособной противостоять маленькой и нищей стране. А посему Америке придется упросить Китай провести операцию по нейтрализации Северной Кореи. В то же время если гордые американцы откажутся от услуг Китая, сколько таких «северных корей» расплодится по всей планете – в том числе и в мусульманском мире. Вот и выходит, что США то враждуют с Китаем, то пытаются примириться, то ополчаются на исламский мир, то заигрывают с ним.

При такой нестабильности России не следует однозначно становиться на американскую сторону, даже если наши цели не противоречат в этих вопросах целям Америки. Для будущего мироустройства Россия может быть полезна только как самостоятельный полюс, как противовес Америке в... двуполярном мире.

Джованни Савино – историк и культуролог, специалист по истории Российской империи и проблемам «русского национализма»

Итальянская политика между экономическим кризисом и социальной нестабильностью

2013-й – вот уже пятый год экономического кризиса в Италии. Этот длительный период спада превратил страну в варочный котел, в котором молодежь серьезно страдает от нехватки рабочих мест и отсутствия перспектив в условиях увольнений и повышения работоспособного возраста, затрагивающего возрастную группу от 40 лет. Данные Национального института статистики свидетельствуют об общем росте бедности в 2012 году: 12,7 процента итальянских семей (3 миллиона 232 тысячи) находятся в состоянии относительной бедности и 6,8 процента (1 миллион 725 тысяч) безусловно бедны. Люди, оказавшиеся в состоянии относительной бедности, составляют 15,8 процента населения (9 миллионов 563 тысячи), те же, которые попали в полную нищету, – 8 процентов (4 миллиона 814 тысяч). Гуманитарная организация *Save the children* («Спасите детей». – *Ред.*) забила тревогу относительно положения детей в Италии, где 950 тысяч детей в возрасте до шести лет (29 процентов) живут на грани нищеты, а 23,7 процента испытывают материальные лишения. Кризисное положение заметно на улицах итальянских городов, где стали часто появляться закрытые магазины, а в новостях начали сообщать о том, что тех или иных пенсионеров поймали на краже буханки хлеба или пакета макарон. Эмиграция граждан из Италии в поисках работы стала неизбежна для целого поколения, а ведь это слишком большая цена с точки зрения развития экономики и итальянского общества.

Политическая ситуация на Апеннинском полуострове представляет собой полное отражение экономического кризиса. Выборы 24-25 февраля 2013 года стали свидетельством банкротства политических партий, которые управляли страной в течение последних двадцати лет – в период так называемой Второй республики. Они ознаменовались возникновением некоторых новых явлений в итальянском политическом ландшафте.

Послевыборные партийные расклады

Первой новостью этих выборов стало воздержание от участия в голосовании 25 процентов избирателей. Это рекордный показатель за всю историю республики и свидетельство растущей разобщенности мира итальянской политики и общества. Причины подобного отсутствия интереса к выборам следует искать в 14-месячном правлении Марио Монти, в прошлом еврокомиссара, правительство которого состояло из профессоров и представителей финансовых кругов, государственной бюрократии и военных. Кампания была поддержана прежде оппозиционной правительству Берлускони Демократической партией, партией бывшего премьер-министра «Народ свободы» и силами, сгруппировавшимися вокруг Демократического союза центра. Подобное проявление «национального единства» стало знаком поддержки мер суровой экономии, введенных Монти с драматическими последствиями для экономики и рынка труда в Италии. Правительство предприняло жесткую пенсионную реформу, которая растянута на десять лет для поколения, родившегося в пятидесятые годы. Пересмотр расходов привел к сокращению социальных услуг и росту долга многих итальянских городов, а также к уменьшению ассигнований на науку и образование. Несмотря на очень большую поддержку со стороны европейских институтов и итальянских СМИ, правительство Монти оставалось непопулярным, и выдвижение кандидатуры премьера на выборах в феврале окончилось провалом – с 10,53 процента в Палате представителей и 9,13 процента в Сенате.

Его непопулярность отразилась на результатах Демократической партии в коалиции с небольшой партией «Левые–Экология–Свобода»: левоцентристский фронт, представлявшийся победителем до открытия избирательных участков, фактически потерпел поражение, несмотря на прогнозы политологов и медийных комментаторов. Призыв уважать предписанную в Брюсселе политику жесткой экономии, сделанный кандидатом на пост премьер-министра коалиционного правительства и председателем Демократической партии Пьером Луиджи Берсани, и курс на преемственность с политикой правительства Монти не вызвали энтузиазма у избирателей. Согласно подсчетам нескольких исследовательских центров, это привело к потере голосов избирателей Демократической партией и ее союзниками. Они получили 29,53 процента голосов, что составляет более 10 миллиона избирателей, в то время как на предыдущих выборах Демократическая партия добилась гораздо большего результата – более 14 миллионов голосов. Резкое сокращение поддержки демократов частично объясняет очередной рост популярности Сильвио Берлускони и правых, заработавших 29,18 процента. В ходе отчаянной и агрессивной избирательной кампании Кавальере достиг значительного результата, несмотря на потерю половины избирателей (по сравнению с предыдущими выборами) – около 7 миллионов голосов.

Успех Движения пяти звезд во главе с комиком и блогером Беппе Грилло (на фото) не прогнозировался и оказался полной неожиданностью. Беспрецедентное для итальянского политического пространства явление – движение Грилло – аккумулировало разочарование и возмущение значительной части общества.

Странная история Движения пяти звезд

Успех Движения пяти звезд во главе с комиком и блогером Беппе Грилло не прогнозировался и оказался полной неожиданностью. Беспрецедентное для итальянского политического пространства явление – движение Грилло – аккумулировало разочарование и возмущение значительной части общества. Голосование за Движение пяти звезд отражает глубокую враждебность к двум традиционным для последних двадцати лет направлениям в итальянской политике, которые ассоциируются в сознании итальянцев с кастой коррумпированных и некомпетентных политиков. Лозунг предвыборной кампании Грилло «Отправим их всех домой» стал символом поддержки гриллианцев, привлекших

Президент республики Джорджо Наполитано (на фото), некогда руководитель правого крыла Коммунистической партии Италии, совершил революцию в отношениях между Квириналом (президентом. – *Ред.*) и парламентом: прерогативы гаранта конституции и «нотария» законов в последние годы расширились в результате сильного вмешательства главы государства в дела правительства.

потому что она вобрала в себя проблематику как левых (в том числе и защитников окружающей среды), так и правых (например, очень жесткую позицию по вопросу иммиграции). Движение Грилло смогло получить поддержку в двух основных лагерях. Согласно исследованию, проведенному Институтом Каттанео, избиратели Демократической и других левых партий проголосовали за Движение пяти звезд в крупнейших городах – Турине, Неаполе, Болонье, Флоренции, в то время как сторонники сепаратистской Северной лиги способствовали успеху Грилло в Брешии и Падуе.

Ву-Минь (по-китайски «аноним», литературная маска четырех итальянских писателей – Роберто Буи, Джованни Каттабрига, Федерико Гульельми и Риккардо Педрини. – *Ред.*) объяснил причины успеха гриллианцев на выборах. Он увидел основную функцию движения Грилло в блокировке протестного движения в Италии – подобного тем, которые охватили Грецию, Испанию, Францию и Португалию: «У нас не было площади Тахрир, у нас не было Пуэрта-дель-Соль, у нас не было площади Конституции. Мы не боролись, как боролись – и в некоторых случаях продолжают это делать – в других местах. Почему?» Ву-Минь характеризует Движение пяти звезд, в программе которого сочетаются разнородные элементы, такие как охрана окружающей среды и экономический либерализм, прямая демократия и лидерство, взятое на себя Беппе Грилло, как политическое явление, выходящее за рамки традиционных представлений о политической борьбе. В интервью газете «Иль Манифесто» Ву-Минь демонстрирует тактику Грилло: «[В речи Грилло] есть “честные люди” (данные нераздельно в своей цельности, без классов, без противоречивых интересов) и есть “коррумпированная каста”, чуждая “народу”. Для решения проблем в Италии, говорит Грилло, мы должны избрать “честных людей”, которые не будут принимать “правые” или “левые” решения: они будет принимать “правильные” решения. В этом риторика гриллианства схожа с риторикой ненавистного правительства Монти – для обоих есть лишь технические вопросы, но не политические. Это способ упрощения и примирения, который снимает противоречия, не затрагивая коренных причин кризиса и предлагая легко распознавать врагов».

Выводы Ву-Миня находят косвенное подтверждение в популярном блоге Грилло, в котором часто проводились сравнения с площадью Тахрир и утверждалось, что именно Движение пяти звезд может направить протестную энергию в неконфронтационное русло. Движение Грилло оказалось в центре внимания также из-за своей специфической внутренней организации. Отказ от партийного устройства сопровождается использованием социальной сети *MeetUp*, через которую еще с 2005 года местные группы сторонников блога Грилло координировали свою активность на местах. Интернет также используется для отбора кандидатов на всеобщие выборы – в качестве своего рода праймериз, которые формировали списки для избирательной кампании в феврале. Грилло, игравшего на свою сторону на один голос больше, чем Движение «Против всех».

25,5 процента, полученные движением в Палате представителей, и 23,7 процента в Сенате стали предметом большой дискуссии не только в прессе, но и в интеллектуальном мире. Грилло высказывал свою позицию относительно разных вопросов – от референдума по поводу евро до сокращения заработной платы депутатам и поддержки борьбы против строительства высокоскоростной железной дороги в Валь-ди-Суза в Пьемонте. Грилло нарочито отказался от партийного устройства как формы организации. Политика Движения пяти звезд представляется квалюнквистской (испытывающей и демонстрирующей пренебрежение к традиционной политике. – *Ред.*) и популистской, ключевую роль в выработке программы и политики движения, часто критиковали за авторитаризм и отсутствие восприимчивости к чужому мнению, и эта критика значительно возросла после создания парламентских групп в Палате представителей и Сенате. Парламентская деятельность 106 депутатов и 50 сенаторов вскоре оказалась в центре полемики и споров как внутри движения, так и за его пределами.

От избрания Джорджо Наполитано до тупика правительства Летты

Итоги выборов усложнили проблему формирования правительства, так как в парламенте нет четкого большинства. Демократическая партия попыталась сформировать свой собственный кабинет во главе с Пьером Луиджи Берсани, бывшим секретарем и главным кандидатом в партии. Но шаги, предпринятые им, не увенчались успехом. Движение пяти звезд неоднократно подтверждало свое нежелание вступать в союз с левым центром, считая его ответственным за кризис в стране. Партия Берлускони была готова сформировать правительство национального единства с Демократической партией и силами, группирующимися вокруг Марио Монти. Выборы на высший государственный пост Итальянской Республики – пост президента – явились полигоном для достижения соглашения между Демократической партией и партией Берлускони «Народ свободы» и формирования правительства. Президент республики Джорджо Наполитано, некогда руководитель правого крыла Коммунистической партии Италии, а затем и министр внутренних дел, совершил революцию в отношениях между Квириналом (президентом. – *Ред.*) и парламентом: прерогативы гаранта конституции и «нотария» законов в последние годы расширились в результате сильного вмешательства главы государства в дела правительства. Наполитано сыграл важную роль в отставке Берлускони и назначении Марио Монти на пост премьер-министра осенью 2011 года и неоднократно призывал страну уважать европейские соглашения и придерживаться курса жесткой экономии. Набранный бывшим лидером Компартии солидный политический вес объясняет беспрецедентный факт в истории республики – переизбрание 88-летнего Наполитано на новый президентский срок голосами Демократической партии, партии Берлускони и коалиции Монти. Формирование правительства было поручено Энрико Летте, заместителю секретаря Демократической партии, устраивающему «Народ свободы» (дядя Летты Джанни является давним соратником Берлускони).

Кабинет Летты, состоящий из 21 министра, получил поддержку Палаты представителей 29 апреля, а Сената 30 апреля и выступает как первая в итальянской истории большая коалиция, потому что, в отличие от кабинета Монти, включает представителей фракции, которая выступала против выборов. Так, например, секретарь партии «Народ свободы» Анджелино Альфано является вице-премьером и министром внутренних дел. Правительство Летты, продолжающее политику своих предшественников, проводит линию жестких экономических и социальных реформ под эгидой ЕС и МВФ. Эта политика порождает конфликты в рамках широкого коалиционного правительства в условиях, когда правовые проблемы Сильвио Берлускони и череда скандалов подрывает стабильность исполнительной власти. Энрико Летта вместе с министром иностранных дел Эммой Бонино охарактеризовал свою внешнюю политику как пронатовскую и европеистскую, отказавшись предоставить политическое убежище Эдварду Сноудену и подтверждая хорошие отношения с США. Однако в Демократической партии ситуация продолжает оставаться конфронтационной. Мэр Флоренции Маттео Ренци, экс-кандидат на праймериз осенью прошлого года, бросил вызов секретариату Демократической партии и при каждом удобном случае критикует работу правительства.

Некоторая встряска и разногласия все же пока не поставили под угрозу само существование кабинета Летты, в то время как социально-экономическая ситуация становится все хуже. В кулуарах саммита «Большой двадцатки» в Москве министр экономики Фабрицио Саккоманни сделал вызвавшее множество споров заявление о вероятности продажи акций государственных компаний *ENI*, *ENEL* и *Finmeccanica* для уменьшения долга. Итальянский кризис не кончен, и возможность дальнейшего ухудшения ситуации в промышленном секторе и новой волны увольнений подрывает социальную стабильность в стране: согласно прогнозам Национального института статистики, в 2013 году ВВП Италии снизится на 1,4 процента.

Перед правительством Летты стоит задача не сохранить коалицию любыми средствами, а перезагрузить итальянскую экономику. Это сизифов труд в условиях жесткой экономии. Время покажет, какой будет реакция итальянского общества на перезагрузку по рецепту кабинета Летты.

Перевод с итальянского

А.С. Соколов:

«Развитие общества всегда соотносилось с развитием музыкального мира и языка»

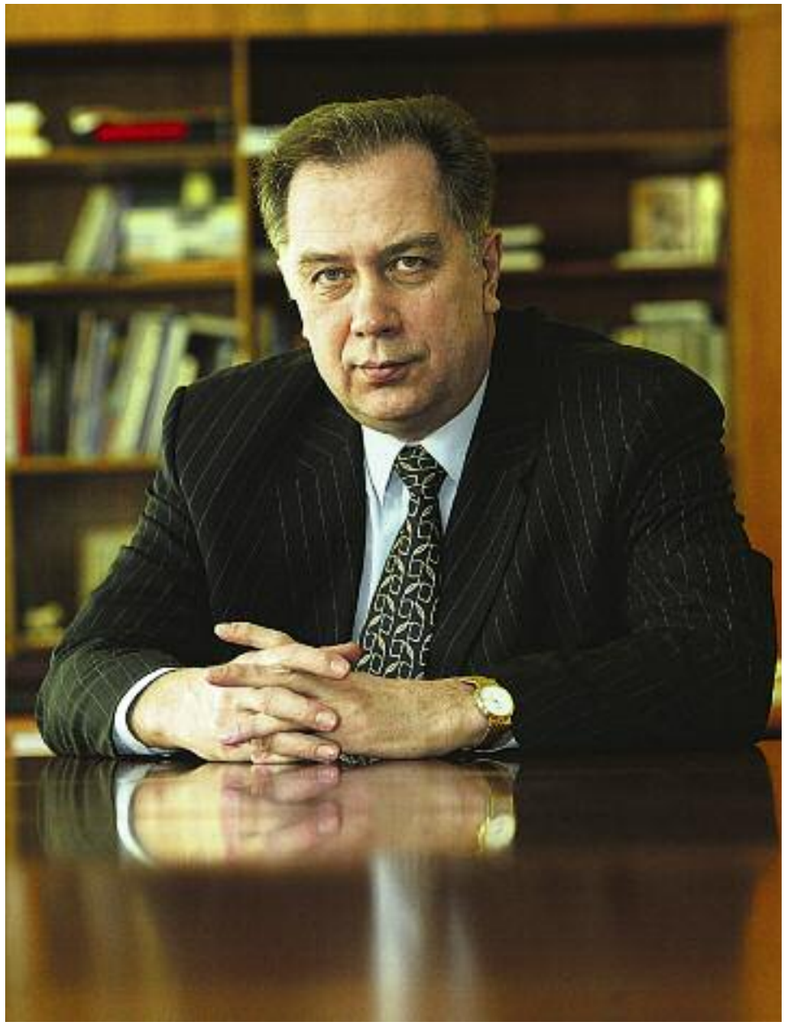
Интервью ректора Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского **Александра Сергеевича Соколова** главному редактору альманаха «Развитие и экономика» Сергею Белкину

– Александр Сергеевич, хотелось бы поговорить на несколько тем. Скажем, размышляя о месте России в музыкальном пространстве, хочется задать два вопроса. Каковы сегодня роль и место русских и советских композиторов, их сочинений в мировой музыке? И каково значение наших музыкантов-исполнителей и педагогов в современном музыкальном мире?

– Ну, наверное, это очень хорошее начало разговора. Я хотел бы прежде всего выразить свое приятное изумление – даже не удивление, а изумление – Вашим журналом. Столь очевидная ниша среди обилия всех наших толстых и тонких журналов оставалась абсолютно незанятой, и Вы ее как раз впервые заняли. Ваш журнал не узко ориентированный – это издание очень широкого охвата проблематики современной жизни, но через призму того, что есть культура. Потому что очень часто разнообразные замечательные проекты и перспективы упираются в неподготовленность человека к тому, чтобы их реализовать. И неподготовленность эта – не техническая, не чисто утилитарная, а духовная неподготовленность, когда система приоритетов становится тормозом, препятствием на пути к той или иной великой цели. Приоритет ведь не в американском образе жизни, это уже совершенно очевидно, некоторые идеалы рассыпались на глазах, а вот то, что им может быть противопоставлено, оказывается, уже настолько мхом заросло, что его искать приходится. И вот такие поиски, по-моему, журнал ведет – и ведет очень целенаправленно. Во всяком случае, когда я получил первый его номер, то подивился, а потом... Просто, к счастью, я получаю каждый последующий выпуск журнала, и он стал уже семейным чтением.

– Спасибо.

– Даже 15-летняя дочь в этом отношении уже вполне определилась в своих интересах. Поэтому мне большое удовольствие доставляет возможность как-то примкнуть к Вашей замечательной деятельности, и те вопросы, которые мы будем сегодня обсуждать, действительно не по касательной, а совершенно непосредственно выходят на проблему бытия и развития общества в современном его состоянии. И то, что у Вас сначала слово «развитие», а потом «экономика», – уже очень важно, от перемены мест очень многое меняется. Поэтому спасибо за то, что Вы пришли. Ну, и начиная разговор, я возвращаюсь к заданному вопросу, который прямо выводит на проблему, что такое вообще современный мир. Потому что если говорить о том, какова роль русских и советских композиторов в современном мире, то прежде всего возникает очень сложное ощущение того, что есть современный мир. Мир этот, конечно, находится в кризисе – очень сложном и, может быть, даже несоотносимом с теми кризисами, которые бывали раньше, потому что мы находимся не на грани веков – мы находимся на грани эпох. Это связано и с развитием культуры, и с развитием искусства, и с развитием основных категорий – в том числе моральной, нравственной и т.д. И вот тут роль нашей культуры и нашей традиции, конечно, очень интересна и сложна. Ведь с одной стороны, мы переживаем кризис, а с другой – перед нами открывшиеся безграничные новые возможности. То есть возможности коммуникации прежде всего. И таким образом, весь мир связан как никогда и раздроблен как никогда.



– Удивительный парадокс, да? Разрастание связей и возрастание отчуждения идет одновременно.

– Да, вот эта связь и возможность очень быстро распространить любую информацию и использовать все что угодно, даже волну моды, которая может быть и во благо повернута, и во зло. Вот в этом собственно и объяснение некоторых удивительных вещей... Ну, а если вернуться к вопросу, кто сегодня композитор № 1 в мире из русских, то совершенно точно можно сказать – конечно, Петр Ильич Чайковский. Есть уже и статистика соответствующая и по радиоэфиру, и по телеэфиру, и по репертуарам оркестров и солистов. Чайковского играют больше всего – и слава Богу. И слава Богу, потому что это действительно тот случай, когда не мода все определяет, а все-таки некоторое осознание постепенно приходит, какими ценностями следует руководствоваться. Если начать перечислять композиторов, которые представляют Россию в мире, то это прежде всего XIX век – ну, или XIX, переходящий в XX. То есть это, допустим, Сергей Васильевич Рахманинов. И его 140-летний юбилей в прошлом году вызвал резонанс во всем мире. Его сейчас играют и записывают очень много. Но это опять та же самая линия, та же самая традиция. Чайковский, Рахманинов – это представители одной культуры и одних ценностей в эстафете поколений. Пойдем дальше. Кого знал Запад в советскую эпоху из наших композиторов? Трех – Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна.

–А Стравинский не воспринимался уже как наш?

– Это уже совершенно особое явление. Потому что Прокофьев, Шостакович, Хачатурян были делегированы во внешнее пространство через «железный занавес», через все препоны, которые были. Это на самом деле выдающиеся композиторы, и нет никаких возражений, что Запад зна-

Арам Хачатурян

комство с Советским Союзом должен был начинать именно с этих имен. Но очень долгое время этими именами все и ограничивалось. Потому что у нас уже был андеграунд, у нас уже было то движение, которое совсем не хотелось показывать Западу, а Запад все равно это, естественно, увидел, выделил и, таким образом, еще больше приподнял. И тут возникла другая троица, как их называли – «московская троица», – Шнитке, Денисов, Губайдулина. Тоже замечательные, выдающиеся композиторы, но уже представлявшие на совершенно другой волне нашу культуру. И естественно, именно как некоторую компенсацию того, что не приветствовалось... Не душилось, я бы не сказал, что в музыке были такие же трагические вещи, как в литературе. К счастью, нет. Не было расстрелов и ссылок, но тем не менее имело место замалчивание и самое печальное для композитора – безмолвие его музыки. Следом за Денисовым, Шнитке и Губайдулиной на Запад очень активно стали проникать и более молодые. Но, к сожалению, такое проникновение уже стало эмиграцией. Мы тогда очень многих потеряли, но тем самым и Запад узнал больше, чем мог бы узнать. И сейчас можно назвать очень многих композиторов разных поколений начиная со старшего – скажем, Родиона Щедрина, – которые никоим образом не утратили связи с Родиной.

– И Губайдулина сейчас в Германии живет.

– Да, в Ганновере. Многие уехали – и Фирсова, и Смирнов, оба ученики Денисова, тоже там. Список можно продолжать. Но эмиграция музыкантов, которая приняла широкий размах в 80–90-е годы, явилась не следствием идеологического протеста, а результатом экономических несуразиц. И люди, которые могли обеспечить себя и свои семьи заработками за рубежом, так и поступили. Но вот опять же нет худа без добра: в результате отъездов композиторов пространство не оголилось, оно тут же восполнялось, потому что как грибы после дождя появляются молодые и юные дарования, которые попадают в те же трепетные и чуткие руки, и поэтому у нас никогда не возникало ощущения, что случилась катастрофа. Были обиды и разочарования, что не все доступно в мире, в котором хотелось бы быть, но тем не менее поводов для того, чтобы посыпать голову пеплом, никогда не было. В чем заключается роль русского музыканта на Западе? Это всегда представление великой культуры и всегда гордость за то, откуда ты пришел. И это на самом деле очень существенно. И если нам иногда с горечью приходится говорить, что мы в свое время резко отстали в генетике, компьютерной технике, в каких-то научных изысканиях, которые не получали государственной поддержки, то здесь, к счастью, до самого недавнего времени (потом поясню, почему делаю такую оговорку) все-таки имело место восполнение покинутого пространства. Ну и соответственно, конечно, не только о композиторах здесь надо говорить, а может быть, даже в первую очередь об исполнителях, потому что они более заметны. Их имена можно часто встретить на зарубежных афишах. Можно назвать, скажем, Гидона Кремера или Виктора Третьякова и многих других. Они, конечно, не отринутые от нас фигуры, но тем не менее центр тяжести их деятельности там, что и хорошо, и несколько досадно, хотя их школы и традиции у нас сохраняются. Кстати, о школах. Тут, может быть, действительно стоит пояснить для читателя, почему это понятие особенно выделяет сейчас русскую традицию на Западе. Если мы возьмем любую западную консерваторию – их, правда, не везде так называют, – то принцип формирования педагогического состава там совершенно не такой, как у нас. Там контрактная система: приглашают на определенный срок – обычно где-то на 5 лет или около того – действительно выдающегося мастера, который часто при этом еще и действующий исполнитель. Но через пять лет он собирает чемоданы и уезжает, а на его место неизвестно кто приедет – может быть, столь же выдающийся, но никак с ним не связанный.

– То есть у него даже внутреннего посыла не может быть создать свою школу, укорениться на несколько поколений?

– Конечно, у него нет задачи такой. А у нас по всем направлениям музыкального искусства любой студент тут же вам назовет не только своего педагога, но и того, у кого педагог учился, и того, у кого учился педагог педагога...

– Всю родословную...

– И этот студент прекрасно понимает, в какую цепь имен он оказался включенным и как ему сильно повезло.

– Мне кажется, что это очень позитивно и очень важно.

– Это чрезвычайно важно. И поэтому когда мы защищаем ту систему образования, которая сегодня испытывается на прочность, то имеем в виду в том числе и эту традицию, которую следует очень трепетно воспринимать. Вот, собственно говоря, ответ на Ваш первый вопрос. Но Вы еще вспомнили Стравинского. Стравинский – сегодня это уже очевидно – главный композитор XX века. Потому что, во-первых, он, конечно, безусловный и абсолютный гений. Во-вторых, ни один композитор так не повлиял на весь мир, как он. Его называли «творец в ста лицах». И действительно, его биография творческая – резкие повороты от одного направления к другому, но в каждом новом направлении опять возникало какое-то совершенно поразительное открытие, которое овладевало умами и в Старом, и в Новом свете. Поэтому Стравинский – это тот властелин мира, который всеми своими корнями, конечно, из России. На его примере еще раз убеждаешься в том, что влияние России на весь мир было грандиозным.

– Да, меня всегда удивляет, когда слушаю Стравинского, насколько я – рядовой слушатель – сразу же и легко улавливаю русские интонации, какой-то мелос, мне знакомый, каким-то образом воспринимаемый при очевидном новаторстве музыки, инструментовки, ритмики и всего прочего. И не только в «Весне священной», где есть эта некоторая привязка, но и в любых других сочинениях это чувствуется.

– Причем, заметьте, что он практически не обращался к фольклору с целью процитировать что-то. Во всей «Весне священной» имеется, по некоторым предположениям, лишь одно приближение к фольклорному источнику, все остальное – это абсолютно оригинальная музыка. Но тем не менее это именно дух русского ощущения природы, причем языческого ощущения природы. И поэтому, конечно, это сочинение было таким ошеломляющим. Вот оно и стало программой на весь XX век и в отношении языка, и в отношении целого ряда находок уже сугубо, что называется, технических. Но для профессионалов оно собственно и является энциклопедией всего того, что потом происходило. Ну что ж, давайте тогда пойдем дальше?

■

– Продолжая тему всемирного распространения и русской музыки, и русских музыкантов, позволю себе предложить к обсуждению некоторое суждение в весьма модном сегодня дискурсе о постиндустриальном обществе. Как Вы отметили, подготовка музыкантов – это то, что Россия умеет делать на самом высоком уровне, выдерживая любую мировую конкуренцию. Я бы не побоялся подчеркнуть еще и тот факт, что технология подготовки музыкантов и сама, простите за прозаизм, технология игры на музыкальных инструментах – то, что мы называем исполнительским мастерством, – есть самый настоящий хай-тек, высокие технологии. И хочется сказать государственным органам и политикам: проявляя заботу о развитии высоких технологий, не следует путать новые технологии с высокими и не следует забывать, что исполнительское мастерство само по себе и музыкальная педагогика, способная выводить музыканта на мировой уровень, – национальное достояние и передовой край как культуры, так и, в частности, высоких технологий. Не кажется ли Вам, что эта отрасль культуры – музыка в широком смысле – может и должна стать одним из факторов развития России, ее фирменным брендом, ее вкладом в постиндустриальную экономику и постиндустриальное общество? Если Вы с этим согласны, то что в таком случае следует делать?

Сергей Прокофьев

– Ну, мы уже коснулись этого вопроса, когда говорили о влиянии русской музыкальной культуры на зарубежье, и, собственно говоря, продолжать такого рода традицию – это, казалось бы, совершенно очевидная возможность, пренебрегать которой было бы странно. Тем не менее то, что приходится этот совершенно очевидный даже не тезис, а постулат доказывать сейчас, причем доказывать в разных эшелонах власти, – еще одно свидетельство кризиса. Подобное отношение было объяснимо, допустим, после русских революций начала XX века, в пору Пролеткульта. Но сталкиваться практически с такими же позициями уже в XXI веке – это на самом деле дико. Мне хватит пальцев на одной

Дмитрий Шостакович

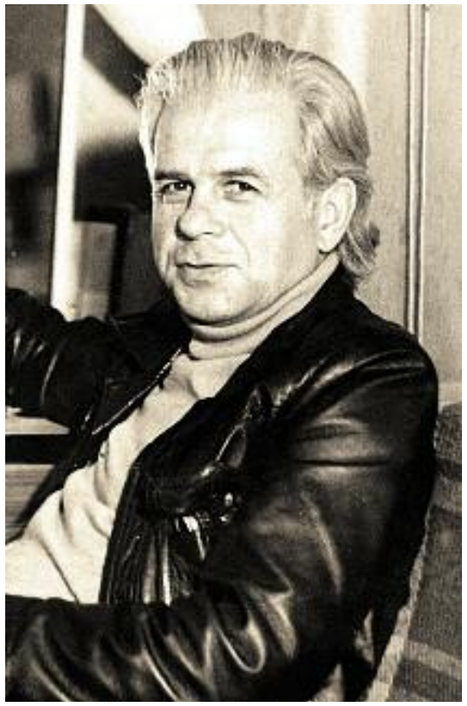
туры. Он как был, так и остается. То есть фактически все секвестры, все поправки на инфляцию бьют – и прямой наводкой бьют – по очень многому в культуре. И в результате имеются уже совершенно невосполнимые потери – допустим, в памятниках. Сейчас перестали взрывать памятники по идеологическим причинам, но спокойно созерцают их разрушение, а иногда даже дожидаются их разрушения, чтобы построить на освободившемся месте нечто сугубо коммерческое. Это действительно очень серьезная проблема для государства, и ее нужно незамедлительно решать. Кстати, за рубежом иногда возникает возможность показать, что такое мощь России сегодняшней – именно в смысле культуры. Я вспоминаю одно из своих впечатлений молодых лет, когда в Германии на протяжении всего руке, чтобы перечислить представителей высших эшелонов власти, бывающих на концертах в нашей консерватории. То есть лиц, которым это действительно нужно, а не является просто атрибутом некоторого протокола, когда надо появиться при еще более высоком начальстве. И это очень жаль. Есть такое понятие – культурная дипломатия. Оно подразумевает проведение той или иной политической или экономической акции на фоне некоторого демонстративного присутствия русской культуры с целью обеспечения заведомого успеха такой акции. И неслучайно, что переговоры на высшем уровне как-то вдруг совпадали с гастролями Большого театра, с концертами, допустим, оркестра Спивакова или Башмета. Потому что тут сразу видно – да, вот она, Россия, она и сегодня такая. И на таком фоне значительно легче решаются многие проблемы. Не секрет также, что в период каких-то политических обострений культурные связи не ослабевают, а даже еще больше натягиваются, как струна. Возьмем, к примеру, наше взаимодействие в пределах бывшего Советского Союза. Сейчас, кстати говоря, очень многое делается в рамках СНГ. Это тоже своего рода культурная дипломатия. Допустим, мы сейчас создаем международный оркестр, который составлен – и будет иметь очень широкую концертную практику – из музыкантов всех стран Содружества Независимых Государств. Когда за пультом сидят два музыканта, один из которых из Азербайджана, а другой из Армении, и играют в унисон, то это унисон и в прямом, и в переносном смысле слова. Вот это все и есть государственная политика в области культуры. Но, к сожалению, эксплуатируя такого рода возможности, мы по-прежнему остаемся в русле вот этой остаточности. Был такой принцип остаточного финансирования культурного сезона – это был 1985 год – в земле Северный Рейн-Вестфалия шел фестиваль музыки Шостаковича. Там был исполнен весь Шостакович – полностью, все симфонии, оперы, балеты и камерные инструментальные сочинения.

– По-моему, в нашей стране такого прецедента не было никогда.

– У нас такого не было никогда. Причем это немцы инициировали такого рода программу силами лучших наших оркестров, это были именно наши исполнители. То есть там побывали и Большой, и Мариинский, там были наши оркестры и наши лучшие солисты. И Вы знаете, какой поворот в сознании немцев, в их представлениях о России сделала музыка Шостаковича! В общем, сегодняшнее состояние нашей культуры вызвано неготовностью тех людей во власти, от которых это зависит, осознать значимость того, что они могли бы и обязаны сделать.

– Александр Сергеевич, вот это, наверное, ключевой момент. Не знаю, сможем ли мы в ходе разговора дать какой-то исчерпывающий ответ о том, как должны приниматься такие решения. Пример с Германией – свидетельство просто очень высокой культуры руководства или свидетельство какого-то иного восприятия политических механизмов? Или здесь проявляется еще и экономический фактор: это просто выгодно – и появляются экономические лоббисты? Или все в комплексе? Я все время думаю, как говорится, чем родной стране помочь. Да, просветительством, да, нужно все время рассказывать, да, нужно как-то стремиться к тому, чтобы высший слой власти был достаточно культурен, чтобы сам этого хотел – просто потому, что этого хочется. Но жизнь показывает, что это не удается сделать или этого недостаточно. Сохраняется все тот же самый остаточный принцип финансирования. Меняются власти, меняются идеологии, а принцип живуч. То есть просто в умах и сердцах этих людей культура действительно существует именно так – в последней строке списка. Есть вещи, которые для них, безусловно, более важны. У этих вещей есть лоббисты гораздо более сильные, чем у нижней части списка, и мы воспроизводим и воспроизводим эту печальную для всех нас модель. Я не знаю ответа на этот вопрос. Но думаю, что вопрос-то прозвучать все равно должен, потому что сам по себе вопрос иногда работает не хуже, а то и лучше, чем ответы на него.

– Вы сами прекрасно осознаете, что Ваш вопрос риторический, и фактически в нем заложен ответ. В качестве иллюстрации могу рассказать, как строилась Московская консерватория, в которой мы с Вами сидим. Это был как раз рубеж XIX-XX веков. Консерватория была построена на средства всего общества. И первым жестом в этом движении общества был поступок государя императора, который положил на стол из личных средств 400 тысяч рублей серебром и выжидательно посмотрел на дворянство, купечество, мещанство и разночинцев. И все они выстроились в очередь, и каждый в силу своих возможностей запечатлел свое имя в истории храма музыки – Московской консерватории. Исключительно важно, когда личным примером что-то демонстрируется как проявление готовности поддержать то, что действительно без поддержки не уцелеет. Самая большая опасность сейчас для всей культуры – это рыночная экономика, потому что в рыночной экономике, взятой абстрактно, не прописана эта функция. Культура – это убыточное звено, которое должно быть отжато, так сказать, и проигнорировано. Вот в рамках такой логистики совершенно очевидна катастрофа, которая, несомненно, придет. Поэтому произошедшее уже давно расслоение на элитарную и массовую культуру должно прочитываться иначе. Массовая культура в рыночной экономике сохраняется, но она при этом очень сильно профанируется. Сейчас две беды у нашей массовой культуры. Во-первых, кастовость, когда у кормушки одни и те же люди, уже пенсионного возраста, которые никогда не сделают шага в сторону, чтобы конкурентов подпустить. Во-вторых, имитация того, что что-то делается, профанация, как, скажем, «Фабрика звезд», где все выглядит просто как растление малолетних. Это полное искажение представления о том, что такое труд, что такое ценность, что такое поиск, это иллюзия легкого и быстрого успеха и раскрутки. И тогда получается «Тату», тогда получается то, что опять же, к сожалению, идет как демонстрация нашей сегодняшней жизни. Это чисто коммерческий подход, в котором для искусства уже места не остается. А вот то искусство, которое ищет, то искусство, которое разговаривает с человеком завтрашнего дня... Ведь искусство дает отложенный результат. Оно никогда не даст сегодня и сразу ощутимое изменение личности.

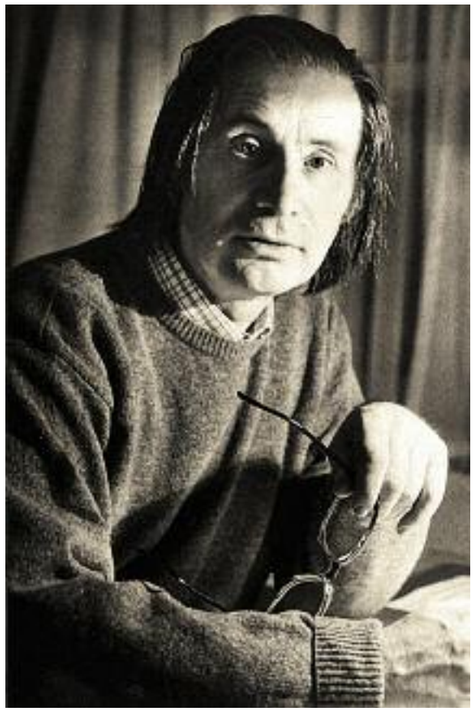


Эдисон Денисов

– А это для спекулятивной экономики неприемлемо в принципе.

– Конечно. Вот это, собственно говоря, ответ на Ваш риторический вопрос. Потому что, конечно, не прописана в наших сегодняшних идеологемах ответственность за завтрашний день.

– Может ли музыка служить признаком, критерием развития общества? Вопрос для нас, для нашего альманаха, для меня лично является вообще исходным посылом, для чего этот альманах и был создан. В свое время мы стали размышлять:



Альфред Шнитке

совершенно утвердительно. Может ли музыка служить признаком и критерием развития общества? Да, безусловно, может. Причем это действительно всегда происходило. Например, в Древней Греции – музыку которой, кстати, мы не знаем, потому что она не дошла до нас в записях, мы просто знаем, на каком высоком уровне там все это происходило, – был очень известный термин – «ахоретус», то есть человек, не умеющий петь в хоре, синоним – неграмотный. И это был общий уровень культуры Древней Греции, а не просто некоторое предпочтение аристократии. Известно, что оттуда же пошла пифагорейская традиция, в которой наука шла рука об руку с музыкальным искусством, ибо эксперименты с монохордом, со струной позволяли сочетать эстетическое наслаждение с постижением того, какие глубины таятся в этом музыкальном пространстве. Можно вспомнить еще и средневековую школу, где системой образования был квадривий, состоявший из четырех дисциплин – арифметики, геометрии, астрономии и обязательно музыки. То есть развитие общества всегда соотносилось с развитием музыкального мира и языка. Что касается гениев, то это вопрос уже другого ряда. Гений – это не универсальная категория. Некоторые культуры отнюдь не предполагали манипулирования такого рода представлениями. Допустим, тот же средневековый григорианский хорал строился на принципе анонимности, да фактически вообще вся церковная музыка – это не совсем искусство. Она воспринимается в другом пространстве, в других измерениях, и если она заслоняет Божественное слово, то это уже недопустимо. Появление гения – это действительно очень интересный и неравномерный процесс. С одной стороны, должна быть плодородная почва, на которой и вырастает прекрасное дерево. Почва – это и готовность услышать, то есть аудитория, и уровень профессионализма тех людей, которые могут выполнить сложнейшую задачу, которую, прорывая свое время, ставит перед ними композитор. Отсутствие того и другого очень часто как раз и приводило к личной драме, когда непризнанность гения современниками компенсировалась далеко за пределами его земной жизни. С другой стороны, есть примеры, которые можно назвать исключениями, подтверждающими правило. Допустим, совершенно гениальный композитор Чарльз Айвз, который творил на рубеже XIX-XX веков в Соединенных Штатах Америки. Творил на совершенно неподготовленной почве, потому что культура, музыкальная культура Америки того времени была абсолютно вторичной по сравнению с европейской культурой. И Айвз в этом отношении не шел в фарватере, а наоборот удивительным образом, как Стравинский с его «Весной священной», прорывался в будущее – вплоть до конца XX века. То есть Айвз фактически открыл и творчески воплотил то, что очень нескоро и без всякого прямого его воздействия, поскольку он был неизвестен, оказалось, можно сказать, парадигмой всего XX века в музыке. И это феномен, потому что действительно непонятно, откуда все взялось. Кстати говоря, он не зарабатывал музыкой, он был страховым агентом. Но опять же, как говорят, пример не есть доказательство, поэтому здесь можно приводить очень много подобных примеров. В нашем бытовом сознании понятие «гений» тесно увязано с понятием «шедевр», гений – это, значит, тот, который оставляет после себя шедевр. А шедевр – это чисто историческая категория. То есть он появился в определенное время, до которого ничего подобного не было. В Средневековье, скажем, не было установки на создание шедевра, ценность жизни заключалась в другом – в духовном возвышении к Творцу и растворении в этом процессе, а никоим образом не в выявлении каких-то собственных, индивидуальных качеств.

– Да, это путь молитвенный, а не концертный.

– То есть каноническое искусство строится на других ценностях. И вот сейчас одна из интриг нашего времени – не возвращаемся ли мы к тому же самому? Сейчас есть очень интересные концепции, которые вводят понятие «новой анонимности», возникают и некоторые претензии к композиторам – мол, не то поколение. Нет, поколение действительно не то, совершенно другое, но ему уже присуще другое понимание смысла своего творчества, и вот в этом отношении все значительно сложнее. Музыка, которая сегодня пишется, нас иногда очень неожиданно окружает, потому что мы научились синтезировать все и вся. Этот вектор развития XX века исчерпался. Завершилась эпоха великого синтеза с большим количеством течений, которые назывались либо «пост», либо «нео» – необарокко, неоклассицизм, неоромантизм. Но остались своего рода проценты с капитала, когда смыкание текстов разных эпох порождает какую-то совершенно новую перспективу. Это уже дало очень интересные результаты – хотя бы полистилистику того же Шнитке, и очень многие композиторы этим увлеклись и действительно оставили очень богатое творческое наследие. И вот сейчас вопрос: а что дальше? Потому что дальше на этом пути искать уже, видимо, особенно нечего. А значит, нас ожидают переломы в культуре. Нередко приходится слышать: посмотрите, с чего начинался XX век, это же действительно был просто вулкан открытий решительно во всем – в архитектуре, в музыке, в живописи, в литературе. Где это, где? Не видно! Прошел, допустим, 100-летний юбилей «Весны священной». Где новая «Весна священная»? Не видно! Подождите, будет. Сейчас зреют гораздо более серьезные перемены, которые культурологически предопределены совершенно точно. В каком направлении пойдут такие перемены – разговор очень интересный, но он уведет в сторону от основной нашей дискуссии. Но могу обещать, что нынешнее поколение слышит иначе, оно ждет другого, и из их среды, конечно, появятся те, которых можно будет считать гениями.

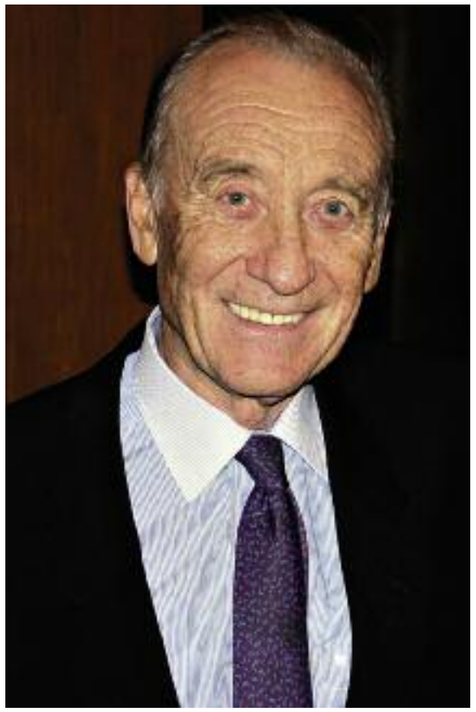
– От такого предсказания просто дух захватывает, это прекрасное ожидание… Следующий вопрос скорее, наверное, о психологии восприятия. В чем загадка столь длительного неизменного и универсального воздействия музыки на людей? Моцарт одинаково эффективно влияет на слушателей и при феодализме, и при капитализме, и при социализме и на немцев, и на русских, и на американцев. Его музыка и музыка других гениев безотказно действует третье столетие, и конца этому не видно. При этом люди и их ценности, способы жизнеустройства изменяются. Не означает ли это, что во всех людях есть нечто неизменное, вечное, некий орган эмоциональной восприимчивости, инвариантный по отношению к социальным изменениям? Если это так, то целостность человечества держится на столь глубоких основаниях, что размышляя о развитии, замышляя те или иные социальные стратегии, реформы, преобразования, надо прежде всего определить то общее, что есть у всех, осознать его как неизменное ядро, как суть человека, как то, что не следует ломать и изменять. Это скорее не вопрос, а некий тезис.

София Губайдулина

что есть развитие, а что таковым не является, то есть не любое изменение есть развитие, каковы более-менее ясные, четкие критерии развития. Как сейчас я понимаю, таких общепризнанных критериев пока нет. Возвращаюсь к вопросу. Может ли музыка служить признаком, критерием развития общества? Следует ли считать общества, в которых рождаются Бетховен, Чайковский, Шостакович, более развитыми, нежели общества, в которых подобные гении не рождаются? Или же факт появления гения никак не связан с уровнем развития общества? Что в этом смысле важнее, какой критерий точнее отражает ход развития – рождение гениальных композиторов, производство «высококлассных» музыкантов-исполнителей или рост числа образованных слушателей? Или что-то иное?

– Я вижу в этом вопросе фактически два разных вопроса, и на каждый из них надо отвечать отдельно. На первый –

– Ну, я бы так сказал, что в этом вопросе опять-таки заложен ответ, но при этом есть и некоторые неслучайные неточности. Ответ совершенно очевиден: да, конечно, такая инвариантность существует, и совершенно ясно, какая это инвариантность. Это вечная потребность человека в духовности и в этическом начале в жизни. Именно в этическом начале. А эстетическое начало – фактически отражение и того и другого. Тут можно на самом деле любые эпохи сопоставлять и находить проявления всех подобных человеческих стремлений в том или другом модусе. Но особенно, конечно, если речь идет о традиционной культуре, фольклоре, с помощью которых удерживают на стыке поколений эти самые ценности – удерживают средствами эстетического выражения, причем неотрывного от образа жизни. Почему сейчас, до-



Родион Щедрин

может быть еще и примером неоцененности в своей собственной культуре. То же самое можно сказать и о Бахе. Иоганн Себастьян Бах был известен просто как органист собора, в котором он работал, играл, а Моцарт – как композитор, который быстро и ловко исполнял заказы для княжеского двора. Между тем вся эпоха говорила языком Моцарта. Если мы посмотрим, что тогда в России писал Фомин, а, допустим, в Чехии – Мысливечек, то увидим, что это очень похожая музыка. То есть это были фактически некие общие языковые нормы, которые, собственно говоря, и заслоняли то, что для последующего поколения резко вырвало Моцарта из его среды и позволило прочувствовать в его музыке эти высоты и глубины. Могу привести очень любопытный пример демонстрации такого рода ухода за пределы канона. Это было сделано Форманом в фильме «Амадей» – удивительном фильме про Моцарта, в котором он представлен таким, каким его все тогда видели – праздным гулякой. И там есть одна поразительная сцена, когда умирающий Моцарт диктует Сальери текст своего «Реквиема». Это, конечно, полная выдумка, но тем не менее что там отражено? Сальери в изумлении и, переспрашивая, не ошибся ли он, подмечает те самые вещи, в которых Моцарт вырывался за пределы своей эпохи. То есть он фактически открывал то, что на фоне общего восприятия было незаметно, а потом стало очень заметно. Такого рода явление в культуре очень интересно и важно, когда композитор не декларирует шокирующую новизну. Но и таких тоже много. Например, Берлиоз в XIX веке – это опровержение всех правил оркестровки, формы и т.д. Вот скандальный способ появления гения, но совершенно безупречного в профессиональном преподнесении своих поисков. А Моцарт – нет, это совершенно другое. Его воздействие изначально было очень локальным, в пределах круга, в котором он вращался, а потом стало планетарным. И Вы правильно говорите, что на протяжении всех последующих эпох эта звезда уже не меркла. Но тут нужно рядом поставить сопоставимые имена и увидеть еще другую особенность. Ну вот, скажем, Бетховен после сочинения, с которым он сошел с проторенного пути. Это «Героическая симфония», Третья, посвященная изначально Бонапарту, поэтому у него в тот момент были совершенно другие внутренние переживания. Оглушительный провал. Причем где – в Париже! Почему? Потому что резко вышел в языке за пределы того, что было. А дальше каждая его симфония – это новый мир. С этого момента у Бетховена начинается другая стезя. Если Моцарт мог себе позволить, не успевая выполнить заказ, взять менуэт из одной симфонии и включить его в другую, и за такой автоплагиат его никто не журил – потому что это неважно, симфония все равно была фоновой музыкой для общения на другую тему, – то уже у Бетховена каждая симфония – это новая мировая концепция. Начинается другое, и поэтому резко увеличивается возможность неприятия публикой, которая отстает. То же самое можно сказать и о «Весне священной»: в Париже в 1912 году оглушительный провал, а потом на весь XX век – икона для всеобщего почитания. Поэтому когда мы выходим на проблему гениальности, надо уточнять, какого рода гений перед нами в данном случае и будет ли он действительно принят навеки и во все времена или это совершенно другая пустим, в Европе нет подлинного фольклора? Потому что нет среды обитания фольклора. Это есть еще в нашей глубинке, это есть еще у наших бабушек, которые, к счастью, стали сейчас интересными для своих внучек. И поэтому в России есть подлинный фольклор, а, допустим, в той же Германии уже нет. То есть там есть определенные модификации – странные модификации, у них есть подчеркнутый интерес к этническому, но только это люди, которые живут другой жизнью, и поэтому они, естественно, играют в эту игру, и дай Бог, чтобы играли. А у нас есть люди, которые говорят на этом языке. Вот в этом вся разница. Именно здесь и коренятся вечные ценности, которые заключаются в восхождении к смыслу жизни, к духовности, к Богу. Такого рода константа и есть та самая инвариантность. Но Вы заговорили о Моцарте, и вот тут есть неточность. Неточность в том, что Моцарт

судьба. Некоторые, как звезды, иногда пульсируют – загорелась и погасла. Она не исчезла, но загорится для следующего поколения, которое в ней откроет что-то другое. Ритм культуры, пульс культуры – очень интересное явление, и, наверное, как раз этой пульсацией и будет подготовлена уже новая магистраль развития культуры, которая связана с XXI веком.

■

– Я часто – да не один я, наверное, многие, – слушая какой-либо фортепианный концерт Моцарта, ловлю себя на мысли: боже мой, как же так, 250 лет тому назад он чувствовал то же, что и я, но еще глубже. То есть он способен овладеть моим эмоциональным миром и управлять им – выходит, у нас миры одинаковые. Вот те мысли, которые иногда приходят. Хотя, конечно, слушая музыку, лучше не думать, а просто раствориться в ней… Александр Сергеевич, основная сфера Ваших научных интересов – современная музыкальная культура и проблемы анализа музыки XX века. Если говорить о развитии музыки, то каковы критерии того, что музыка развивается или не развивается? Насколько правомочна подобная постановка вопроса? Слушателю не только рядовому, но и вполне продвинутому довольно трудно самостоятельно ответить на такой вопрос. Для него Моцарт, Шопен или Рахманинов являются огромным миром духовного восхождения. В этом смысле созданная их гением музыка и музыкальная культура как бы и не нуждаются в развитии, достаточно адекватного исполнения. А можно ли современную музыку воспринимать как развитие? Причем с точки зрения не просто музыкального языка или формы, а тех высоких духовных идеалов, того эмоционального восхождения, которому служит музыка, называемая нами неоклассической?

– Спасибо за вопрос, он дает мне возможность еще немножко уточнить то, чего я уже коснулся, но коснулся вскользь. Остановилось ли искусство в ожидании или все-таки это движение продолжается? Ну, совсем остановиться искусство никогда не может, оно развивается даже в тот момент, когда накапливает энергию для следующего броска. Тут, наверное, надо ввести еще пару понятий, очень важных. Есть два вида ценностей, которые не всегда совпадают. Это ценности эстетические и ценности исторические. В качестве примера опять сошлюсь на Моцарта. Не он изобрел ту систему, в которой так возвысился сам. А происходило это чуть раньше, как раз на переломе между эпохой Барокко и эпохой Классицизма. Тогда в Европе, в самом центре Европы, в городе Мангейме в Германии, возникло то, что сейчас называют Мангеймской школой. Это был не один десяток композиторов, которые действительно резко ушли в сторону от Иоганна Себастьяна Баха, от эпохи Барокко, и фактически там и родилась классическая симфония. И возник совершенно новый состав оркестра, открылись совершенно новые возможности. До них никто никогда не умел делать оркестровые крещендо, была террасообразная динамика всю эпоху Барокко, а вот крещендо не было. И возникла мода на них – они стали невероятно популярными. Кто сейчас знает их имена? Никто. Практически никто, ни один оркестр не играет мангеймцев. Почему? Потому что они как раз оказались тем плодородным слоем, на котором потом возникла Венская школа. Они создали штамп, конструкцию, которую уже, что называется, надышали композиторы следующих эпох. Вот пример исторической ценности – без них ничего этого не произошло бы. Но эстетическая ценность, которая им, безусловно, тоже была присуща, несопоставима с той, которой достигло уже следующее поколение. И в XX веке есть нечто подобное. Те же композиторы, которые связаны с авангардом, не ставили перед собой задачу создания шедевров. У Штокхаузена есть высказывание, воспроизведу его не совсем точно, но по смыслу: суть миссии нашего поколения не создание шедевров, а определение направления той гигантской дуги, которая начинается сегодня и будет простираться на века вперед. В этой фразе действительно очень много смысла, потому что находки случались там, где их и не ожидали. Я имею в виду совершенно новое ощущение звука. То есть сейчас композитор не берет готовый звук, преподнесенный ему инструментальным оркестром, он его сочиняет, он

Виктор Третьяков

Гидон Кремер

такие звучности изобретает, которые способны воздействовать на человека, причем на разных уровнях психики. Как раз в эпицентре XX века и в связи с авангардом шли такие поиски, которые не были рассчитаны на распространение и на широкое признание, но которые в своей среде обитания были столь же необходимыми, как в свое время достижения Мангеймской школы. Если иметь в виду спираль как общую закономерность развития, то, может быть, не сразу и не на следующем витке, но находки сегодняшнего дня будут иметь очень большую важность.

– Мир в целом и наша страна переживают трансформации разного рода, они сложны, их движущие силы неочевидны, и трудно с уверенностью утверждать, что развитие продолжается, что мы не деградируем, не вырождаемся или не приближаемся к цивилизационному коллапсу. Музыка в наши дни не перестала рождаться и исполняться, однако есть ощущение, что эпоха великих композиторов завершилась. Три столетия наблюдалось устойчивое появление гениев – поколение за поколением, – но довольно давно мир лишь потребляет созданное, не рождая ничего сопоставимого по творческому уровню. Верно ли это наблюдение? Должно ли оно тревожить? Дает ли оно повод говорить об остановке развития? Есть ли надежда или тем паче основания ожидать возрождения равноценного творческого потока в будущем или имеющийся мировой музыкальный ресурс – это все с чем нам двигаться далее? И хватит ли его для развития или его достаточно лишь для музыкального сопровождения деградации и вырождения?

– А мы почти уже поговорили об этом. Можно лишь добавить очень важное понятие, связанное с Гумилевым, – пассионарная зона. Мы сейчас приближаемся к пассионарной зоне, то есть тому времени, когда это должно начать проявляться. Такие пассионарные зоны были в XX веке, например, в начале века, в 1908 году – буквально повсюду, во всех европейских странах и даже в Америке – скажем, одно из произведений того же Айвза – совершенно фантастическое сочинение, которое сейчас всюду играют, оно широко известно, это шедевр. Можно назвать еще конец 60-х годов, 1968 год. Вспомните, сколько всего было – бунт парижского студенчества, наши вошли в Чехословакию, сексуальная революция. И сейчас мир весь забурлил – просто видно, что на самом деле что-то происходит запредельное. Я думаю, что это – признак пассионарности, и искусство, как барометр, наверняка отзовется, обязательно должно отозваться. Поэтому, конечно, не только проценты с капитала. Безусловно, этот капитал еще больше будет востребован для того, чтобы от него, что называется, стартовать. Но никакого пессимизма это не вызывает – все закономерно.

– То, что Вы сказали, замечательно! Я все двигаюсь от оптимизма к пессимизму и обратно, у меня натура такая – двойственная: то есть рационально я пессимист, эмоционально – несомненно, оптимист.

– А иначе жить невозможно.

– Да, это верно… Продолжим наш разговор о роли музыки. Каково влияние музыки на развитие общества и существует ли оно? Быть может, авторы, исполнители и слушатели – это род жреческого сословия, некое отдельное сообщество, слабо связанное с судьбой страны, ее движением вперед, имеющееся во все времена и во всех странах?

– Воздействие искусства, опережающее развитие общества, – это один тезис, который мы уже обсудили. Или судьба, скажем, проваленных на премьере сочинений, которые потом завладеют широкими слоями общества, – это, безусловно, есть. Это первое. Второе. Есть философия сохранения ценности в фольклоре. Это тоже прямое воздействие искусства. Но только опять же народное творчество, как и церковная музыка, – это не совсем то же самое искусство, это другой мир и другое мировоззрение. Соответственно что оно сохраняет? Прежде всего само себя. То есть в этом индустриальном и постиндустриальном обществе ему место уже не прописано, это уже фактически бомжи. Вот почему культура неевропейских стран сейчас так притягательна, потому что там это есть и оттуда европейская культура подпитывается энергетикой. Это второе воздействие. И конечно, прямое воздействие – массовый жанр. Прямое, потому что рок-культура – это адрес совершенно четкий, это поколение. Причем поколения меняются: было поколение «Битлз», они подросли, на их место приходят другие. Массовый жанр оказывает сильнейшее – вплоть до наркотического – воздействие на общество, и там есть свои собственные высоты. Как я уже говорил, у нас, к сожалению, хвастаться особенно нечем – наши массовые жанры явно вторичны, а вот на Западе есть чем. Там действительно есть очень высокая рок-культура. И это, конечно, прямое воздействие. Так что все в одну копилку.

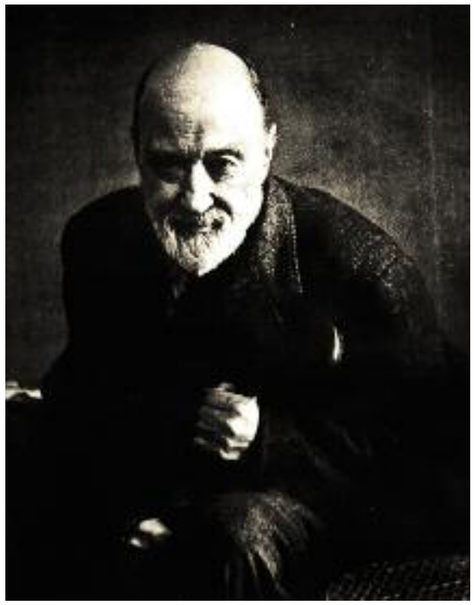
Игорь Стравинский

– Сейчас, когда Вы говорили, я подумал, что от тех, которых мы условно называем элитами, зависит очень многое – непропорционально их количеству. Как говорится, был бы я царем, я бы их насильно собирал и заставлял слушать музыку, слушать лекции по музыке, чтобы воспитывать их души, воспитывать у них понимание. Они-то предоставлены случайному звуковому фону, который транслируется по телевизору.

– Да, фон, кстати, – это очень важно. Даже есть такое понятие – «музыкальные обои». Скажем, музыка, которая звучит в ресторане, парализует общение. Если в ресторане ты кричишь в ухо человеку, с которым пришел пообщаться, и чувствуешь себя при этом полным идиотом, то вот вам воздействие на общество – так формируется режим общения там, где общение исчезает. И соответственно наоборот: где-нибудь в универмаге звучание мурлыкающей музыки настраивает тебя на покупку. «Музыкальные обои» – воздействие музыки на общество на уровне бессознательного.

– Зайдем теперь с обратной стороны: каково влияние общества на развитие музыки? Казалось бы, в этом влиянии немало очевидного. Лишь на определенном этапе цивилизационного развития возникли усложненные и высшие музыкальные формы. В то же время можно приводить нескончаемое количество примеров появления высочайших образцов музыки в самых неприглядных, порой отвратительных государственных системах и политических режимах. В чем тут дело? Неужели влияние общества, его политико-экономического устройства на создание музыкальных произведений столь мало?

– С одной стороны, есть фазы стабильности в обществе, и там одна картина, в фазе нестабильности она другая.



Чарльз Айвз

Возьмем восточные цивилизации, в которых династии длились веками, и соответственно само общество своим социальным расслоением диктовало определенную структуру и в музыке. Была придворная музыка, была музыка обиходных жанров, сопровождавшая эту жизнь. Та же самая военная музыка, где свои проблемы. То есть все было очень четко заведено. Это прямое воздействие общества на музыку, фактически диктующее определенную структуру жанрового плана. С другой стороны, во время нестабильности возникает протестная интонация, то есть то, что у нас называют андеграундом, и тогда культивируется нечто иное. Либо, скажем, эзопов язык, который совершенно необязательно связан с вербальным языком. В музыке эзопов язык еще более интересен. Те же симфонии Шостаковича – это высказывания очень критического плана, но, что называется, за руку не поймаешь. Как Седьмая симфония: однозначно считалось, что симфония против фашистской Германии, но писалась-то она когда? И соответственно здесь возникает некоторое обобщенное представление – против чего в данном случае Шостакович высказался. Все эти моменты очень интересны, и это обратное влияние музыки на общество, которым воспитывается мировоззрение поколений. Те же шестидесятники были очень связаны с «московской троицей» – Шнитке, Денисовым, Губайдулиной. Это одно поколение. С одной стороны, Театр на Таганке, с другой стороны – поэты того времени, с третьей стороны – музыканты, которых они также считали за своих. Этот протест иногда очень интересно проявлялся. Допустим, американский джаз – это уходящее корнями в этнический генотип создание плененных афроамериканцев, которые общались на этом языке. Их же даже селили так – разными племенами, – чтобы они не могли договориться о бунте. И они на языке музыки общались. А потом – после гражданской войны – негров выбросили на улицу, и оказалось, что они никому не нужны. И возникла другая культура – блюза. Блюз – это одинокий страдалец. Тоже протест, но совсем другой. Это потом он становится таким эстетизированным – для слушания с бокалом шампанского, но изначально-то это же был действительно протест. Тут очень много переходов из одного качества в другое. Но если вскрывать генезис явления, то очень четко видно, откуда ветер.

– Мне сейчас пришла в голову аналогия с нашим русским тюремным и воровским фольклором, который, безусловно, является фольклором страдающего человека. А теперь за бокалом шампанского в ресторанах богатые и сытые наслаждаются так называемым шансоном – совершенно по другому поводу и с другой эмоциональной основой… Хорошо, а возможно ли целенаправленное воздействие на общество высоких образцов музыки с целью, упрощенно говоря, улучшения человека и человеческой среды? Если да, то как следует это организовывать и осуществлять?

– Воздействие может осуществляться на разных уровнях психики. Мы уже достаточно поговорили о том, что есть некоторые этические, духовные, нравственные посылы, которые таким образом закрепляются в сознании. Это с одной стороны. А с другой стороны, сейчас особенно в Германии очень развито в университетах то, что они называют музыкотерапией. То есть это уже фактически лечебная функция специально подобранной музыки. Это не просто релакс. Релакс – это аранжировка музыки Вивальди или то, что напоминает шуршащую беседу. А музыкотерапия – это определенные циклы воздействия, когда действительно с пониманием того, где у человека проблема, выводят из кризисного состояния целенаправленным воздействием музыки. Можно привести и смешной пример: на животноводческих фермах в зависимости от того, что там звучит, надои растут или наоборот падают. То есть это физиологическое воздействие музыки. Особого внимания заслуживает музыка тишины. Если ты идешь в лес и тащишь с собой магнитофон или надел наушники, то зачем вообще ты пошел в лес? Там же другая музыка – музыка природы, прослушав которую, ты вернешься обогащенным. К сожалению, у нас очень распространены пагубные привычки, когда музыка становится просто экраном, заслоняющим то, что рядом.

– Близкое мне наблюдение: я живу возле Измайловского парка и часто в нем бываю и наблюдаю эту картину… Я в своем вопросе имел в виду еще и другое. Например, из воспоминаний моего детства – да и любого другого человека моего поколения – радиоточка в квартире, которая звучит.

– Ну да, это фоновая музыка.

– На радио были музыкальные редакторы, которые формировали репертуар на целый день. И все это создавало определенный результат, который я сейчас оцениваю скорее позитивно, потому что была попытка поднять человека до какого-то уровня. Следующий вопрос связан со средствами распространения и восприятия музыки. Достаточно ли, на Ваш взгляд, в Москве и по России концертных площадок современного уровня? Эффективна ли сегодня работа филармонической сети, призванная обеспечивать доступ к живому исполнительскому искусству по всей стране? Здесь уместно вспомнить слова Гергиева о том, как он впервые услышал Мравинского у себя на родине, в Осетии, и как это повлияло на его жизненный выбор. Могу присовокупить и собственный опыт посещения концертов того же Мравинского или Ойстраха в далекие 60-е в одной из провинциальных филармоний. Сейчас такое бывает редко. Быть может, современные средства коммуникации снимают эту проблему, и вовсе необязательно возить живой оркестр в города и аулы…

– Если помните, мы нашу беседу с этого и начали, что совершенно новые ресурсы коммуникации открывают новые возможности, которые иногда используются далеко не во благо. Мы уже привыкли к тому, что живем в эру звукозаписи. А эра звукозаписи началась всего-навсего сто лет назад. То есть тех «музыкальных консервов», которые сейчас у нас под рукой, раньше никогда не было. Прежде любое соприкосновение с музыкой, исключая какие-нибудь музыкальные шкатулки, механические органчики, что было баловством, всегда представляло собой живой контакт, и это было крайне важно. Эра звукозаписи сделала невозможное – позволила точно повторить любое звучание. Любой музыкант, исполнитель, как бы он ни старался, точно никогда не повторит. В результате возникает уже совершенно иной посыл и другие возможности восприятия музыки. Это расширяет наши возможности, поскольку в Интернете сейчас можно все что угодно найти и тут же мгновенно прослушать. Правда, пока еще возможности звукового воспроизведения из Интернета далеки от возможностей качественной аудиоаппаратуры, радиоэфира. Но это временно, пройдет время – и все будет. Если говорить о СМИ, то в мире достаточно распространены программы на основе, так сказать, клубных интересов, рассчитанные на целевую аудиторию. У нас есть нечто подобное – две «резервации»: канал «Культура» и мало где прослушиваемый «Орфей». Все! Конечно, о чем разговор, это стыд и позор. Но вот тут-то как раз рыночные механизмы и включаются. У нас до сих пор есть такая «священная корова», как закон о СМИ, где прописано, что государство фактически не имеет права воздействовать на контент. Я как министр с этим столкнулся. Попытался было какие-то рекомендации давать, так мне тут же пальцем стали показывать: почитай повнимательнее закон о СМИ, ты не имеешь права этого делать, это не твое дело. Поэтому у нас такое засилье рекламы. Когда фильм каждые пять минут прерывается рекламой – это издевательство над фильмом, и поэтому смотреть можно только на канале «Культура», где этого нет.

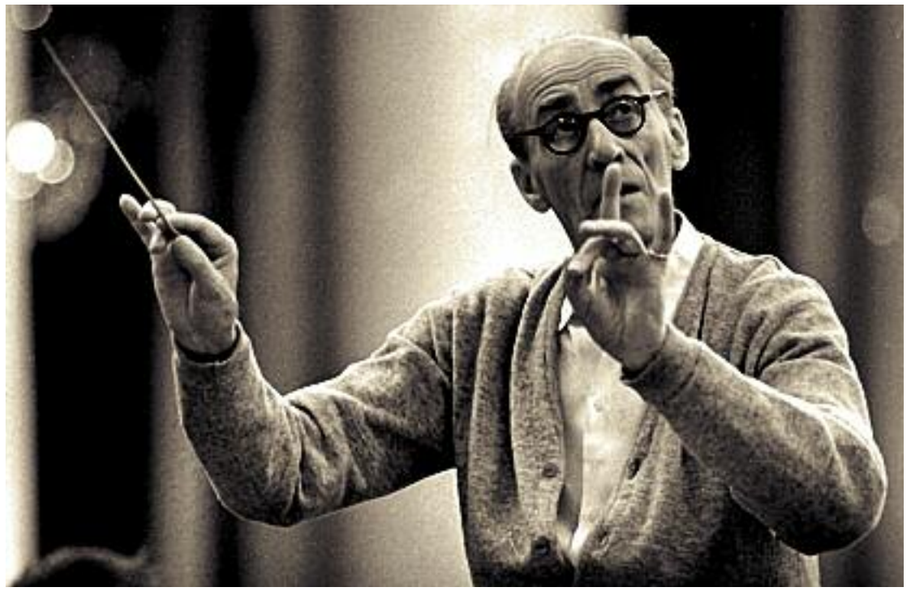
Карлхайнц Штокхаузен

– Осталось начать прерывать симфонию или балладу Шопена «вставочкой»…

– К этому все идет, это совершенно очевидно. Поэтому все эти рыночные механизмы – варварские, они как раз свидетельство того кризиса, который в умах и сердцах. Но, что называется, деньги не пахнут.

– Да, это ужасно. Я не знал, что государство само себя лишило права давать рекомендации эстетического и этического характера. Продолжим тему, так сказать, финансово-экономическую. Музыку во все времена писали и ради денег, и для души. Сейчас появились ранее не существовавшие музыкальные формы – например, звуки, издаваемые программой Windows при каждом включении компьютера. И я подозреваю, что это самое исполняемое музыкальное произведение в мире. Подобные заказы приносят хорошие деньги. Не возникает ли в результате рациональный отказ от сочинения сложной 40-минутной симфонии, на которую уйдут, быть может, годы жизни и которую, возможно, к тому же и не суждено будет услышать, если проще и доходнее написать что-то вроде:

культура и развитие



Евгений Мравинский

«М-м-м, “Данон”»? Что делать в подобной ситуации? Надо ли как-то стимулировать композиторов?

– Вопрос разумный. В советское время было такое понятие – госзаказ. Причем это был заказ через призму профессиональных оценок некоторого качественного уровня той или иной композиторской продукции. Госзаказ предполагал как раз оплату труда по созданию явно некоммерческого и крупного сочинения. Симфония, концерт – то есть не поделки одного дня – стимулировались на бюджетные деньги. Потом это все пропало. И кризис жанра очень часто бывает связан именно с такими обстоятельствами. Вот Вы сказали об отсутствии шансов у молодого композитора услышать исполнение собственного произведения. Есть такой очень известный композитор Виктор Екимовский. Он моего возраста, но когда он был молодым, он просто прекратил писать симфонии, поняв, что никогда их не услышит. И он ушел в сферу эксперимента, где и создал себе композиторскую репутацию. Очень талантливый человек, но он не раскрылся в этом направлении, хотя вполне мог бы. Вот конкретная судьба. Конечно, всегда есть искушение легкого заработка. Это и в кинематографе заметно. Если послушать музыку, которую Шостакович писал для кино, и сравнить ее с тем, что сегодня в сериалах звучит, то разница будет ощутимая. Хотя Шостакович заработал на этом несопоставимо меньше, а времени потратил значительно больше.

– То есть общество должно через государство манифестировать это как ценность, ради которой композиторов следует субсидировать и поддерживать?

– Да, это вопрос установления критериев качества. Особенно в синтетических жанрах – таких, как театр и кино, – это непременно должно быть.

■

– Около 10 лет тому назад Вы довольно критично и, на мой взгляд, убедительно говорили о несоответствии полноценной музыкальной подготовке вводимой тогда многоступенчатой системы образования, известной под кличкой «болонский процесс». Каково положение дел сейчас? Какие проблемы испытывает система музыкального образования в стране сегодня?

– Ну, те, которые сразу и оголтело бросились выполнять все указания по болонскому процессу, сильно проиграли. Это сейчас происходит в республиках СНГ, они это видят. Это особенно осознается в европейских странах с развитой музыкальной культурой. Что такое болонский процесс? Это, можно сказать, усредненность, стремление найти некоторое универсальное общение, что вполне понятно, но только выплескивая вместе с водой ребенка. Вот что, к сожалению, произошло. В этом смысле наша сознательная оппозиция позволила найти приемлемый компромисс. То есть мы не разрушили академическое образование, но мы ввели двухступенчатую систему там, где мы экспериментируем. Вот на примере Московской консерватории это можно увидеть. Мы сохранили специалитет – пятилетнюю систему образования, и она закреплена в недавно вышедшем новом Федеральном законе об образовании. Ценой огромного напряжения и даже, можно сказать, баталий мы это сохранили. А вот бакалавриат мы ввели там, где действительно пробуем, экспериментируем – музыкальный менеджмент, музыкальная журналистика. То есть в тех областях, которые идут как сопутствующие направления и вполне могут быть выстроены в режиме того обучения, которое предлагается. Не надо забывать, что бакалавриат – это высшее образование. То есть с дипломом Московской консерватории будут выходить как те, которых раньше называли получившими незаконченное высшее образование, так и специалисты, которые уже ориентированы на профессиональную деятельность. И те и другие будут получать профильную и разумную подготовку. Ну, а достижением можно считать то, что в новом законе об образовании впервые появились разделы, связанные с художественным образованием. В старом законе ни разу не упоминалось ни слово «культура», ни слово «искусство». Но и больные вопросы, безусловно, тоже сохраняются. В основном уже на уровне подзаконных актов, нормативов, инструкций. Здесь дискуссия продолжается.

– Но, надеюсь, сегодня консерватория не обязана принять любого по результатам ЕГЭ?

– Это тоже один из вопросов. Есть баланс между профильными испытаниями, которые должны быть приоритетными, и теми, которые соответствуют общему положению. Пока на данном этапе мы выруливаем в этой ситуации, хотя вопрос не закрыт.

– Ну, и последний вопрос. Мы не простили бы себе сами, не говоря уже о наших читателях, если бы в беседе с ректором Московской консерватории не задали вопрос о планах развития этого уникального учебного заведения, о работе ее великого зала и о предстоящих музыкальных событиях наступающего сезона.

– Мы стараемся использовать шанс, который нам представился, по максимуму. Я имею в виду 150-летие Московской консерватории в 2016 году. Еще со времен Анатолия Васильевича Луначарского деньги у советского государства можно было получить только под круглую дату. Это и по сей день актуально. Поэтому под эту сверхкруглую дату мы действительно получили от государства необходимое финансирование, чтобы привести в порядок весь комплекс консерватории. Вы уже видите, Большой зал приведен в порядок, уже закончен корпус за задним фасадом, тоже учебный. Сейчас сдаем еще корпус, который справа от памятника Чайковскому. И так шаг за шагом идем. Также будем строить новый современный студенческий комплекс на Малой Грузинской, который расширяет возможности принимать немосквичей, потому что с каждым годом их становится больше. Это, кстати, очень отрадно, это значит, что хорошо готовят и за пределами МКАД. Но их надо, естественно, размещать, селить, потому что жилплощадь в Москве неподъемна в финансовом отношении для студентов. И там будут репетиционные залы, жилые помещения, бассейн – все, что необходимо для студенчества. И все это прекрасно оснащается. У нас сейчас великолепная студия звукозаписи. Мы делаем свое интернет-телевидение. Ну и, естественно, целый ряд фестивальных, конкурсных, научных программ – это тоже сейчас увязано с подготовкой к этому событию. Все это на нашем сайте можно увидеть.

– А как организовано взаимодействие с концертной деятельностью? Скажем, филармония занимается этим, а у консерватории своя жизнь – учебная, в том числе и концертно-учебная. Как это согласовывается?

– Они у нас арендаторы. Причем это уже традиция, которую мы не прерываем. У них свой профиль концертной деятельности, у нас – свой. Потому что концертный зал консерватории – это еще плюс ко всему профессора консерватории, там шлифуется мастерство. Поэтому мы в обязательном порядке и в Большом, и во всех камерных залах планируем выступления наших студентов, аспирантов. И сольные, и оркестровые, и хоровые выступления. Вот в этом специфика. То есть мы как раз не на коммерческой основе это делаем, а коммерческую составляющую вплетаем в эту основную, базовую, фундаментальную деятельность консерватории.

– Большое спасибо, Александр Сергеевич, за этот разговор. Уверен, что читатели альманаха теперь яснее почувствуют связь между развитием, экономикой и музыкой. Повторю, что, к сожалению, не только в массовом сознании, но и на уровне выработки стратегических решений о судьбах стран и народов слишком часто в качестве главных, а то и единственных критериев развития общества, государства используются лишь отдельные его аспекты, такие как, например, экономика или политические свободы. В связи с этим обращение к Вам – музыканту, музыковеду, педагогу, государственному и общественному деятелю, являющемуся к тому же наследником традиций и миссии русской интеллигенции, уходящих своими семейными корнями в позапрошлый век, – является для читателей нашего альманаха желанным и необходимым. Позвольте выразить надежду на продление нашего сотрудничества, на продолжение всестороннего рассмотрения самого сложного из всех явлений мира – социального развития.

EDITORIAL COLUMN

Dmitry Andreev

Russia and the World: common ground and potential for development – 4

Deputy Editor-in-Chief Dmitry Andreev presents the issue and its main topic related to the G20 Summit in September 2013.

G20 SUMMIT

Alexander Rahr

Russia counts in the G20 – 8

Alexander Rahr states that, within the G20, Russia is an important element in the formation of a new, multi-polar world order and, along with the EU, China and India it is on an equal political footing with the US. Indeed, it is Russia that is promoting the idea of a multi-polar world order in the complex conditions of the triumph of globalization, and here it needs the support of China (and vice versa) to ensure the complete transformation of the G8 into the G20.

Vadim Trukhachev

G20: are the right ones members? – 12

Vadim Trukhachev asks what exactly the G20 is, why do we need it, and whether it really represents all the key players in world politics and expresses the vital interests of the majority of the world's countries. He expressed the wish that Russia, as the G20 president in 2013, would find a format for this club so that the G20 is seen as a new, key power for the modern world.

Viktoria Panova

Russia's presidency of the G20: expectations and perspectives – 18

Viktoria Panova looks at the sources and evolutionary parameters of the G20, and the importance of this club for the global geo-economic universe stabilization and to promote Russia's national interests. She defines the specific parameters and Russia's level of influence in the G20, and also expectations from Moscow's presidency of this club and perspectives for the future development of the group itself.

DEVELOPMENT POLICY

Alexey Gromyko

Little Europe – Russia – USA: strategies of geopolitical survival – 28

Alexey Gromyko reflects on options for the strategic development of Little Europe (European Union member states) in the coming decades. He considers it logical that it will continue to become established as an independent centre of power in the 21st century. The author outlines three options for geopolitical partnership with the European Union and looks at their plusses and minuses. All of these options involve Russia's participation in one form or another.

Mikhail Demurin

Onward to Danilevsky and Strakhov!
The fundamental flaw in contemporary Russian foreign policy – 32

Mikhail Demurin raises the problem of how to implement Russian foreign policy in reality, i.e. on what principles do diplomats act when reaching decisions in specific cases, what is their scale of values and world view. The author analyses individual elements of Russia's Foreign Policy Concept and highlights serious conceptual and methodological flaws in the edition of this document from 1997.

Aleksandr Fomenko

Russian view of the Celestial Empire – 42

Aleksandr Fomenko reflects on Russian-Chinese relations and on the influence of world events and major powers on them. He recommends that an attempt be made to reach some sort of strategic understanding with China, especially when faced with the current political misbalance in NATO, but at the same time he stresses that there can be no question of friendship between Russia and China in international relations.

Vladimir Nemychenkov

Far in the East
Russian-Japanese relations in the past and the present – 54

Vladimir Nemychenkov writes about Russian-Japanese relations within the context of the problem of the Kuril Islands. The author stresses that, for Russia, handing over the Southern Kuril Islands would mean loss of political face and give grounds for future territorial claims from its neighbours, the loss of control over rich natural resources and the loss of important geopolitical and military-strategic advantages in the Far East.

Interview with Aleksandr Nagorny

"Russia has to maneuver between the US and China, but to be closer to the latter" – 74

Aleksandr Nagorny talks about the current international situation and discusses the relations of Russia, China and the USA.

DEVELOPMENT THEORY

Mikhail Baydakov, Sergey Belkin

Russia in the universe and peace in Russia – 82

Mikhail Baydakov and Sergey Belkin propose to consider on what grounds, and based on what values it will be possible to achieve peace and prosperity for Russia. They stress that Russia's life and fate has always been, is, and always will depend not only on what happens in the country, but also on what is happening in the surrounding world, and very often foreign policy becomes more influential than domestic. In this context the authors point to the need to ensure security of values, i.e. a set of measures aimed at retaining the consistent value system that exists among the peoples of Russia.

Askar Akaev

The twenty-first century economy is nooeconomy, or economy of justice and reason – 92

Askar Akaev reflects on the achieving of two inter-related tasks facing the international community – successfully overcoming the consequences of the global financial-economic crisis of 2008-2009 and ensuring stable post-crisis growth for the world economy. As a solution, the author proposes to create nooeconomy growth points and the further development of the global management system, which in the future may be transformed into a world government.

Sergey Kara-Murza

Science as a pillar of Russia – 102

Sergey Kara-Murza believes that Russian science feeds on the sap of native culture, while at the same time nurturing culture itself. It is currently a force that forms the people and paves the way to the future for this people. For this reason, the anti-scientific trends in modern Russia, which the author sees in the inept reformation of the Russian Academy of Sciences, will undermine the foundations of the state.

Aleksandr Neklessa

Geo-economic formula of the universe – 112

Aleksandr Neklessa defines the new world order – the emerging geo-economic order – as the subordination of six areas: the transnational space of administrative economics, the trans-geographical shadow zone of the world underground and trophy economy, the high-tech North Atlantic region, connected with the mass industrial production of the Pacific Rim, the traditional raw-material South and the land ocean of Northern Eurasia, the development potential of which is linked to the fate of Russian statehood.

Sergey Belkin

How the goals and values are developed – 124

Sergey Belkin offers his vision of a mechanism to form values and goals in the process of human activity. Primary in this is the simultaneous occurrence of an ideal and a desire to achieve it. The ideal at the first, often instinctive, stage is ethically neutral. The notional concept of the ideal – intellectual, verbal, semantic and so on – arises at the stage of identifying and understanding goals. Only at the third stage are values formed – as a resource, and conditions and rules for achieving the goals leading to the ideal. The algorithm is completed by the "inventorying" of existing and desirable means of achieving goals.

Interview with Nikolay Shmelev

"I believe neither in any collapse of the European Union, nor in a breakdown of the Eurozone" – 128
Nikolay Shmelev discusses the political conditions and context of the G20 Summit in September 2013.

THE PLANET OF DEVELOPMENT

Chen Chia-Wei

Taiwan identity – local, national, global? – 134

Chen Chia-Wei discusses the uniqueness of Taiwan, the only province of China not controlled by the government of the People's Republic of China, and about its unique political-cultural formation. This is the only country in the area of Chinese civilization and even in the entire Far East, with a fully-fledged, multi-party democracy with experience of the peaceful transfer of power. The author confirms that in the debate about how the unity and diversity of Chinese civilization relate to each other, the vision is fine-tuned of the future of a global China and its role in international relations.

Aleksandr Khramchikhin

The war in Syria: acting and prospective participants, scenarios and forecasts – 142

Aleksandr Khramchikhin analyses in detail the make-up of the armies of countries that may be dragged into the war in Syria. He does not rule out the possibility of a large-scale war with an unpredictable outcome involving, on one side, 7 monarchies from the Cooperation Council from the Arab States of the Persian Gulf, Turkey, Syrian insurgents and Iraqi Sunnis, and on the other – Syrian government forces, Iran, Hezbollah, Kurds and Iraqi Shiites. In connection with the war in Syria, the author proposes to the Russian military command to change its concept of military organization.

Majed Al-Turki

The Arabian Peninsula and the Persian Gulf area: centers of power and hotbeds of tension. The actual agenda – 156

Majed Al-Turki confirms that regional changes taking place in the north of the Arabian Peninsula are the decisive stage in a transformation process involving the entire Arab region and directly influencing the security of countries in the Cooperation Council from the Arab States of the Persian Gulf. He outlines the role of Saudi Arabia in events in the Persian Gulf area and calls upon Russia, the West in general and the US to put together a joint plan of action in response to these regional changes.

Aleksandr Lyusy

Defense, Virginity, Revolution
"The Turkish Spring" for the global middle class – 162
Aleksandr Lyusy explores the reasons behind and identifying features of the protests in Turkey. He writes about the unique situation in Turkey created by current Prime Minister Erdogan, by weakening the influence of the military elite on political decision-making. Lyusy stresses that a significant part of the country's population is not ready to identify itself with Erdogan's policies, and plans to make its option heard through protest. The author discusses some parallels between protest movements in Turkey and Russia.

Svetlana Lourie

Syria, China, Korea... then – everywhere
Russian and US interests do not conflict with each other, but the world needs Russia only as an independent pole of power – 170
Svetlana Lourie examines US foreign policy and argues that there has been a change in its goals: the main theatre for the US at the moment is the Asia-Pacific region. The world powers, perhaps except for Russia and China, react to foreign policy events almost randomly. The author recommends to Russia, in unstable conditions, not to unequivocally take the US side, even if Russian and US goals do not conflict.

Giovanni Savino

Italian politics between economic crisis and social instability – 184
Giovanni Savino writes about the political situation on the Apennine Peninsula, which is a complete reflection of the economic crisis. He argues that the parliamentary election on February 24-25, 2013 showed the bankruptcy of the political parties that have governed Italy for the last 20 years – in the period of the so-called Second Republic. These have been marked by the emergence of some new developments in the Italian political landscape.

CULTURE AND DEVELOPMENT

Interview with Aleksandr Sokolov

"Development of the society always corresponds with the progress of the musical world and language" – 188

Aleksandr Sokolov talks about the importance of cultural values, musical tradition and education for Russia's development.

ANNOTATED TABLE OF CONTENTS

Annotated Table of Contents in English – 204

ANNOUNCEMENT

Results and Perspectives – 208

Founders of the literary miscellany sum up the issue's materials and announce the main themes of the following issue.

Итоги и перспективы

В седьмом номере мы коснулись столь же безбрежной, сколь и важной международной темы. Наряду с традиционным анализом положения дел в разных странах и регионах, взаимодействия России с ними, перспективами развития отношений мы попытались взглянуть на мир как целостную живую систему, каждый орган которой живет одновременно и своей собственной, и общечеловеческой жизнью. Мы задали вопросы о целесообразности, о смысле наблюдаемой международной жизни и надеемся, что в последующих выпусках альманаха эта тема будет иметь продолжение.

Следующий номер продолжит рассмотрение проблемы развития, предложив для дискуссии несколько связанных друг с другом направлений, в центре которых лежат такие понятия, как «семья», «здоровье», «демография».

Та часть жизни и то направление политики, которые традиционно обозначались словами «роль семьи», сейчас приобретают не просто исключительное значение – они были такими во все времена. Сегодня семья впервые в истории подвергается прямому разрушению – как формы, так и ее смыслов, биологических и социальных. Поэтому на повестку дня встал вопрос о защите семьи, о выработке комплекса соответствующих политических и общественных мер. Семья стоит сегодня перед тревожными вызовами – культурными, нравственными, образовательными. Среди них – стереотипы образов современной семьи, внедряемые посредством масскульта, агрессивное разрушение традиционных устоев и формы семьи, изменение роли семьи в обществе. Следует выявить и перечислить «поименно» те направления политики, культуры, те ложные идеалы – свои и зарубежные, – которые разрушают семейные устои и усугубляют проблему. Важно настойчиво продолжать как исследования семьи – пресловутой «ячейки общества», – выявляя ее новые функции в современном обществе, так и пропагандировать эти знания. Новым и тревожным смыслом наполняется вечная и высокая тема – материнство. Не может не вызывать тревоги стремительно нарастающая буквально на глазах агрессивная пропаганда в нашей стране – по примеру «преуспевшего» в этом направлении Запада – девиантных форм поведения. В последнее время в целом ряде СМИ идет оголтелый пиар противоестественных физиологических отношений, обосновывается претензия на их признание нормальными и даже равноправными с теми отношениями, на которых на протяжении всей истории человечества основывалась семейная жизнь и продолжение рода. Мы планируем уделить место и этой проблеме в очередном номере.

Одним из центральных направлений развития является тот комплекс проблем, которые обычно рассматриваются как демографические. Здесь и общемировые проблемы роста населения, и локальные проблемы его уменьшения. Сущностно важными аспектами являются вопросы качества населения – уровня его культуры, знаний, навыков, вовлеченности в процессы развития – или в процессы деградации. Актуальное явление для России и для многих других стран – миграция населения. Вопрос стоит чрезвычайно остро и требует внимательного анализа. Не менее острой и резонансной является тема образования – его содержания, формы, его текущего и желательного состояния. Нельзя также обойти вниманием вопросы состояния науки и научных учреждений, направлений научных исследований.

Говоря о качестве населения, важно обсудить одно из главных таких качеств – здоровье. Здоровье – это и цель, и ресурс развития. В связи с этим важнейшими факторами являются здоровый образ жизни и организация здравоохранения. Оба вопроса относятся к тревожным и неудовлетворительно решаемым как у нас в стране, так и за рубежом. Проблема убыли населения вследствие таких факторов, как пьянство, курение, сердечно-сосудистые заболевания, наркомания, автомобилизация, угрозы экологические – различные виды загрязнения окружающей среды, угрозы психогенные и т.д., строго говоря, не относятся к проблемам собственно демографии. Но они, несомненно, затрагивают проблему развития, и, следовательно, все эти вопросы могут рассматриваться в очередном номере альманаха.

Непосредственно к теме здорового образа жизни примыкает тема физической культуры, а с нею рядом – тема спорта. Спорт, однако, имеет еще и иную социально значимую составляющую: он является одной из форм политической «мягкой силы». В этом контексте в следующем номере альманаха могут быть затронуты и вопросы спортивных состязаний, в частности, предстоящих Олимпийских игр в Сочи.

Учредители

Проект «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия» – это:

- выставленные в свободном доступе 88 российских и зарубежных журналов общественно-культурного профиля;
- рейтинг ведущих отечественных социальных и гуманитарных мыслителей «София» (около 600 персон);
- около 20 тысяч текстов примерно 8 тысяч авторов;
- творческие портреты, лекции, доклады;
- издания Группы «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия»;
- материалы Московского интеллектуального клуба «Красная площадь»;
- проекты 2009–2012 гг.: «ВВЦ-2/Парк Россия», «Большая Волхонка», «Идентичность»

и другое.

www.intelros.ru читают в 109 странах

www.intelros.ru

www.devec.ru

интернет-портал

«Развитие и экономика»

Сайт является электронным СМИ (Рег. № ФС77-45891 от 15 июля 2011 г.).